

Ст. Ц. Даскалов

ДРУЖБА

80 коп.

СТ. Ц. ДАСКАЛОВ

ДРУЖБА

Перевод с болгарского
А. ОПУЛЬСКОГО

Под редакцией
Р. ГРЕЦКОЙ И Л. КРЕКШИНОЙ

Б—3

Художник
С. Венюв

Стоян Ц. Даскалов

ДРУЖБА

СОФИЯ 1972
СОФИЯ-ПРЕСС

СТОЯН ДАСКАЛОВ

Среди представителей современной болгарской художественной литературы Стоян Даскалов занимает видное место благодаря необыкновенной творческой плодovitости и глубокому знанию народной жизни, которую он отражает в своих произведениях. У этого талантливого беллетриста нет большой исторической амплитуды — его творчество охватывает последние десятилетия до второй мировой войны и послевоенный период, когда болгарский народ вступил на новый путь развития. Объектом изображения Даскалова является преимущественно село, его социальные противоречия в прошлом и революционные преобразования после народной победы. Беллетристика писателя отличается жанровым разнообразием — он пишет рассказы, повести, романы. Его имя одинаково известно читателям всех возрастов.

Стоян Даскалов — типичный представитель болгарской народной интеллигенции. Не отметив некоторые стороны его жизни, нельзя уяснить себе самые характерные черты творчества писателя. Даскалов никогда не описывает чужой и незнакомый ему мир, он основывается на личных наблюдениях, творчески воспроизводя атмосферу, в которой жил как писатель, гражданин и человек. Родился он 22 августа 1909 года в селе Лиляче, Врачанского округа, в семье учителя. С детских лет познал труд и тяжелую жизнь крестьян, которые вместе со своими детьми от зари до зари гнули спину на клочке земли и никак не могли избавиться от нужды. Еще ребенком Даскалов встречается со своими будущими героями — детьми и их обремененными заботой родителями. Школа помогает ему понять многое. Сначала он учился в родном селе, а затем несколько лет в городе Враца. По окончании среднего педагогического училища в городе Лом Даскалов известное время учительствует в родном селе. В начале 30-х годов он поступает в Шуменский педагогический институт. Во Враце, Ломе и в особенности в Шумене формируется мировоззрение будущего писателя. Он сближается с прогрессивной болгарской молодежью, которая участвует в антифашистской борьбе. В Шумене не только оформляются политические взгляды Даскалова, здесь он впервые пробует писать. Вернувшись в родное село, Даскалов занимается просветительной и политической деятельностью, за что его увольняют и навсегда лишают права преподавать. Это вынуждает его покинуть родной край. Переехав в Софию, он поступает в Софийский

университет имени Климента Охридского и в начале второй мировой войны оканчивает филологический факультет. С этого времени Даскалов посвящает себя литературной и редакторской деятельности. Будучи студентом, он редактировал журнал «Росица», одно из самых прогрессивных в то время изданий для детей. После освобождения Болгарии от фашизма Даскалов был редактором известных журналов для маленьких читателей — «Звонче» и «Дружинка».

В печати Стоян Даскалов выступил впервые в 1930 году. Пятью годами позже он издал свою первую книгу — сборник рассказов «Мука». Среди десятков книг, написанных Даскаловым, ведущее место занимает роман «Дорога» из трех частей. Первая часть романа была опубликована в 1943 году, последняя — в 1953 году. Это правдивые страницы из истории болгарского антифашистского движения. Писатель описывает в нем жизнь человека, посвятившего себя делу революции, и дает эпическое полотно народной борьбы.

К ценным художественным достижениям можно отнести еще целый ряд произведений Даскалова, отображающих трудности жизни и огромные завоевания народа после Девятого сентября. Дети и подростки играют важную роль почти во всех произведениях этого колоритного и оригинального болгарского писателя. Плечом к плечу со взрослыми они участвуют в борьбе за свободу и в строительстве новой жизни, требующем много сил и энтузиазма от всех, кого вдохновляют великие идеалы нашего времени. Для детей и юношества Даскалов написал много книг. Лучшие из них — «Маленький доброволец», «Пастушата», «Гьошко на фестивале», «Колокольчик Рогоуши», «Рассказы для пионеров», «Белый каравай», «Цветы для всех», «Первородный», «Тропинки в поле», «Мальчик, который не мог выговорить «р», «Мальчик с последней палаты», «Весенние учения». Эти произведения свидетельствуют о мастерстве писателя, его умении видеть явления жизни и художественно их воспроизводить. Маленькие герои с их разнообразным и значительным миром близки и знакомы писателю. В творчестве Даскалова красивое, героическое, волевое проявляется богато и разнообразно; его герои — взрослые и дети — воюют со злом и борются за осуществление высоких идеалов. Творчество Даскалова, правдиво отражающее развитие жизни, всегда способствовало воспитанию сильных характеров, укрепляло волю и мужество молодого поколения, которому predetermined великая миссия — участвовать в строительстве социализма и коммунизма, жить и творить в наступающем третьем тысячелетии под нашим великим чистым знаменем.

Творчество Даскалова периода до освобождения Болгарии от фашизма значительно по объему и содержанию. Оно является результатом детских и юношеских наблюдений автора, всего того, что он видел в родном краю, когда работал учителем. Нужда гнетет людей, но это не порождает отчаяния и бесперспективности. Каждый надеется, что жизнь изменится к лучшему. Болгарская коммунистическая партия уже воспитала несколько поколений борцов. Светлые идеи коммунизма завладели умами людей. Великий пример подают советские народы. В условиях фашистской цензуры

почти ничего нельзя сказать прямо, но правда читается между строк. Достаточно научить людей думать и рассуждать, заставить их понять, что без революционной борьбы ничего не добиться. В произведениях болгарских писателей того времени многое высказывалось иносказаниями. Именно так следует воспринимать и некоторые вещи в произведениях Даскалова, написанные в этот период. Позднее он возвращается к теме прошлого. Писатель дал болгарской литературе такие рассказы, как «Мирон», «Маленький доброволец», «Первородный», «Зимняя сказка», «Потерянная радость», «Али», «Мой учитель» и другие, написанные в разное время. Его героев, крестьянских детей и подростков, отличает богатый духовный мир и жажда знаний.

Возможности для духовного развития маленькие герои Стояна Даскалова находят в условиях новой жизни. Их внешний облик уже не тот. Теперь они не ходят в школу босиком и в рваной одежонке. На груди у них алеет красный галстук. Изменилась не только их внешность, но и все их поведение и сознание — они становятся строителями новой жизни. Мы знакомимся с юными свободными гражданами в рассказах «Освободители», «Звезда деда Рали», «Мотоциклист», «Отличница», «Гьошко на фестивале» и многих других.

Книга «Дружба» вышла из печати в 1957 году и сразу привлекла к себе внимание юных читателей. Она показывает нового человека, ставит много проблем, волнующих наше общество. Для нее характерна искренность и доступная повествовательная форма, основывающаяся на продолжительном творческом опыте.

Стоян Даскалов — один из самых известных современных болгарских писателей. Сила его творчества — в близости автора к жизни, в его умении рассказывать просто и убедительно.

ГЕОРГИЙ ВЕСЕЛИНОВ

Глава 1

ВЛАДИН НЕ ХОЧЕТ СИДЕТЬ С ДЕВОЧКОЙ

Второй звонок звенел настойчиво, предупреждающе. Школьный двор быстро очистился от детей и затих. Все разошлись по классам. Только один мальчик лет четырнадцати, взлохмаченный, с торчащим, красноватым, как метелка веничного сорго, вихром, стоял у ворот и глазел на приближающийся гусеничный трактор. Лишь когда трактор протарахтел мимо него и пропал в утреннем мареве в направлении поля, мальчик побежал, громко топоча, по коридору. Учительница Ганка Чернева уже была в классе, и ее голос гулко доносился из притихшей комнаты, строгий и порицающий.

— На что это похоже, ребята? Больше нельзя терпеть такие выходки. Педагогический совет решил. . . и я. . .

Владин прильнул к двери. Что же решил педагогический совет? Не о нем ли?

Он был крепким, озорным мальчиком, готовым всегда и с любым затеять ссору, чтобы вызвать борьбу и драку. Ему частенько доставалось от старшей сестры за то, что он возвращается в изодранной одежде. Лицо его всегда было покрыто царапинами от ногтей противника или от веток деревьев, по которым он постоянно лазил в поисках птичьих гнезд и чтобы установить силки. На шапке и спине у него часто желтели соломинки — явное доказательство, что он опять забирался на сеновал играть в прятки или же шарил по курятникам,

тайком собирая яйца, чтобы купить себе конфет. Он приобрел известность как вожак среди ребят этой улицы, хотя в пионерской дружине его и не выбрали никем. Ребята сами ему подчинялись. Худо приходилось тому, кто на него жаловался! Он подстерегал на улице, толкал, дразнил, высмеивал, пока не доводил до беспомощных слез. Его обсуждали в пионерской организации, но он с трудом отвыкал от этих привычек. Озорство его, случилось, переходило прямо-таки в безумие, которого он потом стыдился.

Владин немного постоял, подмигнул самому себе и приоткрыл дверь. Учительница взглянула на него и отвернулась, как будто ей обидно было с ним объясняться. Прошлась до окна и, постояв спиной, наверно, пока прошел гнев, повернулась, а потом начала медленно приближаться к Владину.

— Ты почему опять опоздал? Разве не давал обещания, что не будешь опаздывать? — спросила она спокойно.

— Из-за трактора. . . — пробормотал Владин.

Учительница побледнела, сжала губы и тихо сказала:

— У тебя всегда оправдание наготове! Позавчера из-за лошадей, которые блестели, как рыбы в реке, сейчас — из-за трактора. . . Ты ученик или в трактористы уже записался?

— В трактористы!

Ребята засмеялись.

— Тс-сс, хватит, — прикрикнула учительница, и они немного притихли.

Потом она снова обернулась к Владину:

— Сначала надо сделаться примерным учеником, а потом — кем хочешь. . . Останься тут у стены!

Молодая худенькая учительница, только что окончившая педагогический институт, ловко изогнулась впол оборота, как в танце, и подала знак ученикам:

— Все выходите из-за парт и становитесь в ряд у стены! Быстро! . . С книгами! Быстрее!

Девочки послушно вскочили и прислонились к стене, а мальчики едва задвигались, как будто тащили за собой парты.

— Вы станете отдельно от мальчиков! — кинула учительница толкающим друг друга девочкам. — По росту, быстрее!

Удивляясь, ребята построились. Такого учительница еще никогда не устраивала. Что ей пришло в голову? Толкаясь и переглядываясь, ученики в конце концов выровнялись и умолкли. Владин был вторым в линейке мальчиков после длинноногого Гьошко, возвышающегося над ним на целую голову.

«Все из-за тебя», — толкнул его Гьошко, но так ловко, что если даже учительница и глядела бы, она не могла этого заметить. Он прямо уставился на нее. Весь он был напряжен, и никто не мог догадаться, что в это время локоть его шевелится и губы шепчут: «Ты все испортил!».

Владин молчал, довольный уже тем, что из-за него происходит нечто особенное. Он любил перемены. Ему трудно было выдержать за партой целый час, жизнь в школе казалась ему однообразной, и поэтому любая новизна его возбуждала, действуя на него, как пружина.

— Владин! — указала на него учительница. — Сядь на первую парту!

Владин насупился.

— Мне хорошо и на задней.

— Ну-ка, садись! . .

— Но я высокий и впереди буду мешать тем, кто ниже.

— Садись и не разговаривай!

— Садись! . . Тебе же лучше! — закричали ему товарищи, и он, широко шагая и смешно размахивая руками, подошел к первой парте слева и плюхнулся на сиденье.

Учительница снова повернулась вполоборота и указала в сторону девочек:

— Ты, Катка, сядь на первую парту к . . . Владину.

Кудрявая смуглая девочка даже улыбнулась и быстро пошла с книгами к парте. Она села и обрадованно посмотрела на Владина, но он сразу же вышел из-за парты. Катка обиженно поглядела на учительницу и опустила голову.

— Ты что делаешь, Владин? . . Садись на свое место! — рассердилась учительница.

— Я с девчонкой сидеть не буду! — Владин быстрыми шагами подошел к своим товарищам.

— Все будет сделано так, чтобы в классе было спокойно. Садись, садись! — учительница взяла его за руку, собираясь отвести на место.

— Я с девчонкой не хочу сидеть! — вырывался он. — Я буду сидеть с Гьошко.

— Никакого Гьошко! Есть решение педагогического совета, и ты ему подчинишься! . . Иди. Катка хорошая, примерная девочка. Почему ты не хочешь с ней сидеть?

— Так. Не хочу! — бубнил, уставившись в пол, Владин.

Катка обиженно притихла, готовая заплакать. Учительница не знала, с чего начинать — утешать ее или убеждать Владина.

— Послушай меня, Владин! Я остановилась на Катке, потому что она примерная ученица, она тебе будет помогать. . .

Катка была первой в классе по успеваемости и поведению. Но Владин упорно отказывался.

— Я из школы уйду, но с Каткой сидеть не буду.

— Ну, хорошо, — смирилась учительница. — С Каткой сядет Дилко.

Дилко сразу шагнул и сел на первую парту. Девочка снова оживилась.

— Видишь, как поступил Дилко, вот это называется пионер. Сознает свои обязанности сам, его не нужно просить. . . А ты? Скажи, с какой девочкой ты хочешь сидеть? . .

Владин молчал. Девочки боялись, что учительница выберет какую-нибудь из них, а Владин оскорбит ее своим отказом.

— Давай тогда с Вылкой. . . С Вылкой вы соседи. . .

— Я с девчонкой не хочу сидеть! — отрезал Владин и отошел в сторону.

— Садитесь, ребята, — сказала учительница и быстро их рассадил.

Мальчики и девочки, которые в этом классе до вчерашнего дня ходили на головах, пели и смеялись, сей-

час сидели вместе, испытующе оглядывая друг друга. Что-то новое наступило в их жизни с этой минуты. Что-то новое наполнило комнату, какая-то особенная тишина.

У стены стоял только Владин, он исподлобья оглядывался и незаметно пододвигался к двери. Учительница ожидала, что когда все усядутся, он сдастся и сядет к Вилке, где его место было не занято. Но он улучил момент, когда учительница отошла к задней парте, примирить там новых соседей — Гьошко и Донку, рванул дверь и бросился вон.

— Владин убежал! — закричали ребята и повскакали с мест.

Учительница сделала несколько шагов и остановилась, бледная, словно почувствовала боль в сердце. До сих пор никто не смел ее так оскорбить. Ученикам стало ее жалко.

— Бежим поймаем его! — крикнул Дилко. — Он мает честь класса и красный галстук. . .

Дилко бросился к двери, за ним и другие ребята. Но учительница махнула рукой.

— Оставьте, не надо так, насильно! Но мы вызовем его на совет пионерской дружины, и там вы объясните ему, что так нельзя! . .

Она отвернулась, постояла с закрытыми глазами, проглотила обиду и начала урок.

Глава 2

У ТРАКТОРИСТА ПЕШО

Владин не посмел пойти прямо домой. Он знал, что его будут искать именно там, и то и дело оборачивался, не преследуют ли его. Он отправился к правлению и, спросив, где работает трактор, двинулся напрямик в Янино поле. Тракторист Пешо увидел его еще издали и помахал ему. Они были добрыми друзьями. После школы Владин иногда шел прямо к нему, не заходя домой.

Сначала Пешо его прогонял: «Что ты лезешь везде, как муха, вьешься у меня под руками! Убирайся, ты мне мешаешь!» Потом, увидев, что Владин все упорнее вертится около него, перестал его гнать. «Так и так торчишь здесь целыми днями, по крайней мере не сиди сложа руки. Поддай мне ключ!» Владин обрадованно бросался и приносил ему нужный инструмент. Он быстро усвоил, что такое рукоятка, смазка машинным маслом, смотрел все время на руки Пешо и не отрывал глаз от разных частей трактора. Он забывал и школу, и дом, когда предстоял ремонт мотора. А когда кончали ремонтировать, он с гордостью усаживался рядом с трактористом и до конца смены не слезал с трактора. Тарахтение мотора, тяжелые гусеницы, плуги, переворачивающие крупные пласты земли, перепаханное поле — все это увлекало его так, что ему не хотелось уходить.

— Ого, обедать давно пора, — спохватывался Пешо и выключал мотор. — Давай перекусим.

Владин отказывался: он не голоден.

— Давай, давай! Ведь ты мне помогал, надо и закусить. . . Что у нас тут есть? . .

— Да я ел. . .

— Я без тебя не притронуся к еде! Мы, рабочий класс, уважаем своих товарищей, как братьев, душу отдаем друг за друга!

Владин не спеша присел на разостланный под грушей мешочек и стеснительно ел. Несколько кусков хлеба, что он съедал, сидя рядом с трактористом, доставляли ему такое удовольствие, что он готов был съесть все, что оставалось. Но он сдерживал себя и быстро вскакивал.

— Давай теперь включать мотор! . .

Мало-помалу тракторист начал ему доверять, оставлял его одного в кабине. Владин крутил баранку, держал ручку и гадал, что для чего служит. Потом, когда приходил Пешо, он только и расспрашивал: «А это для чего, а это?». Пешо отвечал ему, и мальчик запоминал все так быстро, как ни один урок до сих пор.

— Кончай седьмой класс, и возьму тебя в помощники! — говорил ему Пешо.

— Эх, зачем тебе ждать, когда кончу! Я уже сейчас готов!

— Закон не позволяет работать детям, вот в чем дело! Надо эти классы кончить. А тогда тебе и не к чему будет больше в школу ходить. Я для тебя буду лучшей школой. Думаешь, я техническую школу кончал? Вся моя наука — с фронта, я там с танками дело имел. А сейчас дай мне поле, поля не хватит. . .

Мальчик мечтательно вздыхал, душа его наполнялась блаженством. Он уже видел себя трактористом: он ведет самостоятельно эту большую машину, а все смотрят на него и удивляются. . .

На этот раз Владин пришел к Пешо раньше, чем всегда. Уроки еще не кончились. Обычно он являлся после часа. Пешо заметил, что он мрачен, но не спросил, что с ним. Владин хотел взобраться на трактор, но тракторист уже кончал последнюю борозду на участке. Только когда он повернул к новому участку и Владин подошел к нему, Пешо спросил:

— Ты что повесил нос, как спаленный подсолнух?

— Поссорился с учительницей, — нехотя ответил Владин.

— Ну-у, как же это? — остановил трактор Пешо. Владин промолчал.

— Двойку, что ли, получил?

— Ну вот еще! — восторженно обиженно Владин и тихо пробормотал, пряча от стыда глаза. — Заставляла меня сесть с девчонкой, а я не захотел.

— Ну? Да ведь девочки-то не бодаются, а, Владин? Если б меня сейчас вернули в школу да посадили с девчонкой, я бы не только сел, но и вообще не отошел от нее! А одно время и я был глупый, как ты!

— Вот видишь! — приободрился Владин. — Учительница меня на заметку взяла, но я ее в покое не оставляю. Я ведь знаю, кто она такая. Ее отец был писарем до 9 Сентября, фашистом. . .

Пешо удивленно поднял брови и даже оттопырил нижнюю губу: «Ишь ты!».

— Тогда ты прав! Нужно сигнализировать о таком безобразии. А что она делает?

— Что хочет! И учитель Тодоров вроде бы комму-

нист, а тоже за нее. Но я пойду в парторганизацию и расскажу, чтоб она знала. . .

Пешо был не из Ломтева, но знал, что Владин сын партийца. Сколько раз его отец, бай¹ Петко, заставлял его здесь, у трактора, и ругал: «Ты что, ночевать здесь думаешь? Иди домой, надо уроки учить!» Его отец был бригадиром, поэтому он часто приходил на поле — оглядывать пахоту, чтобы потом доложить в правлении — соблюдает ли машинно-тракторная станция договор, вспахано ли поле на определенную глубину, не оставлен ли где-нибудь кусок стерни. Смело критиковать Владин, хотя и был еще ребенком, научился, по мнению Пешо, от отца. Но сейчас его критика показалась ему преувеличенной, и Пешо осторожно отклонил его угрозу — вызвать учительницу в партийную организацию.

— Ладно, ладно, но подумай сначала, не ошибаешься ли. Она же твоя учительница! Скажи сначала у себя, в пионерской организации.

— А! Они ничего там не сделают. Уж вернее. . . к партийному секретарю. Он дружил с моим старшим братом. Может, был бы жив брат. . . он был бы сейчас учителем, а не она. . .

Брат Владина, только-только окончив гимназию, ушел в горы к партизанам и не вернулся. . .

— Э-эх, — вздохнул Владин и, печально помолчав, открыл свою тайну. — Слушай, дядя Пешо. По-товарищески тебе скажу, но никому ни слова. . . Я решил сбежать из школы и из села. . . Не могу здесь жить больше. За каждым шагом следят — куда иду, что делаю, во всем отчет должен давать. Учительница меня ругает даже за то, что сюда хожу.

Тракторист удивленно взглянул на него. Впервые он слышал такие горькие слова от Владина.

— Ну да? Вот тут она неправа! А куда думаешь податься? — с любопытством продолжил он, сдерживая подступающий смех.

— К вам. . . В МТС. Замолви, пожалуйста, словечко

¹ Бай — уважительное слово, добавляемое к имени старшего по возрасту.

за меня вашему директору, чтоб не прогонял. . . Буду помогать, овладею профессией. . .

— Вообще-то можно. . . Но смотри, может, еще договоритесь с учительницей. Окончишь хотя бы седьмой класс, тогда с большим удовольствием. . .

— В том-то и дело, что не могу. Совсем она меня к стене приперла.

— Ладно. . . — небрежно ответил Пешо. — Придет время яйцо снести, гнездо будет.

Владин кинулся к трактору и только вечером пошел домой.

Глава 3

СРАЖЕНИЕ НА УЛИЦЕ

Уже стемнело. От чешмы¹ посреди села раздавались девичьи голоса и выкрики парней.

В этот вечер Владин быстро прошел мимо толпы. Иной раз он собирал мальчишек, они толкались среди молодежи, вырывали у девушек букеты, подаренные парнями, или же украдкой подсыпали пыль в кувшины с водой, когда девушки были слишком увлечены разговорами. Сейчас ему было не до шалостей. Его тревожило, как это он явится домой. Наверно, учительница была у них или разыскала отца в правлении и здорово на него наклепала. А может, и школьные товарищи приходили, позвали от ворот: «Тетя, дядя. . . выйдите!» Выходит испуганная мать: «Что случилось?» — «Ваш Владин. . .» — они запыхались, и мать еще больше пугается, зная, каков у нее сын. «Подрался?» — «Не-ет, сбежал!». . . И тогда мать начинает плакать, причитать. И почему все матери такие? Постоянно ожидают, что что-то плохое с их детьми случится. Не думают о деле, а только и спрашивают: «Где был, что делал?»

¹ Выход подземного источника на поверхность, обыкновенно обложенный камнем, а иногда даже снабженный краном.

Парни и девушки стали расходиться и исчезали в боковых улочках, когда Владин повернул к дому. Никогда еще не шагал он с таким беспокойством по знакомой, любимой улочке, на которой он копался в песке, бегал и дрался с ребятами, по которой гонял скотину на пастбище и обратно, где, можно сказать, он вырос; с рассветом он уходил по ней и возвращался назад затемно. А так как ночами словно бы перестаешь жить, потому что спишь, можно сказать, его четырнадцать лет прошли на этой улице. Она будила в нем всегда только радость, восхищение. Каким бы мрачным он ни был, ступив на нее, он веселел, тяжесть спадала с его души, и он словно бы начинал жить по-новому, легко. Сейчас эта улочка впервые его не воодушевила. Как будто он ступал по опасным незнакомым местам. Он огляделся, и его охватил страх. Отец не будет с ним церемониться. Он схватит его и затолкает спать в подвал, и только много позже, уже среди ночи, тайком от отца мать придет выпустить его. А может, он будет его бить, и тогда мать едва ли его спасет. Только побоев и боялся сейчас Владин, больше ничего. Заметив за амбаром две фигуры, он испугался еще больше. «Не засада ли?» — подумал он и готов был ринуться назад; но взглядевшись в полумрак, различил, что фигуры совсем не детские. Это были девушка и парень. У амбара часто стояли молодые пары и разговаривали допоздна. Владин любил застигнуть их врасплох и неожиданно крикнуть: «Эй, вы, что делаете?». Они пугались и смущенно убегали. А он, довольный, проходил дальше. Прошел бы мимо них он и сейчас, тем более что девушка и парень просто стояли и разговаривали о чем-то веселом, как это часто бывает у молодежи. Но Владин узнал в парне учителя Стойно Тодорова, секретаря комсомольской организации, а в девушке свою сестру Зорку. Она была уже на выданье, но Владин очень строго за ней следил и ненавидел всех молодых людей, которых заставлял за разговором с ней. Он и сам не знал, откуда бралась эта ненависть. Прорвалась она и сейчас, как темная струя, и помutilа его взгляд. Стойно Тодоров окончил гимназию вместе с его братом, и все его любили. Его уважали и родные Владина, когда в праз-

дник или вечером он заходил к ним. Только Владин с тех пор, как заметил, что он провожает иногда его сестру, терпеть его не мог. Остроумный и веселый с другими, Владин совсем как будто без причины проходил мимо него молча, насупившись, а то и вовсе избегал встреч с ним. Он поглядывал на него исподлобья, враждебно, и какие-то смутные угрозы рождались и созревали в его голове. Однажды Стойно зацепил его какой-то шуткой, но он резко ему ответил: «Иди своей дорогой». . . Тодоров, напротив, желал как будто сблизиться с Владином, искал способов ему помочь, а однажды хотел даже подарить ему книгу, которую купил в городе, но Владин ее оттолкнул: «Оставь ее при себе, мне ничего от тебя не надо». Сестра заметила грубость Владина и попыталась ему объяснить, что они с Тодоровым говорят о комсомольской работе, и он не должен чувствовать себя оскорбленным.

— Знаю, о каком комсомоле вы говорите! Но чтобы я его не видел с тобой у ворот, иначе. . . — не раз грозил Владин.

Зорка не обращала на него внимания. Стойно и в этот вечер просто по-товарищески проводил ее после собрания. Увидев их, Владин не сдержался:

— погоди же, поговорю я с тобой, — прошипел он, кинулся в заросли бузины и набрал камней.

Сложив целую кучу из камней и комьев земли, он занял позицию за каменной оградой и хорошенько прицелился. Он поднял руку и стремительно швырнул как раз в тот момент, когда Тодоров собирался уже прощаться с его сестрой. Комок земли просвистел и упал недалеко от них. Зорка отпрянула, а Тодоров обернулся и начал вглядываться в темноту.

— Эй, кто там балуется? — крикнул он. — Никого нет. Это дети кидаются в сад. — Но только он взял Зорку за руку, как новый ком земли упал совсем уже рядом.

Стойно шагнул в темноту.

— Перестаньте, эй, вы там, а то как всыплю! . . — сказал он в сторону сада и решил, что дети послушались и разбежались.

Неожиданно камень ударил его в спину, и он маши-

нально схватился за пояс, как будто хотел вытащить пистолет. Зорка вбежала в калитку, учитель же только и успел крикнуть:

— Зорка, стой, подожди, пожалуйста! . . . — но тут град камней обрушился на него. Тодоров, пригнувшись и прикрывая голову руками, бросился на противоположную сторону улицы и хотел было остановиться у соседних ворот. Владин подумал, что там они договорились с его сестрой встретиться снова, вылез из бузины и, прячась за стеной, продолжал швырять камни в Стойно, пока тот не исчез под лай деревенских собак.

— Хватит с него! — гордо подумал Владин. — Вряд ли посмеет в другой раз.

И с чувством, что он спас сестру от какого-то страшного разбойника, он вошел во двор.

Отец встретил его на пороге: он услышал шум на улице.

— Ты, что ли, дразнишь псов? — спросил он его сурово.

— Не-ет. . . — солгал Владин.

— Ну-ну. . . — отец недоверчиво прикусил губу и пропустил его в дом. Закрыв дверь, он выждал, пока Владин сел у ярко горящей печи, сердито затянулся сигаретой, обошел его и тучей навис над ним. Увидев оттопыренные карманы, он залез в них и вытащил оттуда камни: — Зачем тебе эти камни? Взять бы их да по твоей башке! С тех пор как научился ходить, все камни с собой таскаешь. Поэтому и карманы все изодрал.

Владин молчал и думал: «Сестра меня не узнала!» — и, успокоившись, приготовился к расспросам.

Проходя мимо Владина, чтобы накрыть на стол, Зорка пристально его оглядела. «Значит, он!» — сказала она себе и глазами как бы подталкивала отца.

— А какие скандалы устроил сегодня в школе? . .

— Никаких! — ответил Владин, не поднимая головы.

— Ага. . . По-твоему, учительница врет, а? — уселся против него отец, пытаясь сдержать гнев. — Правда, что ты сегодня сбежал из школы?

— Правда.

— Так, а почему?

— Она... заставляла меня сесть с девчонкой, а я не захотел.

«Он!» — решила Зорка, но отцу говорить не стала: пожалела Властина.

— С какой девчонкой тебя сажали? — спросил все с тем же наружным спокойствием отец.

— С этой... Вылкой... вшивой.

— Как тебе не стыдно! — вскричала вдруг мать и всплеснула руками. — Вылка чистая и добрая девочка.

— А все-таки в первом классе у нее нашли вошь!

— Ну, в первом классе... Перелезла к ней. А с какой еще девочкой тебя сажали?

— С Каткой... черномазой!

— Все что-нибудь да найдешь.

— А что, разве она не черная, как галка?

— Боже, этого мальчишку нельзя будет женить, — засмеялась мать. — В любой изъян найдет! А ты погляди-ка на себя, сам-то ты каков. Неужели ни одна девочка тебе не нравится?

Владин отрицательно мотнул головой. Он еще был зол и не хотел разговаривать.

— Для тебя все плохие! Как тебе не стыдно, Владин! Был бы жив брат и увидел бы, из-за чего ты убегаешь из школы, что бы он сказал? — вмешалась Зорка.

Владин снова промолчал.

— Как учительница скажет, так и сядешь. Как сидят другие, а? — повысил голос отец.

— Не буду сидеть с девчонкой. Вот и все!

— Завтра пойдешь, сядешь на свое место и извинишься перед учительницей, слышишь?

Владин следил исподлобья за отцом, готовый дать стрекача, если тот замахнется.

— Ну не хочешь, садись с другой, с Ценкой, например, она ведь наша соседка. Вместе росли, — вмешалась мать.

— Не сяду с этой фашисткой!

— Слушай, Владин, — рассердился на него отец, — чтобы я не слышал таких разговоров о твоих товари-

цах, а то всыплю! Не твое дело судить, кто какой! Об этом есть кому заботиться.

— Так ведь ее отца арестовали 9 сентября!

— Ее отец — дело иное. Дети не отвечают за грехи отцов, понял? Чтобы я больше не слышал разговоров об этом, а то голову оторву! Он еще берется судить, кто какой! Ишь ты! Сопляк! Твое дело учиться и быть примерным, а не воображать себя каким-то партийным секретарем. Домой не пущу, если будешь приносить мне тройки да четверки¹, и каждый день жалобы, что не слушаешься! Все! . .

Нависшие было побои на сей раз прошли мимо, как туча. Неожиданная мягкость отца тронула его, но гордость не позволяла улыбнуться.

Владин молча сел за стол и поел.

На другой день он пошел в школу с желанием выполнить требование отца. Но заметив, что над ним засмеялись, попятился назад. Катка радостно посмотрела на него и помахала, чтобы он сел с ней. Но после этого он еще больше попятился и прижался к стене. Постоял, оглядел девочек одну за другой. Все они показались ему еще хуже, чем Катка. В конце концов он пошел к Гьошко, который сидел на задней парте спиной к Радке. Они стиснули девочку своими спинами, делая вид, что хотят только усесться и что на парте нет никого, кроме них. Радка собрала свои книги и пересела к Вылке. Так их и застала учительница. Владин спрятался за Гьошко. Может быть, все и обошлось бы, но Ценка, дежурная, сообщила:

— Владин не на своем месте!

Учительница словно подняла его взглядом и кивнула, чтобы он пересел. Но он взял свои книги и встал к стене. Не было силы, которая бы заставила его сесть с девочкой. Он был готов целый час простоять у стены, отделившись от всех, отвечать урок оттуда, писать классную работу на коленях или прислонив тетрадку к дверям. Но в это время в дверь постучали, и в класс вошел его отец. Он поздоровался с учительницей, оглядел

¹ В болгарских школах принята шестибальная система оценок знаний учащихся.

притихших детей, сидевших попарно, и, разгневанный, направился к Владину.

— Ты что стоишь, как неприкаянный? — спросил он и не дождался от сына ответа. — Разве мы не договорились обо всем дома? Зачем снова меня срамишь, а?

Владин молчал, подавленный высоким ростом своего отца.

— Если будешь еще упрямиться, я. . . Марш на свое место! — подтолкнул его отец.

Но Владин вырвал свой локоть. . .

— А-а-а. . .

Отец замахнулся и так ударил его по щеке, что все ахнули и сжались на партах.

— Марш на свое место! — он ударил и по другой щеке, и Владин отлетел к парте. — И если услышу, что снова что-то натворил, гляди у меня!

Владин подсел с опущенной головой к Катке, та обрадованно подвинулась. А отец облегченно вздохнул и виновато обернулся к учительнице:

— Ну до свидания. . . Уж ничего не поделаешь! . . . Если бы скотине столько говорить, то она б сама на себя ярмо надела. А раз он человеческого языка не понимает. . . Только палку! Разрешаю тебе, учительница, кизиловую палку в ход пускать там, где доброе слово не помогает!

Отец окинул угрожающим взглядом Владина и вышел. Как только двери закрылись и ученики решили, что все в порядке, Владин легко протиснулся под парту и приполз к Гьошко.

— Смотрите, Владин! — закричали с задних парт.

— Оставьте его, дети, если он и отца не слушается.

Глава 4

НАКАЗАНИЕ

Когда Дилко сообщил Владиному, чтобы он явился на собрание, тот грубо ему ответил:

— Знаю, зачем зовут, но я не приду.

— Придешь! Ты член пионерской организации и обязан прийти, когда обсуждается твоё поведение.

— Обсуждайте его без меня! Мне все равно! — Владин побежал и засвистел, как бы подтверждая этим, что ему и в самом деле все равно.

У него была такая привычка: свистеть, когда его особенно сильно разбирало зло. Пусть, мол, все думают, что ему весело, что он ничем не задет.

— Ничего не могут они тебе сделать! — ободрил его Николай, дружок по проказам. — Мы будем драться, как львы, но не дадим тебя исключить! Уж больно он зазнается, этот Дилко! Будто мы не знаем, кто он таков! Не может для тебя самой малости сделать!

Владиному это дело казалось шуточным. Но когда приблизился день собрания, он понял, что происходит что-то серьезное. И ученики, и учителя смотрели на него как-то неприятливо. О нем говорили самые различные вещи, но он не обращал на это внимания. «Пускай звонят! — говорил он себе беззаботно. — Пусть только Дилко что-нибудь сделает, я его, как коноплю, оттреплю».

В день собрания он убежал из дома, чтоб его не отыскали. Выбрался из села в поле. Трактора на пашне не было. Наверно, Пешо отогнал его на машинно-тракторную станцию. Владин долго бродил по распаханной ниве, слушал надсадное карканье ворон, смотрел на стаи длиннокрылых журавлей, улетающих на юг, и почувствовал, что его потянуло в село, как этих птиц в теплые страны.

«Кто их знает, чего они там придумают без меня! А при мне многие проглотят язык!» Но представив себе, как придут все пионеры и как начнут его высмеивать, он передумал: «Не хватало еще, чтоб я пошел на посме-

щице!» Потом огляделся вокруг, одинокий и грустный, и опять вернулся в мыслях к своим товарищам. «Ну и что! Пойду и скажу все, как оно есть! Так мне и дядя Пешо советовал!» И уже без колебаний он зашагал в село.

Собрание уже началось. В зале, стоя у стола, выступал Дилко. Когда вошел Владин, он запнулся. Притихшие ребята задвигались.

— Вот теперь-то наверняка будет дело! — громко выкрикнул Николай с задних рядов, где он сидел со своей компанией, готовой к бою. Владин увидел здоровенную голую руку, которая ему махала. Опустив голову, ни с кем не здороваясь, прижимаясь к стене, он прошел к своим защитникам. Волнение опять улеглось.

— . . . Поведение нашего товарища постыдно для пионера, — повысил голос Дилко. — Он отказался подчиниться учительнице, своему отцу, своим товарищам! Так может поступать только хулиган, а не член нашей славной организации. Мы собрались здесь, чтобы решить, может ли Владин после того, как он совершил такие безобразные поступки, оставаться в нашей организации! Вы слышали мнение совета: для таких, как Владин, нет места в пионерской организации! Все, товарищи, теперь ваше слово.

— Теперь слово Владину! — выкрикнул Николай. — Пусть выскажется он, а тогда уж мы. Так будет правильно. Вставай, Владин! . .

— Не нужно мне слова! — пробубнил Владин сердито.

— Вставай, вставай, Владин, отчитай его, покажи ему, где раки зимуют! — подталкивал приятеля Николай, но тот отмахнулся от него.

— Не буду я говорить. И ты помолчи, посмотрим, куда дело пойдет.

В зале стало тихо. Дилко оглядывался, молча приглашая выступить. Но никто не решался начать первым.

— Давайте не будем терять времени, ребята! Ну, кто смелый? А там, если один начнет. . .

Но никто не начинал. Дилко остановил настойчивый взгляд на Катке. Ее ведь оскорбили больше всех. Но сейчас и она не решалась выступить.

— Давай, Катка, — предложил ей тихо Дилко, но она спряталась за своими подругами. — Давай встань, скажи!

— Мне нечего говорить. Пусть другие. . . — пробормотала она и опустила голову, вся пылая.

Дилко разозлился. Раньше она вставала смело, критиковала, а сейчас! И не понимая ее смущения, он решил придать ей смелости.

— Ну говори! Слово имеет Катка!

Она не вскочила сразу, как он ожидал. Даже попыталась спрятаться под партой, но рядом с ней закричали:

— Вставай! Тебе что, кланяться надо?

Все взгляды были направлены на нее, и она медленно поднялась. Помолчала и, проглотив слюну, заговорила как будто чужим голосом:

— Мне, ребята. . . нечего сказать.

Владин опустил голову. Он ждал, что чуть Катка откроет рот, как тяжкие обвинения посыплются на него. Но сейчас она не смела даже взглянуть в его сторону. Ее голос срывался и пропадал.

— Он добрый. Раз ему не хо. . . Мне что. . . мне нечего. . .

— Как так? — огрызнулся Дилко. — Ты член совета дружины. Что ты думаешь о наказании, которое мы предлагаем?

Катка еще больше смутилась. Владин затаил дыхание.

— Мне. . . Я. . . Я не согласна, чтобы его исключали. . .

— Как это не согласна? А почему на заседании совета сказала, что согласна?

Катка села и закрыла лицо руками. Ей было так жаль Владина, что она даже расплакалась. Ему захотелось как-нибудь ее утешить, но в это время впереди поднялась тонкая девичья рука, и он вздрогнул. Круглолицая Радка обернулась назад, оглядела его своими выпуклыми глазами и только после этого начала, словно отвечая урок:

— Ребята, не будем молчать и не будем раскисать, как Катка. Владин поступил очень плохо, ребята.

— Хватит тебе: ребята, ребята. Скажи, что думаешь. Не мямли! — слышались голоса, и она еще больше смешалась. Ей даже показалось, что Владин приподнялся с заднего ряда, озлобленный, страшный. Того и гляди бросится с кулаками на нее. Этому Владину, который вытерпел пощечины отца и не стыдился учительницы, ничего не стоило отколотить ее перед всеми пионерами.

— Говори, Радка, говори! — ободрил ее Дилко, и она продолжила неестественно громким голосом, но взглянув на Владина, снова стала говорить тише.

— Я за предложение. . . — сказала она решительно, с трудом оторвав взгляд от Владина. — Поддерживаю предложение, чтобы Владина исключили. Все!

И она резко села, словно хотела отомстить тем, кто ее прерывал и сбивал.

— Она против Владина, потому что. . . Почему ты не скажешь, Радка? — выкрикнул Николай и сам ответил: — Потому что тебя на смех поднимают!

— Нет, ребята, — проворно вскочила Радка и смело повернулась к залу. — Он меня вытолкнул с парты Гьошко, чтобы болтать о всяких мальчишеских делах, но я не в обиде. Владина надо исключить, потому что. . . Не место здесь говорить, но я скажу, раз вы настаиваете.

Все обернулись к ней. Теперь ее голос звучал звонко, как колокольчик.

— Владин бьет слабых, угрожает более сильным, пугает нас партийной организацией. . . всех оскорбляет, все у него кулаки, фашисты. Так он обозвал Вылку, — она взглянула на свою смуглую подругу, теребящую косу, — и Дилко тоже, нет пионера, не оскорбленного им. Верно это, ребята?

— Верно, — раздалось около нее несколько обиженных голосов.

— А если верно, тогда вот что! Пусть Владин встанет и скажет об этом! Почему он молчит?

— И скажу! — крикнул неожиданно Владин и поднялся. — Все скажу!

Он поднялся с места и закричал:

— Я говорил, что отец Вылки — фашист, и снова повторяю — фашист, толстый фашист!

Вокруг него засмеялись, а Вылка закрыла лицо руками и начала всхлипывать.

— Кого арестовали после 9 сентября? Его! У них в доме бывали полицейские, ели там и спали. Те самые полицейские, что замучили моего брата. . .

Владин взглянул на портрет брата, который украшал зал. Всех охватило волнение. Брат Владина как будто в чем-то их упрекал. В зале воцарилась необыкновенная тишина. Только голос Владина звучал напористо:

— И Вылка, предательница, будет сейчас меня судить? Она собирается меня исключать! Меня! Когда моя жизнь висела на волоске, когда меня запирали по конюшням и били, и пинали. . .

Он дрожал, воспоминания о страданиях душили его. Встал разговорчивый Николай и так преувеличенно разукрасил подвиги Владина в годы фашизма, так слил его образ с образом брата, что все были готовы простить Владина.

— Ты говори о его ошибках, а не спасай заслугами! — прервал Дилко Николая, и тот смутился. — Все мы знаем, кем был его брат, но сейчас нечего ему прятаться за брата и за свое прошлое. Убежал он с урока? Убежал. Отказался подчиниться учительнице? Отказался. Своему отцу? Отказался. Совету дружины? Отказался. Мою личному совету?

— Отказался! — откликнулся Владин. — С какой стати я буду слушаться твоих советов? И кто ты таков, я тоже знаю!

В зале засмеялись.

— Я председатель пионерской организации, меня выбрали товарищи. Когда изберут тебя, тогда ты будешь советовать.

— Я своего ума-разума никому не навязываю, но и твоего ума брать не желаю! Отпрыск!

— Что, что ты сказал?

— От-прыск! — раздельно и вызывающе-язвительно произнес Владин.

— Слышите, ребята, что он говорит? Не только не раскаивается, но продолжает оскорблять.

— Я знаю, что говорю. Был еще совсем маленьким тогда, но все помню. Всю жизнь буду помнить. Когда нас избивали, вы со своим отцом прятались по мышиным норам. Носа не смели высунуть. Дрожали, как осиновый лист! А раньше все у нас дома торчали, все возле брата, газеты читали, а потом, как случилось это с братом, никого из вас не было. . .

— Владин, перестань! — воскликнула учительница.

— Мне ведь слово дали, так я и скажу ему в глаза, что думаю. Надо бы прежде ему на себя навести критику, а уж потом других критиковать.

— Нет у тебя слова! — вскричал Дилко. — Я лишаю тебя слова!

— Да неужели!?

— Я тебя выгоню с собрания. Ребята! — обратился за поддержкой к собранию смущенный Дилко. — Ввиду того, что Владин ведет себя оскорбительно, как хулиган. . .

— А-а-а-а, — заревели с задних рядов, и настроение переменялось в пользу Владина.

Поняв, что он не получит большинства, Дилко смирился.

— Ладно. Оставайся, но если попытаешься еще раз сорвать собрание, будем голосовать, чтоб удалить тебя отсюда.

Владин сел, но еще дрожал.

— Высказывайтесь, ребята! — призывал Дилко членов совета. — Раньше, до собрания, все об одном твердили: «Исключить, исключить», скажите же здесь, чтобы мы знали, кто на что жалуется. . .

Встала зеленоглазая Пенка и будто не говорила, а всхлипывала:

— Он, ребята, написал на нашей стене: «Кулак — народный враг». Я его увидела, когда он мазал дегтем, и попросила: «Владин, не надо. Папа не кулак, а середняк». А он: «Кулак, — говорит, — из этих середняков-кулаков». Я папе пожаловалась, а надпись стерла. Теперь Владин, как проходит под нашими окнами, поет: «Кулак — народный враг».

— И буду петь! — выкрикнул Владин, как будто готовясь запеть известную после выборов песню про кулака.

— Вот видите, какой он, ребята! — сказала Пенка, садясь. — Он не заслуживает прощения. Я хотела было его простить, но сейчас обеими руками буду голосовать против.

Владин отбивался храбро, но так, что восстанавливал против себя все больше и больше пионеров.

— Он, когда мы были на экскурсии, так меня ударил, что кровь из носу потекла, — пискнул Павлето, мальчуган, которого все любили, потому что он хорошо рисовал.

— А чего ты путался у меня под ногами, как паршивый ягненок?

— Неправда, все из-за того, что я не дал тебе попить воды из моей фляжки. А я не дал потому, что если б она у тебя в руках оказалась, я б ее больше и не увидел.

Дилко подбадривал сидевших рядом пионеров: «Давайте, выступайте! Говорите!». А когда те, кого он приглашал, не решались, он начинал выкрикивать их имена и давать им слово. Так дошло в конце концов и до мальчика, отвечающего в классе за культмассовую работу.

— Венко, у тебя есть что сказать!

Венко до сих пор отмалчивался, но дальше это было невозможно.

— Я могу сказать о Владине, что он хороший товарищ, — глянул он одним глазом на Владина, а потом другим на Дилко и добавил: — Одно только, что не читает. . . Ни одной газеты не захотел у меня прочесть.

— Нет ничего интересного в твоём «Сентябренке». Я читаю «Рабочее дело» отца и техническую литературу о тракторах.

— Верно, — воскликнул Видул. — Я его застал дома, когда он читал о комбайнах в Советском Союзе и рисовал их. Целыми днями рисует. Ляжет на живот и рисует. Забывает даже поесть, не играет, только рисует. Никто другой в пионерской организации, наверно, так не читает и не рисует. . .

— Да, но нашу пионерскую литературу он не читает. . .

— Ну, вот еще! Мы всю «Молодую гвардию» с ним прочитали. Если хочешь, мы тебе расскажем и об Олеге Кошове, и о Любви Шевцовой, и о предателе Стаховиче.

— И о Павке Корчагине знаем! — поднялся Владин и, оглядев победоносно совет дружины, добавил: — Вы меня еще учить будете!

— Все хвастает, что он взрослый. Возомнил о себе, и никто ему ничего не скажи. Для него пионерская организация ломаного гроша не стоит. Он считает себя выше организации, — обобщил Дилко и поспешил закончить. — Не о чем больше говорить. Его облик раскрылся совершенно ясно. Вместо того, чтобы осознать свои ошибки, он их больше усугубляет, пытается всех очернить, кроме себя. Он объявил себя вне пионерской организации, он сам оборвал последние нити, связывающие его с организацией.

— Это неправда! — выкрикнул Владин.

— Он остался один. Вот он, смотрите! Найдется ли кто-нибудь, кто вступится за него? Нет!

— Есть! — выкрикнул маленький застенчивый Гечо, в глазах которого Владин был героем. — Я!

Зал замер. Никто не ожидал, что Гечо выскажется так смело. Он не любил говорить на собраниях. До освобождения его отец был ятакoм¹ у партизан, и поэтому дети дали ему прозвище Гечо-Ятака.

— Я против исключения Владина.

Гечо весь дрожал.

— У Владина есть ошибки, но чтобы исключать, этого нельзя допустить.

— Потому что вы приятели! — съязвил Дилко. — Ты рассматриваешь этот вопрос с точки зрения приятеля, а не пионера.

— Не перебивай, пожалуйста. Ты сам нарушаешь пионерскую дисциплину, когда ввязываешься и смущаешь.

¹ Ятакoм в Болгарии называют человека, помогающего партизанам скрываться.

— Я председатель и должен руководить собранием.

— Руководить — да, но не настраивать, не натравливать одного на другого. Что это такое? Ты должен быть образцом, если берешься судить других.

Все испугались дерзости Гечо. Но Дилко виновато промолчал.

— Совет дружины предлагает исключить Владина, — продолжал Гечо. — Не кого иного, а Владина! До сих пор никто еще не был исключен, а сейчас сразу, первая жертва — Владин! Без предварительного наказания, без выговора, без последнего предупреждения — сразу: Владин — вон! Как это можно, ребята? Знаете ли вы, кто такой Владин? Всё знаете, но забыли в этот момент. Отказались от своего товарища. Не видите в нем ничего хорошего. Я его друг, это верно. Но именно как его друг я знаю, сколько ценных качеств у Владина. Тут вы его представляете чуть ли не чернее черта, а Владин трудолюбивый и мало ли какой еще. . . Не буду перечислять. Но с ним нужно иначе поступать. Не так грубо — объявить хулиганом, вот и все! Будьте и вы, члены совета, самокритичны. Я слышал, как взрослые говорят партийцы, что к каждому нужен особый подход. А вы обухом по голове!

— Верно-о-о! — затопали ногами Николай и Видул.

Гечо-Ятака очень волновался. Он удивил всех. Он редко брал слово, но когда выступал, то говорил крепко и остро, так что все это запоминали и долго потом повторяли.

— А что скажет Гечо и те ребята, которые сейчас топают, — вернулся к обвинительному тону Дилкс, — если мы прочтем жалобы на Владина из других мест, не из школы?

— Прочтите, а то болтаете о них по улицам! — резко ответил Гечо. — В пионерской организации нет места сплетням и интригам.

— Хорошо, мы сообщим о них во всеуслышание!

Дилко вынул из папки листок.

— Есть жалоба, что ты поздно вечером ходишь вместе со взрослыми парнями и девушками по посиделкам. Не соблюдаешь ученический час. Это правда?

— Правда, — спокойно ответил Владин. — Я хожу

вечерами на хозяйственный двор, потому что там, на этих посиделках, кукурузу вылушивают. И буду ходить, пока не окончим всю работу.

— За это нужно хвалить, а не наказывать, — выкрикнул Гечо. — Мы все, вся наша пионерская организация были обязаны пойти и помочь взрослым. Но совет не догадался. Крепкую пощечину залепил нам Владин.

Дилко достал другой листок.

— Второе. Владин запугивал некоторых пионеров, что изобьет их, если они выскажутся против него.

— Кого?

— Надку. Скажи, Надка!

Но Надка не стала подтверждать. Вместо нее слышался голос ее подружки.

— Правда, Надка мне говорила. Встань, Надка!

— Нет, это неправда! Это — клевета, — отозвался Владин.

— А то, что ты мешаешь трактористам, мотаясь там постоянно, тоже клевета?

— Я не мотаюсь, а помогаю! — прямо-таки взревел задетый за живое Владин.

— Его послушать, так все клевета, ребята. Есть ли смысл его убеждать еще? Он, небось, скажет, что и жалоба совета дружины — клевета, — Дилко потянулся к своей папке и достал оттуда новый листок. — Не я, а сам комсорг, наш учитель Тодоров жаловался что тот закидал его камнями.

— А-а-а, — пронесся гул разочарования.

— Но тот, — признался Владин, не смутившись, — сует свой нос куда не следует. . .

Вспыхнул смех.

— Вот видите? Готов избить и своего учителя.

— А раз он сам так поступает. . .

— Вот видите? Он учителя еще и обвиняет! Что же он сделал, скажи! . .

— Он знает, — тихо ответил Владин. — Пусть придет и скажет сам.

— Скажи! Скажи! — поднялись со всех сторон голоса. И в притихшем зале раздалась тихая исповедь Владина, который согнулся от стыда чуть ли не до самой земли.

— Чтоб он не касался моей сестры!

Все охнули. Учительница Чернева опустила глаза.

— Ну вот вам и еще факт! Он неисправим, ребята! Голосуем, и все! Кто за исключение Влада из пионерской организации. . .

— Прежде чем начнется голосование, я хочу сказать несколько слов, — тихо произнесла учительница и поднялась. — Хотя Владин допустил грубые ошибки и заслуживает исключения, вы должны хорошенько подумать. Гечо прав. Вы исключаете своего товарища, изгоняете его из своего коллектива — это самое большое наказание. Подумайте хорошенько, как он перенесет это наказание. Не нужна ли иная мера, чтобы его исправить.

Владин не ожидал этого от учительницы. До этой минуты он считал, что все здесь делается под ее диктовку. Учительница, которую он оскорблял, как будто его простила и просила встать и раскаяться. Она заставила его взглянуть на портрет брата. Неожиданно поднял голову и Дилко.

— Любого другого из нас можно простить, — сказал он, — но Влада нельзя. Его брат смотрит сейчас со стены и говорит нам: «Нельзя!» Посмотри, Владин, на него, и тебе станет стыдно. Не хочешь слушать нас, послушай его. . .

Владин опустил глаза. Зачем он сюда пришел! Теперь все смотрели на него с сожалением. Нельзя глаз поднять, ни на кого взглянуть нельзя. Ему захотелось убежать.

— Встань и покаяйся, — шепнул ему Гьошко-физкультурник, — отними у них козыри.

«Что? — посмотрел на него презрительно Владин. — Хочешь, чтоб я сам себя опорочил? Нет, никогда, никогда, никогда я этого не сделаю!»

— Если б у него было мужество, он бы выступил с такой самокритикой, что всех нас удивил бы, но его упрямая голова не может понять, чего мы от него ждем. Будем голосовать, ребята! И пусть пионерская организация ему покажет, кто сильнее: он или она.

Владин почувствовал, что ему становится жарко. Его исключат. Он поворачивался то к Николаю, то к

Гьошко, то к Видулу. Почему они молчат? А ведь накануне собрания настраивали его против Дилко. Почему опустил голову Николай? Прежде обижался на совет дружины, а сейчас тише воды, ниже травы. Отступил и Видул, а Гьошко, выходит, просто подлиза — только чтоб его называли физкультурником — хвост распускать перед девчонками! Владин смотрел на всех с презрением. Они видели, что он ждет от них помощи, но разве выступишь против стольких пионеров? Наказание висело и над их головами, и они беспомощно молчали. «Трусы! И это были мои товарищи», — сказал себе Владин и навсегда отрезался от них.

— Удирай, пока не поздно, а то галстук снимут, — шепнул Николай.

— И не подумал, — отрезал Владин, даже не взглянув на него. — Не твоя печаль. Ведь с тебя-то галстука не снимают.

— Кто за исключение Владина, поднимите руки! — услышал он голос Дилко, резкий, угрожающий, но Гечо его перебил:

— Голосуй сначала мое предложение! Я предложил дать выговор, но не исключать. Почему не его голосуешь?

Надежда согрела Владина.

— Потом проголосуем, сперва предложение совета дружины, — сказал как бы с насмешкой Дилко и поднял руку, как меч.

Владин увидел, как вдруг перед его глазами вырос целый лес рук. Он усмехнулся, это показалось ему какой-то игрой. Но руки оставались поднятыми, и у него зарябило в глазах. Пионеры поднялись, как стена, преграждали ему путь, отрезали его от организма всего коллектива, выбрасывали его вон, оставляя одного, никому не нужного. Он отвернулся от зала. Николай был испуган, будто наступила и его очередь. Гьошко опустил руку, которую поднял было против него. Только Гечо не голосовал, только он остался верным ему, единственный его друг.

— Большинство! — взволнованно провозгласил Дилко. — Владин Петксов! исключается из пионерской организации!

Эти слова прозвучали страшно. Вздрыгнули даже те, кто голосовали за его исключение. Им стало больно за него.

— Прошу тебя, Владин Петков, отдать свой галстук! — сказал Дилко твердо, хотя был весь потный. И зал напрягся.

Многие кусали губы. Они голосовали, даже не представляя себе, как с их товарища будет снят вот этот галстук, мягкий, теплый, который, как товарищеская рука, давал каждому из них силы для борьбы с трудностями жизни, вел их вперед. Что будет теперь с Владином, когда он окажется без пионерского галстука? . .

Владин, разрезав толпу, твердыми шагами подошел к столу, но вместо того, чтобы снять галстук, вызывающе, почти плача, выкрикнул:

— А галстук я вам не отдам!

— Ты исключен и носить его не имеешь права! — потянулся к галстуку Дилко.

— Не трогай! — оттолкнул его руку Владин и сглотнул накипевшие слезы. — Этот галстук завоеван кровью моего брата, и я буду его носить! Понял?

И яростно вытерев покотившуюся по щеке слезу, захлопнул за собой дверь и убежал, громко топая. Никем не замеченный, Гечо последовал за ним.

Глава 5

ПО СЛЕДАМ БРАТА

Владин даже не зашел домой. Прежде у него был план: взять тайком одежду и еду и бежать. Но потом он подумал, что домашние или соседи могут его вернуть, и от этого плана отказался. Прямо из школы он направился глухой улочкой и вышел за околицу, чтобы бежать потом в Равнец. По дороге он поискал тракториста Пешю, но тот, окончив пахоту в срок, отправился на тракторе в МТС и собирался вернуться, как он прежде еще говорил Владиному, только после уборки

кукурузы, для глубокой вспашки. Пашня пустовала. Карканье ворон напомнило Владиному крику выступавших против него ребят. Как это здорово — удрать раз и навсегда от насмешливых взглядов, оставить где-то позади все, что тебя мучило, не видеть никаких препятствий на своем пути, почувствовать себя свободным!

Владин пустился в путь по хорошо наезженной дороге. Время от времени он оборачивался назад. Если показывалась машина или пешеход, он сходил на обочину и прятался в кустах, пока не исчезала опасность. Потом опять вылезал и почти бегом продолжал путь. Внизу, у реки, желтели квадраты необранной кукурузы, на противоположном высоком берегу темными волнами поблескивала вспаханная стерня. Маревое заполняло долину и скрывало небо. Придорожные деревца были пестрыми, под ними уже лежали разбросанные, как золотые монеты, опавшие листья. В воздухе стоял пряный запах нагретого осенним солнцем увядающего бурьяна. Соблазнительно выглядывали из листвы плоды терновника, они были как глазки, и Владин не выдержал искушения. Отрывал по две, по три штуки, проглатывал их и быстро шел дальше. Внизу от реки поднимался теплый пар. Закричали дикие утки, раздались выстрелы, и где-то по холму запрыгал заяц, преследуемый охотничьей собакой.

«Тодоров вышел на охоту, — решил Владин и, увидев, что из кустов выходит учитель, побежал к лесу. — Небось, еще злится, что я в него бросал камнями. Заметит меня, чего доброго, возьмет на мушку, тогда уж хочешь не хочешь, придется вернуться. Весь мой план провалится, стыда не оберешься!»

Владин пропал в глубоком лесистом овраге, где когда-то укрывался его брат. И совсем, как он, пробирался через туф, пока, наконец, не скрылся в чаще леса. В темном лесу было страшно, но, думая о брате, Владин не боялся. Каждое дерево прятало когда-то его брата. Может быть, скрылся он и здесь, за этим столетним дубом. С той стороны появились фашисты, которых вел предатель. Брат подождал, пока они приблизятся на двадцать шагов, на десять, на пять и тогда — раз! — предатель уткнулся в землю. Потом и остальные, один

за другим: раз — раз! . . . Полицейские испугались и разбежались. Тогда он незаметно ушел. И когда целый полк окружил лес, он был уже у своих товарищей в горах.

Владин вскинул на плечо отломанный сук, как автомат, и бесстрашно пошел по следам брата. Сколько раз приходили они сюда с Николаем и Гечо подышать этим партизанским воздухом. Прошедшие сражения оживали, и они начинали играть в партизан и фашистов. Всего несколько дней назад здесь происходило их последнее сражение. Николай изображал врага, пойманного ятака и заставляющего его показать место, где скрываются партизаны. Гечо был пойманным ятаком. Николай, важный, как полицейский начальник Дундата, погонял маленького Гечо, шедшего перед ним, дубинкой, так что у него все плечи были избиты:

— Вперед! И если только обманешь меня, гляди! На этом дереве повешу вниз головой!

Гечо шел боязливо, хотел, как его отец, отвести начальника от места, где скрывался партизан, опасный партизан, гроза фашистов по всему краю.

— Не кружи, веди нас точно туда, куда носил им еду. Не стой истуканом, у нас нет времени! — подталкивал полицейский начальник ятака, который все озибался, как будто забыл место.

— За лесочком было! — говорил ятак и, притворяясь, что сбился с пути, все больше отклонялся от убежища партизана. Вон там, всего в нескольких шагах, стоит раздвинуть густую завесу листьев, и откроется маленькое дупло, из которого следят выразительные глаза Владина. Но Гечо шаг за шагом уводит полицейского начальника, садится и начинает лицемерно жаловаться:

— Не могу больше, хоть убейте, не могу сделать больше ни шагу, у меня жена, дети, я верю в бога, как же я предам ближних своих, бог покарает моих детей! — он начинает креститься, смертельно бледный, точь-в-точь, как это делал его отец.

Начальник приходит в бешенство.

— Здесь полно лесочков. Вставай, скотина, и покажи, где точно!

— Убейте, не могу, — и сидит, неподвижный, как пенёк.

— Возьмите его! — кричит начальник.

Видул и Гьошко, играющие роли жандармов-охранников, с преувеличенной готовностью хватают его своими сильными руками и ждут приказа связать.

— Сажайте его на того коня! . .

Ятак начинает кричать и брыкаться.

— Сажайте и привяжите его за ноги! Быстрее!

Раскачав, жандармы сажают его на развилку дерева. Потом веревкой привязывают за ноги к веткам. Гечо повисает, теряя сознание, хочет подняться, хватается руками за ноги, чтобы помочь себе, поднимает голову, сгибается в дугу, но не может достать пальцами до веток, и падает. Хочет закричать, но голос его уже только шелестит, кровь приливает к голове, душит, он погибает. . .

— Скажу. . . — едва шепчет он. — Но вы как на самом деле! Ведь это только игра!

— Так нужно, — вмешивается из своего тайника партизан и снова скрывается, а Николай с еще большим остервенением продолжает «игру всерьез».

— Снимите его! — бросает, наконец, Николай, и жандармы проворно снимают Гечо с дерева.

Он стоит мгновение, приходя в себя, трет глаза, видит солнце и крестится:

— Прости меня, господи!

— Давай, давай, твое лицемерие у нас не пройдет! Если б верили в бога, не становились бы партизанами, не выступали бы против бога и царя! — пинает его полицейский начальник. Гечо встает, ноги его подгибаются, покачнувшись, он делает еще несколько шагов и указывает дрожащей рукой:

— Вон там! — и садится.

— Приготовьте гранаты! — командует полицейский начальник, а потом кричит в сторону тайника: — Сдавайся, спасешь свою голову, иначе торчать ей на колу!

Никакого ответа.

— Огоны! — командует полицейский начальник, и только они ложатся, как сзади из настоящего тайника выскакивает партизан и «кпр» — автоматом от бедра.

Автоматом Влади́ну служил длинный сук, которым он отдубасил Никола́я, Видула и Гьошко так, что они действительно попадали и потом с трудом поднялись.

Ятак, притворившийся мертвым, сразу вскочил и схватил все еще шевелящегося начальника, который был только ранен, а не убит.

— Ах, гнида! — прошипел тот, увидев ятака, и поднял руку, ощупывая себя, чтобы найти кобуру, но партизан ее сразу сорвал.

И вместо ятака на том же дереве повесили вниз головой начальника, приколов ему на грудь записку: «Вот что получают кровопийцы и предатели народа!»

— Хватит, хватит! — орал Николай, чтобы его освободили, но Влади́н и Гечо как будто его и не слышали.

— Снимите меня, задохнусь! — просвистел он, и тогда Влади́н забеспокоился.

— Похоже, что наш полицейский кричит, — подбежал он и испугался, увидев, что Николай едва-едва шевелит губами. Поддерживая его, Гечо подпрыгнул, как белка, отвязал ему ноги, отнес его в сторону, но он все еще не шевелился. Был бледен, холодные капли пота покрывали его лицо.

— Боже, что мы наделали, — всхлипнул Гечо.

А Влади́н, сгибая руки Никола́я туда и обратно, делал ему искусственное дыхание.

— Перестань реветь, плакса; человек умирает, а он хнычет. . . Помогай! — обругал его Влади́н, и только тогда Гечо кинулся тормошить Никола́я и чего только с ним не делал, чуть не оторвал ему руки и ноги, но Николай не шевелился. Влади́н собрал все свои силы и так шлепнул его по лицу, что тот вскочил и, ощупывая щеку, закричал:

— Эй, очень сильно бьешь!

— Вставайте и вы! — пнул Влади́н ногой убитых жандармов, вернул им оружие и форму, которые прежде у них отобрал, и довольная компания двинулась домой. . .

Такие игры происходили не только в лесу, но и в селе, где приятели хватали сельских кулаков и наказывали их «перед всем населением», состоящим из детей,

Вспоминая об этих играх теперь, Владин преисполнялся необыкновенной силой, его охватывал восторг и решимость — довести до конца все, что задумал. Он спустился к ручью, где должен был встретиться с Гечо. Уже стемнело, ему стало холодно. Дятел, который рассыпал свой стук по деревьям, куда-то пропал. Лес затих, стало страшно. Но Владин не вздрогнул. Образ брата Бойко охранял его. С тревогой и беспокойством Владин думал только о Гечо, который должен был пробираться в сумерках. Вот уже совсем стемнело, а его нет! Владин дрожал от холода, жался к кустам, но от них тянуло чуть ли не ледяным дуновением. Хслодные иголки проникали ему под пиджак и уже покалывали тело. Он старался двигаться, потом опять слушал бодрое журчание ручейка, опять возвращался мыслями к партизанской жизни, представлял, как партизаны залегли здесь и ждут, когда отец Гечо принесет им вести, еду и одежду. Так проходили часы. На небе выступили крупные осенние звезды, как будто плававшие в легкой туманной дымке. Холод стал еще сильнее. Появился и голод. Эта чистая струйка забранного здесь в трубу источника своим журчанием как бы шептала ему: «Хлеб, хлеб!». Хоть бы корочку! Холод и голод свернули Владина в комок и повалили на землю. Ничего не поделаешь, приходилось ждать. А ждать вот так — голодным и продрогшим — было невозможно. Он набрал сучьев, сгреб их в кучу, надергал сухой травы, сунул ее под сучья. Потом достал из кармана огниво, единственное, что он не забыл. Высек раз-другой, искры охватили трут, и он загорелся. В лесной чаще огонь затрепетал, как флажок. Владин присел на корточки и растопырил над костром пальцы. Потом подкинул сучьев в огонь и стал поворачиваться к нему то спиной, то лицом.

«Может, Гечо испугался? — думал он. — Один был друг, и тот от меня отказался!»

Он сокрушенно качал головой, вспоминая, как и Николай, и Видул, и Гьошко отказались от него в решительный момент. Теперь и Гечо. . . А может, его схватили и теперь мучают, чтоб он открыл, где Владин? . . . Владин вырастал в собственных глазах в героя. Ему ка-

залось, что он партизан, защитник страждущих, а те, кто голосовали против него, — подлые фашисты. Он напряженно вслушивался. Сейчас всякий шум казался ему предательским, за всяким густым кустом мерещилась засада. А он... один!... что он будет делать? Как спасется?... Владин стал беспокойным и бдительным. Он грелся, а сук, как ружье, лежал на его коленях, он был начеку. Трудно быть на посту после того, как пробежал с напряжением столько километров, после таких запутанных событий. Еще тяжелее было одиночество. А голод безостановочно высасывал его силы, и Владин, согревшись у огня, не почувствовал, как раскис, стал клевать носом, засыпать. Он старался разлепить веки, но со сном невозможно было бороться. «Самый страшный враг бдительности! И самый лучший союзник врага!...» Он поддерживал пальцами веки, только бы они не слипались, но его руки почему-то слабели. Сучья уже только тлели, тепло опьянило его и, словно совсем обессилив, он заснул...

— И-и-и... — раздалось ржание из ближайшего куста, но никто не слышал этого странного звука.

— Тракторист... тракторист... — раздавался контрольный пароль, но Владин спал крепким, упительным сном.

Показалось худое маленькое личико, и после этого высунулась сгорбленная фигура в шерстяной накидке. Гечо - Ятака оглядел источник, вслушался в журчание воды и вылез на полянку. Там, под могучим дубом, источник сверкал, как звезда, упавшая с неба. Гечо прошелся и снова позвал:

— Тракторист... тракторист...

Он разрыл угли и только тогда, при свете разгоревшихся головешек увидел мальчика, неподвижно распростертого на земле, как будто убитого. Гечо вытащил из-под накидки палку, служившую ему автоматом, и толкнул спящего:

— Эй, тракторист, хватит храпеты!

Владин вскочил и, еще не разлепив глаз, произнес контрольный пароль.

— Парашютист... парашютист...

— Да, хорошим парашютистом ты стал бы, если б

я тебя не разбудил, — подсел к нему Гечо, подбрасывая сучья в костер и вновь разжигая его.

— Виноват! . . Заснул на посту. . . — самокритично ответил Владин. — Но и ты. . . очень уж опоздал! Мне только что снилось, что тебя поймали и пытаются, чтобы ты выдал наш план. . .

— Это было на самом деле, не во сне. Выследили меня эти. . . Дилко их подослал, но я петлял туда-сюда, и они потеряли мой след.

Он вытащил из-под накидки меховую безрукавку и отдал ее Владиному.

— На, чтобы не мерз.

— Было холодно, а сейчас я согрелся.

— Вот тебе и еда. . . — Гечо отдал ему узелок с едой. — И накидку тебе оставляю, потом вернешь, она старая, но сам знаешь, мама может спохватиться когда-нибудь и сказать: «Где старая накидка?»

— Эх, братишка, настоящий ты ятак. . . — Владин положил руку на плечо Гечо и прижал его к себе. — Спас меня от верной гибели! . .

— Но ведь. . . — поглядел на него Гечо, как будто хотел ему что-то доверить.

— Что? . . Наказание, да? Брось. Наказание накладывается и отменяется, лишь бы мы добились важной цели. Стану когда-нибудь трактористом. . . тогда вот и посмотрим. Не наказание, а награда, награда ждет меня. . .

— Тогда, Владин. . . — глядел на него умоляюще Гечо.

— Наших встретил? Знаю, отец поднимает моторизованную милицию, чтобы догнать меня, но я никогда, никогда не вернусь в это село раньше, чем стану трактористом. Только на тракторе или на комбайне я въеду, и меня будут встречать цветами, а не бранью, как арестанта. Так и знай. . .

— Тогда, Владин. . . — заикнулся Гечо.

— Ну что?

— И я пойду с тобой. . . — глаза Гечо вспыхнули.

— Э-э, и речи быть не может! Ты еще маленький. . . Владин был старше Гечо только на полгода. . .

— Давай и я пойду. Буду твоим помощником на комбайне. . .

— Нельзя. Ты останешься, как договорились, укреплять тыл. Мне нужен надежный ятак, а лучше тебя нет. Потом, когда настанет время, я тебя сам позову. Сперва я ведь должен прощупать почву. . . Трудно сказать, директор МТС — человек непростой. Как бы и меня не прогнал. Я подготовил это дело через Пешо, но кто знает, всяко бывает. Может, прогонит меня, и все провалится.

Гечо вздохнул и смирился.

— Давай теперь уходи, а то пошлют погоню и за тобой.

Гечо неохотно поднялся.

— Боишься?

— Ну да! . . Мы живем у кладбища, а я не боялся ходить ночью телят пасти, чего ж мне здесь-то пугаться!

— Ладно, значит, каждый вечер, на заходе солнца, здесь в лесу. Пароль: «Тракторист — комбайнер!». .

Они обнялись. Владин проводил Гечо до лесной опушки, с тоской думая о доме. «Что там сейчас делается? Маму мне жаль, больше никого. . .» — вздохнул он и пошел обратно. Костер погас, но нужды в нем больше не было. Еда дала Владиному и тепло. Он надел продранную меховую безрукавку Гечо, набросил накидку и устроился в дупле старого дерева. Сгнившая древесина дерева была мягкая, словно вата. Он свернулся, будто был в кабине трактора. А во сне он уже сам вел трактор; время от времени злые люди хотели оттащить его от руля, но он включал первую скорость, и ему удавалось от них уехать.

Глава 6

КАТКА ИЩЕТ ВЛАДИНА

Катка в этот вечер вернулась домой мрачной. Отца, как всегда, не было. Секретарь партийной организации, он часто задерживался на заседаниях. Мать дала ей поесть, она хмуро отказалась.

— Не хочется!

— Ну чего еще?

— Ничего.

— Катка, что с тобой? — взглянула на нее мать.

— Ничего! — разозлилась Катка. — На, смотри, по глазам видно, что ничего! Ничего у меня и нет.

Мать вздохнула. Катка была в таком возрасте, что она беспокоилась о ее здоровье. Она стала замкнутой и самостоятельной. И ничего ей не рассказывала. Больше делилась с отцом, а ей — ни слова. Ничего ей не поверяла. А теперь и вовсе чужой стала. Ни о чем не советовалась.

— Сама виновата! — говорил отец поздно вечером, когда Катка спала. — Сама потеряла ее доверие, а теперь вернуть его нелегко.

— Да ведь я ей мать! Меня надо спрашивать, а не ходить к учительнице.

— Видишь ли, учительница лучше знает, как поступать. Она не бьет ребенка, не наказывает его. . . А ты. . . Лучше скажи ей доброе слово, приласкай. . .

И мать оставила ее в покое. Покрутившись, Катка отломил кусок хлеба и съела его. Потом выглянула в окно и пошла к дверям.

— Куда в такое время?

— Пойду возьму у Владина арифметику.

Сейчас ей было не до арифметики, просто она хотела повидать Владина. Ей было тяжело, что все это произошло из-за нее. Если б она не заплакала перед учительницей, когда он ее обидел, отказавшись сесть с ней, не поднялся бы такой шум и не стали бы копать-ся во всех этих делах. И сейчас Владин не был бы наказан. Ей бы только взглянуть на него, и он поймет, что

она раскаивается. Подойдя к воротам, она робко окликнула:

— Владин!

Но вместо Владина выскочила его мать и расплакалась.

— Кто мне скажет теперь, где его искать? Вы его прогнали!

— Тетя Мика. . .

— Нет его нигде! Неизвестно, где скрылся и что теперь с ним будет!

Катка отпрянула, будто ее ударили. Но не ушла. Она осталась у ворот и слышала, как тетя Мика запричитала: «Мальчик мой, мальчик мой!».

Катка вернулась и прислонилась к стене дома. Отец Владина с трудом отбивался от обвинений тети Мики.

— Ты его погубил, вот и иди теперь ищи его.

Катке казалось, что слова эти она бросала как будто и не ему, а ей, Катке.

Из ответов отца Владина она поняла, что тот искал его по всему селу, у всех родных, потому что Владин имел обыкновение, когда его ругали, убежать к своим теткам или дядьям и отсиживаться там, пока мать не приходила за ним. Но в этот раз обшарили даже дома его друзей и не нашли его.

— И с места не тронусь! — сердито откликнулся отец. — Так меня опозорить! Пускай помирает, коли помирает, коли не хочет с людьми быть.

— Ох, и я тогда умру, останешься один, то-то счастливо заживешь, — закрыла лицо передником тетя Мика и заплакала, как по покойнику.

Катка не выдержала этого плача: побежала, но не домой, а к партийному кабинету. Сквозь стеклянные двери она увидела отца: он сидел за столом и что-то говорил.

«Вот ведь какие взрослые, — подумала Катка: — только и говорят! Встречаются на улице и уж как томятся, а все-таки полчаса поговорят: идут на собрание — часами разговаривают, идут в гости — опять разговаривают. Даже прерывают друг друга — каждый хочет побольше поговорить».

— Ох, — простонала Катка, — ну же, папа!

Она умоляюще поглядела на него, прислушалась к его голосу. . .

— План посевной не терпит отлагательств. . .

— Ох, до плана ли теперь! — прошептала Катка. — Владин где-то умирает, а они. . . план посевной! Ну же, папа, кончай скорее!

Вокруг него товарищи, члены бюро, сидят, слушают. Он жестикулирует, морщит лоб, лицо его вытягивается, и, как будто убедив всех по вопросу, который рассматривался, он садится. На мгновение все затихает. Катка вздрагивает. Может быть, заседание окончилось? Девочка с нетерпением ожидает, когда отец выйдет. Но, заглянув в свой блокнот, он снова начинает. Товарищи подают реплики, спорят с ним.

Она прижимает лицо к двери. Ей кажется, что он ее увидел, она манит его пальцем, чтобы он вышел, но он уже забыл о ней, поглощенный заседанием. . . Лишь теперь Катка поняла, какую тяжелую работу делает ее отец. И так целыми днями и ночами. Она не слышала, когда он возвращался. Но часто ночью она вздрагивала от окликов партийцев или кооператоров. Его поднимали как раз тогда, когда он только засыпал сладким сном. Чтобы сообщить, что его вызывают рано утром в районный комитет, или же кто-нибудь заметил какой-то непорядок и предупреждает, чтобы он принял меры, или же муж и жена поссорились, отец и сын подрались и идут к секретарю, чтобы он их помирил. Даже когда кто-нибудь женился, то шел советоваться с ним. А сколько жалоб на председателя сельсовета или председателя кооператива сыплется на его голову. . .

Катка не посмела войти и позвать его. Ей стало известно. Ведь он решает такие важные вопросы — о хлебе для людей, ему доверено село, как же можно мешать его работе! Но и уходить ей не хотелось. Владина нет, может быть, он. . .

«Ну же, папа! . .»

Был момент, когда отец, наконец, поднялся, но только его товарищи пошли к дверям, он их снова остановил — на минутку, и собрание продолжалось еще чуть ли не целый час.

«Ох», — перевела, наконец, дух Катка, когда отец,

собрав какие-то бумаги, взял папку под мышку, задул лампу и закрыл дверь.

— Папа! — он даже испугался, когда она выскочила из угла, куда спряталась, чтобы ее не увидели его товарищи.

— А! Что ты здесь делаешь, что случилось?

— Папа, Владин. . .

— Что Владин? — удивленно остановился отец.

— Убежал, папа. . . из-за того, что его исключили из пионеров! — повисла на нем Катка.

— Да ну? Куда же он убежал?

— Нет его, папа, может, с ним что-нибудь случилось. . .

— Ничего не случится. Владин — бывалый мальчик.

— Тетя Мика плачет. Что-то случилось.

— Э, ты что. . . вроде и ты расплакалась? — ласково погладил ее отец. — Испугалась за Владина, а? . . Не бойся, мы его отыщем. . .

Он посмотрел на верхний этаж, в сельсовете горел свет.

— Ну, ты иди, а я зайду к председателю, у меня к нему небольшое дело, — он прижал под мышкой папку с планами посевной. — И о Владине поговорим. Может, и в милицию сообщим. Привезут его да еще на мотоцикле. . . Он любит кататься на мотоцикле. Иди, иди, вон уж какое время-то позднее! — он приласкал ее, и она побежала домой. . .

— Папа остался в сельсовете! — сказала она матери, улеглась, но заснуть не могла.

Утром она узнала от отца, что положение с Владим действительно серьезное. Его искали в окрестностях села, но нигде не получили вестей о пропавшем мальчике. И милиция не имела сведений, но собиралась его искать. Где может быть Владин?

Катка молча взяла свои книги и пошла в школу. В этот день она ничего не слышала и ничего не смогла бы ответить, если б ее спросили. Хорошо, что ее не вызвали отвечать урок. В голове ее все смешалось. Учительница заметила, что она измученная, побледневшая и рассеянная. . . Ее взгляд блуждал, под сухими, лихорадочно блестящими глазами были тени, как будто

она не спала всю ночь. И когда уроки окончились, учительница тихо ее окликнула:

— Катка, останься!

Ученики с шумом выходили из класса и рассеивались по двору.

— Что с тобой случилось, ты не больна? — спросила ее учительница.

— Нет, — опустила голову Катка.

— Ну, а что случилось? Я же вижу, что тебе плохо. Может быть. . . из-за Владина?

Катка неожиданно для себя самой спрятала лицо в ее руки. Слышны были только сдавленные рыдания.

— Не надо, не надо. . . Ты перед ним ни в чем не виновата. Он вернется. Хватит, не надо тревожиться. И мы примем меры. Послушай меня. . .

Глава 7

ХОЧУ СТАТЬ ТРАКТОРИСТОМ

Осеннее солнце застало Владина уже в пути. Он смотрел, как, вылупляясь из утреннего марева, оно пыталось сбросить с себя сонливость и не могло.

Казалось, что с уменьшением дня увеличивалась его медлительность: кругом все оставалось окутано какой-то дымкой, которая не позволяла ему сверкать, как летом, процеживала его свет, уменьшала его тепло. Но иное тепло согревало сердце Владина и иной свет сверкал ему в глаза. Он будет трактористом. Эх, сядет же он, наконец, на трактор и уж никогда с него не слезет! И есть, и спать там будет! Будет пахать, пахать, станет передовиком, и родители поймут, что не за что было его бить, а потом, может, пошлют его учиться и на комбайнера. . .

Люди вышли на поле. Созревшая кукуруза шелестела и трещала, когда сгибали и ломали ее початки, а потом кидали на телеги. Скотина щипала скудную, оставшуюся кое-где около кустов траву. Из пестреющих

по зеленому фону коричневыми пятнами виноградников долетали крики, слышались звуки ударов по жести, которыми пугали воробьев и еще больше дроздов, любящих, как дети, виноград. Выкрики оглашали окрестные холмы и эхом отдавались в долинах. Гнали собак, успевших схватить какой-нибудь молочный початок, и они визжали в спелой кукурузе, прыгая на трех ногах. . .

Владин дошел до машинно-тракторной станции, когда солнце уже поднялось. . . Он оглядел закопченные постройки, скрывавшие под свесами навесами множество машин, перекинул накидку через плечо и с трепетом подошел ко входу. Ворота были открыты. Сторожа не было, и боязнь, что его могут не пустить, пропала. Но стоило ему пройти в ворота, он увидел направленное на себя ружье.

— Пропуск! — строго окрикнул его усатый сторож, и Владин отступил.

Пришлось отступить. Но он успел увидеть, что во дворе полно машин. Тракторы, сеялки, молотилки, комбайны — множество машин словно тянули его к себе за руку и звали: «Скорей иди, скорей, а то сядут сейчас на нас, и ты нас больше не увидишь!».

— Кого ищешь? — опустил ружье сторож и вроде бы потеплее оглядел его.

— Нашего Пешо. . . тракториста!

— А ты из Ломтева?

— Ага!

— Да, хорошо бы вам с ним повидаться, он часто вспоминал об этом Ломтеве, видать, только ломтями белого хлеба вы его там кормите. Но коли нет его. . .

Перед Владином снова встала преграда. Снова стена выросла между ним и тракторами.

— Нужно мне повидать его. . . сказать ему кое-что.

— Ну что ж, скажи мне, я передам.

Старик снова отодвинул его и загородил дорогу.

— Но это не для передачи, мне он лично нужен, мы с ним свои.

Старик кивнул: понял, мол.

— Так, так. . . Только вот Пешо-то здесь нет. Он

еще до рассвета вывел трактор на пахоту. Борется парень за награду.

— А скажешь, где он пашет?

— У-у-у, далековато! Сам ты не найдешь дороги, но... если принес что-то, давай, я передам. . .

Владин держал в руках только букет осенних крокусов. И он протянул старику букет.

— Какая-нибудь зазноба их ему посылает?

— Ага, моя сестра.

— А, так вот какое у тебя дело!

В этот момент он был готов и свою сестру выдать замуж, только бы добраться до машин. И, кроме того, он любил Пешо, и ему всегда было приятно, когда Пешо спрашивал, как поживает его сестра, и посылал ей привет. Владин хотел, чтобы они встречались чаще, чтобы Пешо приходил к ним домой и сидел допоздна. Никогда бы он не кидал в него камнями, а наоборот, защищал бы его. По его мнению, Пешо был самым подходящим парнем для сестры. Куда уж лучше — иметь зятем тракториста? Ведь тогда он сможет располагать трактором, как захочет! . .

— Ну, коли ты ему будешь шурином. . . — смилостивился старик и, оглядев двор, добавил: — Попроси наших, что сейчас к нему уезжают. Коли они надумают тебя взять, ваяй. . .

И совсем неожиданно старик пропустил его в ворота. Владин не смел дышать: в любую секунду сторож мог его вернуть. Он сделал несколько робких шагов, а потом пустился бежать. Где-то там посредине двора заводи́ли только что отремонтированный трактор. Вслед за ним загудел другой, третий, целая колонна. . . Владин стремглав понесся туда. Тарахтение моторов его ошеломило.

Он был уже у машин.

— Тебе чего, мальчик? — заметил его, высунувшись из кабины, старший тракторист — плотный, весь замасленный — и тепло взглянул на него узкими голубыми глазами, блестящими на его запачканном продолговатом лице. — Не хочешь ли стать трактористом?

— Ага, — просиял Владин, — я затем и пришел.

— Да ну? — удивленно откинул голову тракторист. — И поэтому сбежал из школы?

«Пешо, наверно, с ним говорил», — подумал Владин и, еще более ободренный, ответил:

— Да нет, нас отпустили на сбор винограда, а я сказал, что пойду погляжу. . . Я все лето помогал нашему Пешо. Я кое-что умею, но сейчас пришел сюда поглядеть и, если можно, поучиться. . .

— Ишь ты! А что если мы устроим тебе приемный экзамен, а?

— Я не боюсь, я согласен! Пешо мне показал много всего.

— А школа?

— Да где ж найдешь школу лучше этой! Мне весной стукнет пятнадцать.

— А тебя не ищут там, на сборе винограда?

— Нет, это добровольно.

Трактористу нравился этот уверенный паренек, и поплевав на руки и вытерев их, он кивнул ему на плуги, прицепленные к трактору:

— Сейчас поглядим, что ты знаешь!

«Начинаются практические занятия», — сказал себе Владин.

— Это что такое, вот эта деталь? . . . Как она называется?

— Лемех! — выпалил гордо Владин и уже схватился одной рукой за трактор.

— А это? — обернулся тот к сеялке.

— Ну, ты, дядя, меня совсем уж за дурачка считаешь! . . . Это диск, дисковая сеялка.

— А это? . . . — повернулся тракторист к своей машине. — Вот этот рычаг для чего служит?

Владин засмеялся.

— Для смены скоростей.

Улыбка не исчезала с его лица.

— Похоже, ты в самом деле знаком с материалом! — ответил довольный тракторист. — Практическую часть более или менее выдержал. Но подожди, я тебе сейчас задам теоретический вопрос.

— Ладно, задавай! — Владин схватился за поручень трактора и другой рукой.

— Скажи ты мне. . . Но слушай внимательно, потому что этот вопрос решит твою судьбу!

Владин отошел от трактора и встал, как на экзамене. Подошли и другие трактористы, удивленные тем, что бригадир вместо того, чтобы повести бригаду, занимается с этим мальчуганом, похожим, в своей безрукавке, с мешочком и палкой, на пастушонка, который любопытства ради бросил овец.

— Скажи-ка мне, — повторил свой вопрос с подчеркнутой серьезностью бригадир, — кто изобрел трактор?

— Маркс и Энгельс, — ответил без колебаний Владин, и все трактористы рассмеялись.

— Почему вы смеетесь? Ведь и от учительницы я слышал. . . что они основоположники. . . всего!

Бригадир прямо согнулся от смеха. Слезы брызнули из его глаз, его крепкое тело сотрясилось от приступов смеха.

— Выдержал экзамен! — хлопнул он его по спине и подтолкнул к трактору. — Давай влезай, отвезем тебя к Пешо!

Владин кинулся к машине, но за что-то зацепился. Тракторист помог ему отцепиться, сел рядом с ним и завел трактор. За ними затарахтели, как боевые машины, и другие тракторы. Поле задрожало, будто начиналось сражение. Владин почувствовал себя уже трактористом. Мысленно он возвращался в село на тракторе. Еще в поле крестьяне приставляют руки ко лбу козырьком и восклицают: «Эй, а не Владин ли это, который убежал?». И кидаются к дороге, но он едет на тракторе, и никто не может его догнать. Первыми выбегают из своих домов те, что живут у околицы, и из уст в уста передается: «Это Владин!». Вслед за щенками выскакивают из дворов дети и бегут за ним вдоль улиц с криками: «Владин, Владин ведет трактор!». На площади собирается все село, Дилко тоже приходит и просит покатать его на тракторе, но Владин никому не позволяет дотронуться до машины: «Уберите руки, а то что-нибудь испортите!». Приходят и учитель Тодоров, и учительница Ганка. «Да, — слышит он голос кого-то из них, — а можешь ты пахать? Подумаешь, дело —

баранку крутить, а настоящее дело ты делать можешь?» — «Могу. Берегитесь!» Он выводит трактор с обочины, хотя некоторые кричат: «Остановись, ты скорости переключить не сможешь!». Толпа вслед за ним устремляется на Янино поле, он налаживает плуги и делает семь глубоких борозд. . . «Да, тут не до шуток! — восклицают уже и члены совета дружины. — Давайте отменим наказание». И тогда уже Владин позволяет Гечо первому сесть к нему. Потом Видулу и Николаю — ничего, что они ему изменили, и Гьошко — двулично. И все ему обещают: «Только за тебя будем голосовать, Владин. Трудно было отменить твоё наказание, но сейчас мы тебя избираем. На днях будет общее собрание, и мы выберем тебя председателем пионерской организации». Владин пускает ребят поглядеть на трактор и таким образом зарабатывает голоса. Только Дилко он не позволяет приблизиться. . . А девочки? Как сломать оппозицию девочек? Все они против него. Больше всех Катка. Если бы её можно было обезвредить. . . И Владин находит способ, как смягчить её обиду и завоевать её сердце. Ведь она хочет, чтобы он сидел с ней? Он ей скажет: «Катка, с сегодняшнего дня я буду сидеть с тобой». Ведь она совсем неплохая девочка! Косы, как венок из цветов, украшают её голову, глаза у неё умные и живые, она чистенькая, опрятная девочка, приветливо улыбается, словно извиняется за таких безобразников, как он. Она не злая, она дочь секретаря партийной организации. Партия защитит их обоих. . . И мечты Владина кончаются так — он видит себя рядом с Каткой на первой парте, смиренного, кроткого; они только глянут друг на друга, и им становится хорошо, тепло. . . Учительница смотрит на них и радуется, и все радуются. . .

Потом Владин неожиданно решает: никого он не пустит на трактор. Как бы не так! Станет он к ним подлизываться! Вот ещё! Они, увидев, как он ведет трактор, сами поймут, какого героя они наказали. . . И сами отменят своё решение.

Глава 8

РЕШЕНИЕ НЕ УТВЕРДИЛИ

Ученики гудели, как растревоженный улей, с каждым часом все больше. Где в самом деле мог быть Владин? Времени прошло немало, а на уроках только об этом думали и шептались. Катка едва сдерживала слезы. Все считали ее обиженной и ни о чем не расспрашивали. Задумался и Дилко. И он как будто чувствовал себя виноватым. «Мы его изгнали». В классе Влада было не до учения. Ребятам на уроках нет-нет да и приходило в голову что-то такое, что прерывало занятия.

— Может, он в овчарне или на виноградниках? — сказал Видул. — Надо создать бригаду для его розысков!

— Он наш товарищ, и пионерская организация должна его найти! — поднялся Гьошко и провозгласил себя командиром бригады. Только Гечо за всем наблюдал молча.

Ребята решили и исполнили свое решение. После уроков группа добровольцев направилась на виноградники и тщательно осмотрела все от лозы до лозы. Ходили по овчарням, влезали на чердаки — напрасно. Влада нигде не было. Сторожа говорили, что не видели его.

— Только б явился, мы бы сразу его обнаружили — обиженно заявляли они. — Змея из норки покажется, мы видим, не то что человек!

— Эх, спите вы все, как турки зарезанные! — отвечал им Видул и продолжал со своей бригадой розыски.

Даже по заброшенным мельницам прошли; тайно письма писали в пионерские организации соседних сел: если, мол, увидите такого-то и такого-то мальчика, в такой-то и такой-то одежде, сообщите немедленно.

Никакого ответа не получили.

Учительница за это время похудела. Она была тоненькая, а теперь и совсем высохла, даже шаталась, как кукурузный стебель осенью. На лице ее появились следы, того что ночами она плакала, совесть ее мучила. Она

не выдержала и, совсем измучившись, пошла к Тодорову. В клубе он был один и ждал ее. Подал ей стул, и она со вздохом села.

— Ох, этот мальчик со своими выходками и прежде мучал меня, а теперь так совсем уморит! Что наделал, что! . .

— Да, выпустила из своих рук руководство собранием.

— Но как иначе? Когда все набросились: «Вон из пионерской организации!» Что я могла сделать?

— Надо было встать, объяснить детям. Такие вопросы не решаются стихийно, их обдумывают заранее.

— Я несколько раз вставала, говорила, но никто меня не слушал. И он тоже, хоть чуть-чуть был бы самокритичным. . .

— Такой уж он есть, упрямый, в своих ошибках легко не признается.

— Если б хоть что-то признал, не вышло бы так. Но он словно вспыхнул, оскорбил всех: и меня, и тебя, и детей. Хулиганский поступок! Сколько раз старалась с ним сладить и добром, и по-всякому. . . Но он, он в каждом видит врага. Каждый, кто ему возражает, для него фашист. Даже и меня называл перед детьми фашисткой! И угрожал, что подкараулит меня как-нибудь и изобьет.

— Ну да, ведь болит у него. Это еще незажившая рана. И от боли. . .

— Знаю, но так не могло больше продолжаться. Он заражал и других. Много мальчиков ходили вокруг него, он привлекал их своим озорством. Все говорили себе: «Если Владиноу ничего не делают, то и мне ничего не сделают. И отец его — член партии!» А есть такие отцы, которые вместо того, чтобы драть их за уши, приходят в школу ругаться. А это их ободряло! И дошло до неизбежного наказания. В назидание другим.

— И все же наказание чрезмерно. Вы не отделили правду от детских фантазий, не потрудились побольше и. . . Выявились и злорадство, и ябедничество, и ложь. . . Нужно было просеять все, как жито в зерноочистительной машине. . . И тогда. . .

— Я думала об этом после собрания. Так и решила:

после этого начнем. . . накажем и тех, кто. . . Но он убежал. И что сейчас делать — ума не приложу! Что если с мальчиком что-то случилось. . .

— Ничего с Владином не случится. Он живуч, как черт.

— Нигде его нет. Уже ведь второй день.

— Он бывалый пройдоха, ничего удивительного для меня, например, не было б, если бы он сейчас из лесу появился.

— Все-таки меня тяготит, что я как будто стала причиной всего этого. Его мать смотрит на меня так сердито. И ведь права она. Потеряла единственного сына. . .

— И впрямь, тебя совесть мучит! Рядом с детьми ты сама иногда превращаешься в ребенка, становишься чувствительной ко всяким пустякам. . . вот только ко мне. . .

— Пожалуйста, Стойно.

Тодоров и Чернева дружили. Тодоров иногда вызывал ее после уроков по организационным вопросам, она шла к нему, они сидели допоздна, он провожал ее и старался приблизиться к ее сердцу. Когда он видел ее, то становился нежным, милым, и улыбка всегда появлялась на его губах и уже не пропадала во время всего их разговора.

— А что плохого я сказал? . . Просто сделал тебе комплимент, что у тебя все еще есть способности становиться ребенком. Это не всякому и не всегда дано. Это особое очарование, именно благодаря которому некий человек сходит по тебе с ума.

— Я тут переживаю, плачу, а он. . .

— Ты хочешь, чтобы наши отношения упорядочила организация?

— Я уйду, если будешь так продолжать. . . Сейчас разговор о Владине, что ты можешь сказать?

— Вопрос ясный! Мы не одобряем его наказания. Слишком оно сурово. Владина не должны были исключать из пионерской организации. Могли вынести ему порицание за плохие поступки, но не исключать! Даже в партийной организации возмущались. Как можно так легко объявлять хулиганом? Он хороший мальчик, только очень озорной. И вместо того чтобы подумать, как

направить его активность, вы принимаете самое легкое решение: исключить. Так не делается.

— Ну, а как. . . Сейчас опорочить, что ли, себя? . .

— Зачем? Сознаться, что и вы делаете ошибки, не унижение, а достоинство!

Учительница промолчала.

— Не надо смотреть на него, как на пропавшего, поворачиваться к нему спиной, а надо окружить его вниманием, помочь ему и направить его.

— Да что же мы еще-то можем? Как?

— Вот те на. . . Инструкция для вас — все, а надо чувствовать. Включайте таких, как он, в трудовую деятельность. Трудом легче всего сладить с озорством. В труде он истратит все те силы, которые тратит теперь на неприятные ссоры. Влади́ну, например, нравятся машины, трактора, полевые работы. . . Вот туда его и отправьте. Я говорил и с секретарем парторганизации. Ведь обещали и у нас, как в других селах, создать для детей опытное поле. Включите и его туда. Он любит это. . . Звеньевым назначьте или пусть каким-то клочком земли заведует.

— Прекрасно! — учительница даже в ладоши захлопала от радости.

— По примеру Макаренко даже преступных детей можно исправить. А у Влади́на нет дурных наклонностей, он на редкость хороший мальчик.

— Хватит агитировать, это уже ни к чему. Я сама, я сама. . . знаю теперь, что делать. Но вот вернуть его, найти его. . .

— Найдем! — Тодоров поднял палец и задумался. — Знаешь, когда мы заговорили о пашне и машинах, мне пришло в голову, где он может быть. . .

— Где?

— Тайна. Вот проверим, тогда скажу.

— Скажи пожалуйста, чтобы я успокоилась. Только мне скажи, как старший товарищ, — вспыхнула учительница. — Иногда столько болтаешь, а сейчас. . .

Тодорову стало приятно, что она просит его так mildly, так нежно и, по-детски улынувшись, он наклонился к ней и прошептал:

— Он может быть рядом с машинами. . . в МТС. Сколько раз я его заставлял у трактористов. . .

— А у меня это из головы вылетело, ну и ну. . . Только там ведь мы еще и не проверили! . .

В это время Гечо-Ятака, сновавший рядом, вышел, никем не замеченный, на улицу и исчез по направлению к Партизанскому источнику. Уже смеркалось, и Владин ждал его донесений.

Глава 9

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Несколько раз Гечо вызывали и на педагогический совет, и в совет дружины, и в сельсовет, чтобы он сказал, где Владин.

«Не знаю! Он ушел с собрания раньше меня, и с тех пор я его не видел!» — повторял он, готовый на все, но только не предать своего товарища. Они махнули на него рукой.

И сейчас Гечо не ожидал, что наткнется на засаду. Но едва он вышел за околицу, ему навстречу попал сам Дилко. Он удивленно оглядел Гечо и загородил ему дорогу.

— Куда с таким мешком?

Гечо на миг смутился, но потом быстро сообразил, как избежать разоблачения.

— На виноградник иду. . . Эту ночь мы с папой там проведем, чтобы пораньше начать работу. . .

— А почему отсюда? Ваш виноградник вон там.

— Но папа в поле работает. . . вот я ему и скажу, что я еду захватил, чтоб ему в село не возвращаться. . .

Дилко как будто был удовлетворен ответом. Но когда Гечо повернулся и пошел, ему показалось, что у Дилко осталось какое-то сомнение. Гечо старался избегать людских взглядов; как настоящий ятак, пробирался он тайком по лощинкам, но несмотря на его старания остаться незамеченным, на каждом шагу в

этот раз возникали засады. Как назло, он наткнулся на группу девочек, собиравших шиповник. Сельская кооперация скупала его, и в то время, когда отцы и матери были заняты на полевых работах, дети постарше уходили в дальние поля, чтобы собрать как можно больше шиповника. «За один день мы заработаем больше, чем наши за трудовень в кооперативе!» — хвалились некоторые, и вот пионеры в этот день хлынули на поля, и Гечо почувствовал себя так, будто его преследовала армия врага. Он стоял, окруженный девочками, и повторял то, что уже говорил, встретив Дилко. Но Катка посмеивалась и качала головой:

— Поглядим, что это за ночные прогулки!

— Ну и глядите! Приходите ночью, я буду на веранде. . . Только крикните с шоссе, а то буду стрелять из папиного партизанского ружья. Еще подстрелю вас, как куропаток.

Незамеченная своими подругами, Катка выследила его. И когда он повернул к Мечовой роще, она неожиданно появилась из-за куста. Гечо попятился.

— Зачем обманываешь меня? Ведь на виноградник. . .

— Но, Катка, я. . .

— Ты идешь к Владиному!

— Катка, видишь ли, Катка. . .

— Скажи только мне, где Владин, я тебя не выдам. . .

— Как? Я клятву дал, партизанскую клятву. . .

— И я дам. . .

Гечо мгновение колебался, но потом, припомнив, как его отец некогда доверил самому близкому человеку, своему брату, где скрываются партизаны, нахмурил, не соглашаясь, брови. Она застонала и отвернулась. Гечо заметил, что на ее глазах выступили слезы.

— Я только ради него. . . а ты мне не говоришь! — Катка закусил губу, чтобы не расплакаться.

Гечо вспомнил, как она вела себя, когда исключали Владиного: чуть-чуть подняла руку и робко ее опустила. И он снова смягчился.

— Знаю, Катка, но ведь ты девочка! Владин убьет меня, если узнает, что из-за меня в такое дело заме-

шана девочка. Ведь ты видела, что он не хотел сесть с девочкой!

— Девочки показали, чего они стоят как в партизанском движении, так и теперь на полях. Его сестра Зорка — звеньевая.

Гечо оказался загнанным в угол. Ведь Катка — дочь испытанного в боях товарища, нельзя же было усомниться в ее твердости!

— Ладно, — отвернулась она обиженно, и у нее хлынули слезы.

Гечо не выносил слез, особенно у девочек, и как только Катка двинулась, он остановил ее:

— Слушай, я скажу тебе, но знай, это дело ответственное. Ты ответишь, если случится что-нибудь.

— Отвечу! — заблестели глаза девочки.

Гечо вынул из ножен свой острый нож и поднес его к ее губам.

— Целуй!

Она прикоснулась губами к холодному клинку и с этого мгновения превратилась в заговорщицу.

— Где Владин?

— Неважно, где! — огляделся вокруг Гечо. — Этим вечером я буду у него. Что ему передать?

— Привет! И если он в МТС, пусть убегает оттуда, его будут там искать! Раскрыли его. Тодоров сказал папе: «Проверим машинно-тракторную станцию, он любит машины», — засмеялась Катка и, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге и напевая, побежала к своим друзьям.

А Гечо вместо Мечовой рощи помчался к противоположному холму, где был их виноградник. Так будет лучше, думал он. И соседи увидят, что он пришел вовремя, и винограда для Владины наберет.

Хотя, завернув на виноградники, Гечо и прошел три-четыре километра лишних, в назначенное место он явился вовремя. Но Владины не было. Что могло с ним случиться? . . . Не схватили ли его на машинно-тракторной станции? . . . Гечо долго крутился у Партизанского источника, произносил слова пароля, вздрагивал от злоежущего крика филинов. Он втиснулся в дупло и только время от времени спохватывался, что запаздывает с

возвращением на виноградник, что отец, может быть, уже пришел и ищет его. . . «Ходил к источнику по воду!» — отвечал он мысленно отцу и похлопывал по бутылке из тыквы, которую специально захватил с собой из шалаша, что на винограднике. Но вместо того, чтобы из Пишуры, он наполнит ее здесь, из Партизанского источника. «Да какая такая вода? — закричит на него отец раздраженно. — Я два часа здесь. За два часа я до города дойду и наберу воды из Буйного озера в горах. — Ну да. . . но я встретил. . . и заболтались. . . Кого встретил? Как же теперь? . . . — Кого встретил по пути? — Ну, Катку! . . . Поболтали о школьных делах». Отец поверит и оставит в покое. Но Катка? Что, если она их выдаст? Он решил подождать еще немного и уйти. Но только двинулся, сказал себе: «Ну, еще немного!» Сел, и снова мысль о Катке подняла его. Так прошел целый час, пока он, наконец, не взял корзинку и не пошел прочь.

В это время слышался треск сучьев. Кто-то приближался легким шагом, как будто шел не по лесу, а по тюфяку. «Это они! Дилко, Катка. . . Предупредили моего отца и вместе идут схватить меня!» — Гечо выскочил из дупла и метнулся в сторону.

— Тракторист! — выкрикнул, когда Гечо побежал, Владин, который сразу все понял.

— Где ты так задержался, комбайнер? — откликнулся Гечо, и приятели обнялись. Было облачно, душно, в любое мгновение мог хлынуть дождь.

Владин присел возле источника и начал рассказывать после глубокого вздоха:

— Когда я добрался до Пешо, встретилось затруднение. «Пойду, говорю ему, переночую дома, а спозаранку опять сюда приду». — «Нет, говорит, будешь здесь спать». — «Но я еды с собой не взял!». «Мы дадим тебе еду, но отсюда шагу не сделаешь! Я принял за тебя ответственность перед директором». Видишь, какая неприятность. Я и подумал: «Подожду, когда он заснет, и тогда вернусь». Так и сделал.

Владин замолчал, застыдившись своей лжи, потому что весь этот рассказ он выдумал. На самом деле Пе-

шо сразу понял, что он убежал, и на следующий же день отправил его домой, чтобы не волновать родителей.

— Знаешь, что случилось в селе? — начал Гечо, поверивший каждому слову.

— Что? . .

— Раскрыли тебя. Стойно Тодоров лично пойдет тебя в МТС искать.

Владин сокрушенно вздохнул.

— Лучше бы тебе бежать оттуда, пока не поймали. . . Иди в село сам, потому что, знаешь. . . Партийная организация за тебя. Я слышал, как секретарь говорил Тодорову: «Как вы могли его исключить? Он наш парень, сын партии». А знаешь, кто это сделал? Катка.

— Брось ты!

— Плакала перед своим отцом, говорила, что ты не виноват, и просила, чтоб он заступился за тебя.

Владин помолчал.

— И потом — сама Катка мне сказала — отец ее с этим делом в райком ходил, и там подтвердили его мнение: «Не одобряем исключения Владина. Выговор могли дать, но исключать — ни в коем случае!» И теперь все эти, что против тебя голосовали, говорят: «Пусть вернется, за него проголосуем». Раскаиваются, и именно сейчас самое время тебе вернуться. На-ка возьми виноград. Ходил на виноградник для тебя набрать. Но ты меня послушай, пойдём, для них это такой удар будет!

— Посмотрим, — начал Владин медленно отрывать по винограднике, как бы о чем-то думая. — Наши-то что делают?

— Ваши тоже переживают и говорят: «Бог, нас покарает, выгнали мы его». Твой отец жалеет, что ударил тебя. «Никогда больше не трону его, говорит, только б вернулся». А Зорка решила искать тебя через милицию. Все село плачет по тебе. Пойди, самокритично выскажись, и все уладится.

— Что? Себя порочить? Никогда!

— Ну пойдём. . . сейчас, потому что. . . Знаешь, что надумали? Есть предложение организовать сельский кооператив для ребят.

— Сначала надо сменить этот совет дружины, а уж тогда думать о кооперативе.

— Совет — дело иное. Будет перевыборное собрание, мы его сменим. Видишь, какие теперь настроения-то. . . Пошли, и сядь с какой-нибудь девочкой. Неужели, если я сижу с Пенкой, так она меня съест. Не хочешь с Каткой, — Гечо думал было сказать, что он раскрыл все Катке, но решил, что еще рано, — садись с другой. Девчонки не такие уж плохие, как мы о них думаем!

Гечо замолк и тихо, словно самому себе, сказал:

— Они добрее. . . и сообразительнее нас. Ценка дает мне свой ластик, помогает по арифметике.

Но Гечо ни за что на свете не признался бы, что он носит Ценке груши и защищает ее от злого пса Рым-жо.

— Может, и так, но надо еще немного подождать, — вздохнул Владин.

— Иди лучше сейчас, иначе момент упустим. Сейчас самое время ухватиться за кооператив.

— Какой еще кооператив? Бредишь ты, что ли?

— Ведь я тебе сказал, что образуется школьный кооператив. Я слышал. А своим ушам я верю.

— Знаю. Поэтому ты и стал вислоухим.

— Да и Катка мне говорила. Это ее отец все устроил. Катка мне сама сказала.

— Слушай, а ты это точно. . . что. . .

— Можешь не верить, но я собственными ушами слышал, как Тодоров давал распоряжение нашей учительнице: «Создайте опытное поле для учеников, и вы увидите, что будет». Вот так-то — и нам дадут землю, чтобы мы на ней работали в свободное время, как взрослые в кооперативных хозяйствах. Так что сейчас самое время тебе вернуться и взять землю. Мы разделим ее по участкам — один будет под кукурузу, другие под хлопок, под рис, под огород, будем обрабатывать их самым современным агротехническим способом.

— Не агро, а агротехническим! — поправил его Владин.

— Ты уже знаешь машины. Будешь все время с ними.

— Вернись! — вскочил Владин и подошел к Гечо вплотную. — Завтра к обеду у мельницы Масларского. Только никому ни слова, ты дал партизанскую клятву.

— Знаю, — Гечо направился к виноградникам, недоумевая, что еще надумал Владин и почему он не побежал, как прошлым вечером, к МТС.

Глава 10

НА КУЛАЦКОЙ МЕЛЬНИЦЕ

После того, как электрическая мельница кулака Масларского была национализирована и усилена еще одним валом, все крестьяне мололи только на ней. Маленькие старые мельнички заглохли сами по себе, до того как власти дали распоряжение их закрыть. Так пришли в запустение две приземистые мельнички — одна далеко, у Вырбицы, а другая — тут же за селом, бывшая собственностью того же Масларского. Каждый день люди проходили мимо нее и видели, как она мало-помалу разваливается и зарастает бурьяном. Огромное ореховое дерево, под которым работник Масларского, дед Пантелей, собирал народ и рассказывал старые сказки, засохло до половины, как парализованный человек. Воду отвели для орошения кооперативных садов. Нижнее колесо мельницы рассохлось, желоб потрескался и заплесневел, на покрытых мукой черепичных плитках крыши вырос высокий, ядовито-зеленый сорняк, в котором шумел ветер. . . Вокруг поднимался непроходимый бурьян. Сначала в летнюю пору бригада, собирающая урожай в садах, использовала мельницу для отдыха, потом, когда сады раскинулись и ниже по реке, мельница стала для них слишком далекой и ненужной. Весной только аисты вили гнезда на ореховом дереве, а вокруг прятались змеи и лягушки. Осенью же, когда и птицы улетали, мельница становилась даже страшной, особенно по ночам. Словно какой-то призрак, выступала она из мрака и напоминала о таинственных

приключениях и мертвецах. Ее хозяин Масларский был осужден народным судом и приговорен к смертной казни за убийство партизан и ятаков, скрывавшихся на этой мельнице в лютую зиму перед приходом свободы. И люди сторонились этого зловещего места, им хотелось как-нибудь поскорее его миновать. Никто никогда ни за что не решился бы приблизиться к этим развалинам.

... Только Владин рано утром переселился из Мечовой рощи на мельницу, чтобы быть ближе к селу. Днем он увидел, что к мельнице приближается девочка с корзинкой. Он ужаснулся. Это была Катка! Он залег, как во время боя. Катка огляделась, потом быстрыми шагами вошла в густую траву и спрятала записку. После этого вскочила и побежала с корзинкой к винограднику. Владин стоял, пораженный. Что это за записка, и почему Катка ее ему принесла? Где Гечо? Что случилось? Может быть, его поймали? Владин прополз, как уж, сквозь бурьян и достал записку: «Возвращайся. Нам всем тяжело без тебя!».

«Ха, — смял он записку. — Сейчас им тяжело, а тогда?»

Владин не заметил, что и ему стало тяжело без села. Он представлял себе, как мать не может уже сдерживать слез и не переставая плачет, забившись в какой-нибудь угол; как отец, хоть он и непреклонный человек и угрожал часто ему, трет время от времени глаза; как сестра, хоть и ненавидит его с тех пор, как он забросал ее камнями (он был уверен, что она его ненавидит), сейчас бегают, как безумная, по всем знакомым из милиции, товарищам брата, и просят найти его. Ему было тяжело, что он оскорбил и Тодорова, и учительницу, и Катку. . . Сейчас все они казались ему добрыми, все беспокоились о нем, раньше он их просто не понимал; и говоря себе, что никогда больше он не повторит того, что сделал, он еще мучительнее ждал, когда стемнеет и можно будет вернуться. «Как я мог натворить такое? — спрашивал он себя с укоризной, и ему хотелось заплакать. — Не послушаться учительницы, отца, товарищей! . . Дурья башка! Но теперь, когда я возвращусь и возьмусь за опытное поле, они увидят, на что я способен. . .»

Владин уже прикинул, какую землю он попросит. Может, подсунут им какой-нибудь неплодородный участок, лишь бы отделаться. Тогда он поднимется и скажет: «Нет! Дайте нам ту равнину у села, Лыкату, и к правлению близко — нам кооператоры помогут инвентарем, и к школе близко. Мы, дети, скажу, не можем так далеко ходить!» И так как он, Владин, верно говорит, то старшие согласятся. Они знают, кто такой Владин, и не посмеют ему слишком много возражать.

И он мысленно делил уже землю на участки, распорядился, какой чем засеять. . .

Он едва дождался вечера. Стыдно ему было возвращаться засветло. Лучше ночью, чтобы его никто не заметил.

В сознании Владина его детское бегство соединялось с подвигами недавнего прошлого. Он постучит в окошко, и мать откроет ему. Так она открывала и его брату, когда он спускался с гор зимой и стучал в дверь или бросал снежком в стекло. И как она прижимала к груди голову брата, обливая ее слезами, прощая ему, что он ушел в горы, так и его простит. И они никогда, никогда больше не будут разлучаться. . . И к чему? К чему было это бегство?

Уже стемнело, затихла дорога, от села долетал редкий, приглушенный лай собак. «Уже и собаки засыпают! Пора!» — сказал себе Владин и начал готовиться к возвращению. И без того на мельнице ему стало страшно. Казалось, из бурьяна вырастали призраки, пролезали через желоб и разбитые окна, скакали внизу по разошедшемуся колесу, как будто включали трещотку, забирались в ящики для зерна. Но только он вышел, как услышал поблизости голоса. «Мертвецы, — сжался он от страха, хотя и не верил в них. — Может, через Масларского перепрыгнула кошка, и он стал вампиром!» Он упорно отгонял от себя эти суеверия, но вот голоса послышались снова, совсем у дверей. Мальчик прижался к стене и замер. Это были никакие не вампиры, а люди. Он слышал их шаги. Вампиры не ступают по земле, как рассказывала ему бабушка, их не ощущают. Они только движутся, как тени, хватают за горло и душат. А это были живые люди, эти двое.

Один, повыше, шуршал своей жесткой одеждой, как будто на нем была куртка из водонепроницаемой ткани, а другой, низкий, закрыл нарочно свое лицо капюшоном накидки, чтобы его не узнали. Они прошли сквозь бурьян и остановились у дверей. Владин задрожал. Зубы у него застучали, он их стиснул, чтобы не выдать себя. «Что, если войдут!» Он осторожно спустился вниз по желобу и застыл на рассохшемся колесе. Хорошо, что он сделал это быстро и бесшумно, потому что те двое вошли внутрь, и послышалось щелканье зажигалки. Пламя осветило лицо высокого, который оглядывал мельницу, нет ли здесь кого-нибудь. И Владину показалось знакомым это лицо. . . Ведь это Иванчо, его двоюродный брат. Иванчо, что уехал в Софию изучать юриспруденцию. Иванчо, убежавший год назад за границу, потому что его искали, чтобы судить за заговор против народной власти. Что он ищет здесь ночью? Может, он раскаялся и вернулся домой? . .

Владин быстро вспомнил, что сделал Иванчо.

Тогда, когда недовольные все чаще поднимали головы и кричали, что народная власть падет и вернется старое, Иванчо приезжал не раз из Софии и подбивал крестьян: «Не вступайте в кооператив, обманывают вас коммунисты, заберут ваше добро и закабелят вас. Боритесь за свою землю! Америка не позволит России сделать Болгарию коммунистической. Болгария земельческая страна, частная собственность должна сохраниться». . . Когда его спрашивали: «Ты, Иванчо, о какой частной собственности плачешь, если твой отец владеет всего-навсего пятнадцатью декарами?». Он гордо отвечал: «Пятнадцать, но зато мои». А однажды прошел слух, что он сбежал. Владин много слышал о таких беглецах. Может, и Иванчо перешел тайно границу, чтобы совершать грабежи, поджоги и убийства? Или же он понял свою ошибку и вернулся, раскаявшись, домой? Владин волновался, ему хотелось услышать его голос, увидеть его лицо, чтобы узнать, честен ли он, нет ли у него дурных намерений. Но огонек зажигалки не осветил мельницу второй раз. «Это он, — говорил себе Владин и уже представлял себе его нависшие брови и длинный сплюснутый нос. — Иванчо!»

Владину захотелось окликнуть его. Послышались шаги: беглец оглядывал на мельнице каждый уголок, паутину, окутывающую старые балки, пустой, гниющий уже ящик, в который некогда ссыпали зерно, пнул ногой трещотку, поглядел вверх в зияющее отверстие развалившейся трубы, свесился вниз, и Владин замер. Опять вспыхнуло пламя зажигалки. Неужели беглец его не видит? Владин ждал, что он его окликнет сверху. Но тот отошел к дверям, потому что торчащий там, как мешок, его товарищ прошептал:

— Гляди, гляди, как красиво горит. . .

Только теперь Владин увидел, что от села идут какие-то светлые отблески. И вздрогнул.

— Пускай все сгорит. . . и вера их коммунистическая! — сказал злорадно Иванчо, швырнул плащ и рюкзаки на пол и уселся сам.

Будто жернов обрушился на голову Владину. Он с ужасом понял, что в селе что-то подожгли. Но что?

Зарево пожара вспыхивало и гасло, освещая деревья, ярко очерчивая бурьян.

«Что он поджег?» — стоял подавленно Владин и не мог пошевелиться.

— Пускай голодают. . . может, тогда поумнеют эти хама! — бормотал наверху поджигатель.

«Ой-ой-ой, амбары! Поджег амбары с пшеницей!» — едва не вскрикнул Владин, соскользнул с колеса и шлепнулся в канаву.

Наверху зашевелились.

— Тут кто-то есть, — вскочил беглец, и Владин увидел его совсем не таким, каким себе представлял — смиренным, кротким, раскаявшимся, как блудный сын перед родной матерью. Дуло его автомата было направлено на желоб. На поясе у него висели пистолеты и гранаты, он был одет в иностранную, не болгарскую одежду. Владин видел только мгновение это зловещее лицо своего двоюродного брата, но запомнил его навсегда. И если раньше он хотел его окликнуть, то теперь испугался его так, как не пугался никогда фашистов. Этот человек может его убить, неважно, что они родственники! Если он поджег хлеб всего села, какое ему дело до какого-то мальчишки! И глазом не моргнет! . . . «Скорей,

скорей!» — подгонял себя Владин и хотел выбраться наверх из этого чертова, осклизлого желоба, но не мог. Едва он вскарабкивался наверх, как снова соскальзывал. И ему казалось, что его сию минуту найдут. Глаза беглеца шныряли, как горящие пули, и искали его. Владин сидел в тине и не смел пошевелиться.

— Это какая-нибудь лягушка! — слышался роко-чуший голос от дверей, и только тогда беглец отодвинулся от желоба.

— Нужно было этому типу Стойно пустить пулю в лоб; его счастье, что в этот вечер его дома не было! — Владин уловил вздох и угрожающий тон поджигателя. — Но завтра вечером я уж его укокошу. . . Ты его подманишь, чтобы он снова не свернул с этой самой. . .

Владин остолбенел. Он ненавидел Тодорова за то, что тот иногда провожал его сестру, но сейчас испугался за его жизнь. Чтобы спасти своего учителя, Владин, если б только у него было оружие, был готов убить двоюродного брата.

— На, теперь возьми эти деньги! А завтра вечером получишь еще! — слышался снова голос поджигателя.

Владин услышал шум и представил себе, как поджигатель вытаскивает из рюкзака пачки денег. Его сообщник протягивает ему свою предательскую руку и берет их. Кто же он? . . В его голосе было что-то знакомое, Владин говорил себе: «Вспомни же», но не мог. Это был кто-то из их села, но кто? Кто этот предатель, который, верно, притворялся святым на людях, а теперь стал сообщником поджигателя и убийцы. Владина охватил новый приступ ярости. Если бы этот предатель не привел Иванчо, тот один не смог бы сделать ничего. Он дрожал от ненависти и ждал, когда удастся услышать его голос достаточно ясно, чтобы узнать. Но человек не подавал реплик. Он молча поднялся, и шум шагов в исчез в неопределенном направлении. Неизвестный исчез, чтобы завтра вечером прийти сюда после убийства, и потом они оба сбегут опять к тем, кто платил им за их поджоги и убийства. . .

Владин подождал еще немного, пока все не стихло. Тогда он бесшумно вылез из канавы и побежал вниз. Ему казалось, что кто-то кричит, стреляет в него, но он,

не оборачиваясь, бежал во всю мочь, падал, поднимался, сщупывал свою шею, не обожгла ли ее пуля, и снова бежал. От Рапонкьева оврага поднималось зловещее пламя и освещало своими вспышками его путь и все поле вокруг лесов и ложбин.

— А-а-а! — закричал Владин и прирос к месту.

Был подожжен стоявший в стороне от села свинарник, а не амбар с пшеницей. Владин хотел идти прямо в село и сообщить, кто поджигатели, но его ноги подкашивались, дыхание прерывалось. Колокол в селе уже бил, разбуженные люди бежали наугад из темноты, сонные, босые, растрепанные. Все гремели ведрами, обливаясь водой, и если хотя бы на доньшке оставалась вода, торопились добежать и плеснуть ее на пламя. Владин повернулся и бросился напрямик к горящему свинарнику. Все яснее становилось видно, как из темного Рапонкьева оврага разрастаются языки пламени, разветвляются и после мгновенной борьбы сливаются в огненный столб.

«Только бы свинарки не ушли домой сегодня вечером! Они бы выпустили свиней! А то сгорят ведь свиньи!» — думал Владин и даже не заметил, как поднялся на холм, такой крутой, что когда въезжали наверх на телегах, люди обычно слезали, чтоб легче было тащить лошадям. Когда же после этого он спустился вниз по дороге, то внезапно отпрянул, как будто натолкнулся в темноте на дерево, и потерял на миг сознание. Соломенная крыша свинарника, что стоял возле реки, обвалилась. Плающие огненные громады засыпали свиней, страшно визжащих и умирающих. Никто из подбежавших людей не решался войти в горящее пространство. Стены, сделанные из плетеных прутьев, трещали, закрытые деревянные двери извергали сквозь щели удушающий ядовитый дым. Из каждого окна, как из змеиной пасти, с воем вырывался огненный язык. Вокруг пахло паленым мясом.

Обезумевшие люди, крича, бежали к оврагу, зачерпывали воду и выплескивали ее, но от этого пожар разгорался еще страшнее.

— Батюшки, кто же это посмел? — носились горестные выкрики, пронзающие сердце Властина, и чем скорее

ему хотелось быть на месте, тем медленнее, казалось, он бежал.

— Пропали мы, батюшки!

В свинарнике кооператив содержал около ста свиней. И сейчас все они сгорели живьем. Кооператоры горевали не только потому, что погибли живые существа, но и потому, что эта потеря лишала их теперь половины дохода, а они рассчитывали увеличить его вдвое.

«Бегите на мельницу!» — кричал Владин еще изда-лека, но голос ему не повиновался.

«Скорее, один уже сбежал! Да и другой может уд-рать!» — махал он рукой, но никто его не видел.

Свинарник был охвачен пламенем, не видно было ни ворот, ни окон, ни стен. Бесформенная огненная стихия была в самом разгаре. Как будто какое-то чудовище раздувалось и пытело, обдавало пламенем и искрами всех, кто к нему приближался.

— Столько забот, столько труда! — люди колыха-лись, будто тени, которых пламя делало как бы прозрач-ными.

Владин впервые видел, как горят животные. Этот запах дурманил. Такое было даже страшнее, чем под-жоги домов партизан, о которых он помнил. Тогда пла-кали только близкие и сочувствующие и плакали тихо, чтобы их не увидели, потому что могли пострадать и они. А сейчас сбежалось все село. Крики, прорезающие ночь, стук ведер, пламя и запах сгоревших живых су-ществ — все это создавало нечто ужасное, что сводило Владина с ума, подкашивало ноги. Вот уже осталось всего шагов пятьдесят, а он не может закричать, поте-рял голос.

— Где были свинари? — кричал вне себя, совер-шенно растерянный, председатель.

— Мы же только днем, а ведь это ночью случи-лось. . . — вертелись около него свинари, в ужасе при-жимая к груди руки. — Все из-за вашей экономии, не даете нам трудней. . .

С давних пор свинари делали так: днем свиней па-сут, а вечером накормят их, напоят, запрут и уходят себе ночевать домой.

— Люди, подтвердите: ведь столько времени, как та-

кой порядок заведен, никто нам слова никогда не сказал, чтобы мы здесь ночевали! — искали они себе оправдание и протягивали руки то к одному, то к другому, словно помешанные.

«Дорого обошлась нам эта экономия!» — слышались разгневанные голоса, а председатель, после безуспешных попыток броситься в огонь, увлекая людей своим призывным голосом: «Гасите, не стойте же!» — наконец отступил, обожженный и отчаявшийся:

— Я говорил, что надо построить новый, современный свинарник, но вы все свое: «Зачем бросать столько денег, и этот хорош!» Нате вот теперь!

Свинарник оседал, как подожженное бензином животное, теряющее силы, испускающее последнее дыхание, стихая и тая на глазах. И председатель, не проронивший ни единой слезы в годы тяжелых испытаний, когда шла борьба против фашистского гнета, заплакал.

Только когда Владин появился вблизи свинарника, его заметили.

— Эй, дайте воды, тут один потерял сознание, — закричал кто-то.

— Да ведь это Владин! — наклонился над ним Стойно Тодоров с какой-то неожиданной подозрительностью, кажется, готовый крикнуть ему: «Слушай, неужели ты по-ребячеству. . . устроил нам это бедствие?»

— Он хочет что-то сказать! — Чернева плеснула ему водой в лицо и сильно разжала краем котелка ему рот. — Что случилось, Владин? Выпей и скажи.

Его окружили и прибежавшие с родителями дети. Владин заметил опаленные и испачканные сажей красные галстуки Дилко и Катки и выкрикнул:

— Вод. . . вод. . . вод. . .

— Он хочет еще воды! — закричала Катка и сама дала ему отпить из своего котелка. Он ожил.

— Водяная мельница! На заброшенной мельнице! — прошептал он и глаза его широко раскрылись и гневно засверкали. — Они там! Вооруженные! Двое. Один Иванчо, а другого я не мог узнать! Грозилась и тебя, Тодоров, убить!

Владин вдруг вскочил, вздрогнув, как от кошмара, и потащил учителя к мельнице.

— Бедняга. . . бредит! — прошептала учительница, повернув голову к Тодорову.

— Нет! Он не бредит! — ответил Тодоров и пронзительно свистнул. Он подал знак подбежавшим полевым сторожам и вместе с ними и Владином бросился к мельнице.

Многие побежали за ним, захватив, кому что под руку попало. Из города с воем и грохотом прибыла, наконец, пожарная машина, и шланги сразу забили, как непрерывная стрельба, по пламени. Уже обессиленное, оно сначала все же непокорно отскакивало, но потом быстро падало, перерезанное, пока совсем не склонялось. Половина села осталась гасить пожар, а другая половина рассеялась и окружила цепью мельницу Масларского.

Вскоре раздались выстрелы. Автоматная стрельба возобновлялась время от времени все дальше и дальше, и это показывало, что поджигатель ускользнул из рук крестьян. Последний выстрел заглох зловеще в ночи, и люди, поглядев на гаснущую мокрую громаду, огорченные, стали расходиться.

— Сбежал, пес поганый! — вернулся с группой и Тодоров. Он был в крови, рука висела на перевязи.

Только Владин не пошел домой. Он бежал с учителем до тех пор, пока не затихли выстрелы, а потом, когда другие отстали, продолжал преследовать в одиночку. То, что он видел на мельнице, не позволяло ему остановиться. Знакомый облик поджигателя стоял перед глазами. Никто, кроме него, не видел зловещих глаз, и, может быть, поэтому его охватила безумная храбрость. Владин шел в ночи, ставшей как будто еще темнее после того, как упустили врага, спотыкался от усталости, но не останавливался. Вокруг было тихо. И эта тишина, полная зловещей таинственности, придавала ему сил и толкала к лесу.

«В лесу спрятался», — подумал Владин. И не дрогнув, исчез среди огромных деревьев. В лесу он не боялся. Он знал каждый уголок, ведь здесь он ночевал, пока не напал на след. Он прислушивался, его сердце сту-

чало, но не от страха, а от волнения, что он идет по следам врага. Владин прочел много книг, в которых рассказывались интересные случаи о том, как дети разоблачают преступников и с риском для собственной жизни ловят их накануне того, как тем убежать за границу. А ведь граница отсюда совсем недалеко, вон она — этим лесом можно выйти к границе, и если поджигатель сумеет его миновать, он выскользнет из рук. Утром будет уже поздно, утром он будет по ту сторону. . .

Владин лихорадочно обдумывал, что делать, если он застанет его сидящим под каким-нибудь большим деревом и задремавшим. Для него сейчас начиналась настоящая борьба. Его брат ходил с партизанами по этим тропинкам и выслеживал врагов. Сейчас пришла его очередь рассчитаться с врагами свободы, за которую погиб его брат. Он больше не думал, он рвался вперед, движимый бешеным восторгом, который делал его слепым к опасностям. Лес ночью имеет свои голоса, свой нежный шепот и таинственную музыку. Сейчас он был для него, как мертвый, — Владин не слышал ничего, в ушах стоял звон, в голове билась одна мысль: «Вот, вот он!» Любой округлый куст ему казался человеком. Он не понимал, как глубоко он забрался. Деревья приобретали головы, ноги, руки, и в руках они держали винтовки — только подойди, как прогремят выстрелы. Но Владин шел, не пугаясь. Нет, эти деревья не враги, это его друзья, ему казалось, что это убитые партизаны, которые воскресали и вставали на страже, чтоб его охранять, пока он не выполнит своего задания: «Иди, иди, не бойся!». Он не боялся и дошел до источника. Здесь он от неожиданности попятился. Это было не дерево: над источником нет склонившегося дерева. Ведь он был здесь всего лишь прошлой ночью, не могло же дерево вдруг возникнуть по какому-то волшебству. Это — человек! Вот он наклонился и пьет воду. Владин, даже не подумав, что у него нет с собой и перочинного ножа, кричит:

— Стой, ни с места, стрелять буду!

Склонившийся человек от неожиданности роняет бутылку, сделанную из тыквы. Владин узнает его — это он, Иванчо-поджигатель — и с еще большим гневом кричит:

— Руки вверх и не шевелись, стрелять буду!

Поджигатель хочет обернуться, но ему кажется, что весь лес трещит от людей, гудит от голосов. Собрав все свои силы, Владин кричит, как будто командует вооруженным отрядом, и преступник поднимает руки. Стоит ему сделать попытку обернуться и разведать, как дрожащий от возбуждения Владин кричит:

— Не оборачивайся, стрелять буду!

Преступник хватается за гранату, висящую у него на поясе.

— Не трогай гранату, руки вверх!

И преступник, не оборачиваясь, снова поднимает руки. За поясом у него висят гранаты, как бутылки из тыквы у косца.

— Иди вперед и не оборачивайся, иначе стрелять буду!

И преступник идет вперед, думая, что за ним следуют вооруженные до зубов люди. Он слышал вой пожарной машины, и ему кажется, что приехало много военных и милиции, они оцепили лес, и он в их руках. Он идет по дороге в село и пытается схватиться за автомат.

— Брось автомат и не оборачивайся, стрелять буду! — повторяет Владин, и тот слышит только скользящий его движения голос, но не видит, кому он принадлежит. Бросив автомат на землю, не оборачиваясь, он идет вперед с поднятыми руками. Невидимый в темноте Владин, чей голос, как пулеметная очередь, раздается по лесу, проворно подползает, хватая автомат и теперь еще смелее кричит:

— Иди в село!

Тот идет, а шаги Владина, ставшие тверже, кажутся преступнику шагами сотни людей. Перед тем как выйти из леса, он пытается повернуть голову, но новый окрик подхлестывает его сзади.

— Не оборачивайся, стрелять буду!

Он снова идет вперед с поднятыми руками, оцепеневший, не смея взглянуть ни направо, ни налево. Человек, не раз убивавший, он знает, что такое пуля в спину. А так, может быть, еще и спасешься — если признаешь свою вину и все расскажешь. Он из этого села,

у него там много близких, они заступятся за него, и жизнь будет сохранена. Посидит пять-шесть лет в тюрьме и выйдет, живой и здоровый, а тогда уж не даст себя взять так глупо.

— Не на мельницу, а в село, прямо к сельсовету, ты отлично знаешь дорогу, — направляет Владин преступника с еще большей уверенностью. Близость домов придает ему сил, хотя все село еще спит. Но Владиному кажется, что шевельнись только поджигатель — и стар, и млад повыскакивают на улицу и на этот раз его уж не упустят. В селе Владин уже непобедим.

— Водички бы испить, — говорит пойманный, но Владин толкает его автоматом в спину:

— Не останавливайся, не оборачивайся, иди прямо в сельсовет, там дадим тебе воды!

Так он доводит его до совета. Только здесь опасный враг оборачивается. Сдав гранаты, он видит, кто его поймал, и просто приходит в бешенство, что ребенок оказался сильнее его. Готовый лопнуть от злости, он фыркает, как пойманный кабан. Ему связывают руки и обыскивают. Из его рюкзака вытаскивают иностранную валюту и документы. Два милиционера, приехавшие из города, сообщают по телефону, что поджигатель пойман, и спрашивают, что с ним делать. Им отвечают, чтобы его задержали, пока не пришлют вооруженных людей.

— Развяжите меня, я сниму царвул¹, у меня нога поранена, — просит милиционера Иванчо.

Милиционер колеблется. Владин смотрит на сидящего в углу Иванчо и чувствует, как его побеждает усталость. Сил его хватило лишь до тех пор, пока он поймал преступника и передал его милиции. Глаза Иванчо пронизывали его свирепыми иглами ненависти:

— Предатель! — шипели змеиные губы. — Предать своего двоюродного брата!

— А ты? — отвечает с презрением Владин, преодолевая усталость. — Ты предаешь отечество, близких, поджигаешь свое село. Что ты за человек?

Владин смотрит в лицо Иванчо, искаженное бес-

¹ Царвули — мягкая кожаная обувь болгарских крестьян.

сильной злобой, что он попался, но в его сердце нет больше сил для борьбы. С него довольно! Приедут из города более надежные люди, увезут его и поговорят с ним, как следует. Дальше уже не его дело.

— Нога у меня в крови, развяжите меня, я переобуюсь, — просит палач, и милиционер его развязывает. Иванчо наклоняется, снимает один царвул, но вдруг достает револьвер и направляет его на стул, на который совсем недавно прямо-таки повалился от усталости Владин. Но Владина там уже нет. Он побежал домой, однако стоило ему услышать выстрел, он быстро собрал силы и бросился назад. Поджигатель с искаженным от ярости лицом стрелял в милиционера, уже упавшего на его вещи, над которыми он было наклонился, чтобы их рассмотреть. Второй милиционер отпрянул и схватился за пистолет, но пуля из револьвера опередила и предательски перебила ему руку. Пальцы только беспомощно царапают кобуру, дрожат и тянутся за пистолетом. Милиционер падает. Враг выскакивает на улицу, но вслед ему летят пули. Он бежит из села, но тут ему не уйти. На его пути уже не один Владин, а много людей. Они с голыми руками, но знают, что у него теперь только револьвер, в котором уже нет патронов. Прежде чем он добирается до леса, его окружают и ловят.

Только теперь кончается ночь. Наступает день.

— Молодец, Владин! Ты настоящий сын партии! — целует его Тодоров. — Я и раньше говорил товарищам, что не надо было с тобой так поступать! А теперь в этом убедились все. Иди домой, нужно вздремнуть да — в школу.

— А куда его повезут? — спрашивает Владин. — Почему его не оставляют здесь, село с ним рассчиталось бы.

— Ты свое дело сделал и больше ни о чем не заботься. Есть люди, которые теперь им займутся.

— Но он должен сказать, кто тот второй, что был в шерстяной накидке, расшитой пестрыми узорами.

— Скажет и о нем, и обо всех, с кем у него была связь. Только б не умер, потому что ранен он тяжело. Ты нам хороший урок дал! Будем бдительны, а то из-за своей занятости мирным трудом мы забыли, что враг не дремлет. . .

Учитель проводил Владина до самого дома. На востоке светлело, село пробуждалось от своего кошмарного сна. Этот день изменил и окрестности, и дома, и людей. Дом Владина предстал перед ним в освещении первой зари. Как будто в нем прошел бой. Труба над ним весело дымила, он стоял среди плодовых деревьев и показался Владину более дорогим, чем когда бы то ни было. На порог вышли мать и отец, поспорившие друг с другом из-за того, кому первому обнять сына.

— Ох, Владин, — утирала слезы мать. — Еще немного, и не застал бы ты меня в живых! Мало мне одного, так и второй. . .

— Хватит тебе его оплакивать! — сделал ей выговор отец, она замолчала и вдруг затормозила его, будто только теперь заметила, как он изменился:

— А какой ты стал! Раздевайся, вымоешься и переоденешься.

Она начала было его расспрашивать, но он ответил:

— Потом все расскажу. Сейчас тороплюсь, чтоб в школу не опоздать.

В школе Владина встретили, как героя. Каждому хотелось быть к нему поближе. Учительница позволила ему сидеть, где он хотел, и он без колебаний отправился на заднюю парту, к Гьошко. Ценка сама поднялась, а Гьошко отодвинулся на самый краешек, чтобы Владину было просторно и удобно. Никого из класса это не раздражало: ведь Владин завоевал свое место с риском для жизни. Только пара больших, теплых глаз смущала его — это были глаза Катки, которые — он помнил — плакали о нем. И потом на собрании эти же глаза растопили его упрямство и побудили его встать и сказать:

— Ошибся, ребята!

ВЛАДИН ПЕРЕПАХИВАЕТ МЕЖИ

После этого дня ребята толпились около Владина и наперебой рассказывали ему о пионерском поле, которое собираются им дать. А Тодоров, в качестве преподавателя естествознания назначенный руководить всем этим делом, вызвал его к себе и сказал:

— Вот, Владин, дают нам участок земли близ села. Будем пахать трактором.

Владин затаил дыхание. Все это ему казалось сказкой.

— После обеда пойдем огораживать. . . Ты ведь пойдешь? Пошли. Будешь мне вроде помощника, как человек опытный в таких делах.

До конца уроков Владин только об этом и думал. Сердце его замерло в ожидании. Поскольку он уже много страдал, ему все казалось, что может произойти что-нибудь плохое. И сразу после обеда он повел вереницу ребят к участку. Еще не пришел учитель, а пионеры уже заполнили поляну за селом.

— Эта земля уже наша! — сказал Владин, остановившись посреди земельного участка и обводя вокруг рукой. — Вот этот кусок приспособим под огород и посадим тыквы, чтоб делать из них бутылки. . . Уж я знаю! А этот кусок — под кукурузу, будем ее искусственно опылять на лошадях. . . А этот — под свеклу и картофель — засадим русским сортом, по килограмму каждый клубень, я читал. . . и много других вещей. . .

— Хорошо, что рядом с водой, — добавила робко Катка, которая единственная из класса участвовала в планах мальчиков. — Все будет напоено. Ночью будем поливать.

Только теперь Владин заметил Катку и в первый раз поглядел на нее как на человека.

— И к кооперативному двору близко. Если что-нибудь понадобится, вот он, — показал Гечо на двор, откуда слышалось ржание лошадей и громыхание телег.

— А чего мы тут стоим, давайте возьмем пару коней

и начнем пахать, — сказал пришедший в себя Владин и бросился бежать вместе с Гечо на кооперативный двор.

Там они нашли бригадир первой полеводческой бригады и сказали ему, что их учитель договорился обо всем с председателем кооперативного хозяйства. Тот было заупрямился, но Владин упробил его, впряг в плуг кроткую лошадь и повел.

— Под твою ответственность, Владин!

— Да я вырос среди лошадей! — ответил ему Владин и ласково тронул лошадь.

— Знаю, что умеешь пахать, только осторожнее, чтоб конь не надорвался. Верно, ждали, что я пошлю вам пахаря или сам отмахаю вам участок.

— Еще чего, мы ведь. . . не сосунки. . . И сами пахали, — Владин обернулся и по-приятельски ему подмигнул. — Если не веришь, иди погляди, как пионеры пахут!

Владин говорил правду. Он пахал со своим отцом раньше и сейчас уверенно начал первую борозду. Конь заторопился, и Владин зашатался вместе с плугом.

— Тише, Алчо! — прикрикнул он на гнедого и надавил изо всех сил на ручки плуга, к которым Гечо привязал большие камни, чтобы пахать поглубже.

Заброшенная утрамбованная твердая земля хрустела. Плуг переворачивал крупные пласты, ложившиеся травой вниз. Блестящая борозда распарывала твердую целину. Ребята бежали двумя параллельными вереницами по обе стороны от нее. Как блестящий ручеек, тянулась борозда между пестрых детских рядов. Слышались ясные, звонкие крики и песни. Развевалось пионерское знамя, укрепленное высоко на дикой груше.

— Владин, дай мне. . . — просил его Гечо. — Хватит с тебя!

— Дай и мне попробовать! — путались у него под ногами Гышко, Видул, Николай.

Но Владин не уступал никому. Только Катке он позволил вести коня, чтобы тот шел по прямой линии, которую они провели. Он пахал точно по этой линии, и над лоснящейся спиной гнедого виднелась только покачивающаяся, как букет, его курчавая голова. Он

устремлял свой взгляд все время вперед, высоко, как прицеливающийся охотник — не видя и не слыша, что делается вокруг.

Девочки уже отошли в сторону и строили свои планы: как они будут носить воду и поливать до поздней ночи овощи, пока мальчики не устроят оросительную систему; как они будут полоть и сами убирать урожай. Ребята поменьше, из начальных классов, ловили палочками длинных червей, которые уползали в пласты земли и пропадали в черноземе. Страшный шум поднимался, когда кто-нибудь хватал червя, потому что мальчики постарши сейчас же его отнимали.

— Дайте его сюда, — они запихивали червяка в коробочку из-под ваксы. — Это будет наживка для рыбы, когда пойдем ловить удочками на водохранилище. Неужели эту лужу мы не превратим в водохранилище? Только для нас, пионеров. Владин уже и план начертил. Вот одобрит его учитель, и начнем. . .

Как раз в самый разгар мечтаний о коллективном труде оттуда, где пахал Владин, раздались тревожные крики. Ребята, которые разбрелись по полю, сразу собрались вместе. Перед упряжкой Владина остановился председатель сельсовета — низенький, круглый, но подвижный бай Кото.

— Кто вам позволил здесь пахать? — крикнул он строго.

— Учитель нам сказал, — ответил спокойно Дилко.

— Распрягайте сейчас же! — распорядился хозяйским тоном председатель, и все ошарашенно замерли.

Дилко смущенно поежился, поглядел просящим взглядом на непримиримого председателя и покорно сказал:

— Распрягай, Владин!

— Не буду! — заупрямился Владин. — Этот участок дан нам, пионерам, чтобы мы его обрабатывали. Есть решение педагогического совета и пионерской организации.

— Не признаю никакой пионерской организации!

— Ты, может быть, и не признаешь, но государство ее признает! — не сдавался Владин.

— Это земля сельсовета, этой землей я распоряжаюсь, а не государство! Давай отсюда!

— Эта земля не твоя, а всего села.

— Я управляю селом и приказываю тебе распрягать. Уходи и много не разговаривай.

— А я отсюда не уйду! Но-о-о! — Владин только крепче ухватил ручки плуга и начал новую борозду, еще более глубокую.

— Слушай, Владин — набросился председатель и рванул лошадь за узду. — Неужели твоя упрямая башка еще не поумнела?

Председатель готов был арестовать Влади́на. Дети испугались.

— Не только тебя, но и всех вас здесь поупрятаю в тюрьму, и родители штраф за вас платить будут, чтоб вы вперед знали, как посягать на чужую собственность! — угрожал председатель, и толпа ребят вокруг Влади́на совсем поредела. Наконец, остался лишь он один. Теперь председатель легко бы мог его арестовать и увести. Но в это время совсем неожиданно, как раз, когда все разошлись, выступила Катка.

— Нечего кричать, товарищ председатель. Владин не виноват.

Спокойствие девочки смутило председателя. Вокруг Влади́на и Катки снова стали собираться напуганные было ребята.

— Ишь ты! Как по команде собираются! — крутился председатель во все более сужающемся кругу. И наконец устремил взгляд на самого смелого здесь человека. — И ты, Катка? Вот скажу твоему отцу, так и знай!

— Папе все известно!

— А-а-а, вот как? Вы ухитрились и в парторганизацию пробиться?

— Парторганизация нас поддержала. Сам же сказал как-то на пионерском сборе, что партия — наша мать!

— Ишь ты, умница! Еще Маркса и Ленина будешь мне тут цитировать!

Владин был поражен неожиданной защитой, с которой выступила Катка, смягчившая сердитого предсе-

дателя. А тут, наконец, пришел и Тодоров. Он, может быть, запоздал бы и еще больше, увлеченный своим заседанием, если б Гечо не подтолкнул потихоньку быстрого Гьошко, и тот не сбегал и не вызвал Тодорова с педагогического совета.

— Скоро заседание закончится, — сказал ему Тодоров, но Гьошко испуганно тянул его за руку.

— Надо сейчас же идти, а то подерутся из-за этой земли. . . Владин и председатель! Арестуют Владина!

Тогда Тодоров попросил директора его отпустить, и всю дорогу бежал рядом с Гьошко.

— В чем дело, что тут происходит? — встал он между Владином и председателем, ошестинившимися один против другого.

— Властям не подчиняется парень. Я слышал, что о нем говорят, а сейчас сам убедился. Посметь пойти против меня, против власти! Это что же такое? Бунт! — выкрикивал председатель. — Но я ему задам хорошенько, он у меня будет знать, как пахать народную землю!

— Да ведь не себе я ее, — проговорил Владин оскорбленно.

— Все равно. Раз без моего разрешения, все равно — захват. . . нарушение закона.

— Э, он немного поторопился, но мы так поняли, товарищ председатель, что вы согласились предоставить нам землю. . .

— Я согласился в принципе, но не эту!

— Как? С директором же договорились.

— Может, с председателем кооператива они передумали, но я и директору сказал. Земли сейчас у меня нет, даю вам, что имею.

— А с этой что будете делать?

— У меня свои планы. А поскольку вы планов села не знаете, не вмешивайтесь. Здесь я мастерскую построю. Понятно? А вы подождете, не горит. Может, и для вас найдется какой кусок. . . вот там, с краю. . .

— Но ведь я вам объяснил уже, товарищ председатель: нужна поближе к селу, даже не дальше пятисот метров от школы. Что это будет за опытное поле, если вы нас станете гонять по холмам! Тогда нам лучше отказать. И сообщить, что вы. . . возражаете.

— Я не возражаю, пусть дети там копаются. . . хотя мне и жаль, чтобы истощали хорошую землю. . .

— Вот те на! Вы, значит, возражаете!

— Я не возражаю, но и вы слишком торопитесь. Потерпите, если не в этом году, то в следующем. . . Есть другие, более важные дела, товарищ Тодоров, мне тебя нечего учить.

— Для меня воспитание детей — самое важное дело. И это опытное поле нам нужно для их воспитания. Ясно?

— Не кипи ты, как эти мальчуганы. Вы как походите в учителях пять-шесть лет, сами на детей становитесь похожими. Дадим вам участок земли, но именно сейчас ли это надо?

— Сейчас. Мы составили план, земля разделена, определено, какие культуры будут посеяны, все подготовлено, а вы вдруг — стоп! . .

— Есть способ добыть землю, я вам его скажу. . . Не думайте, что я за этих детей не болею, — притих председатель и сделал незаметный знак учителю, чтоб тот распустил учеников.

— Надо бы собрать колосья, побитые весенним градом. Видели они их? — Ребята утвердительно кивали, но с места не двигались.

— Давайте, ребята, идите, произошло недоразумение! Идите!

— Но мы ведь все лето бегали по полям, — захныкали некоторые, — пять мешков колосьев собрали. Воду косцам носили!

— Для того мы в молотье помогали? Все обещали, что дадите нам землю для опытного поля, а теперь. . .

— Э, а разве вы не знаете, что хорошего сразу не добьешься? Правление уладит это дело. Идите, и ите, — уговаривал их Тодоров.

Медленно, вразвалку ребята отступали, возвращались и шептались, с глазами, горящими надеждой.

Одна группа, вокруг Владина, стояла непоколебимо.

— Останется только Владин, вы идите! — сказал Тодоров.

Но Владин обиженно пожал плечами:

— Если их прогоняете, и я уйду!

— Тогда оставайтесь все!

Председатель сельсовета собрал их у переступающей копытами в борозде лошади, чтобы поговорить.

— Есть кулацкие поля. . . Вон то, например, что у реки, пустует. . . Кулаки не хотят их засеивать, чтобы провалить государственный план! Их, Владин, подговаривают такие, как Иванчо. Но я дам им срок, и если не выйдет, сразу пушу в ход распоряжение. Конфискация и — хоп, в ваши ручки. И посевная площадь больше той, что вы хотите. Сделаете себе спортивные площадки, играйте во что хотите, фут-бол, в во-лейбол, в корово-бол, в ослино-бол, меня это не касается. Я даю вам от всего сердца, как своим детям. Поняли?

Дети молчали, не обращая внимания на оскорбление, глубоко взволнованные предстоящими делами. Им нравилось, что они не получают землю готовой, а завоевывают ее. Какие опасности, приключения и подвиги их ожидали!

— Вы должны понимать, что сегодняшний момент очень важен для нашего села, — продолжал председатель. — Семян нет, говорят. . . Сколько издевались над нами, а теперь зерно скрывают. . . исчадия ада. Но мы прорвемся в их кулацкий центр, мы их выследим. Давайте следите, и если заметите что-нибудь, говорите прямо мне, никому другому! А как с ними расправимся? я не два декара, а двадцать декаров вам выделю. Понятно?

— Понятно, — ответил Владин, забывший совершенно о своей боли и поглощенный мыслью о борьбе с кулаками.

В его памяти мелькал Иванчо с автоматом, зажигалкой, пистолетом и деньгами. И тот, в накидке, прячущий лицо, чтобы его никто не узнал, оставшийся нераскрытым.

«Теперь, теперь самое время разоблачить и его», — сказал себе Владин, схватил лошадь под уздцы и без всякого приказа повел ее на кооперативный двор. Он распряг ее, поставил, как заботливый хозяин, в конюшню, поставил на место и плуг и только тогда повел своих товарищей в село, обдумывая новый план действий.

ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Грозным предупреждением торчали обгоревшие развалины свинарника. После дождя от Рапонкьева оврага исходил запах паленого мяса, наполняя сердце Владина ненавистью к врагам.

«Кооператив понес такие потери, люди будут голодать, а мы распустились. . . — убеждал себя Владин. — Прав был бай Кото. Прежде всего нужно помочь кооперативу, тогда и он нам поможет». Всякий раз, когда ему нравилось какое-нибудь дело, он отдавался ему целиком. Задание, полученное от председателя сельсовета, преобразило его. Он уже не озорничал в школе. Стал тихим, настолько тихим, что учительница говорила: «Как будто его и в классе нет!». А он сидел за партой и думал: как, как помочь селу в посевной кампании? Едва кончались уроки, он собирал целую ватагу ребят, и зерноочистительная машина до позднего вечера трещала на кооперативном дворе.

— Ведь какие вещи говорят о Владине, — услышал как-то Владин разговор председателя кооператива с Тодоровым. — А дай ему работу, разве найдешь кого лучше?

Председатель ходил по двору и довольный поглаживал усы.

— Вот они, будущие бригадиры и звеньевые, трактористы и комбайнеры! Отрежь ты им участок от Лыки, — уговаривал он бая Кото. — Ну что ты их обольщаешь тем, чего не будет!

— Я им сказал, они знают все. Землю завоевывают, а не дарят! — отворачивался бай Кото и переводил разговор на конюшни и новые мастерские, которые собирались строить в кооперативе.

Гечо передавал Владину все, что слышал из разговоров руководителей, и Владин еще сильнее вертел зерноочистительную машину, зерно переливалось, крупное, красное, разбухшее, готовое родить новый плод.

Очистив зерно, Владин собрал ребят под навесом

на совещание. Они разделили село на районы, районы на дворы и на каждого возложили свою задачу. Вечером они ходили по дворам и подгоняли хозяев.

— Давай, дядя Шарко, выходи с утра сеять! — с шуточками подступил Владин к самому крупному кулаку, который и слышать не мог о сухом севе.

— Дайте семена, посеем! — хитро отговаривался кулак.

— Ну, ну, знаем вас, у вас найдется. . . Вы вроде мучного мешка: сколько ни выбивай, все из него пыль идет. Вот выходите на сев, тогда вас и выбивать не будем.

— Вон отсюда, сопляк, ты еще будешь меня учить, когда сеять, — ругался низенький, коротконогий и широкоплечий Шарко. — Только сумасшедший будет бросать зерно в такую сухую землю. Вот пойдет дождь, мы и возьмемся за дело.

— Но ведь дождь может только к Николину дню пойти!

— И на Николин день сеяли, а все побольше снимали, чем ваш кооператив, — он захлопнул калитку перед носом Владина, и слышно было, как он ругался на своем дворе: — Они еще учат меня, когда сеять. И детвора распоясалась, еще удивляются, почему им на голову садятся! Бога забыли, а теперь еще. . . сеять в сухую землю! Пускай кинут семечко так, чтобы и хале¹ его схватить не удалось, вот тогда я их спрошу, когда и где мне сеять. . .

Владина словно бы осенило. Слова, сказанные Шарко себе под нос, показались ему подозрительными. И вечером, когда смерклось, он позвал Гечо, и они уселись, как ласки, у высокой каменной стены кулацкого дома.

— Вот поглядим, что делает он ночью! Я заметил, что слишком часто ходит он за амбар и все оглядывается.

Служащие сельсовета обходили дома и предупрежда-

¹ Хала — мифическое существо, дракон, олицетворяющий все явления неблагоприятной, отрицательной, влияющей на урожай природы.

ли — если кто оставит землю незасеянной, она будет у него отобрана и засеяна сельсоветом. Особенно встретились кулаки, что сидели по домам и только и делали, что брюзжали на кооператив. Озлобленные женщины, выходя с ведрами из дома Шарко, вместе с поможками выплескивали и лютые проклятья:

— Черти бы вас унесли. . .

«Как бы они вас не унесли!» — отвечал мысленно Владин и все чаще приподнимался посмотреть, что делается за забором.

Село замерло, разве промычит в каком дворе неподоенная буйволица или залает проголодавшийся пес. Наконец, и они затихли. Ребятам пора было возвращаться.

— Ничего не будет, пойдем, я еще не сделал домашнего задания, — сказал, отчаявшись, Гечо.

— Домашнее задание пораньше утром нацарапаем, сейчас дело надо сделать, это ведь политическое дело. Сделаем его — опытное поле обеспечено, — удерживал его Владин.

Гечо уже клевал носом, когда Владин сказал ему.

— Слышишь, двери скрипнули!

Из темных дверей двухэтажного дома Шарко, обнесенного, как крепость, высокой каменной оградой, вышла сначала женщина, худая и высокая. Дойдя до ворот, она проверила, заперты ли они, а потом обшарила двор. И, убедившись, что никто не следит, осторожно кашлянула.

— Это сигнал! — толкнул Владин Гечо, и тот совсем проснулся.

Из дверей вышел мужчина, низенький, круглый, как мячик, в накидке с поднятым капюшоном. И тогда Владин едва не вскрикнул: «Это не тот ли, другой. . .» Человек в накидке протиснулся сквозь приоткрытые ворота и свернул налево.

Гечо остался на посту, а Владин прильнул к стене, чтобы увидеть, куда пойдет незнакомец. Но тот, видимо, заметил, что у стены мелькнула тень, и, петляя, прошумел где-то за садом. Залаяла собака у Дилко, и село затихло. Кто же этот человек? Это был человек из села. Но кто он? Ах, снова так глупо упустил его!

Мог выбежать и увидеть его лицо! А потом сбежать! Этот человек скрывает тайну поджога, он главарь поджигателей. Что он передал Шарко этой ночью? Может, чтобы убил учителя Тодорова! Если поймать его, раскрылось бы все змеинное гнездо.

На другой день кончался срок, назначенный кулакам для сева. Владин хотел увидеть, выйдет ли Шарко с плугом. Но Шарко не шевельнулся и в этот день, и в следующие, всю неделю, хотя его вызывали в сельсовет.

— Теперь ясно, что ему приказал тот, другой! — сказал Владин председателю.

Председатель не стал дожидаться, когда Владин скажет ему: «А теперь, бай Кото, исполняй обещание!», — а сам кивнул Владиному:

— Созывай своих пионеров и забирайте поле Шарко. Теперь это пионерское поле! Оно больше, чем вы рассчитывали, но уж ладно, я буду великодушен!

— А другое обещание? Семена для посева?

— Согласен! — хлопнул его по плечу бай Кото. — Для таких, как ты, всегда согласен.

От радости Владин споткнулся о порог. На улице его ждали ребята, взволнованные, как на митинге.

— Дают! — закричал Владин, и взволнованная детская дружина поглотила его.

Глава 13

ЗМЕЯ НА МЕЖЕ

Это был самый счастливый день в жизни пионеров. Вся школа вышла с музыкой и знаменами. Поляна за селом ожила, заполнилась детьми. Пришли и старые люди, которых увлекли за собой ребята. Поле было окружено, как изгородью, пионерами, ждавшими с инструментами, как бойцы перед атакой. Все глядели на Владина, который должен был дать им команду: «Вперед, ура!». И только Владин повел их на

бой с бурьяном и сорными травами, как от кривой груши послышался громкий голос:

— Ребята-а!

Дилко взобрался на грушу и встал между двух ее стволов, как будто решил руководить собранием. Владин подбежал к нему.

— Нельзя, это ведь праздник, нужно сказать несколько слов, — прошептал он Владиному, увидев, как тот рассердился, что он охладил порыв пионеров.

— Только покороче! — предупредил его Владин, зная, что он любит говорить речи: теперь же было не до речей.

— Ребята-а-а, — закричал Дилко и откинул свой русский чуб, висающий, как кукурузная метелка, — у нас есть теперь земля, мы завоевали нашу землю. . .

— Ура-а-а! . . — прервали его крики. И он воодушевился, закачался, раскачивая грушу, как будто он был ее веткой.

— Эта земля могла стоять жизни некоторым людям. . .

— Владиному, Владиному. . . — закричали во время паузы ребята. Владин спрятался среди них, а Дилко еще больше увлекся. Все время, пока он говорил, Владин только поглядывал на него, чтобы он скорее кончал, но тот ничего не замечал. Владин покашливал, но тот не слышал. Он дергал его за штанину, но тот не чувствовал. Он с увлечением говорил. На него нашло желание поговорить. Сердце Владиного прыгало, как дикий зверек в дупле. Он держал топорик в руке и ждал, когда, наконец, Дилко перечислит все свои любимые лозунги, которыми завершалось каждое собрание.

Но Дилко не торопился кончать.

— Нам нужно показать теперь, что мы трудолюбивые, дисциплинированные, умные и заботливые хозяева. Будем учиться на опыте советских товарищей и расти, хорошо работая на порученном нам опытном поле! Вместе с нашими посевами будем расти и зреть и мы сами — будущая смена наших отцов и матерей. . .

— Ура-а-а-а! — первым закричал Владин, толпа подхватила его крик, как сигнал, заволновалась, знамена заколыхались, приблизились, сомкнулись.

Дилко махал, видно, хотел еще что-то сказать, но ребята своей радостью заставили его спуститься. Он соскочил на землю и полетел вместе со своими орлятами расчищать поле.

Звенели мотыги в заброшенной, поросшей бурьяном земле, кирки звякали, высекая искры из какого-нибудь оказавшегося в земле камня, глухо и часто стучали топоры, падали поваленные кусты и заросли терновника. Исчезали заросшие бурьяном и травой межи. Ребята разрушали и уничтожали вековые преграды, которые воздвигали поколения собственников. Владин выкапывал камни и победоносно скатывал их в овраг.

— Огородился, как бей в крепости, кулак несчастный, — выкрикнул он с облегчением и принялся за следующий камень, закопанный глубже остальных и потому брошенный другими ребятами. Ударил его с одной стороны, с другой, раскачал, налег на него грудью и пока не вытащил из каменной межи, как гнилой зуб из десны, не оставил.

Был теплый осенний день. Крупные коричневые бабочки порхали над головами молодых хозяев, рои золотистых мушек крутились столбом, поздние желтые цветы медвежьего ушка падали, подрубленные мотыгами, голубые, уже становящиеся розовыми глазки цикория гасли, репей прилеплялся к юбкам девочек и штанинам мальчиков, в воздухе летали камни, которые ребята выбрасывали в овраг. Чертополох погибал. Поле расстилалось голое, открывая свое крепкое, неиспорченное тело.

Вдруг сверху с каменной межи, где вздымалась пыль от напряженного труда, раздались крики:

— Змея, змея. . .

— Владин, змея! . . Ой ты, какая большая змея! . .

Некоторые дети побежали испуганно к груше. Другие, крича, как улетающие птицы, стремительно пересекли поле по направлению к дороге. Один только Владин бежал по меже и кричал:

— Вот она! — и замахивался киркой. — Держите ее, бейте ее, а то еще шмыгнет в какую-нибудь шель!

На его призыв прибежали Гечо-Ятака с толстым суком, Дилко, схвативший, не глядя, стебель подсолнуха,

Николай с двумя камнями в руке и Видул — с топориком.
— Хоп!. . Скрылась! — закричал Дилко и огорченно отшвырнул стебель подсолнуха.

— Куда? — подбежал Владин. — В эту дыру?. . Не уйдет, выкопаем ее.

Он ударил киркой по отверстию, расширил его настолько, что теперь туда могла пройти рука, ударил другой раз, третий. И после нескольких ударов что-то сильно просвистело из-под кирки. Дилко отскочил. . .

— Копайте и вы, перережем ее тайные ходы! — выкрикнул Владин. — Вы ведь знаете этих змей, они, как кулаки, скрываются в мышиной норе.

Мальчики храбро застучали кирками около Владина.

— Живой надо схватить эту гадину! — с остервенением колотил Владин землю и с шумом вдыхал воздух. — Столько людской крови высосала в этом году. . .

— Такие змеи только в каменных межах водятся, — заметил Гечо. — Старики говорят, что тут они живут веками — охраняют имущество хозяев. . .

— Она высосала молоко нашей буйволицы. . . — добавил Видул.

— Вместе с Шарко пусть убирается и его змея, — поощрял их Владин.

— Здесь нет никаких отверстий, — кричали мальчики.

— Здесь она, вот ход продолжается налево, направо, извивается, как эта кровопийца. . . Только бы нам не потерять направления, мы ее схватим. . . Вот. . . к ее гнезду подбираемся. Приготовьтесь, это, может быть, целая змеиная свора. Эти змеи живут, как кулаки, скрученные в клубок, и плохо тому, кого они опутают. . .

Ребята перестали копать и стояли настороже, кто с киркой, кто с суком рядом с Владином. Они ожидали, что в любое мгновение откроется змеиное гнездо и со свистом выскочит толстая, в человеческую руку змея, с головой, как у ребенка. Змея все росла и росла в воображении мальчиков — вместе с их страхом. Но змея не показывалась. Отверстие становилось все уже, почти совсем пропало. Они отчаялись и даже кое-кто предложил отказаться от преследования.

— Только время теряем. Кто знает, куда она заползла, — сетовал Дилко.

— А может, она и не в эту дырку шмыгнула? — спрашивал нахмуренный Владин.

— Нет, сюда, я ее видел и даже ударил по хвосту, может, и обрубил его.

— Давайте искать, хотя бы хвост ее найдем! Нельзя на нашем пионерском поле иметь такую гадину. Нужно начинать на чистом месте. Все это кулацкое наследство надо вышвырнуть прочь, как мусор. . .

Владин замахнулся, и вдруг комья земли зашевелились, словно их переворачивала и крошила какая-то неведомая машина.

— Это она! Стой! — бил по колышущейся земле Владин. — Стой, не шевелись! . .

Ребята, отпрянувшие было, услышав его крик, снова сбежались и тоже начали бить змею.

— У-у-у, какая огромная, — пищали девочки, прижимаясь друг к дружке. — Голова, точно горшок.

Змея уже обмякла, тело ее медленно извивалось. Получив смертельный удар посередине, она шевелила только хвостом, голова была словно прикована к земле — неподвижная, сплюснутая.

— Оставьте ее, сейчас она уже не опасна! — Владин поднял змею на рукоятку кирки и понес прочь.

— Владин, как ты не боишься, а вдруг она тебя ужалит? — подошла Катка, все время вертевшаяся около него.

— Она почти мертвая разве не видишь. Мы расплющили ей голову. Вернула все, что насосала! — выкрикнул радостно Владин и потряс рукоятку кирки.

Змея еще вздрагивала и извивалась. Ребята завизжали и разбежались.

— Двадцать четыре часа нужно змее, пока она сдохнет совсем! Иначе может ожить! — сказала Вылка, но Владин мрачно взглянул на нее, и она спряталась за спину Катки, которая казалась ему самой бесстрашной из всех пионеров. Она даже пошла за Владином и попросила его:

— Не бросай ее, отдадим Тодорову, он заспиртует ее для уроков естествознания.

— Ладно, бери!

Катка протянула руку, но сразу отдернула ее.

— Не бойся! Дай руку!

Она позволила ему взять себя за руку, и словно какая-то сила перелилась от Владина к ней. Ее страх исчез.

Она зажмурилась и почувствовала, что дотронулась до чего-то холодного, гладкого. Ей показалось, что змея обвивается вокруг ее тела. Она закричала и вырвала руку. Владину стало смешно. Это была самая хорошая его улыбка после всех огорчений. Змея совсем сдохла, висела и колыхалась, еще более длинная, чем прежде. Только когда Владин выбросил ее с поля и она повисла на боярышнике, ребята пересилили страх и приблизились все вместе, чтобы поглядеть на нее. От страха змея казалась им больше, чем была на самом деле; а в малышей она просто вселяла ужас, и они дрожали.

— Она! — кричал Павлето. — Та самая! Я сколько раз ее видал на тропинках, возвращаясь с виноградника. Лежит себе на солнышке, как будто сторож у Шарко!

— У-у! Та самая! — пропищала Ценка. — Я однажды чуть на нее не наступила — свернулась на тропинке, как кот. . . Хорошо, что ее убили, иначе я ногой бы не ступила на это опытное поле.

— А я ее видел здесь, на этом боярышнике, обвила его, как будто турок сидит, скрестив ноги, и свистит! — сказал важно Видул.

— Ну уж, свистит! . .

— Свистит! Спросите Владина, он вам скажет, что змеи свистят.

— Есть змеи, которые свистят! — ответил Владин.

— Но эта не свистит.

— Это та самая, я ее узнал.

— Наверно, это она гналась за дочкой Панкиных до самого колодца и потом та умерла от страха?

— Она, я знаю. Папа мне не велел здесь ходить, потому что здесь живет такая змея, от которой и убежать нельзя. Как ни беги, она догонит, бросится на тебя, ударит по голове, так что сразу свалишься и подняться не смо-

жешь. Но я шел напрямик, я ведь не боялся! — заключил Видул.

— Ну ладно, со змеей-кровопийцей мы покончили, — воскликнул Владин и обернулся к полю. — Теперь очистим поле от камней.

— Очистим!

— Вот еще что: нужно все выравнивать трактором. А теперь все это убрать! — он поднял с земли какую-то жестянку, подбросил ее ногой и вышвырнул с поля так, как бросают камень, заставляя его подпрыгивать по воде. Ребята внимательно оглядывали поле, если замечали какой-нибудь камешек, они спорили из-за того, кому его убрать. Владин удостоверился, что поле подготовлено к пахоте и хотел было побежать за Пешо с трактором.

— погоди! — задержал его Дилко. — Мы не согласны все пахать трактором.

— Ну, Дилко. . . — остановился, словно уколотый в сердце Владин. — Снова начинаешь?

— Не я, а ты! Опять на свою голову беду кличешь.

— Что? Да разве это я для себя? Не мне тебя учить, что трактор пашет лучше, чем лошадь или буйволы!

— Дело не только в пахоте. У нас план. Пошли теперь, пожалуйста, послушайся совета дружины.

Владин хотел огрызнуться, и снова дошло бы до разрыва, но он встретил Каткины молча просящие глаза, и его руки, сжатые в кулаки, опустились. Он смущенно отвернулся. Откуда взялась эта девочка? И чего всегда торчит у него на пути? И только его расстраивает. Он не раз собирался оттолкнуть ее, но когда она к нему приближалась и поднимала на него большие и блестящие глаза, она будто пронзала его своим взглядом. Он сам не знал, что с ним делалось.

— Владин, — прошептала она ему. — Это же твой собственный план, только одобренный активом. . . Пошли, сам услышишь!

— Да, ладно, — вздохнул Владин и двинулся вместе с нею к кривой груше, где их ожидали пионеры.

СОВЕЩАНИЕ ПОД ДИКОЙ ГРУШЕЙ

Ученики разбрелись по поляне. Одни собирали осенние крокусы, которые густо росли обширными лиловыми гнездами. Другие спустились к реке, где откормленные рыбы ходили здесь стаями. После обильного летнего лова вода вновь почернела от рыбьих стай, и ребята поднимали крик: «Ого, сколько здесь усачей. . . вот бы теперь невод!». Некоторые даже побежали в село за сачками и корзинами. У Вороньего брода река разливалась, и ее морщинистая поверхность тянула разгоряченных ребят перебраться на ту сторону. Затрещали ивы. Из пустых дупел старых деревьев, хотя они и были замазаны, вылетали сердитые шмели. Один из шмелей, кажется, ужалил Ценку, потому что она схватилась за лицо и громко закричала.

Другая группа ребят прогуливалась в накинутах пальто, как аисты, вдоль каналов, ведущих к рисовым полям и садам. А под дикой грушей в центре пионерского поля уселись вокруг своего учителя и ожесточенно спорили активисты дружины.

— Я считаю, что половину надо вспахать трактором, а половину — буйволами, — настаивал Дилко.

— Ну уж, буйволами! — огрызнулся Владин. — Устарело это. Кто теперь пашет буйволами?

— Владин прав, — ответил учитель Тодоров. — Но мы вспашем буйволами только одну маленькую грядку. Зачем? . .

— Понял! — заторопился Владин. — Чтобы показать, что трактором лучше.

— Это с одной стороны. А с другой, эту самую грядку, вспаханную буйволами, мы засеем руками, обработаем ее по-старому, а все остальное — машинами, как нас учит агротехника.

— И получим более высокий урожай! . .

— Как раз это и есть наша цель. Тогда вы поймете, как одна и та же земля может дать больше, если ухаживать за ней лучше. . . Это ведь и с вами так. Те, кто

учатся лучше, станут лучшими гражданами. А другие же, попавшие в плохие условия, в плохую компанию отстают.

«Это обо мне, да уж ладно! — подумал Владин. — Учитель прав!»

— И еще одно, что я отметил в проектном плане, ребята, — продолжал учитель. — Нужно засеивать не только кукурузой и пшеницей, но и новыми культурами.

— Хлопком, свеклой, — предлагали наперебой пионеры.

— Картофелем! — закричал Владин. — Крупными клубнями! Советский сорт, возьмем с опытной станции. Я схожу туда.

— И картофелем. И помидорами, и перцем. . .

— И бахчу разобьем! — снова подал реплику Владин. — Прошлым летом я высушил семена полосатых арбузов, мичуринских. Будут вот такие и сладкие! И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть зернышко! . .

— Клубнику! — предложила Катка.

— Можно и клубнику.

— Я займусь клубникой, — сказала Катка. — Целое звено только для клубники создадим.

— Вы сами всю клубнику и поедите! — съязвил Владин. — Никто из вас не удержится.

— Вот еще, — ответила, надувшись, Катка. — А если у тебя, Владин, нет другого дела, приходи сторожить.

— И буду сторожить, ночью буду здесь спать. А как вы думаете! Плетнем огорожу, живой изгородью! Лигу-струм посажу, как в питомнике!

— Это хорошая идея. Насадим акации или канадские тополя вокруг поля. . .

— И шиповник. Или колючую проволоку натянем, пусть подойдет, кто смеет. . . — добавил Владин.

— Я думаю, надо от главного канала, которым пользуется кооператив, отвести к нам небольшой канал, — отозвался Дилко. — И сделать это надо уже теперь. Будем поливать посевы, чтобы они скорее взошли.

— И это сделаем. А еще мы должны удобрить наши культуры.

— А что мы станем делать с урожаем? — неожиданно спросил Владин.

— Как что? — ответил вместо учителя Дилко. — Сдадим его в кооператив, чтобы увеличить трудодни наших отцов и матерей. . .

— А-а. . . Я не согласен! — возразил Владин, и Катка его поддержала:

— Это наш труд! . .

Тодоров засмеялся.

— Купим книги для библиотеки, — предложила Катка. — Очень мало у нас книг, и истрепались они сильно, я все перечитала, и читать нечего. . . Составила вот список, какие книги надо купить. Учительница его одобрила.

— А если спросите меня, — отозвался опять Владин, — я, сказать откровенно, имею иной план. Собрать все, что получим, и создать бесплатную школьную столовую. Будем для школьников готовить обеды из своих продуктов. Так, я слыхал, и в Советском Союзе делают.

Катка засмеялась так, что даже кудряшки у нее затряслись.

— Я за предложение Владина, — подняла она руку, хотя учитель и не предлагал голосовать. — Только с одной поправкой. Не все будем питаться, а только бедные.

Владин с ней согласился, но по-приятельски прошептал на ухо:

— Ведь нет уже бедных-то. Все мы один класс.

Она покачала головой, чтоб он молчал, не мешал слушать учителя.

— Я сообщу педагогическому совету ваше предложение о школьной столовой. Лично я нахожу его приемлемым и надеюсь, что и коллеги мои согласятся. Но это вопрос более отдаленного времени.

— У нас выходит, как у тех. . . из анекдота. . . Рыба еще в море, а мы ставим таганок на огонь! — сказал Дилко.

— Нет, совсем не так, Дилко! — возразила ему Катка. — Если ребята будут знать, для чего работают, будут работать лучше. Героям всегда ясна их цель. . . Ведь ты знаешь молодогвардейцев?

Дилко замолчал, побежденный. Тодоров сунул листок себе в карман и встал.

— Теперь нужно в срок вспахать и разделить всю площадь на небольшие участки, чтобы каждый отряд засеивал свою часть.

Владин даже подпрыгнул.

— Как? А разве не все будет общее? . .

— Не будь таким жадным, Владин! — осадил его Дилко.

— Все поле разделим на столько частей, сколько отрядов в дружине.

— Девять, — выкрикнул Дилко.

— На девять. И каждый отряд примет свою часть и будет за нее отвечать.

Владин разочарованно вздохнул.

— Не стоит отчаиваться! — шепнула ему Катка. — Так лучше. Пусть каждый попробует, поглядим, кто на что способен!

— Ну что ты! Только маленький клочок земли. . . как наши отцы когда-то копались. . .

— Так лучше. Мы окружим наше поле подсолнухами, посередине будет круг с дерном и георгинами. Молчи, я такие хорошие вещи придумала, что мы добьемся знамени.

Красное знамя дружины мелькнуло перед Владином.

— Общее руководство будет на совете дружины, конечно, — словно обрадовавшись, объявил Дилко.

— За всем обращайтесь ко мне! — заключил Тодоров. — Или если меня нет, к Владиному. Он будет моим помощником, хозяином в этом деле, если вы согласны. . .

— Согласны! — крикнула Катка.

Дилко, оглядев ребят, поднял руку, утверждая Владина временным хозяином.

— Только ты должен сесть на свое место в классе.

Владин опустил голову.

Тодоров задержал взгляд на его упрямо согнутой шее и подумал: «Любое другое, что мы захотели, он бы сделал, но сесть с девочкой — едва ли!».

Наступали сумерки. Ребята с поляны уже разошлись. Учитель повел к селу и активистов. Немного пройдя, Катка оглянулась и, увидев Владина среди поля одного, отстала от других и начала собирать осенние крокусы. Она наклонялась, рвала цветы и исподтишка на-

блюдала за тем, что делает Владин. Он оглядывал очищенное поле, как новый председатель кооператива, поднимал голову к небу, смотрел, будет ли дождь, чтобы размягчить землю. Потом свернул в сторону канала и стал думать, где должен пройти отводный рукав. Только один холм мешал воде течь сюда свободно. Придется копать глубоко, в человеческий рост, может, и еще глубже, чтобы дать возможность пройти воде. Наконец, мысленно проложив будущий канал, он обернулся в другую сторону, к кооперативному двору, откуда так же мысленно начал переносить на пионерское поле всякие земледельческие орудия: плуги, сеялки, бороны, культиваторы. . . И начиналась жизнь, полная неожиданностей, трудностей и побед. Городские дети представляют себе, что все это существует на некоем далеком таинственном острове, среди бурных вод океана. Для Владина таким островом было опытное поле.

Глава 15

ЗАЧЕМ ЧИТАЕШЬ ЧУЖИЕ ПИСЬМА?

Когда Владин окончил свое обозрение, он заметил под грушей какой-то белый конверт, видимо, выпавший из чьего-то кармана. Он наклонился и поднял его. Письмо было запечатано плохо.

«Это Тодоров его уронил», — подумал он и сразу же решил было бежать, чтобы отдать ему. В конце концов он полюбил Тодорова больше, чем свою классную руководительницу, которая, как ему казалось, все еще его ненавидела. Он уже было бросился догонять, но невольно прочитал адрес и сразу остановился: «Здесь. Учительнице Ганке Черневой». Гм! Что же он ей пишет? . . И зачем ей писать, когда они живут в одном селе и работают в одной школе.

«Тут что-то есть!» — стоял он с письмом в руке.

Все ученики знали, что учитель Тодоров и учительница Чернева часто вместе гуляют, танцуют на вече-

ринках. Каждый вечер Тодоров провожал Черневу, заходил к ней домой, был дружен с ее домашними. Дружба его была не такая, как с другими девушками. Зачем же им эти письменные объяснения? Не поссорились ли они из-за чего?

И Владин припомнил, что последние дни он не видел их вместе. Может быть, учитель Тодоров за что-нибудь рассердился на Черневу и потому и написал ей это письмо?

Странное любопытство охватило Владина. Ему захотелось во что бы то ни стало заглянуть в письмо. Что же тот пишет его учительнице? Может быть, укоряет ее, что она дружила с Иванчо — до того как тот сбежал за границу? Тут дело нечисто!

Он повертел письмо, посмотрел его на свет, как будто надеялся, что оно было прозрачным, согнул. Конверт прошуршал и как-то сам собой распечатался. И как раз в этот момент со стороны поляны тихо подошла Катка.

— Зачем читаешь чужие письма, Владин? — дрогнул ее голос.

Владин онемел. Не знал, что и отвечать. Он еще ничего не прочел, конверт зиял распечатанным отверстием только с одной стороны.

— От кого оно? — Катка подошла к нему и наклонилась.

Владин немного оправился.

— Слушай, Катка! Это учитель Тодоров написал Черневой. Оно выпало, и я. . .

Она подошла еще ближе, готовая стать соучастницей. Дружба Черневой и Тодорова очень живо интересовала девочек. Хотя Катка никогда ничего не говорила, она уже поняла некоторые тайны. Как-то на уроке, когда они выполняли письменное упражнение, она видела, что учительница, сев за стол, вырвала из тетради лист и начала письмо, которое затем запечатала в чистый белый конверт с мягкой подкладкой и попросила ее отнести его на почту. Что это были за письма, которые так регулярно, каждую неделю, перелетали в Софию? Что в них было? Какие словечки? Катке много раз хотелось распечатать какое-нибудь из этих писем,

чтобы ее охватил тот нежный трепет, с которым их писала учительница. Но она говорила себе, что пионерке такие вещи непозволительны, и со вздохом отправляла письмо. Потом же, когда учительница опять садилась писать, она уже следила за всем, что та переживала. Сердечные переживания проплывали на девическом лице, как облака по небу или неуловимые краски по воде. Все больше волнуясь, брала Катка конверты, прерывисто дыша, несла в почтовый ящик и с какой-то неясной болью и надеждой отправляла их неизвестному юноше. Какой он был — русский, черноглазый? Конечно, он был русский, потому что сама учительница была черноглазой. Но уже давно Чернева не писала писем, да и не получала. Что случилось? . . И, наконец, пришло простое, обыкновенное письмо в синем конверте, которое ее прямо убило. Она не сдержалась и заплакала перед учениками. Катка поняла, что произошло нечто страшное, непоправимое. Потому что с этого дня учительница и не получала писем, и не отправляла их. Катка еще больше полюбила свою учительницу и от души возненавидела того юношу, который больше ей не писал. . . И очень обрадовалась, когда в этом году, еще в самом начале, заметила, что учитель Тодоров ласково улыбается их учительнице, ждет, когда окончатся ее уроки, и они выходят из школы вдвоем.

— У нее раньше был друг в Софии, студент. . . Но что там случилось, не знаю! — прошептала Катка Владину и взволнованно взяла письмецо.

— А знаешь, кто был этим студентом? — доверился только ей Владин. — Этот самый Иванчо. . . который поджег свинарник. . .

Катка побледнела и замерла, словно громом пораженная.

— Я слышал, как этот мерзавец угрожал на мельнице, — продолжал Владин. — «И ей, и ему, Тодорову! Она, говорят, гуляет с ним, но я и ей, и ему всажу пулю! . .» Я собственными ушами это слышал!

— Владин! . .

— Тс-с-с! Никому ни слова. Это дело прошлое. Он ведь уже пойман.

— Ах! — задрожала Катка. — Какой подлец! . . Бедная, как она страдает сейчас! . .

Владин не знал, что делать с Каткой. Она расплакалась из-за учительницы.

— Интересно, что ей теперь пишет Тодоров! — привел ее в себя Владин. — Что в этом письме?

— Давай прочтем! — сказала лихорадочно Катка. — Оно и так распечатано! А потом заклеим его.

— Нет! — вздрогнул, как ошпаренный, Владин. — Ведь запрещено читать чужие письма. . . Как ты могла об этом даже подумать, Катка!

— Мы одни будем знать. Взглянем, только чтобы знать, как ей помочь! — Катка посмотрела письмо на свет.

— Мне тоже очень хочется узнать, что это ей написал учитель, но соваться в чужие дела нельзя. Давай сюда письмо!

— Ишь какой ты, оказывается, Владин! — Катка, застыдившись, вернула ему письмо. — Ты же не думаешь, что я решила его прочесть. Я только хотела увидеть, как ты к этому отнесешься.

— Я за Тодорова душу отдам.

— А я за Черневу!

— А может, они поженятся? . . Может, он ей в письме предлагает пожениться? . . Я его отнесу прямо к ней, так они скорее поженятся.

— Отнеси! Только будь осторожнее. Все равно, если бы ты сам написал какой-нибудь девочке, а твое письмо распечатали бы. Хорошо это было б?

— Я не напишу никогда, пока жив.

— Может, какая-нибудь девочка тебе напишет.

— А я его порву. Все равно отвечать не буду! Если хочет мне что-нибудь сказать, пусть говорит прямо.

— Есть вещи, о которых не говорят, о них только думают, и кто больше не может вытерпеть, тот их пишет. . .

— Ну какие же это вещи? . .

— Это ты мне скажи, какие, Владин!

— Правду тебе говорю, не догадываюсь.

— Раз не догадываешься, то ничего не поделаешь! —

вздохнула девочка и взяла его за руку. — Ладно, пошли, а то, может, учитель нас разыскивает.

— Ах, догадался, — вскричал Владин. — Догадался, о каких вещах ты мне говоришь. . .

— Ну скажи, о каких!

— Не скажу.

— Скажи, Владин!

Владин огляделся вокруг и кивнул на письмо.

— Ведь о таких. . . что между учителем и учительницей. . .

Катка опустила голову и, смутившись, побежала вперед.

Всю ночь это письмо не давало Владину покоя. Утром он пошел в школу пораньше, дождался учительницу у входа и крикнул:

— Это письмо вам! . .

Он вытащил письмо из хрестоматии, куда положил его, чтобы оно снова склеилось, и подал ей.

Катка с облегчением улыбнулась из угла, откуда она следила, что сделает Владин.

— От кого это письмо? . . — смущенно спросила учительница, вертя в руках конверт.

— Я нашел его на нашем поле, пионерском. . . Уронил кто-то.

— Спасибо, — вспыхнула, как мак, учительница, узнав по почерку, кто ей написал это письмо, и побежала вверх по лестнице.

Когда зазвонил звонок и ученики вошли в класс, Владин, ни на кого не глядя, прошел и сел на первую парту к Катке. Она отодвинулась на самый краешек, освобождая ему места побольше. И, улыбнувшись друг другу, они вместе взглянули на учительницу, у которой все еще не сошел румянец.

— Поженятся, — прошептала Владину Катка.

— Только бы быстрее, чтоб учитель Тодоров ее исправил. . . и она не будет больше меня преследовать.

— Ты уроки учи, вот и не будет она тебя преследовать. . .

Шепот их сразу прервался, потому что учительница остановила на них взгляд, словно говоря: «А-а, раньше, когда сажала вас вместе, протестовали, а теперь, пожа-

луй, придется вас рассадить! . . .» Владин съежился под ее взглядом, он уже ни за что на свете не хотел, чтобы его отсадили от Катки. На том опытном поле их что-то связало, он замер, скрестив руки, и, застыв на парте, приготовился слушать урок, только чтобы не было этой злой мысли в глазах учительницы.

Но учительница не отрывала от него взгляда. Она подошла поближе к его парте и неожиданно сказала:

— Владин, выходи отвечать урок.

Владин побледнел.

«Это из-за письма! Значит, это было нехорошее письмо! И зачем нужно мне было ей его отдавать! Съест меня эта учительница! Еще больший зуб будет иметь на меня!»

Он вышел размашистым шагом к доске. Все притихли. Он начал самоуверенно, громко, потом речь его стала замедляться, голос прерываться. Катка оцепенела. Ей стало стыдно за него. Она попыталась ему подсказать. Но учительница сделала ей замечание:

— Катка!

И она закрыла рукой глаза. Катка знала, что подсказывать нельзя, и до сих пор никому не подсказывала. Но сейчас было невозможно оставить Владина! . . . Ведь он сидел теперь с ней, это был позор и для нее. Как же можно было дать ему провалиться!

Голос Владина дрожал и пропадал, губы его пересохла, он оглядывался и искал помощи. И Катка снова начала подсказывать, прикрывая рот рукой. Учительница подошла к ней и отвела ее руку:

— Я выгоню тебя из класса!

Она опустила голову. Владин умолк, пропал герой отряда, совершавший такие подвиги, любимец всей школы, которого носили на руках.

— Почему ты не подготовился, Владин?

Владин стоял, опустив голову, и молчал.

— Ну, скажи, почему?

— Мы были на опытном поле! Спросите учителя Тодорова! — выдохнул он.

— Прежде всего нужно учить уроки! — рассердилась едва ли не еще больше учительница, как будто ее задело упоминание имени Тодорова. — Ни опытное поле,

ни учитель Тодоров не могут отвечать теперь вместо тебя. Садись. Я... ставлю тебе двойку.

Владин не заметил, как доплелся до парты. Он сел и оставался ко всему безучастным до конца урока, словно его лишили всех чувств. Эта учительница убила всю его радость, бьющую ключом из-за опытного поля. Она посягнула и на их молодую дружбу с Каткой. И как раньше он убегал, не желая сидеть с Каткой, так теперь он решил защищать свое место, чтобы его никогда у него не отняли.

Глава 16

ОСВОБОДИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В это утро и учительница Чернева вошла в класс веселой. От радости на ее худеньких щеках появились две ямочки. Продолговатый шрам у подбородка был залит румянцем. Брови, тонкие и обычно прямые, как линеечки, сломались от волнения. Белоснежный воротничок делал ее милой и похожей на гимназистку. Дети не могли отвести от нее глаз, радость, трепетавшая на ее свежих, алых губах, передалась и им. Только Владин наклонился над партой и просматривал свое домашнее задание по русскому языку. Он позабыл вчера его написать и вспомнил об этом, только когда пришел в школу. Ребята играли во дворе, пели, гонялись друг за другом. Но он с болью оторвался от игр, зашел за здание школы и нацарапал несколько строк, только чтобы его не наказали. И сейчас он исправлял ошибки. Катка указывала ему на неправильные падежи, кишевшие друг на друге, расползавшиеся по тетрадке, как муравьи, кусавшие ему руки и даже как будто хотевшие обглодать его всего. Он был смущен. Глядел и ничего не видел. Ждал, что учительница еще с порога скажет ему: «Владин, возьми тетрадь и иди на заднюю парту!».

Владин был убежден, что после всех ссор Чернева никогда его не простит: будет его подкарауливать и

мстить за малейший промах. И только поэтому он возненавидел и русский язык.

«Эх, вот бы нам Тодоров преподавал! Я ведь люблю русских, разговор бы с ним шел у нас как по маслу!»

Но учительница прошла быстрыми шагами по натертому скользкому полу, оставила журнал на столе, застланном красной бумагой, ласково потрогала пышные лиловые хризантемы в глиняной вазе, и улыбка так и застыла в уголках ее рта: она наслаждалась радостной вестью, которую принесла: «Письмо было хорошим!» — решила Катка и начала думать, что именно было в письме, после которого учительница глядит на них так рассеянно, а не идет, как обычно, между партами, просматривая тетради с домашним заданием. Вдруг учительница закинула белокурую прядь волос, упавшую на бровь, и радость открыто засветилась в ее глазах, заблестев, как золотое зернышко.

— Что это за большая страна? — повернула она тонкую шею к висящей на стене карте, и дети крикнули в едином порыве:

— Советский Союз!

Комната зазвенела и наполнилась чем-то мощным. Владин даже вздрогнул и увидел, что появилось солнце, мягкое, теплое, оно кидало в окна желтые пятна на темный пол, который казался пестрым, как будто на него опали тополиные листья. Дети устремили взгляд на учительницу, которая будто слушала какую-то далекую музыку.

— Ребята! — торжественно прозвучал в тишине ее голос. Она собрала воедино все взгляды детей, как дирижер взгляды хористов перед тем, как польется песня, оперлась на свои хрупкие руки, согнув их в локтях, и, глядя на учеников все тем же счастливым взглядом, словно собираясь объявить какой-то праздник, спросила:

— Какое событие произошло седьмого ноября?

Мгновение дети молчали, а потом радостно крикнули, все вместе, громко:

— Великая Октябрьская социалистическая революция. Создание Советского государства!

«Значит, не будет проверять домашнее задание!» — перевел дух Владин и откинулся на парте. Запах ласти-

ка и обкусанного карандаша исчез. От учительницы исходило обещание торжеств, песен и танцев.

— Вместе с рабочими, с кооператорами, вместе со всем болгарским народом, — усиливался постепенно дрожащий голос учительницы, — и организация нашей молодежи через двадцать будет праздновать дней эту великую дату.

Дилко первым вскочил и захлопал в ладоши. Комната гроыхала как во время собрания. Некоторые вышли из-за парт. Учительница не делала им замечаний — этот урок был посвящен Советскому Союзу, она волновалась и была готова к уступкам. Потом она поставила свой стул совсем рядом с партами и, как своим друзьям, рассказала ребятам все, что знала — как восстали рабочие сначала в Петрограде, который теперь переименован в Ленинград, как большевистская партия повела их, и они вместе с крестьянами свергли царскую власть и установили власть Советов.

Чернева поглядела на портрет Ленина и заговорила тепло, сердечно, как будто о каком-то близком, знакомом герое, вместе с которым она работала и боролась. Ребята слушали ее, облокотившись на парты, затаив дыхание, онемев. Владин совсем забыл о своем домашнем задании, уносясь, как в сказке, за прославленным юнаком¹, проводшим много жестоких битв и везде побеждавшим. Потом его мысль отправилась в длинный путь через горы и реки, через границы и страны, чтобы приземлиться там далеко, в чудесной стране.

— Но Ленин был также и отличным учеником, ребята! — добавила внезапно учительница.

Владин согнул вытянутую шею, как птица, испуганная во время полета, и огляделся.

«Это она меня упрекает. . .» — подумал он и спрятался за спину Катки.

Учительница перевела взгляд на Катку и продолжала:

— Он помогал своим товарищам решать трудные задачи и, окончив гимназию с отличием, получил золотую медаль. . .

¹ Юнак — народный герой произведений болгарского фольклора, борец за народное счастье.

Чернева взглянула на притаившегося Владина, ямочки на ее щеках показались вновь, но она не прервала рассказ. Напряжение у ребят прошло. Все, кто знал что-то о Ленине, торопились это рассказать. Его портрет словно ожил. Владин рассматривал его большой лоб и думал о его прищуренных с морщинками в уголках глазах, которые, глядя на него, словно изучали, что он за мальчик. Учительница тоже углубилась в разглядывание портрета, забыв проверить домашнее задание.

Все сидели молча, охваченные чувством любви и глубокого уважения.

— А сейчас проведем короткий диктант о Советском Союзе, освободителе человечества, — вернула учительница ребят к действительности, и Владин, вышедший было вперед, снова отступил к своей парте. — Знайте, что самым лучшим поздравлением советским друзьям по случаю праздника будет ваша хорошая успеваемость!

Ребята зашумели, вытаскивая свои тетради. Учительница ударила в ладоши, как она это делала всегда, когда хотела их утихомирить, и пошла между партами.

Катка начала писать, только Владин медлил и раздумывал. Ему казалось, что образ Ленина снова отдалился. Учительница снова приобрела строгий вид, ее улыбка скрылась в углах тонких губ, черты ее лица заострились, прямые и решительные. Прямой указательный палец задерживался у каждой ошибки. Снова мурашки поползли по телу Владина, но теперь он чувствовал в себе силу. Он выпрямился и начал писать. Такие чудесные вещи диктовала учительница о Великом Октябре, но вот только рука его так неуверенна. Ошибка нанизывается на ошибку. Учительница видит их, и он цепенеет. Глаза его невольно обращаются к Каткиной тетрадке.

— Владин! — заметила это учительница.

Катка отодвинула свою тетрадь и закрыла ее локтем.

— Разве можно списывать? Как тебе не стыдно! Ленин смотрит на тебя!

— Но я. . . — сжался виновато Владин и строчки не

мог больше написать, и взглянуть на портрет Ленина не смел.

— Напишешь мне это пять раз дома. . . к следующему уроку! — отошла учительница, но ее каблучки до конца урока стучали, как молоточки, у него в ушах.

Глава 17

СОРЕВНОВАНИЕ

Будто на пожар бежал — так торопился Владин в школу. Думал, что придет на собрание первым, но когда вошел, зал был уже переполнен, все стулья заняты, и он попробовал столкнуть двух-трех ребят, чтобы занять их место. Еще ничего не происходило, но зал уже был накален от волнения. На сцену, украшенную знаменами, вышел председатель совета дружины Дилко, властным жестом поправил свой красный галстук, мягко лежащий на его тонком воротничке, и задумчиво сказал:

— Ребята, совет дружины, рассмотрев самым обстоятельным образом предложение о соревновании в связи с чествованием Великой Октябрьской революции. . .

Школьники заранее встали.

— Дружба! Мир! . . — скандировали они в ритм хлопков в ладони до тех пор, пока Дилко им не махнул рукой и они не сели.

И когда зал затих, охваченный настроением мужества и героизма, в полусумрачном освещении, какое бывает во всех залах, Владиноу показалось, что Ленин на портрете, украшенном живыми цветами и разноцветными бумажными цепями, вздрогнул и слегка подался вперед, чтобы услышать, что решил совет дружины.

— Совет дружины, ребята, решил. . . — взмахнул сжатым кулаком Дилко так, как это делают, он заметил, настоящие ораторы, — сделать художественный альбом для советских товарищей. . .

Радка, сидевшая как член совета дружины за сто-

лом рядом с Дилко, вскочила со стула, как будто ее дернули за веревочку, и заговорила о том, как они делают альбом. Она стояла смирно, как в строю, прижав руки к юбке, и только смущенно теребила ее пальцами. Голос ее раздавался монотонно, словно она отвечала вызубренный урок:

— Нужно, ребята, вы. . . шить, вышить. . . — выступая, она иногда выговаривала слова по слогам, — вышить знак нашей Димитровской пионерской ор. . . организации нашей вышивкой.

Она закончила, подняв голову, как будто собиралась еще продолжить, и села так же неожиданно, как и поднялась.

— Моя сестра окончила школу домоводства, она мне покажет. . . — подскочила Ценка. Из-под ее кудрявых прядей, нависших, как гроздья винограда, надо лбом, выглядывало маленькое личико с толстыми щеками и бегаящими живыми круглыми глазами.

— И я хочу вышивать альбом. В прошлом году я сделала для выставки целую подушку. Я тоже буду вышивать, — дрожа от волнения, подняла руку Вылка, всегда аккуратная и подтянутая, и поглядывала большими черными глазами на вышитую грудь своей блузки,

— И я, — встала самая маленькая, Линка, худенькая. бледненькая, которой пионерская дружина сообщала купила учебники — чтобы отметить ее отличную успеваемость.

Катка несколько раз приподнималась и снова садилась и, наконец, как бы собравшись с силами, вдруг встала и высказала все, что надумала, спокойно, без запинки, не мигая, глядя вниз на крышку парты, как будто перед нею лежал заранее написанный листок:

— Ребята, учительница даст нам образец, и мы будем вышивать по нему. Те девочки, что вызвались, останутся после собрания, чтобы все решить, — и снова быстро села, оправив рукой юбку.

Владин кипел от злости.

«Дилко все дела отдал девчонкам, для нас, мальчишек, ничего не оставил». — Он вертелся, подбивал Гечо встать, но тот молчал.

— Я рисунки сделаю в альбоме: дружина в лагере,

в походе, клятва перед Димитровым; пусть смотрят советские пионеры, — приподнялся Павлето, маленький и немного сутулый, с короткой шеей и большой головой, и мечтательная улыбка появилась на его бледном лице. — И еще одно: предлагаю выпустить стенгазету побольше и с крупными рисунками!

В дружине он был художником. Всегда доброжелательный, он и теперь своим предложением пытался соединить воедино расколовшееся на девочек и мальчиков собрание. Дилко, возражавший всегда и всем, сейчас утвердительно кивнул, хотя ему очень хотелось напомнить Павлето: «Только рисовать, а не перерисовывать».

— Дилко, я. . . дай мне слово! — выкрикнул хриплым голосом Николай. Его круглое, всегда румяное лицо сейчас было совсем красным. Русые волосы, обычно гладко прилизанные назад, как шерсть у только что облизанного матерью котенка, были растрепаны. Как всегда, когда ему приходилось говорить, он шмыгал носом. — Предлагаю, чтобы мальчишки сделали что-нибудь свое, без девочек. Одного альбома мало. Когда его получают, скажут: «Ну харашо. . . А где там ребята. . . Мальчишки у вас няма разве, как Павлик Морозов и Тимур с неговата команда. . . а?».

Он засмеялся, показав свои мальчишеские мелкие зубы, засмеялись и все остальные — над его русским языком, который он упорно изучал и по радио, и от стариков, собирая, где придется, по словечку или выражению. Только Дилко не засмеялся. Может быть, он был единственный, кто заметил ошибки в том, как выговаривал Николай русские слова, или был задет, что тот назвал его просто по имени, а не председателем, что Дилко очень любил.

— Я предлагаю, ребята, — подскочил с задней парты высоченный, с большим носом и низким голосом Видул, — чтобы мы, мальчишки, сделали самолет, у меня есть модель. . . И пошлем его им. . .

Владин вскочил и захлопал в ладоши. Но Дилко пренебрежительно махнул рукой.

— Они уже по горло сыты этими самолетами. . . да еще ракетными, управляемыми по радио! — вспомнил он, что говорили на занятиях кружка по авиамоделизму.

— Да, но ведь это наша индустрия, — снова поднялся без разрешения Видул, чей отец из простого сельского железнодорожника сейчас стал мастером в городе и которым тот везде хвалился как ударником. — Папа сказал, что рабочие на заводе дали обещание, что сделают целый трактор. . .

— Сделаем и мы трактор! Трактор, трактор! — повскакали с мест ребята.

— Я обещаю научиться водить трактор, — сказал Владин, поскольку больше всего на свете он любил тракторы. Его обещания никто не услышал, и он повторил его смелее.

— Ты лучше исправь двойку по русскому языку! — прошептал за его спиной Павлето. Владин обернулся, но не смог разобрать, кто это сказал.

Ребята вскакивали проворно один за другим, и предложения сыпались наперебой.

Дилко только качал головой, как будто до сих пор ничего особенного сказано не было.

— Не лучше ли нам, мальчикам, вырезать из дерева Кремль? — высказал он в конце концов свою идею, которую придерживал, чтобы затмить ею остальные предложения. — Кремль с башнями, со звездами, на каждую из которых пошло по одиннадцать килограммов золота. . .

Ребята ахнули.

— Ого, этот Дилко всегда придумает лучше всех! — выкрикнул Видул, который сначала намеревался отвергнуть предложение председателя, как тот отвергал их предложения.

Только когда голосовали, догадались спросить: «А образец?». Дилко в ответ уверил ребят, что выпишет его из Софии, из Дворца пионеров, и ребята успокоились.

— Важнее другой вопрос! . . Кто будет подписывать письмо, с которым мы пошлем свой подарок, — вперил Дилко подозрительный взгляд в лицо Владина. — Совет дружины решил, что подписать письмо получают право только отличники. Двоечникам и троечникам, особенно по русскому языку, просто стыд писать в Советский Союз. Мы клялись перед товарищем Димитровым и как

димитровцы должны представлять себя достойно! — закончил Дилко.

Несколько отличников впереди зааплодировали. Все остальные притихли. Владин недовольно поморщился, щеки его пылали. Он подскочил и крикнул во весь голос:

— Как это так, вы еще будете мешать нам письмо подписывать. . . Эгоисты! Только вы, все вы, везде вы! В задних рядах заволновались.

— Я не согласен! — выскочил из передних рядов Николай и повернулся широкой спиной к совету дружины. Пионеры с задних стульев поднялись и уставились на его широкое умное лицо.

Он был очень хороший ученик, отлично декламировал, но с тех пор, как Дилко его заменил, как-то обмяк, стал небрежным. Его громкий голос, время от времени дававший пегуха, теперь не раздражал ребят.

— С Владином совет дружины перехватил через край. . . Как сказал учитель Тодоров, пусть сейчас мы и не отличники, но мы можем ими стать. — Плечистый, крупный, подвижный, он чувствовал, что вызывает симпатии большинства, и без паузы добавил: — Предлагаю объявить соревнование в честь Великого Октября, и кто, скажем, до срока, когда будем отправлять письмо, успеет исправить плохие отметки, получит право подписать; кто же не исправит. . . того продернем в стенгазете! Специальный номер выпустим!

Все еще стоявший Владин совсем сник. Он ожидал, что Николай защитит тех, кто слабоват по русскому языку и, отвергнув любые ограничения, смело скажет: «Ребята, это несправедливо. Советский Союз заботится обо всех людях, обо всем мире, как сказала учительница Чернева, о белых и черных, о слабых и сильных, и никому не нужно мешать выразить хорошее чувство. . .» Но Николай предложил соревнование, и Владин сразу же его возненавидел. На последнем матче они поссорились. Владин подставил ему ножку перед самыми воротами, чтобы он не забил гол, и они подрались. Гьошко-физкультурник замял это дело, чтоб не дошло до пионерской организации, поскольку оба были

хорошими игроками, но они все еще смотрели друг на друга враждебно и не здоровались.

— Обещаю соревнование на опытном поле, — надумал Гечо-Ятака, который всем своим видом хотел походить на крестьянина, у которого полно забот. Он был избран ответственным за опытное поле, и кожа на его лице была цвета высохшей земли. — И наши ребята помогут кооператорам убрать свеклу в срок, как это делают советские пионеры.

«Жди у моря погоды», — дернулся Владин, которого на общем сборе не утвердили ответственным за опытное поле, поскольку Дилко поднял вопрос о его плохой успеваемости.

— И по физкультурной линии развернем соревнование, ребята! Кто не сдаст нормы, на того Павлето в стенгазете карикатуру нарисует! — выступил перед рядами Гьошко, как будто собирался заняться физкультурными упражнениями. Его тонкие, как у сверчка, ноги сгибались в коленях, когда он говорил. Он ездил на фестиваль в Прагу и теперь делал смертельные прыжки на турнике и крутил сальто, не отталкиваясь руками от земли. Его все любили, и Владин хлопал его предложению больше, чем другие.

Дилко объявил сбор дружины закрытым, но ребята не расходились. Долго и медленно тянулись они к выходу.

На сцене остались только члены совета дружины. Владин видел, как они потянули стол в глубину сцены и расположились вокруг него под портретом Ленина, который словно хотел сойти на это заседание избранных и лично дать им совет, как что сделать. Катка горделиво усмехнулась Владиному, словно хотела сказать: «Видишь, где я, а где ты! И подумай, почему!». Николай в расстегнутом и длинном, как тулуп, пиджаке, размашистым шагом выходя на улицу, взглянул на него исподлобья, словно бы говоря: «Видишь, что получилось, когда ты поссорился со мной и с Гечо? Так и будешь плестись в хвосте один, без друзей, никто теперь уж и не взглянет на тебя, если не наляжешь на учебу!»

— Значит, если хочешь писать советским друзьям, нужно учиться, как полагается пионеру. . . Иначе ни в

коем случае, понял? — Николай с насмешливым видом прошел мимо Владина, который все еще стоял, сам не зная, зачем, в зале.

Глава 18

ОТВЕРГНУТ

Однажды утром, когда Владин пришел в школу, он увидел в коридоре вывешенный в честь великого праздника стенд. В верхнем углу был нарисован слегка улыбающийся Ленин. «Ишь, как здорово его нарисовал Павлето!» — подумал Владин. Но когда взгляд его пробежал стихи и заметки, которые чередовались с рисунками, он словно бы споткнулся об одну карикатуру. В первую секунду он даже улыбнулся, но потом отшатнулся и ошетинился, как еж, на которого напал враг.

— Ведь это я! — вытаращился он на свою согнутую под тяжестью двоек фигуру.

Даже на ушах его, как серьги, висели двойки, другие были насажены ему на рот, как кольца в губах медведя, третьи стискивали ему шею, будто клещи — вот вот задушат! Руки его были скованы кандалами из двоек, ноги — связаны путами, и целая толпа улюлюкала вокруг него, как вокруг преступника.

— Кто, кто посмел? — с болью вскричал Владин. — Поднимать меня насмех именно теперь, перед праздником, когда другие будут радоваться. . . — Он вспыхнул и собрался было сорвать стенгазету, но вспомнил о наказании. Его ведь уже исключали, но тогда он отделался только выговором с предупреждением, теперь же его наверняка вышвырнут и из пионерской организации, и из школы. Дилко только того и ждет. Исключат его, как пить дать. А газету снова могут сделать и его еще хуже нарисуют, даже с мельничным жерновом на щеке. . . И потом еще больший позор, и дома избыют, и. . .

Владин скомкал в гнев свою шапку и выбежал на

улицу. Ребята, выглядывавшие из классов, засмеялись ему вслед. Во дворе он встретил Павлето.

— Ты это что же меня так разрисовал? Вот я тебе морду расквашу. . . — надвинулся на него Влади́н и стиснул дрожащий кулак.

Павлето сжался, побледнел. Он был слабеньким — дунь на него, упадет — еле доставал до плеча Влади́на, а теперь как-то совсем уменьшился, казалось, что только до пояса ему был.

— Но я, Влади́н. . . — заикался Павлето, и трещина на его верхней губе уродливо раскрылась. — Я выполнил решение совета дружины. Мне редакция дала идею.

— Вот тресну сейчас, так сразу получишь от меня хорошую идею! Почему себя не нарисовал со своей разорванной губой, как у зайца, а? Себя-то поставил там, под Лениным.

— Да ведь я хорошо выполняю домашние задания.

— А у меня разве по всем предметам двойки, сколько ты их повесил мне на шею? Только по русскому у меня двойка, а по истории, географии, арифметике — четверки. А по естествознанию — пятерка!

— Это же карикатура, Влади́н!

— Вот тресну тебя по хлебалу, сразу выйдет из тебя хорошая карикатура, — еще больше разозлился Влади́н, потому что Павлето ответил ему так вызывающе. Он поднял кулак и заскрипел от боли зубами. Павлето был смирным учеником, учительница никогда не делала ему замечаний, никто не помнил, чтобы он с кем-нибудь поссорился. Он отвечал только тогда, когда его спрашивали, и все время рисовал. Влади́ну стало его жаль. Он опустил руку и сказал:

— Пойдешь и сотрешь то, что нарисовал, иначе. . . Ты ведь меня знаешь!

— Я не могу. . . — ответил Павлето, набравшись храбрости, — это газета пионерской организации. Есть ответственный редактор. . .

И отошел. Влади́н кинулся было за ним, хотелось так его стукнуть, чтоб он землю стал носом пахать. Но. . . в это время неожиданно-негаданно возникла Катка. Раньше, когда она появлялась, он успокаивался, но сейчас гнев вспыхнул в нем и завертел его, точно волчок.

- Владин! — позвала она и догнала его.
- Убирайся! — отвернулся он озлобленно. — Не видела разве, что из меня в газете сделали?
- Знаю, но погоди, я тебе объясню.
- Что ты мне объяснишь после того, как подняли меня насмех как раз теперь, накануне дня Октябрьской революции. Я этому молокососу еще дам, чтобы понял.
- Но ведь Павлето не виноват. Это я сделала!
- Что? — задохнулся Владин и побледнел. — И ты?
- Я как член редколлегии предложила это. Мне было стыдно, Владин, за тебя. Тяжело мне было, ты знаешь, я. . . ради тебя сделала, для твоего блага.
- Убирайся! Видеть тебя не хочу! . .
- Но пойми меня, Владин. Я чуть не заплакала от стыда, когда учительница тебя поймала на том, что ты списываешь! Ведь нет другого способа, кроме товарищеской критики.
- Это не критика, а уничтожение.
- Владин!
- Одного меня вы взяли на мушку. Я самый плохой, пропавший. — Владину вдруг стало себя жаль, и он отвернул огорченное лицо.
- Ты не самый плохой, именно поэтому нам всем это так и тяжело. У тебя много ценных качеств. . .
- Но почему ни слова о хорошем, а только об этих моих ошибках в русских диктантах?
- Потому что мы хотим, чтобы ты стал самым лучшим по русскому! Послушай меня, Владин! Пойдем на урок.
- Кончено! Ноги моей больше в школе не будет! Убегу в Софию. Пойду работать на стройку, а потом сдам экстерном! А здесь и не появлюсь больше!
- Послушай меня! Если выдержишь теперь, мы выиграем, мы победим! Пошли, сядь со мной, как будто ничего не случилось. Пиши и увидишь. . .
- Не могу!
- Я тебе буду помогать, и ты справишься. Добьешься права подписаться под альбомом.
- Не хочу! После того как вы учинили надо мной такой позор. . . Не могу!

— Ладно! Помни, что ты мне отказал! — вздохнула Катка и, отвернувшись, обиженно побежала к дверям школы, потому что звонил последний звонок. Она забыла, что у нее под мышкой книги, ослабила руку, и они рассыпались по земле. Секунду Катка стояла в ожидании, что Владин поможет ей собрать их поскорее, но он и не шевельнулся.

— И он был моим товарищем, — прошептала она с обидой и побежала, отряхивая книжки.

Владин остался во дворе один. Ушла и та, которая думала о нем, что-то дорогое оторвалось от его сердца. И только теперь он понял, что потерял крепкую опору. Он потащился на опытное поле и вернулся мрачным только к вечеру. Опечаленное и ослабевшее солнце заходило. Желтыми, безжизненными выглядели холмы. Коровы, весь день пасшиеся на сгоревший траве, с мычанием торопились к общественному хлеву, где их ждали ясли с вкусным кормом. Все живое шло домой. Только Владину идти было некуда. Он чувствовал себя отверженным, одиноким под теплым осенним небом, у него ни на что не было сил.

Этот крепкий, живой мальчик возвращался теперь домой, повесив нос. Он так захлопнул за собой калитку, сплетенную из прутьев, что с них посыпалась потрескавшаяся кора, пнул щенка Левчо, который ласкался к нему, махая своим коротким хвостом, швырнул истрепанный портфель со сломанным замком, так что книги рассыпались по кровати, на которой горбом лежал только что набитый новой соломой тюфяк. На печи разогревалась опрокинутая подница для хлеба, и струящийся из-под нее ядовитый дым заставил его отойти подальше. Мать замешивала в квашне тесто для лепешки и не увидела, как он вышел. Он не стал играть, как обычно, на улице; а пошел в сад, залез на сливу и по ее веткам, лежащим над крышей сеновала, легко оказался на холодеющей уже черепице. Перебравшись на противоположную сторону крыши, как это он делал обычно, когда отец гнался за ним после какой-нибудь его провинности, он начал смотреть на село. Оголенные ветки сливы покачивались, солнце заливало дворы печальным, умирающим светом. Взгляд его миновал ули-

цы, усеянные желтыми листьями; деревья, сбросившие листву; кучи зеленой кукурузной массы, сваленные на огородах и на галереях домов; раздвоенные шелковичные деревья; желтые тыквы, сушившиеся под навесом; покинул затихшие сельские дворы и направился дальше, за околицу, где свежо зеленели огороды. Он охватил тонушие в вечернем сумраке холмы и потерялся в хребтах Балкан, где лежали мохнатые облака в ожидании, когда зайдет солнце, чтобы спокойно опуститься в низины и накрыть села полным мраком.

Владин впитывал тоску угасающего осеннего вечера, и ему хотелось плакать. Но перед кем он мог выплакать свою боль, если со всеми, кто хотел ему помочь, он поссорился! . .

Блуждая по темнеющему полю без направления и цели, взгляд его упал на группу новых строений, стоящих поодаль от села, словно какой-то недавно населенный остров. Это был кооперативный двор. Далеко за ним слышалось тарактение. «Это трактор». Владин снова вспомнил о стенгазете, и сердце его сжалось от страдания. Трактор, который им послал Советский Союз, бороздит сейчас Янино поле, отделенное еще невыкорчеванными деревьями, как живой изгородью. Сухая земля, не напоенная дождем вот уж с мая, дымится, как подожженная сухая стерня. Владин знал, что кооператоры решили не ждать на этот раз дождя. «Советский Союз учит нас бороться и с засухой», — говорил ему отец, и сейчас Владин понял, почему никого нет в селе, почему женщины не болтают у чешмы или не возвращаются с корзинами и торбами овощей с огородов, понял, где парни и девушки. . . Все они на поле, торопятся закончить сев, выиграть соревнование в честь праздника. И как выиграют, их имена напишут на Доске почета, и они станут знаменитыми.

Владин смотрел на дым, слушал треск трактора и вдруг увидел, как из всех городов и сел идут письма в Советский Союз. В прогалине между краснеющими на небе облаками постепенно начали блеснуть бледные при дневном свете звезды, которые принимали рубиново-красный цвет, тем больше озаряя все вокруг себя, чем больше сгущалась тьма. Перед глазами Владина открылся

великий город с Красной площадью и глубокими, широкими, как каналы, улицами, по которым шел народ, приятно переливаясь разноцветными волнами. Волны движутся, увеличиваются, вздымаются, пенятся от радости, сталкиваются в стремлении перегнать у площади одна другую, катятся мимо трибуны, а потом через ворота Спасской башни прямо в Кремль. Пионеры всех стран... китайские, монгольские, румынские, болгарские, избегают по каменным ступеням. Они принимают альбом от дружины имени Георгия Димитрова. Раскрывают красиво вышитую обложку и начинают читать: «Учительница Чернева, Дилко, Катка, Радка, Гечо, Гьошко, Николай... ой, — всплескивают они руками, — а где же Владин?» Летом, когда некоторые ученики вроде Дилко отдыхали себе в лагерях, Владин помогал собирать урожай советской пшеницы, пастелят — пятнадцать резвых, рыженьких, как косули, телят, он не боялся сесть на трактор и взяться за баранку, хотел сам научиться водить его. Владин был уверен, что в Кремле знают все это и спросят — что с ним случилось... И дойдет до Кремля слух: «Владин получил двойку по русскому языку, провалился в соревновании!» А ведь они не знают, что виновата эта злюка Чернева, которая из-за какого-то своего письма заставила его возненавидеть не только русский, но и болгарский язык...

Было уже темно, когда Владин слез с крыши, словно с наблюдательного пункта. Чем больше темнело, тем больше жизнь уходила с полей и вливалась в село. Слышались песни, крики, позвякивание ведер. Улицы оживленно шумели. Владин не пошел играть на улицу, как это бывало обычно, а тихо и незаметно проскользнул в дом и взялся за свои тетради.

Выпачканная в муке мать вытерлась передником и спросила его, что случилось.

— Оставь меня! — огрызнулся он, пнув трехногий стульчик, путавшийся у него в ногах, как котенок, и снова склонился над тетрадкой.

Лицо матери еще больше вытянулось от подозрения. Она размесила пшеничную лепешку и ждала, когда подница разогреется. Скребок она соскабливала над квашней тесто с рук и пыталась заглянуть прищуренными

близорукими глазами в склоненное лицо сына. Он чувствовал, что она смотрит на него, и не оборачивался. Мать поняла: что-то необыкновенное потрясло душу сына, и оставила его в покое. Она придвинула несгоревшие концы сучьев под опрокинутую подницу, и пока они разгорались на углях, облизывая пламенем медленно нагревающуюся подницу, она все поглядывала на Владина. Плающие угли живым светом освещали его лицо, застывшее с морщинами у глаз, как будто он тайком плакал. Нахмутив лоб больше от боли сына, чем от жары, мать сняла кочергой подницу, ударившую так, словно закрылись огненные уста. Разгребая пепел и угли, она подняла огненный чад, который охватил ее всю, заставив на время забыть Владина. Взяв раскатанное для лепешки тесто на руки, как младенца, она ловко швырнула его на подницу и глядела словно тающими от жара глазами, как шевелится пепел, смешанный с расколотыми углями, как дымится в нескольких местах труба, проткнутая когда-то вилкой. Ей казалось, что нечто вроде этой белой лепешки обгорает и в душе Владина. Вся вспотевшая, разгоряченная, покрытая пеплом, мать поставила кочергу к стене и пробормотала про себя:

— Ох, когда же построят этот комбинат с пекарней и прачечной, чтоб и нам избавиться от такой муки раз и навсегда.

Владин взглянул на нее и склонился еще ниже над тетрадкой.

Лепешка лежала выскобленная, пышная, с хорошо пропеченными краями и поджаристыми красноватыми пятнами, когда отец Владина затопал у дверей, словно стряхивал с царвул налипшие комья земли. Владин даже не оторвался от книги, а продолжал тихо, спокойно, как никогда, читать и писать. Острый взгляд отца сразу вобрал в себя его потемневшее лицо.

— Наделал ошибок в диктанте по русскому, а? Хотел сорвать газету, где тебя нарисовали, да? — спрашивал отец. — Говори, что еще, я все равно узнаю, пусть в поле, как сегодня, тогда еще хуже будет. . . Уж не выгнали ли все-таки на этот раз тебя из школы?

— Нет, — шмыгнул Владин носом, собираясь заплакать.

— Ну что тогда?

Владин прикрыл свои острые ястребиные глаза, и отец увидел, как в уголках их застыли слезы. Короткие густые и жесткие ресницы слиплись от влаги в снопики и блестели, отчего казались еще более черными на его побледневшем лице.

— Все ребята подпишут письмо в Советский Союз, только я. . . — всхлипнул он, и слезы хлынули двумя ручьями.

— Это почему же? — ошетинился отец. — Как такое может случиться?

— Даже дети фашистов, которые преследовали нас, подпишут, а я. . .

— Ну, такому не бывать. . .

Владин, обнадеженный, молчал. Как он до сих пор не догадался поговорить с отцом? Он надеялся на своего отца, ведь тот партиец. Но отец, увидев разбросанные повсюду книги, чего обычно не бывало, усомнился, и сочувствие пропало с его лица.

— Мне сдается, не из-за успеваемости ли это, другой причины я что-то не вижу.

— Они хотят, чтобы подписывались только отличники. . . — Владин со стыдом закрыл лицо руками, и из-под пальцев потекли слезы.

— Они правы. Если хочешь писать в Советский Союз, стань отличником.

— Скажи им, папа, чтобы мне тоже дали подписать, я же исправлюсь! — всхлипнул он, уткнувшись в колени отца, пахнущие землей.

— Ну-у, такие дела по ходатайству не делаются! — отец поднял руку, чтобы вытереть с лица брызги грязи, и отстранил Владина. — Ты знаешь, что такое Советский Союз?

— Знаю! — ответил с гордостью мальчик и вскинул на него влажные глаза. — Освободитель человечества.

— Так. Хорошо вам назвала его учительница, но нужно было сказать еще об одной вещи. . . — отец придвинул стул к столу, на котором уже лежали куски мягкой погачи¹.

¹ Погача — пресный круглый хлеб.

Ужин был хороший, но Владин ел мало, как будто был болен. Бай Петко шумно вытер свой небритый подбородок и отодвинулся от стола, довольный, что нашлась, наконец, сила, которая заставила его сына задуматься. И чтобы усилить в нем эту внутреннюю борьбу, он неспеша начал ему рассказывать, затягиваясь время от времени сигаретой:

— Если бы не было Советского Союза, был бы ты сейчас сиротой. Благодаря тому, что он послал нам Красную Армию, мы остались живы. . .

— Знаю, учительница нам говорила. . . — Владин вспомнил 9 сентября, множество знамен, советских воинов, цветы, радостные слезы, и ему стало еще тяжелее.

— Ага! — отец подергал свои длинные усы, словно задетый тем, что учительница не оставила почти ничего, что он мог бы рассказать своему сыну. — А об освобождении Венгрии она вам говорила?

— Нет. . . урока не хватило, но она на кружке нам расскажет, — вспомнил он о научно-историческом кружке.

— А-а, на кружке. Откуда ей знать, если она не была на фронте? Сталинград, Ясско-Кишиневская операция, Болгария, Югославия — это целая история. И нас, и сербов хотели оккупировать англо-американцы, если б Советский Союз не опередил. . . — отец передвинулся вместе со стулом к огню и начал рассказывать о боях при Драве-Соболч и о помощи, которую получила Первая армия, когда вступили катюши. — Вечная им слава. . . и вечная им память, ведь, может, и они не вернулись к себе домой! — он кивнул на портрет своего убитого сына, рядом с которым висела фотография красноармейцев, останавливавшихся у них по пути на фронт.

Владин прижался к отцовским коленям и смотрел, как тот с удовольствием посасывал сигарету, предаваясь воспоминаниям об Отечественной войне. Иногда мальчик боязливо сжимался, ему становилось страшно; гаснущая сигарета начала дымить и щипать ему глаза, будто противник выпустил удушающие газы. Небритое лицо отца, казалось, еще больше обросло бородой, руки

и одежда пропитались запахом пороха, он вышел из окопов грязный, бледный.

— Крышка была бы и нам, и братьям-югославам, если б не прибыли катюши русских Ванюш. . . — он швырнул окурок в печь и задумался. Потом подошел к выдвижному ящику стола, где хранил важные документы. Бережно, будто что-то очень дорогое и хрупкое, подал Влади́ну свою советскую медаль за участие в Отечественной войне.

— Вот это мне от Советского Союза, — волнуясь, он приколот к груди золотой кружочек, висевший на желтой с черными продольными полосками ленте; и помолчав, сказал глубоко почтительным голосом: — Прочти, что здесь написано. . . Ведь ты учишь русский? СССР! Когда ношу ее, все равно, что братскую руку чувствую на своем сердце. Но воевал я достойно и в случае, если что произойдет, сейчас буду опять воевать, чтобы сохранить то, что завоевали. Как ты думаешь? Нас связывает пролитая кровь, партия, будущее, коммунизм, где вы будете расти, как цветы в саду. Понимаешь? Поэтому они в школе так и решили. Учись! Право дружбы с Советским Союзом достигают отличиями, победами, а не как ты задумал, слезами и просьбами. . .

Отец пытался успокоить мальчика, но видел, что его глаза все еще полны огорчением.

— Почему так поздно я вернулся сегодня с поля? Потому что и мы, старики, решили поработать побольше в честь этого праздника народов. Мы вступили в соревнование за досрочный сев и глубокую вспашку. За первенство борются наша бригада и третья, а весь наш кооператив соревнуется с Оходенским, посмотрим, кто выиграет!

Отец разбередил душу Влади́на. Как сухая земля на Янином поле была перевернута трактором, а потом культиваторы и бороны дробили крупные пласты. так и его душа была подготовлена, чтобы принять семя соревнования. Родители легли спать. Чуть позже вернулась с собрания старшая сестра, посмотрела на него с удивлением и тоже легла, а Влади́н остался за столом. Писал быстро, лихорадочно, исписал, не поднимая го-

ловы, целых две страницы. Потом выпрямился и вздохнул:

— Ох, черт побери! Он освободил человечество однажды, так зачем же я-то должен все это переписывать пять раз!

В это время отец, у которого был давнишний, застарелый бронхит, закашлял во сне, и Владин вдруг почувствовал стыд и, склонившись над тетрадью, в третий раз вывел: «Освободитель человечества».

Была уже полночь, когда Владин лег на лавку около печи. Целую ночь то учительница, наклонившись над ним, драла его за уши, потому что у него ошибки в домашнем задании, то Дилко выгонял его из пионеров: «Марш отсюда, здесь не место отстающим!», то неожиданно появлялся отец, хватал его за руку и вел подписывать письмо в Советский Союз. Однажды послышалось ему гуденье, входили чужие танки, но появлялся улыбающийся отец с орденом. . . И грохот танков сменялся равномерным тарактением трактора. . . Вот он, вышел вдруг из Хайдукского дола, давит землю своими гусеницами, переворачивает пласты чернозема, за ним еще два. . . три. . . целая колонна — набрасываются на целину, распахивают землю, засевают ее крупным, красным советским зерном. Потом тракторы вдруг превратились в пионеров, бегущих наперегонки. Ах так! Если соревнования по бегу, то уж погодите, увидим, что будет! Он кидается на какую-то широкую спортивную площадку, обгоняет Видула, Гечо и вот-вот добьют первым до того места, где стоит его отец. Дилко подставляет ему ножку, и Владин падает. . . Всю ночь он догоняет своих товарищей, спотыкается и не может достичь финиша.

Наутро голова его была тяжелой от беспокойного сна. Он был словно больной. В первый раз, прежде чем идти в школу, он посмотрел свою тетрадку, нашел ошибки. Сел и начал их исправлять. Но какую прежде всего? . . . Ошибок было так много, что он запутался, как муха в паутине. Солнце поднялось из-за холма, люди пошли на работу, настало время идти в школу, а он еще вздыхал и охал над тетрадкой. Кто-то позвал со двора, но он не слышал. Сестра пошла отворить, и сов-

сем неожиданно в комнату вошла Катка, смущенная, бледная, как будто и она не спала всю ночь.

— Я за арифметикой пришла, Владин! — сказала она, чтобы оправдать свой приход, и присела. — Ты домашнее задание по русскому пишешь? Ой-ой-ой, что ты с собой сделал!

Владин был весь в чернилах.

— Поглядим, что ты написал! — взяла она нетерпеливо его тетрадку, словно думала об этом всю ночь, но как только взяла, вытаращила глаза. — Но как же ты можешь так писать, Владин? Учительница снова тебя будет ругать! Постоянно путаешь окончания. . . Пишешь слова так, как говоришь, по-болгарски. Не каторой, а который, и времена перепутал, знаков препинания не признаешь!

Она взглянула на него и вырвала лист из его тетради.

— Начинай заново! Я буду тебе диктовать все это, твое, и поглядим! Ну, начинай! — шутливо усмехнулась она.

Владин ее не ждал и удивился, что она с ним так возится. Ему стало приятно, когда он понял, что она, как и он, тревожилась об этом задании! Ишь ты! . . И он покорно взял ручку и склонился над тетрадкой.

— «Асвабодитель человечества». Написал? . .

— Написал.

— Заглавие написал правильно. Пиши дальше и отчетливее. Что это за закорючки! Никто ничего не сможет у тебя прочесть и по-болгарски, не то что по-русски.

Сестра посмотрела, как его укротили, и, засмеявшись, схватила корзинку и пошла на работу.

Звонил последний звонок, когда они побежали в школу. Обоим было легко и приятно. Когда подошли к школе, Катка вдруг остановилась. Владин удивился.

— Иди вперед, чтоб не сказали, что я тебе помогаю! — повернула назад Катка, будто для того, чтобы что-то взять из дома.

Владин, смущенно потоптавшись, направился к лестнице. Ребята уже были в классе и, притихнув, ожида-

ли учительницу. Владин сел за парту. Теперь его беспокоило опоздание Катки. Учительница вошла, а ее все не было. Владин беспокойно поглядывал в окно. Учительница начала проверять домашнее задание, а Катка все не шла. Когда, наконец, дверь приоткрылась и показалась Катка, Владин обрадованно встрепенулся и даже улыбнулся ей потихоньку. Учительница долго заставила ее стоять у дверей, будто не видела ее. Потом строго кивнула, чтобы она села на место.

— Забыла дома арифметику! — сказала она тихо, опустив голову, и учительница не заметила, что она вся горела.

— Вот видишь, Владин! — удивилась учительница, просмотрев его домашнее задание. — Вот видишь, на что ты способен, если захочешь. Хорошо, очень хорошо, всего несколько ошибок на сей раз. Никто тебе не объяснял?

Учительница испытующе посмотрела на Катку, прячущую глаза, и сказала:

— Ладно, чтобы в следующий раз было совсем без ошибок! Ведь я сказала, что самым лучшим поздравлением советским товарищам будет твоя хорошая успеваемость.

Она даже погладила его ласково по голове. Владин поднял глаза и встретил взгляд Ленина, который покачал головой. «Никогда больше не буду так! С сегодняшнего дня всегда без лжи и ошибок! . .» — решил про себя Владин, скрестил руки, послушно глядя перед собой, как будто в класс пришел на проверку инспектор. Он впился глазами в учительницу, и рука его робко приподнималась, а губы шептали, хотя и несмело: «Я скажу!». Но только зазвонил звонок, он толкнул Катку локтем, и они поглядели друг на друга благодарными глазами. Все выскочили во двор, и зазвенела любимая песня; мальчики и девочки стали в круг и началась игра, только Владин и Катка остались в классе.

— Ох, Владин, все время я дрожала, как осинный лист, хорошо, что учительница не догадалась!

Владин огляделся вокруг и, увидев, что никого нет, кроме них, наклонил голову к Катке и прошептал:

— Знаешь, что мне папа сказал?

Катка востепенулась с любопытством.

— Только никому ни слова. Потому что это государственная тайна.

— Владин, неужели ты мне не доверяешь? . .

— Ну ты же знаешь. . . ты девочка, и девчонки много болтают!

— Ты знаешь, что я не болтушка. Когда Гечо сказал мне, где ты скрываешься, я никому не проболталась.

Владин оглядел комнату и доверил ей:

— Схватили беглецов на границе! Они и есть, наверно, поджигатели!

Он ожидал, что пораженная Катка ахнет. Но она рассмеялась, как будто он не сказал ей ничего нового:

— О-о, это я еще раньше знала, но папа меня предупредил, чтобы я никому не говорила, пока не объявят в газетах.

— Сейчас нужно найти их связи здесь, в селе. . . этого, в нарядке, — я тебе говорил о нем, но и его схватим! — закончил твердой угрозой Владин.

Потом их взгляды невольно сошлись на карте. на огромном красном поле Советского Союза.

Глава 19

ЛИЧНОЕ ПИСЬМО

Владин не был слабым учеником, но как можно было учиться сейчас, в эти последние осенние дни! Ему хотелось бросить уроки и побежать на поля, пока не развезло дороги; ехать на тракторе, сидя рядом с Пешо, и разрезать жирную землю на крупные пласты. Но в дружине не признают трактора: это не учебный предмет, он не входит в соревнование. Учительница часто говорила ему, когда он оправдывался, что был на кооперативных полях и смотрел на работу трактора: «Если бы мы изучали, как управлять трактором, я бы тебе пятерку поставила, но ведь трактор не может читать и писать по-русски вместо тебя».

И сейчас, во время соревнования, он с трудом оставался дома и учил уроки. Похоже, что из обещания учиться водить трактор к годовщине Октябрьской революции ничего не выйдет. В памяти накапливались все новые и новые слова и падежи, а названия частей трактора улетучивались: руки его стискивали карандаш вместо рычага для переключения скоростей, он вертел ластик вместо руля. Но если долетала с поля песня трактора, он вспыхивал, забрасывал книги и возвращался только вечером, весь пропахший землей и машинным маслом.

В соревновании Владин продвигался медленно. Поэтому совет дружины решил прикрепить к нему Катку, но так, чтобы он не знал об этом. С Каткой они легко ссорились, но быстро мирились. Владино нравилось и то, что она не потакала его выходкам, и то, что была отличницей. Она не только хорошо писала, но и читала правильно, смягчая слова, как русская. Поэтому на уроках учительница всегда заставляла ее читать сразу же после себя, а на концертах и у лагерных костров давала ей декламировать самые трудные стихотворения. Слушая ее, Владин всегда думал о тракторе, как идет он по участку прямо, без остановок, и поет, поет. . . И ему становилось тяжело, что он не может освоить это искусство. Владин проглатывал слова, перескакивал через строчки, как будто преодолевал препятствия при долгом беге. Учительница восклицала: «Стой, Владин, переврал окончание. . .», но он шел себе вперед, как будто за плугом, не замечая, кривая или нет борозда. Ему хотелось, чтобы учительница держалась с ним так, как Пешотракторист, не ругала его, когда он ошибался, но она была строгая, хотя и молодая: «Торопись, не выучил как следует. . .» А он читал и мог рассказать, но по-болгарски; а кто его спрашивал по-болгарски?

— И у меня вначале было плохо, — сказала ему как-то Катка, прежде чем начать с ним заниматься. — Но мне Асен объяснил.

У нее был старший брат гимназист, показавший ей несколько раз, как надо учить уроки.

— Я прежде всего читаю урок и делаю заметки. Так, одновременно с чтением, учишься писать. И урок выу-

чишь, и писать научишься. Асен говорил, что и Ленин так читал, всегда с карандашом. . .

— Да ну? — взглянул на нее Владин. И хотя писать по-русски было для него страшным мучением, он осторожно брал карандаш и начинал лепить буквы. Они читали на лавке у Владина. Тетя Мика приносила им с чердака виноград, давала айву, орехи, запекала белые тыквы, всегда угощала их чем-нибудь. Катка читала урок и заставляла Владина его пересказывать. Владин говорил два-три предложения и замолкал, как будто какая-то рука стирала все, что отпечаталось в его памяти. Катка помогала ему и разрешала заглянуть в книгу, потом заставляла его это написать, и Владин чувствовал, что пока он пишет, в память его вбиваются мысли, как иголки в крутящийся щит на ярмарке. Так он отрывался от поля, от трактора, от борозд. . . И сам входил в новую борозду — борозду учения.

Погода портилась, облака закрывали теплое солнце, поле скрылось в тумане, начал моросить дождь, и дороги развезло. Тарахтение трактора, окончившего осенний сев, слышалось все реже. Владин радовался, что настало такое время. Он забыл о тракторе, сам глубоко зарывшись в нераспаханное поле учебы.

— Знаешь, что мне пришло в голову? — сказал однажды Владин Катке. — Хочется мне написать личное письмо какому-нибудь московскому ученику такого же, как я, класса и который сидит на таком же месте, как я, и рассказать ему все от начала до конца, что делается в нашей школе.

Катка даже по щекам себя хлопнула, так она удивилась, что это ей до сих пор не пришло в голову.

— Чтобы доказать ребятам, понимаешь? . . — он внезапно замолчал, словно испугавшись, как бы Катка не воспользовалась его идеей и не написала бы сама раньше него письмо в Москву.

И только она ушла, Владин уселся, вытащил тетрадку и смело написал: «Товарищ. . .» Потом долго грыз карандаш, думая, как продолжить, и добавил: «Прими поздравление с праздником от меня, Владина Петкова, из села Ломтева, где я собирал колосья советской пшеницы, где смотрел за пятнадцатью телятами, рыжими и

проворными, как косули, и только один заболел, но я позвал ветеринарного врача, и он сейчас бежит лучше других. . . Я помогал собирать свеклу в нашем кооперативном хозяйстве, и хотя бригадира часто не было, мы снова получили большой урожай. . . — Здесь он оставил пустое место, чтобы проверить точно, какой был урожай, и вписать эту цифру, так как знал, что советский пионер обрадуется. . . — Но хочу пожаловаться тебе, что Дилко, председатель совета дружины, не дает мне подписаться под общим альбомом, который мы делаем». . .

— Ну и ну! . . Как я завяз-то, — спохватился Владин. — Слишком разболтался о себе. Еще скажет, что хвастаюсь.

Он подумал, не зачеркнуть ли ему последнее предложение, но сказал себе: «Что же это все так перечеркнуто, — скажет советский пионер. — Этот Владин совсем неграмотный!» Он попытался стереть эту фразу ластиком, но протер лист насквозь. Владин разорвал письмо и начал снова.

«. . . Товарищ, прими поздравление с праздником от меня, Владина Петкова, из пионерской дружины имени Георгия Димитрова. . .» Довольный собой, он подумал: «Можно ли писать в Москву и не сказать о Димитрове, жившем и работавшем там?». Потом он просмотрел написанное, ошибок не нашел и продолжил: «Наша дружина была первой в прошлом году, а в этом — посмотрим. Мы еще не закончили соревнования, но от себя я обещаю, что выиграю его. И еще одно обещаю тебе, хотя Дилко, председатель совета дружины, не включил этого в соревнование, потому что сам не может. . . Я обещаю научиться водить трактор, который вы нам послали. И еще хочу сообщить тебе по секрету в этом кратком письмеце, что мы потрясены бандой поджигателей, которые спалили свинарник. Тут в селе есть один из них, который снует по ночам, как вампир, но рано или поздно мы его схватим. . .»

Владин несколько дней писал письмо, и благодаря этому он как будто преобразился. Уроки отвечал хорошо, домашние задания выполнял так, что учительница находила в них все меньше и меньше ошибок, хвалила

его, а он торопился вернуться домой и дописать, что еще он сделал. Так он исписал целую тетрадь, тайком, чтобы даже Катка не знала. Он ходил на сборы дружины, слушал, что там говорили, и образ незнакомого советского друга все четче вырисовывался в его душе и все больше заставлял исправлять недостатки.

И однажды он явился в сельсовет. Бай Кото, председатель сельсовета, товарищ его отца, приподнял свою кепку и вынул руки из карманов. Он уже не говорил с людьми грубо, словно хотел прогнать их. На его холодном мрачном лице появилась улыбка. Все думали, что он добился этого с большими усилиями, потому что партия сделала ему замечание, но даже если это так и было, то эта улыбка постепенно прижилась на его лице и теперь стала чем-то постоянным. Он теплее обращался с людьми, быстрее откликался на просьбы. «Ладно, по случаю праздника нашего спасителя...» — Он намекал на присланные из Советского Союза машины. Владин переждал у дверей, пропуская выходящих людей, и смущенно подошел, стиснув в руке шапку.

— Что у тебя, Владин?

По его воодушевленному взгляду председатель понял, что он пришел по какому-то своему мальчишескому делу, и молча кивнул ему, давая понять, что они одни и можно говорить.

— Слушай, дядя Кото, — шагнул смело Владин и прошептал ему: — Я скажу тебе кое-что, только никому ни слова!

— Никому, честное товарищеское слово! — погладил усы председатель.

Владин воровски огляделся и опять зашептал:

— Знаешь, я написал письмо... — Владин пощупал свой карман. — Одному товарищу в Советский Союз...

— Да? — председатель нарочно разинул рот, преувеличивая свое удивление. — Хорошо придумал, но почему не вместе с пионерской организацией, не со всеми пионерами?

Владин смущенно заморгал, опустив голову и тихо признался:

— Не дают мне, не буду тебя обманывать. Требуют, чтобы стал отличником... А я учусь, да разве не

знаешь — нельзя ведь сразу. Ну как же это можно, чтобы в праздник только меня одного не допустили!

— Ты прав, советские товарищи получают сейчас поздравления со всего света.

— Вот потому, видишь ли, я и скрываю это и от пионерской организации, и от папы.

— Вот какое дело!

— Хочу показать, что и я кое-чему научился. Ты же знаешь, дядя Кото, если б не я. . . этот Иванчо. . . и еще прошлым летом я помогал на полях.

— Знаю, мы тебе и трудодни насчитывали. Деньги получишь.

— Ну ладно. Вот их и вычтете за отправку письма. Хочу послать авиапочтой, быстро, чтобы других опередить. . . Осталось мне только адрес написать по-русски. Ты ведь учил русский еще в тюрьме, да и сейчас ходишь на вечерние курсы.

— Ну да и я не очень-то. . . — но взгляд мальчика так потемнел от разочарования, что он сразу оборвал свою ненужную откровенность. — Ну, я напишу, это можно, я знаю, но нужно на само письмо взглянуть, как бы ты там не сделал какой-нибудь ошибки. Это Советский Союз, не шуточки.

— Вот оно, — Владин вытащил из синего незапечатанного конверта разлинованный лист, сложенный вчетверо, и замер в ожидании.

— Хорошо, хорошо, — засмеялся председатель, едва взглянув на первые строки, а прочитав письмо до конца, сказал: — Это верно. . . о советской пшенице, телятах и свекле. . . Но хорошо, что не послал его. Ведь ты ошибся в самом обращении, Владин! Написал «тавариш», как слышится, а надо «товарищ».

Глаза Владина от стыда наполнились слезами. Столько раз переписывал и все-таки ошибся. Председатель понял его боль, поэтому добавил:

— Ты его сейчас перепиши и не торопись: время есть. Авиапочтой письмо за один день дойдет. Ведь это русские самолеты, стрелы. Только напиши красиво, перечитай, чтоб не было ни одной ошибки, и тогда я надпишу адрес: «Товарищу такому-то, ученику седьмого класса такой-то школы. . . Москва, СССР». И — в добрый

час. Все будет хорошо, только потрудись еще немножко. . .

Владин двинулся к выходу, ободренный этими словами.

— Подожди-ка, — спохватился председатель, — там у тебя кое-чего недостает.

Владин остановился, задумавшись. Что же там пропущено?

— Ведь ты ничего не написал о выборах, Владин. Так не годится! Выборы — дело важное. В письме нужно и о них написать. Твой товарищ будет очень рад этому. Потому что этими выборами мы докажем англо-американским империалистам, что среди нас нет места расхлябанности, что мы идем рука об руку, высоко держа знамя мира и социализма, против войны.

Владин с готовностью согласился. Учительница уже говорила им о выборах, и дружина собиралась распределить работу по отрядам, но еще ничего не было предпринято. Ребята были увлечены изготовлением подарков. Председатель сразу решил возложить работу на Владина.

— Слушай, сходишь в горы, к Пришельцам в Жабокрык? . . Пойдешь туда и скажешь пастухам, чтобы пришли проверить свои имена в избирательных списках. Три раза посылал сторожей и все не доходят. . . Когда будешь проходить околицей, посмотришь, как работает трактор, — затронул он любимую тему Владина, о которой в кооперативе было известно всем.

Для Владина эта задача была пустяковой. Он был готов бежать сразу же.

— А уроки на завтра сделал? — спросил председатель.

— Сделал, — твердо ответил Владин.

— Тогда ладно. Просил Ятака. . . этого. . . Гечо, но отказался. «У меня уроки, мы сейчас соревнуемся». И это правильно. Соревнованию мешать не надо. Но я думаю, что можно и где-нибудь лозунг написать!

В тот же день Владин выбрал суковатую палку, чтобы обороняться от пастушьих собак, и делая с ее помощью длинные прыжки, помчался в горы, в Жабо-

крык, где, закупив скот, Пришельцы жили отдельно от села.

Когда сторожа вышли в поле, они увидели, что вдались на скалах белеют крупные буквы «МИР». Близ дороги на сгоревших лугах было написано то же. На черных распаханых и гладко заборонованных участках заостренной палкой было нацарапано «Д-р-у-ж-б-а...»

А утром, когда поп шел читать утреннюю молитву, он просто одурел и вытаращил глаза, увидев, что вдоль белой церковной стены вытянулись большими красными буквами выведенные слова: «Мир, дружба, СССР». Батюшка обошел церковь и увидел, что все стены были расписаны, как пасхальное яичко.

— Ах, черти! — поднял он бороду.

В это время к нему подошел Дечко, сын церковного служки.

— Батюшка, — зашептал маленький доносчик, оглядываясь. — Это Владин написал.

— А-а-а-а, — запыхтел батюшка, подхватил свою палку и затопал тяжелыми подкованными сапогами к школе.

И в тот же день Владины вызвали в учительскую.

— Ты опять, Владин! — безнадежно развела руками Чернева.

Владин смотрел на нее в недоумении. Он был уверен, что не сделал ничего плохого. Наоборот, он ожидал похвалы.

— Это ты расписывал церковь красной краской?

— Я!

— А зачем?

— Но ведь сам поп сказал, что церковь борется за мир и дружбу. Тогда почему же не написать?

Учителя рассмеялись.

— А как же. Если поп оказывается миротворцем, надо всю церковь расписать! И внутри!

— Ладно, иди! Ты всегда сухим из воды выйдешь! — сказала, улыбнувшись, учительница, и тот принялся за свою агитацию без всякого удержу.

Скоро забор Владиного двора, стены его дома, кооперативной конюшни и хлева — все было испещрено лозунгами в честь Советского Союза. Влезал отец Вла-

дина на сеновал, и перед его глазами белели написанные мелом слова «Вечная дружба с СССР». Возвращалась мать от чешмы и от самой площади видела на крыше амбара надпись черным варом по красной черепице: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Сам председатель сельсовета заметил надписи и, усмехаясь, сказал: «Это Владин!». Люди в селе останавливались перед свежими надписями и спешили в сельсовет поздравить председателя: «Молодец, Кото, рано же начал наглядную агитацию». К нему пришли даже из Жабокрыка, опираясь на палки, дед Петруш и бабка Гануша в старинной национальной одежде, которую только они еще и носили в селе. Увидев, как они плетутся по улице, Владин бросился к ним, как к отцу и матери.

— О-о, дедушка Петруш, бабка Гануша, идете, да?

— Идем, сынок, идем, ну как нам не пойти, коли ты нам такое порассказал. . . Ты прямо за сердце нас взял вчерашним своим рассказом, — погладил его с улыбкой старик и вошел в сельсовет.

— А ну-ка, председатель, давай посмотрим, говорят, нет нас в избирательных списках? Разве такое может быть? — удивлялся дед Петруш. — И мы хотим голосовать. За мир! А то тут пришел к нам один паренек, сел да такого порассказал. Правда это, председатель, что и село подпалить хотели? Было что-нибудь такое? . .

— Правду, правду мальчик сказал! — улыбался тот. — Предатели пойманы, и они получают по заслугам. . .

Занявшись предвыборной кампанией, председатель забыл о Владине. Но тот опять как-то к нему пришел — с новым письмом в Москву. В нем добавились лозунги против заговорщиков и еще кое-какие новости, а после подписи сообщалось: «Пришельцы голосуют. . .» Владин был уверен, что на этот раз письмо будет отправлено. Он проверял его много раз, и, по его мнению, ошибок не было.

— Да, теперь хорошо, очень хорошо.

— Тогда надписывай адрес, — нетерпеливо потребовал Владин.

— Сейчас мы его напишем, но знаешь, Владин, — щелкнул председатель пальцами, словно встретил ка-

кое-то затруднение. — Есть ли смысл посылать его отдельно, хоть оно и без ошибок? Это хорошее письмо должно идти от имени всей пионерской организации.

— Но там... ведь... знаешь... дело в том, что не выиграл я еще соревнования.

— Если можешь писать без ошибок, выиграешь! Подожди еще немного и тогда отправляй как хочешь, один или со всеми пионерами. Чтоб не сказал твой русский товарищ: вот, мол, они не едины, понял? Мы пишем, что рабочий класс и крестьяне у нас едины, и вы, пионеры, тоже должны быть вместе.

Владин потихоньку сунул письмо в карман и, задумавшись, отошел. Только один был для него путь — пионерская организация.

Выборы приближались. Соревнование разгоралось. Школа превратилась в мастерскую. Дед Панчо не сердился, что у него устроили свалку. Группы торопились окончить подарки, молодежь — расклеить по селу лозунги, старшие — провести собрания по квартирам. Владин сновал от группы к группе, от ребят к взрослым, настоящий агитатор. Он полюбил уроки, диктанты стали делом легким и приятным. Учительница его хвалила. Но этого ему было мало. Он хотел отличиться среди пионеров, сделать нечто выдающееся, что всех удивит, прославит его.

Подошел день отправки альбома. В домах и на заборах пестрели разноцветные плакаты, группы крестьян останавливались перед агитстендами, на которых были нарисованы местные кулаки. По улицам гуляла и пела молодежь. Над сельсоветом подняли красный флаг, как в большой праздник. Погода была холодная. Резкий ветерок пощипывал уши. Вереницы людей потянулись к школе. Зал наполнился женщинами, мужчинами, детьми, разодетыми, как на праздник. На сцене были развешены полотенца с шелковой бахромой и пятиконечной звездой посередине... Вырезанные ребятами тракторы, поезда с машинистами расположились на полочках, по стенам. На столе блестел, как стеклянный, мастерски сделанный мальчиками Кремль. На его башнях сияли красные звезды! Тайна Дилко была раскрыта: он нашел маленькие электрические лампочки, обернул

их красной бумагой, и теперь они сияли, как рубиновые. Старые люди, пришедшие на торжество, удивлялись и расспрашивали ребят обо всем, что это такое и кто это сделал. Рядом с Кремлем лежал альбом с вышитой девочками обложкой и ожидал, когда ребята начнут подписываться.

У стола сидели Дилко и члены совета дружины. В президиум были избраны Тодоров, Чернева и председатель сельсовета бай Кото. Дверь зала постоянно поскрипывала. Молодые люди, отцы и матери шли взглянуть на то, что сделали дети. Пришли и родители Владина. Они оглядели сидящих вместе, счастливо улыбающихся детей, но Владина среди них не было. Куда он делся? Бай Петко был смущен. Владин уже давно ушел в школу, что случилось? Спрашивала о сыне и тетя Мика, но никто не мог ничего ей сказать.

— Владин снова сбежал! — рассердилась Чернева.

— Этому мальчишке даже в такой день нужно было что-то выкинуть. . . Все делает не как люди. Но теперь никто не сможет ему помочь! — процедил Тодоров, и глубокая морщина прорезала его лоб.

— Подписаться в альбоме, все равно что подписаться за мир! — учительница наклонилась в сторону лозунга, сказала еще несколько слов, обещала вести дружину к еще большим успехам и первой подписалась. Потом передала ручку Тодорову, ласково взглянув на него. Дилко скромно поставил свою подпись и отдал пионерский салют. Стали чередоваться после этого Радка, Ценка, Гечо, Видул, Павлето, на лице которого все еще оставалась несмытая краска, Гьошко-физкультурник, который, подписывая, снял фуражку летчика и разом склонился под прямым углом. Потом потянулись один за другим остальные пионеры: тихо на цыпочках, с волнением подходили, ставили дрожащей рукой свою подпись и бесшумно сходили со сцены по ступенькам с противоположной стороны сцены. Учительница следила, чтобы не сделали ошибки, а Дилко показывал, где подписываться, и прикладывал промокашку.

Отец Владина выходил, входил, везде искал сына, но того не было. . . «Сумасшедший мальчишка, голову ему

оторву! — бранился он. — Вот почему люди ему не доверяют, не отстающий он, а сумасшедший! . . .»

Прошла половина ребят, когда снаружи послышался грохот. Ребята кинулись на улицу, будто их выплеснули. Зал моментально опустел. От кооперативного хозяйства шел трактор, большой, мощный, непобедимый, с букетом сорванных в саду цветов на радиаторе. Глубокая пахота на поле была закончена, и трактор должен был возвращаться под навес. Но он шел прямо к школе, как будто хотел въехать внутрь через широкие стеклянные двери.

Цветы, украшавшие трактор, мешали детям разглядеть, кто его ведет. Он тархтел, сыпал искрами, гусеницы его вдавливали камни в землю, село тряслось. Но кто им управлял, видно не было. Как будто он шел сам, сделался самоходным. Ребята расступались по сторонам, боясь, что если он идет сам, то может, пожалуй, еще разбушеваться и кого-нибудь раздавить. И вдруг растрепанная голова поднялась над цветами, запачканное маслом лицо улыбнулось. Нет, это был не Пешо-тракторист.

— Владин! — закричали ребята. — Смотрите, Владин ведет трактор! Ура! Сам ведет трактор. Браво, Владин!

Владин ловко вертел баранку направо-налево, и трактор шел прямо к школе.

— Ура! — кричали дети, кидая цветы.

Владин остановил трактор сразу, без помощи Пешо, и соскочил на землю, как с коня. Все ему давали дорогу. Он смело зашагал к сцене, снял шапку, постоял мгновение перед портретом Ленина, поднялся по ступеням к столу, вытер руки, замазанные и пахнувшие машинным маслом, взял ручку у учительницы, глядевшей на него с восхищением, но вдруг отодвинулся.

Все хотели увидеть, что сделает Владин. Он поднял голову к портрету Ленина, поглядел на него открытым взглядом, как смотрят честные люди, после того, как исполнят данное обещание, и склонился над поднесенным ему альбомом. Альбом показался Владину золотой книгой с чудесными украшениями, подписи были наизаны, как бусы. . .

— Дружба — мир! — били в ладоши и ребята, и взрослые.

Рука Владины задрожала. На него смотрел сейчас сам Ленин — не сделать бы ошибку! Ошибки не было, но одна слеза капнула прямо на его подпись. Он закусил губу и испуганно отпрянул. Так старался написать чисто и снова. . .

— Ничего, Владин, советские товарищи поймут, что это от любви, — успокоила его учительница.

— Ну, теперь, Владин, можешь послать и свое письмо! — сжал ему руку председатель сельсовета.

А потом Дилко, не казавшийся Владиному на сей раз чванным, неожиданно обнял его. Владин пожал руку и Павлето, простив его за карикатуру, помирился с Николаем, Гечо, Видулом, со всеми. Но он искал еще кой-кого. Может быть, отца, мать? Владин обрадованно встрепенулся, увидев Катку, которая ждала его немного поодаль. Она стояла в напряжении, боясь, как бы он о ней не забыл. Владин взглядом поблагодарил ее и только тогда сошел со сцены. Голова у него кружилась от радости. Его родители едва пробрались сквозь толпу, чтобы поздравить его.

Снаружи сеял мелкий дождик. Земля была размягшая, черная, липкая. Заиграла музыка. Молодежь развернула хоро. В него вливались и дети, и родители. Хорошо живописно вилось под низким, затаившим плодородие ноябрьским небом.

Глава 20

ОТВЕТ

Теперь Владин мог уже послать в Москву и свое личное письмо. Он научился водить трактор, повысил успеваемость, выполнил все, что обещал! Чего ж еще ждать? Как-то вечером он порывлся в своих бумагах, которые хранил в шкафу, сел и долго, до полночи писал. И в конце концов запечатал конверт, тайком вытащен-

ный у сестры. Поскольку все это он делал тайком, синюю гербовую марку из отцовского стола он взял ночью и, недолго думая, лизнул ее языком и приклепнул ладонью. Писем до этого Владин никогда не посылал, поэтому и не знал точно, какая именно марка при этом требуется! . . . Только на следующий день после того, как опустил письмо в ящик, он сообразил, но было уже поздно. «Ого-о, оно уже там!» — махнул рукой Петр Бессольный, которого прозвали курьером еще со школьной скамьи, и свистнул. Похоже, что и он не заметил, почтовая была на конверте марка или гербовая, потому что, когда Владин спросил, не залежалось ли какое-нибудь письмо, он снова махнул рукой и снова свистнул: «Не бывает таких дефектов у бая Петра!» Значит, письмо ушло.

С этого дня опять началась для Владина беспокойная жизнь. Что случилось с его письмом? Получит ли его незнакомый товарищ в Москве? Или еще в городе заметят, что марка гербовая, и бросят письмо в какую-нибудь корзину для мусора? И почему он не написал по крайней мере обратного адреса, ведь тогда знали бы, кто его послал! Может, его бы вернули, а теперь? . . . А имени отправителя он не написал потому, что боялся, чтобы в селе не узнали, кто послал это письмо. Сразу Дилко узнает и скажет: «Ну вот, опять ты самовольничаешь!» — «Ну и что такого, я достойно выполнил обещание — добыл свое право! И бай Кото мне сказал!» — ответил бы ему уверенно Владин, но все же упрекал себя, почему не написал на конверте свой адрес. Ведь теперь, даже если в городе пропустят, на границе останвят! Фальшивая марка, скажут, стоп! Но как может пропасть письмо в Москву! Даже без марки должны его переслать! Москву все любят, не найдется руки, которая остановит не только письмо, но даже самую пустяковую записку в Москву. Письмо непременно дойдет! . . .

Так он себя успокоил и стал ждать ответа.

Падал крупный снег, опытное поле засыпало, семена притаились под теплым одеялом, набирая силы к будущей весне. . . Владин тоже набирал силы к весне. Едва стает снег, нужно будет начинать большую работу. Он брал книжки у учителя Тодорова и у агронома, подго-

тавливался. Все заметили, что с ним случилось что-то необыкновенное. Больше всех удивлялась Катка. С каким трудом она заставляла его раньше учить русский, а теперь ее помощь была даже и не нужна. Он сам поднимал руку и спрашивал:

— Можно я?

Все оборачивались, чтобы взглянуть на него. Он смело вставал и читал урок почти без ошибок. И писать по-русски он стал лучше. Он даже сердился, когда учительница не его вызывала к доске.

— Это неправильно, что не меня: я все держу, держу. . . у меня рука переломится. . .

— Ну, Влади́н, нельзя все тебя, есть другие, которых нужно чаще спрашивать. Ты теперь успевающий. . . В другой раз!

— Когда я не подготовлюсь?

Влади́н не сказал и Катке, что это за скрытая сила, которая заставляла его так серьезно заниматься. Ведь он уже связался с Москвой лично. Его письмо уже дошло. Советский товарищ его уже прочел. И может быть, уже написал ответ и послал его.

Влади́н трепетно ждал и представлял себе, как в какой-нибудь день: «Тук-тук» — того и гляди раздастся стук в двери класса. — Кто это? — Петр Бессольный, почтальон. Петр спохватывается, что он уже в классе, перестает свистеть, ухмыляется и роется в сумке.

— Извините, учительница, но у меня кое-что очень важное!

— Что же это?

— Одно письмецо поручено вам принести.

Учительница начинает дрожать. Может быть, оттуда, из-за границы, от ее беглеца, только чтобы ее скомпрометировать. . .

Но почтальон говорит:

— Нет, это не вам, а одному ученику.

— Кто же этот ученик, который получает с этих пор письма?

— Есть тут один Влади́н. Как его фамилия, не написано, но мы его знаем, другого Влади́на у нас нет.

Влади́н цепенеет. Петр Бессольный смеется, весь сияя.

— Иди же, не бойся, ведь не на суд тебя вызывают. Ведь за хорошим. Тебе письмо из самой великой страны. Иди, распишись.

Класс немеет. Слышны только шаги Владина: «Туп, туп, туп. . .»

Снег растаял, ученики принесли учительнице первые подснежники и крокусы. Прилетели и ласточки, свили с радостным щебетаньем новые гнезда под крышей школы, а ответа все не было. Владина единогласно избрали ответственным за опытное поле, сам Гечо его предложил: «Я был только временно, пока Владин не исправится. . .» А Дилко держал про него целую речь: «Он там свой. А Катку предлагаю сделать его помощницей. Они ладят друг с другом».

Владин и Катка вывели отряды на работу. Распределили землю, оставшуюся под яровые. Разбили гряды. Каждая имела табличку — какому отряду принадлежит и чем засеяна. А ранний лук, посаженный осенью, дал целую телегу побегов, которые продали на базаре. У Владина теперь минуты свободной не было. Едва кончал готовить уроки, как бежал на поле. Кто бы ни шел мимо, всегда видел его там — он то поправлял ограду, которую повалил скот, то копал что-то, то сажал. Похоже, что он и об ответе забыл. Он как бы нашел его здесь, на опытном поле. Только изредка ему приходила в голову мысль о письме, и тогда словно приятный теплый ветер его освежал, и он начинал работать еще энергичнее.

Однажды, когда он был на бахче, прибежала запыхавшаяся Катка и, словно ласточка, защебетала у него над головой.

— Владин, тебе письмо!

— Какое письмо? — весь грязный, он оперся на мотыгу.

— Письмо с множеством марок и печатей. Я видела. Петр Бессольный его всему селу показывал. Пошли, получишь. Я просила дать его мне, но он сказал: «Э, нет, письмо лично будет отдано адресату!».

У Владина лицо вытянулось, он вытер рукавом со щек капли грязи. Мотыга упала на лунку, приготовленную для посадки.

— Что это за письмо? . . — смущенно спрашивала Катка.

Владин молчал, а рот его растягивался в улыбке, как раскрывались первые цветы, посаженные Каткой.

— Ну, Владин, скажи, что произошло. Кому ты писал, кто тебе ответил? . .

Владин от смущения розовел и смотрел в сторону села. Через крыши, через холмы он видел Москву с Кремлевскими башнями. Рубиновые звезды сверкали перед его глазами.

— Не хочешь мне сказать, да? Хорошо же. . . — рассердилась Катка и уже повернулась, чтобы уйти, как вдалеке показался Петр Бессольный с большой сумкой. Он насвистывал и оглядывал поле, залитое теплым солнцем.

— Хорошо пасти! — желал он пастухам, стада которых разбрелись по окутанным облаками склонам холмов.

— Высоких урожаев! — кричал он кооператорам и размахивал газетами, как знаменами мира.

Катка смотрела на него и ждала с нетерпением. Он подходил все ближе. Владин побежал, открыл ворота опытного поля, которые накрепко запирали изнутри, чтобы их не мог открыть мордами скот, и сердце у него замерло.

— Арбузы сажаешь, Владин? — весело спросил Бессольный, и его белесые брови поднялись, а руки рылись в сумке. — Угостишь меня арбузиком?

Владин обещал ему взглядом.

— Письмо тебе, письмо, — весело болтал Петр, наклонившись над сумкой, копаясь в ней и будто нарочно медля.

«Скорей, ну скорей. . .» — дрожал от нетерпения Владин, и ему хотелось самому залезть в эту сумку.

— Письмо, письмо-о-о-о. . . и необычное письмо, а эхе-ей. . .

— Дай же! — не терпелось Владину.

— Только не торопись. . . Бай Петр знает свое дело. . . — он вытащил, наконец, длинный конверт и поднял его вверх, как это любят делать взрослые, поддраз

нивая маленьких какой-нибудь игрушкой. — Видишь печать, догадываешься, откуда оно? Из Москвы!

— Дай! — протянул руку Владин.

— Не торопись! . . Бай Петр знает свое дело. Это письмо заказное. Как же я тебе отдам его просто так! — он вынул какую-то книгу. — Прежде тебе нужно расписаться, а тогда уж и получишь!

Владин нацарапал что-то, похожее на подпись, и снова потянулся за письмом.

— Теперь давай!

— Не торопись! Я тебе его дам, оно твое, никто его у тебя не возьмет. Только распечатывай аккуратно, чтоб не разорвать марок. . . Понимаешь, марки я хочу у тебя попросить! . . Марки-то московские, видишь, кто на них изображен? . . Ленин! То-то. Подожди, я отлеплю марки, а тогда уж бери письмо! . .

Он осторожно подцепил марку за один из углов, будто мальчишку-безобразника за ухо, подышал на нее и потянул. Марка сразу же оторвалась. Так он отклеил и другие марки.

— Вот так, — спрятал он марки в свою тетрадь. — На твое письмо, читай и радуйся! Ты теперь важный человек. Еще никто у нас до сих пор не получал письма из Москвы! Ты единственный! . .

Владин прижал письмо к груди. Значит, труд его был не напрасен. «Советские товарищи не забывают!» — сказал себе Владин и почувствовал, что из письма проникает в его грудь какое-то тепло, разливается по жилам, и его охватывает чувство умиления.

— Владин, дай посмотреть. . . — потянулась Катка, но он охранял письмо, как будто у него хотели отнять его первый после долгой голодовки кусок хлеба.

— Ладно, попроси и ты у меня что-нибудь. . . Сунется кошка в лукошко! — чуть не заплакала Катка.

Наконец, он пришел в себя, вздохнул и посмотрел в письмо. Заглянула в него и Катка.

«Дорогой Володя!» — начиналось письмо.

«Ишь ты, назвал меня «дорогой»! — радостно подумал Владин и взглянул на Катку ясным взглядом, в котором и она могла прочитать: «Видишь: я — «дорогой», я — Володя. . . А кто же он сам?»

Но Катка не смотрела на него. Она торопливо читала то, что было написано в письме дальше, слово за словом, точно в чужом винограднике тайком отщипывала ягодку за ягодкой.

«Меня зовут Валя. . .» — прочитал Владин и замер.

— Ой, что получилось-то! — вскрикнул он в изумлении, перевернул листок и увидел, что не ошибся, Внизу был адрес: Валя Николенко, 7-й класс, 2-я школа, город Москва.

Сначала Владин был разочарован. Он ожидал письмо от мальчика, а ему написала девчонка. Даже разозлился. Теперь все смеяться будут: «Владин переписывается с девчонкой! Женские письма получает!» Ему хотелось вернуть это письмо Бессольному, но тот уже ушел, а Катка читала вслух: «Успеваемость у меня отличная. . .»

Владин решил было разорвать письмо. Но ему стало жаль красивый белый конверт со многими печатями. Это письмо шло так издалека, оно было из самой Москвы, и он сказал себе: «Неважно, кто его писал!»

«Мой отец работает в Кремле». . . — читала Катка с тревожным любопытством.

Владин радостно вздрогнул и крикнул:

— Вот это здорово! — и уже перенесся в Москву, уже стоял перед Кремлем.

«Так ведь получилось совсем хорошо! — думал он. — Я теперь связан прямо с Кремлем».

И у него промелькнула мысль, что когда-нибудь он увидит Кремль, может быть, его пригласят в Москву в гости.

— Эх, — вздохнул он облегченно. — Если ее отец в Кремле работает, значит, он самое маленькое — маршал!

И взяв письмо от Катки, осторожно его сложил и вложил в конверт. Катка испытующе смотрела на него.

— Владин, а кто эта Валя?

— Неважно! — холодно ответил он и осторожно спрятал письмо в карман.

— Ты ведь ей писал, поэтому она это и прислала!

— Тебе-то что до этого? — огрызнулся Владин.

— Вот как? . . А когда-то я была для тебя хоро-

ша. . . — всхлипнула Катка, вскинула мотыгу на плечо и пошла к своему дому.

Владина ее слезы не тронули. Она несколько раз обернулась, а он ждал, когда она скроется из виду, и только тогда вытащил письмо.

«Конечно, лучше бы от мальчика, но что поделаты! Такая у меня судьба! Все тревоги. Сколько маялся, пока написал это письмо, потом с его отправкой, потом с ожиданием, а когда решил, что уж все теперь в порядке, оказалось, от девочки! . . .»

Он опять прочел имя: «Валя Николенко» и подумал: «А еще неизвестно, может, и мальчик! Уж эти русские имена, их не поймешь. Говорят Петру — Петя, поди догадайся, что Петя — это мальчик. Так и эта Валя может быть Валентина в брюках!»

Но опять посмотрев на красиво написанные строчки, он решил:

«Девочка! Разве может мальчик написать такое длинное письмо и нигде не зачеркнуть, нигде не капнуть? Девочка! Но что теперь делать, если все будут говорить: «Ишь, какой хитрец этот Владин! С нашими девочками не хотел сидеть, а с русскими переписывается потихоньку! . . .»

«Дорогой Володя!» — прошептал он тихо, нежно, перечитал письмо несколько раз, оглянулся и, неизвестно почему, поцеловал его. Потом вздрогнул, покраснел и даже вспотел. Сунул письмо в карман и, стыдливо опустив голову, пошел домой.

Весь день и всю ночь Владин думал, что он скажет своим товарищам о письме. Если прежде он сердился при одном упоминании о какой-либо близости с девочкой, сейчас он раздумывал, как защитить свою дружбу. Он представлял себе, как хихикают и подшучивают над ним, как не оставляют его в покое ни на улице, ни в школе, и отвечал им спокойно, убеждая самого себя:

«А что я плохого сделал? Почему бы мне не писать, если это и девочка? Не зачумленные же эти девчонки, не сглазили же их? И они люди! Вот, например, Зорка, моя сестра. Или Бистра. Воевала вместе с братом, вместе и погибли! Есть в МТС девушки трактористки, комбайнерки! Повсюду есть. Или учительница Чернева. Как

же это? Если тут было бы что-то не так, товарищ Тодоров не стал бы ей писать письма и провожать ее каждый вечер!»

Когда на следующий день он пришел в школу, все его встретили, ухмыляясь и глядя как-то особенно.

— Хи-хи! Переписывается! — услышал он сзади смехок Ценки и, обернувшись, увидел несколько насмешливых девичьих взглядов.

— Ну и что? Писал и буду писать! — стукнул Владин кулаком по кулаку. — Что вы мне сделаете?

Он был не только доволен, но и горд собой, что ответил так твердо. Ему казалось, что он защитил не себя, а незнакомую Валю, которая случайно оказалась между этими насмешницами.

Поняв, что Владин ничего не скрывает и не боится, ребята оставили его в покое. А он, вернувшись из школы, сел за стол и ответил девочке. И начал ждать ответа с еще большим нетерпением. Каждый день он доставал тайком от домашних свое письмецо и снова его читал. Письмо как бы излучало какой-то особенный аромат, побуждающий его делать нечто для него новое и незнакомое прежде, быть внимательным, даже нежным. Он понял старшую сестру — почему она, получая письмо от своего солдата или от другого какого-то знакомого, спешила его прочитать тайком, а потом, после того как все улягутся, писала ответ. И он поступал, как она.

С этого дня Владин только и думал, что о советской девочке. Какая она? Как заплетает волосы? Ему даже захотелось, чтобы она их не заплетала, а выглядела, как лохматый щенок. И представлял ее себе русой. Эти русские девочки все русые и с круглыми щеками. . .

Он похвалился ей, что работает на опытном поле, но о своей успеваемости и поведении в школе умолчал. Вскоре он получил ответ, а на дне конверта семена.

— Мраморные арбузы! Откуда она их взяла? Ведь там в Москве какие могут быть арбузы. Может, сказала своему отцу. И он привез ей, когда ездил на юг. Наверно, так. Только отец мог их достать. И она сразу меня обрадовала, — он бросился сейчас же на опытное поле и сам посадил семена.

Катка видела, с какой любовью следит он за лунками, в которые посадил присланные Валею семена. Ей казалось, что он ее избегает. Это ее мучило. Наконец, она не выдержала и тайком написала ему письмо.

«Владин, я тебе помогала, а ты не хочешь знаться со мной. Значит, такова твоя дружба. Ты плохой товарищ!»

Владин разорвал ее письмо и с этого дня поворачивался к ней спиной. Они сидели за одной партой, но не разговаривали друг с другом, не помогали друг другу. Катка все реже приходила на опытное поле. Хотя они и встречались, между ними стояло это письмо. Когда семена взошли, Владин сразу написал Вале и к концу учебного года получил новый ответ. И фотокарточку: она и ее отец с длинными усами и в штатском. Какая-то застенчивость не дала ему показать карточку отцу и матери, он засунул ее за обертку тетради по русскому языку и тайком разглядывал ее и радовался. Владин был очень счастлив, а в этот же день Катка обливалась слезами.

Долгое время она была точно больна. Не знала, что и делать, и тоже написала письмо в Москву. Их уже распустили на каникулы, когда она получила ответ от одного мальчика, Юрия Кузнецова. Тот писал ей, что за отличную успеваемость его посылают на лето в Артек. Она перестала грустить и так же, как и Владин, начала жить чем-то далеким, прекрасным.

— Я уже написал Вале, что привил арбузы на тыквы, — похвалился Владин Катке, когда один из трех черенков прижился.

— А я написала Юре, что одну полосу мы засеяли советской пшеницей, — ответила Катка.

Так два далеких друга снова сблизили их. Летом они вместе и неотступно ухаживали за посевами.

А когда подошло время жатвы, Катка догадалась первой:

— Знаешь, Владин, в Хайдукском заповеднике лагерь, приехали городские пионеры. А почему бы нам не пригласить их в гости на наше опытное поле? Есть что посмотреть.

— Что ж, пригласите. . . вы. . . руководители! — согласился Владин и начах лихорадочно готовиться к этой встрече с горожанами.

Все должно было быть в порядке! . . Ему казалось, что с ними придет то славное, что приходит с письмами Валечки, и словно она сама придет сюда.

Глава I

В СЕЛЕ

В лагере Рилка была впервые. И здесь ей очень нравилось. Все было так чудесно и красиво, что ей хотелось провести тут всю жизнь. Палатки были разбиты на живописной полянке, которая, как открытая ладонь, лежала среди лесов. Весеннее солнце целыми днями разливало тепло, леса излучали свежесть, журчащая в ложбинке речка манила своей прохладой, а деревья тянулись вверх к горным вершинам, еще посеребренным снегом. Пионеры на просторе играли и пели, бегали вперегонки, собирали в лесу грибы, заготавливали хворост и по вечерам раскладывали буйные костры. . .

В этот вечер на линейке начальник лагеря Павлова, крупная русая девушка, сообщила им нечто важное, что смешало строй.

— Нужно поскорее убрать хлеб, ребята. Наш первоочередной долг помочь сельским пионерам в их работе.

— Ура-а-а! — закричали стоящие в первых рядах ребята постарше и наклонились вперед, готовые помчаться в село.

— Вместо похода в горы наша дружина пойдет на равнину, на жатву! — окончил старший пионервожатый Павлин, стоявший в стороне, едва удерживая стаю ребят, налетевшую, чтобы записаться.

— Пиши меня первого! . . Я покажу этим крестьянским ребятишкам, как жать надо! — Косьо смешно размахивал рукой, будто держал в ней серп. — Мой дедуш-

ка из села. Когда-то был лучшим жнецом. Теперь я. . . Кто еще запишется?

— Пишите и меня! — протиснулся ленивый Кольо из другого отряда.

— Подождите, ребята, всех по порядку запишу.

Лагерный костер буйно разгорался и стрелял искрами. Павлин быстро записывал пионеров и время от времени, как бы от усталости, приглаживал светлые волосы, причесанные на пробор.

— Записывайтесь, ребята! — сновал от отряда к отряду ленивый Кольо. — Знаете, как здорово будет! Будем доить коз и пить молоко из кувшинов. Будем купаться по заводям и ловить рыбу! Вот эдаких шук!

— Мы идем на жатву, а не на прогулку. Ты, Коленька, немного спутал! — возразила ему черноволосая Боянка, уже успевшая загореть.

Единственной незаписавшейся в отряде была Рилка.

— Фу! Пыль и жарница сейчас в селах! — замотала она отрицательно головой, когда Боянка предложила ей записаться. — Навозом пахнет. . . и потом. . .

Отец Рилки — тихий, спокойный человек, никогда не повышавший голоса, был профессором литературы. Она не помнила, чтобы он ездил в какое-нибудь село, а уж тем более не возил ее. Работал в своем кабинете даже по воскресным дням. И когда мать упрекала его, что он никуда их не водит, он гладил ее по плечу и ласково говорил: «Куда там! Поезжайте одни!» И они призывали сидеть дома или выходить на прогулку на часок-другой в парк, в кино, а иногда и в театр. Рилка выросла в городе, как цветок в горшке. Она носила имя самых высоких болгарских гор, жила у подножия Витоши, но только теперь в первый раз поехала в горы, в лагерь. Пришлось плакать, только после этого ее отпустили. Мать несколько раз ходила к начальнику лагеря узнать, какова там жизнь, не простудилась бы там ее девочка. Когда она провожала Рилку на вокзал, в ее глазах была тревога, и она даже втихомолку всплакнула. Рилка была отличницей, играла на рояле, много читала, училась французскому и русскому, но все же в ней чего-то не доставало, чтобы быть хорошей пионеркой.

— Ну пацему так грустна? Думаете о маминка? —

поддразнивал ее Косью, который тоже учился русскому языку. — Вий уже барышня, оставте маминку, пойдете с нами! . . Ошибся я в падежах?

Он укладывал рюкзак и без умолку поддразнивал Рилку. А Рилка гордо усмехалась и не отвечала. Но когда она увидела, что все готовятся идти на жатву, сердце ее сжалось. Ее кровать была рядом с кроватью Боянки.

— Как же это может быть, чтобы из всего отряда не поехала ты одна? — не оставляла ее в покое Боянка.

— Прежде всего я жать не умею, — призналась Рилка, — не знаю, что такое серп.

— Правда? — удивилась Боянка, дочь рабочего из Софии.

— Ну да. Где я могла увидеть серп? Представляю себе, что он согнут, как полумесяц, могу даже его нарисовать, но в сущности. . .

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Боянка и сразу же прикрыла рот, чтобы не обидеть подругу.

— И из чего, думаешь, он сделан?

— Из какого-то металла. . . но из какого точно, просто не знаю, — запинаясь, ответила Рилка. — Изобретен в железный век, значит, ох. . . не помню. Папа мне никогда не говорил, и в его библиотеке я не видела книг об орудиях такого типа. Мне просто стыдно!

Впервые случилось, чтобы Рилка не знала толком о таких простых вещах. Она отошла в угол и заплакала. Никто ее не замечал. Все лихорадочно собирались. Одни пришивали пуговицы к спортивным костюмам, другие складывали в рюкзаки то, что им могло пригодиться в походе.

Стефка, значкистка БГСО, напевая, уложила бинты и лекарства, поставила сумку с большим красным крестом в изголовье, аккуратно оправила одеяло и легла. Улеглись все, но никому не спалось. Весело трещали о том, что будут делать в селе. Несколько раз входил дежурный и делал замечание, все умолкали, но только на миг, потом снова начинали перешептываться. Наконец, палатка успокоилась. Все заснули с радостной мыслью, что завтра будут среди пшеницы. Не спала только Рилка. Она смотрела на сладко спящую Боянку, слуша-

ла четкие шаги дежурного, видела в плохо прикрытую брезентовую дверь палатки край луны, выглядывавший время от времени из белых легких облаков, будто нырявший в пенистом потоке, видела звезды, яркие, как полевые цветы, и ей чудился крестьянский серп. . . кривой и блестящий, как четверть луны. . .

Утром, когда жнецы-добровольцы строились с рюкзаками, между ними стала и Рилка. Она была в брюках, с пестрым, как крылья бабочки, бантом, которым были подвязаны ее русые волосы, с резной палкой в руках, привезенной ее отцом из Польши. На палке было вырезано: «20 июля, Каспров пик, Закопане». Она смотрела на надпись, и ей хотелось вырезать вторую историческую дату — поход к пионерам села Ломтева.

Ребята двинулись весело, пели и прыгали. Только Рилка молчала и думала, как все будет в селе, научится ли она жать или осрамится. Сбирать колосья она не хотела — эта работа была для малышей. Рилка мечтала стать жницей, к этому решению она пришла ночью, после долгих колебаний. Сначала она хотела послать телеграмму матери: «Мамочка, организуется поход в село, будем жать, идти ли?» Она привыкла обо всем спрашивать разрешение у матери. Потом решила, что пока придет ответ, ребята уйдут. Кроме того, над ней будут смеяться: «Эта наша домашняя птичка шагу шагнуть не смеет без матери! . . . Какой же ты будешь комсомолкой, если в тебе совсем нет самостоятельности, как ты исполняешь заветы Димитрова, как учишься смелости у советских товарищей? . . . С одними школьными шестерками не становятся настоящими гражданами!»

Горная тропка кончилась, и перед ними открылась долина.

— Я читала, что поля зрелой пшеницы блестят, как расплавленное золото. И вправду, настоящее золото!

Рилка сняла темные очки и сощурилась. Ее ослепил блеск хлебов. Она побежала по траве, босые ноги приятно холодила невысохшая еще роса.

Эхо, эхо-о-о, бескрайная ширь. . .

Песня отозвалась где-то далеко в долине. Птицы, проснувшиеся раньше них, перелетали стаями, взвивались в небо, снижались, гонялись друг за другом и ис-

чезали в хлебах. И словно кто-то сообщил сельским пионерам, что гости к ним уже идут: на узкой дороге между посевами показалась пестрая вереница с высоко поднятым плакатом.

— Идут нас встречать! — обрадовалась Рилка.

Пестрая вереница переплыла пшеничное поле и вышла на зеленую полянку. Это и вправду были сельские пионеры. Они размахивали плакатом, на котором было написано: «Да здравствует дружба между городом и деревней!».

Приблизившись, Рилка с удивлением остановилась. Крестьянские дети были подтянуты, причесаны, и на их загорелых шеях горели, как языки пламени, красные галстуки. Председатель сельской дружины бодро вышел вперед и отрапортовал Павлину. Рилка не слышала, что точно он сказал, но видела, какой он смелый. Не растерялся. Глядя на него, вытянутого в струнку, она вспомнила о скрипке Павлина и на мгновение пожалела, что он не взял ее, поиграл бы своим товарищам, доставил им немного радости.

Два председателя обнялись, городские и сельские пионеры сразу перемешались, И совсем неожиданно один из сельских ребят, смуглый, маленький, в простой белой блузе и синих штанишках схватил Рилку за руку и повел. Все шагали весело, дружно, как будто они были знакомы много лет. Мальчик, который шел с ней, заговорил так, словно они из одной школы, из одного класса.

— Откуда ты достала такую интересную палку? — схватил он ее палку.

— Это из-за границы. . . — гордо сказала она. — Мне папа ее привез из Польши, он там был прошлым летом! . . Ай, — отшатнулась Рилка, — какие страшные эти черные коровы!

— *Somai s'apel sa?*¹ — бросил насмешливо Косьо, бесстрашно проходя среди, крупных черных рогатых существ.

— Это буйволы! — рассмеялся сельский мальчик.

— Настоящие бизоны!

— Нет, это не бизоны. Бизоны живут в диких неприступных лесах. . .

¹ Как это называется? (франц.).

— Как страшно они смотрят! Не лучше ли пойти другой дорогой?

В это время смуглый мальчик прошел вперед, протянул руку к ближнему буйволу, который действительно мрачно глядел большими покрасневшими глазами. Увидев детскую руку, буйвол высунул влажный язык, лизнул ее, глаза его стали как будто яснее, он поднял голову и мотнул ею. Тогда мальчик подпрыгнул и ловко вскочил ему на спину. Буйвол опустил голову и понес его тяжелыми скачками.

Маленький мальчуган превратился в глазах Рилки едва ли не в героя. Она читала страшные истории о борьбе с львами, тиграми, слонами, но в тот момент буйвол казался ей самым страшным зверем на земле.

— Зачем вы держите эту черную скотину, когда уже существуют тракторы? — спросила она Дилко, председателя сельских пионеров, который вдруг подошел к ней познакомиться.

— Буйвол — самое выносливое домашнее животное. Есть холмы, где трактор пахать не может. А если трактор вдруг испортится, буйволы его вывезут. Буйвол еще хороший помощник крестьянина, — объяснял, будто урок, Дилко, но так, чтобы она не почувствовала неловкости за свое незнание. Вдруг какой-то гул заставил их вздрогнуть. Рилка взглянула на небо: может быть, пролетал самолет София—Москва.

— Комбайн! — один за другим закричали горожане и кинулись в пшеницу.

— Не топчите нивы, ребята, комбайн придет сюда, — удержал их Павлин, и они остановились у края пшеничного поля, как на пристани.

Далекая машина росла вместе с гулом и становилась похожей на огромную птицу. Рилка то надевала очки, то снимала их. Ребята кричали, разбегались в стороны, тормозили один другого, возбужденные незнакомой им радостью. Земля дрожала. Комбайн шел прямо к ним, как бы подметая ниву, алчно загребая. Людей на комбайне было мало, человека три-четыре, и казалось, будто это сидят птицы. Комбайн был совсем близко. Рилка увидела, как к нему подошел грузовик, тщательно подстроился, прошло немного времени, и вдруг ши-

роким потоком хл~~п~~^пуло золотое зерно. Грузовик наполнился и радостно полетел дальше, а комбайн опять двинулся на них. Рилка вздрогнула. Огромная машина могла ее загрести и перемолоть. Но на комбайне стоял мальчик и счастливо смеялся.

— Это Владин. Машинист, как мы его зовем, потому что он знает все машины. Трактором управляет, а теперь решил учиться на комбайнера! — сказал Дилко и махнул рукой мальчику:

— Эй, Владин, слезай, познакомься с ребятами!

Глава 2

ЗНАКОМСТВО

Но Владин не слышал его и не видел. Комбайн сделал еще один большой круг и затих вдалеке. После него осталась низко и ровно скошенная стерня.

— А мы что же будем жать? . . Нам-то что делать, коли эта машина хватает по двести декаров в день и ничего не оставляет? — спросил ленивый Кольо. — Пошли купаться и ловить рыбу!

— Вот что, ребята! — взволнованно начал Дилко, — Мы хотели жать на нашем пионерском поле комбайном, но председатель кооператива не разрешил. Поле маленькое, и комбайну негде развернуться. Это нас очень огорчило. Но ведь нельзя же вывести из строя комбайн ради нашего клочка земли! Поэтому мы решили жать сами и показать взрослым, что и пионеры на что-то способны. . .

— Правильно, Дилко. — Преодолевая охватившее его волнение, Павлин старался говорить теми же словами, какие он часто слышал от взрослых. — Наш отряд входит в вашу организацию. Вы руководите, и все мы в эти несколько дней подчиняемся только вашим распоряжениям.

Дилко отвел пионерскую бригаду жнецов на правый, ближайший к селу участок поля, который был огорожен, как сад.

— Это наше пионерское поле. Мы его пахали и засе-
вали. . . Вон тот пионер, Владин, был ответственным за
все работы, он вам расскажет об этом подробнее. Вла-
дин! — замахал ему рукой Дилко и, сложив ладони
рупором, крикнул: — Дава-а-а-й сюда, дашь пояснения!

Комбайн пошел медленно, и Владин спрыгнул с не-
го, грязный, растрепанный, но счастливый.

Сперва он почувствовал радость и гордость, что его
позвали, как ответственного за работы на опытном поле,
а потом сердце его дрогнуло, потому что среди город-
ских ребят он заметил пионерку с нежным белым ли-
цом и русыми волосами. Чем больше он на нее смотрел,
тем больше ему казалось, что она похожа на Валу, ко-
торой он еще не видел, но которую представлял себе та-
кой же голубоглазой, с густыми русыми волосами и с
таким же бантом. Все то хорошее, что излучал далекий
и незримый образ Вали, сейчас исходило от Рилки.

Рилка была так нарядно одета, что выделялась среди
других девочек. Он смущенно подошел, пожал руку всем
городским пионерам и, будто нарочно, забыл поздоро-
ваться с нею.

— А я — Рилка! — сказала она высоким звонким го-
лосом, и ему стало неловко.

— Ну, расскажи теперь, как вы всего этого достиг-
ли, — вступил в разговор Павлин, — покажи нам ваше
опытное поле.

Владин пожал плечами:

— Что вам сказать! Пахали трактором, провели
работы по снегозадержанию, бороновали, удобряли фос-
фатами, боролись с хлебным паразитом, пололи и вот
теперь. . . какие колосья советский сорт дает!

Владин любовно погладил крупные, тяжелые колосья
с короткой остью. Его загоревшее и замасленное лицо
светилось. Стебли были выше его. Все разбрелись по
полю, остались только он и Рилка.

— Какие крупные зерна! — отломила Рилка один
колос.

— Это кубанка! . . Мы с учителем Тодоровым ходили
на селекционную станцию за ней, еле выпросили! —
Владин растер колос между ладонями, сдул ость, а зер-
на стал жевать.

Рилке захотелось сделать то же самое. Она растер-
ла колос, но вдруг вскрикнула:

— Ой, как колются эти иголки!

— Это ость! — засмеялся Владин.

И вдруг почувствовал, что в нем что-то как бы над-
ломилось. Девочка для него стала некрасивой. Краси-
та, которая озарила далекий, грезившийся ему образ
Вали, исчезла.

— А это на грядке что? — указала она на уже розо-
веющие помидоры.

— Это апельсины, — презрительно скривился Вла-
дин.

Сперва Рилка не замечала, что он насмехается, за-
хлебывалась от радости, что узнает новые названия,
и старательнейшим образом их записывала. Он же все
больше раздражался и уже открыто, при всех, над нею
подтрунивал:

— А вот там, наверху, облака, а это земля, где ро-
дится хлеб. . . и где терпят разных маменькиных до-
чек! . . . А ты — кукла!

Рилка не поняла, хотел он ее обидеть или похва-
лить. Решила спросить у него, но он убежал, и она по-
думала, что он хотел ее обидеть. Огорченная, она пош-
ла вдоль борозды среди хлебов. Солнце пекло всюю,
а вокруг ни палатки, ни тенька, ни воды. Рилка сло-
жила руки козырьком, но солнечные лучи пробира-
лись между пальцами и обжигали белую кожу лица.
Радость ее померкла. Как они сожнут такую огром-
ную ниву! Она собралась, как на экскурсию, но тут
люди ждут от них работы. Она услышала песню. Там,
наверху, одно из звеньев сельских пионеров начало жат-
ву. Рилка побежала туда.

— Перепелка, перепелка, — Владин показался на
ниве неожиданно, точно он сам был перепел. Она даже
уловила тихую угрозу: «Посмотрим, чего здесь в хлебах
шатается наша софийская птичка!»

Он пошел ей навстречу, и она оцепенела.

— Ой, ласточка хохлатая, не топай по открытому ме-
сту, а то узнаешь что такое жара! — сказал он, мрачно
глядя на нее. Потом подошел и неожиданно выдернул
из волос ленту и побежал, размахивая ею и насмешливо
выкрикивая:

— Йо-го-го. . . Комар свадьбу закатил. Шум и треск, орех дубовый!

Отбежав, он обернулся, чтобы посмотреть, что делает Рилка, не разревелась ли или побежала за кем-нибудь из своей дружины. Но Рилка, остолбенев от удивления, стояла на том же месте. Тогда он привязал ее ленту на какой-то куст и, поманив ее пальцем, убежал. Она подошла, взяла ленту и, помрачнев, неохотно направилась к своим товарищам.

Этот сильный и крепкий мальчишка оказался дерзким, неприятным! Как он ее оскорбил! И чем ему мешала ее лента? Так ли должны относиться друг к другу пионеры, которым пора уже вступать в комсомол? Она вздохнула и вслушалась в песню. Песни здесь были для нее новые, незнакомые. Ей стало интересно, и она пошла быстрее. Скоро стала видна стайка девочек в белых платках; они жали и пели. Им подыгрывал на дудке пастушонок в соломенной шляпенке, надвинутой так, что лицо его было совсем скрыто. В отдалении, на лугу, широко раскинулось стадо.

В такт шагнули, в такт нагнулись
жнецы молодые.
Песнь рванулась, песнь взметнулась —
поют удалые
о Димитрове-герое
старом воеводе.

Только теперь Рилка увидела, чем и как жнут пионеры. Дали и ей серп. Она долго вертела его в руках, разглядывала его блестящие зубья и удивлялась.

— Значит, это и есть — серп. . . а я представляла его себе большим и тяжелым. . .

Гостей быстро распределили между сельскими жнецами. Рилка долго держала серп перед собой, не решаясь начать. Звеньевая Катка, девочка с круглыми щеками и черными косичками, торчащими, как козьи хвостики, показывала ей.

— Вот так замахнешься, сгребешь стебли серпом, схватишь их рукой, дернешь другой и кинешь пук наемь.

— Значит, это называется пук?

— Эти пучки собирают вязальщики, вон видишь, кладут их на веревку и вяжут снопы. Вот и все. Просто!

Катка объясняла ей, не переставая жать. Серп просовывался между стеблями, как змея, и с шипеньем и свистом срезал их. За Каткой ложились пучки колосьев, мальчишки быстро их собирали, и снопы один за другим вырастали на сжатой стерне. Рилка смотрела, и все это ее развлекало. Была бы тень, она долго бы стояла и с удовольствием смотрела б на жнецов. Но это солнце пекло здесь немилосердно, лицо ее прямо пылало! Ах, почему она не послушалась мамы, почему не взяла с собой широкополую красную соломенную шляпку, в которой она обычно ходила на пляж? Никто не вздумал бы над ней смеяться, да если б и нашелся какой-нибудь насмешник, что с того! Кому охота обгореть на таком солнце. Она посмотрела, как работают другие, ей стало стыдно, и она склонилась над колосьями.

— Не задерживайтесь, ребята, — покрикивал Дилко. — Зерно перезрело, его как можно скорее убрать надо!

Рилка потянула к себе серп. Стебли колосьев только согнулись. Она их рванула, и выдернула из земли. Катка это увидела и сделала замечание.

— Осторожнее, не выдергивай! И не оставляй за собой свечи, как мы их называем. . . а то замуж не выйдешь!

— Останется старой девой, — услышала она мальчишеский смех.

Рилка не рассердилась. Она хотела научиться жать, чтобы не оставлять несжатых колосьев — «свечей». Катка бросила свою работу, показывала ей, не спускала с нее глаз, ободряла ее.

— Вот так. . . Хорошо начала. Только на колени не припадай! . .

— Ох, поясница у меня заболела!

Незаметно Рилка стала жать на коленях. Откуда ни возьмись, появился Владин, увидел и начал хохотать.

— Дали б костыль этой старухе!

Куда-то побежал, притащил огромную дубину.

— На!

Но на этот раз она на него обиделась не очень. Сжав

свои пухлые губы, она решила показать этому задиристому мальчишке, что она не так уж беспомощна. Она проделала перед собой узкую тропинку и, не беспокоясь о несжатых полосках с двух ее сторон, топча колосья, бросилась догонять Катку, которая уже глубоко врезалась в пшеничное поле.

Глава 3

НА ПОСТУ

Как перепелка, неожиданно выпорхнувшая с межи, взвилась веселая советская песня. Рилка вслушалась. Едва песня затихла, среди золотых колосьев возникла Катка. Ее белая косынка сверкала на солнце, она подняла свою темноволосую головку, пригладила маленькие косы ладонями и запела резким, сильным голосом:

Ой, цветет калина. . .

Рилке тоже захотелось петь, но она не могла, не хватало дыхания. Она захватывала все больше колосьев и все увереннее их жала.

Только иногда она поднимала голову, видела, как Катка волнами разбивает ниву и чувствовала, что что-то ее толкает вперед. Поясницу разламывало, в глазах стоял туман, горячие капли пота стекали в рот, но она не чувствовала усталости. Она была как бы побег этой нивы.

Две соединенные дружины разбились пополам и работали вперегонки. Жнецы, которыми руководил Павлин, кричали, поддразнивая:

— Пойте, пойте, останетесь «козлами»!

Рилка теряла дыхание, но не хотела разогнуться. Как ястребок, выныривала она из жита и радовалась, когда слышала, как Николай, сложив ладони в трубку, громко кричал другой группе.

— Поздравляю с хвостом и рогами-и-и, козочки!

Но и теперь Рилка не остановилась. Хотела пройти еще немного вперед и тогда уж оглянуться и посмотреть, что же случилось с побежденными, как они охают и ссорятся друг с другом: «Нет, не так, Косьо! Эй, Кольо, ты где шляешься, лентяй? . . .»

— Ой-ой-ой! — слышался страшный крик.

Катка отшвырнула пучок колосьев, повернулась и увидела, что Рилка схватилась за окровавленную руку.

— Ты что, порезалась?

— Ой-ой-ой! . . . Сколько крови! . . . Кусок мяса отрезала! — причитала Рилка.

— Стефка-а! — заорал Косьо и помчался прямо по житу искать Стефку.

— Быстро перекуси водорода! Быстро, тяжелый случай! Бинт!

— Без паники, ребята, — остановил их Павлин, чтобы успокоить разволновавшихся городских пионеров.

Пока пришла санитарка, Катка сорвала какую-то похожую на мох траву и хотела перевязать рану Рилки.

— Нет. Еще столбняк получишь от этой грязной травы. . .

— Мы всегда ею лечимся. Дай я тебе перевяжу, увидишь, что пройдет быстрее, чем от любого лекарства.

— Это полезная трава, ее можно наложить! — уговаривал Павлин.

— Я собирала лекарственные растения и знаю травы.

Катка наложила на рану целебный ворсистый стебелек, оторвала тряпочку от своей косынки и перевязала. Только тогда прибежала запыхавшаяся Стефка, на ходу раскрывая свою санитарную сумку.

— Ты где бродишь? — сделал ей замечание Павлин.

— А я там. . . за куропаткой погналась. Я никогда куропатки не видела.

Стефка попыталась выбросить траву и сделать перевязку, как она это умела. Отец ее был аптекарь, сама она хотела стать врачом, поэтому важно заявила:

— Может рожистое воспаление начаться. Я не могу за это отвечать.

Рилка заплакала.

— Ой-ой-ой, надо сообщить мамочке. . .

— Серп не был ржавым, нет никакой опасности. . . — возразил Дилко и перевязку снять не разрешил.

Всхлипывая, Рилка вышла из хлебов и пошла вверх, где росло большое дерево. Села в его тени и в голос заплакала.

— Пшшшт, пшшшт! — услышала она откуда-то голос.

Она огляделась. Наверно, это Колето, которого искали. Побродил по полям, искупался и теперь возвращается. Но вокруг никого не было.

— Пшшшт, пшшшт! — вновь послышался шопот, и она подняла голову вверх на дерево. Из листвы на нее глядели два блестящих, как у ящерицы, глаза. Она вскочила и собралась убежать.

— Не бойся, я на посту. . . — среди ветвей показался маленький, смуглый мальчик, который первым повел ее в поле.

Она взглянула на него с любопытством. Он был раздет до пояса и бос. Широкая кепка закрывала даже его уши.

— Хочешь, лезь ко мне! Давай, отсюда все видно, будем следить вдвоем.

— А за кем ты следишь?

— Чтобы какой-нибудь кулак не подпалил нивы!

— Разве это возможно? Неужели кулаки такие скверные?

— Они готовы все село поджечь, только бы вернулось старое, чтоб им снова грабить можно было.

— Интересно.

Я тебе расскажу, что произошло в прошлом году. Подожгли свинарник и пытались убить нашего Владина. . .

Рилка хотела взобраться на дерево. Но как? . . И с этой порезанной рукой! Мальчик умолк, спрятался, как пичуга, в ветвях, и вдруг в листве что-то прошелестело. С настила спускалась деревянная лестница.

— Влезай теперь! — дружелюбно засмеялся мальчик.

Рилка робко начала взбираться. Он спустился ниже и, схватив ее за здоровую руку, поднял наверх. Она увидела всю равнину, покрытую маревом, увидела горы с белыми снежными вершинами, и забыла про боль в

руке. Улыбка часового согрела и размягчила ее. Мальчик подмел ветками деревянный настил, по которому были раскинуты колючие, как занозы, щепки, устроил ее поудобнее.

— Вот тебе картошка! — он подал ей из своей торбы печеную картофелину. — Это с нашего опытного поля. Вон там, в той стороне, видишь лунки, отличный картофель будет. Удобрjali его золой. А ведь зола содержит калиевые соли, поэтому теперь у нас родится много картофеля, много овощей. Мы конкурируем с кооперативным хозяйством.

Рилка рассмеялась и взяла картофелину.

— Садись на листья, а я буду смотреть вокруг и тебе рассказывать. Для меня на посту всего труднее, что поболтать не с кем.

Рилка уселась на мягкую листву, откусила от картофелины и приготовилась слушать приключения пионера-часового.

— Сначала давай познакомимся, — подал руку худенький мальчик, и Рилка удивилась. Она знала, что сельские ребята застенчивые, а этот мальчуган вон как свободно держится.

— Меня зовут Гечо-Ятака.

— Как, ты партизан прятал?

— Не я, а мой отец!.. Я тогда еще грудным был. Мой отец держал с ними связь, прятал их у себя в доме и носил им еду вон туда, в Хайдукский дол. Его там повесить на дереве хотели.

— Он, наверно, сейчас большой человек?

— Да, самый большой.

— Наверно, где-нибудь в Софии, в Центральном Комитете.

— Нет, здесь, председатель кооператива.

— Ишь ты! Сын героя!

— Ну уж, героя! Подвергаем его критике!

— Ты! Своего отца?

Рилка глядела на Гечо горящими глазами. Этот мальчик ее изумлял. Его исцарапанные руки и ноги, загоревшее тело, облупившийся на солнце нос, эти маленькие, круглые, как пули, глаза, и это острое, как у лисенка, лицо — все ей нравилось. Даже этот кривой зуб, кото-

рый был виден, когда он улыбался! Она не удержалась и спросила почтительно, немного робея:

— А почему у тебя зуб кривой? Не от фашистской пули, а?

Гечо рассмеялся, и зуб его как будто тоже рассмеялся, когда он его потрогал.

— Какая там пуля! Владин в морду мне дал. Но я это заслужил, потому что он не выносит, когда насмеются над его опытным полем.

Гечо вздохнул и угрожающе ощетинился.

— И он прав! Знаешь, как мы завоевали это опытное поле?

Рилка вопросительно взглянула на него. А он наклонился и заговорил, как будто все это происходило только сейчас.

Он поглядывал сквозь листву и подробно рассказывал о геройстве Владина.

— Этот поджигатель хотел его убить. И учительницу замышлял убить, потому что она, когда узнала, что он сбежал к врагам, отказалась от него и стала дружить с учителем Тодоровым.

Рилка сидела, потрясенная. Она и не думала, что ребята могут быть такими героями, особенно этом Владин.

— Только вот второго не можем найти.

— Какого второго?

— У этого, поджигателя, есть здесь тайный агент. Но змея в дупле не сидит. . .

Ятака поглядел сквозь листву и повернул посветлевшее лицо к Рилке:

— А как вы думаете? Эта земля кровью завоевана и охранять ее будем своей кровью, если понадобится!

Ятака облегченно вздохнул, поглядел на солнце, поднявшееся выше на небе. Опустив голову, Рилка задумалась о тяжелой борьбе с врагами села и вдруг вздрогнула от страшного и неожиданного свиста почти у нее над ухом.

— Пфюууй, — свистел пальцами Гечо.

— Что такое? — вскочила Рила и заткнула уши. — Что случилось?

— Пора сдавать пост! Даю знак, — засмеялся Гечо, глядя на нее, такую смешную и пугливую.

— А трубы у вас нет?

— Нет! Вот сожнем хлеб, сдадим урожай государству, тогда купим и трубу, и футбольный мяч, и пятьсот рыбок, и еще много других вещей!

Гечо счастливо засмеялся и взмахнул своими черными ресницами, как веером.

— Будем богатыми! Пока заработали немного денег только на раннем луке! Представляешь, что будет потом! Задача с тремя неизвестными! Не может решить ее даже Каткин брат своей логарифмической линейкой! А ты можешь ее решить?

— Почему с тремя неизвестными? С одним!

— А-а, с тремя! Высокий урожай — первое, бай Кото — председатель сельсовета, который то ли даст нам воду, то ли нет — второе, а третье — этот, который прячется. . .

Гечо собрался второй раз свистнуть, но Рилка схватила его за руку.

— Нельзя ли мне принять пост?

— Тебе? — вытаращился он. — Стоит тебе захотеть.

— А ребята пускай продолжают работать. Скажи им, что я осталась на посту.

Мальчик засмеялся и долго не сводил с нее глаз.

— Я пойду пожну, а ты, как придет время сменить тебя, свистнешь пальцами.

— Но я не умею. У меня есть свисток, только я его оставила дома.

— Вот так. Засунь пальцы в рот и подуй. Очень хороший свист получится! — он свистнул потихоньку.

— Не могу. Лучше я покричу.

— Ладно. А в случае тревоги дернешь за эту веревку и зазвонит колокол. Знаешь пионерский закон: будь готов умереть на своем посту, как умирали партизаны.

Он раздвинул листву, и Рилка только тогда увидела спрятанный в ветвях школьный колокольчик.

Не успела она оглянуться, как мальчик спустился по ветке и плюхнулся на землю. Рилка подумала, что он вывихнул себе ногу, но он вскочил и побежал, целый и

невредимый, к жнецам. Наверно, он сказал им, что она приняла пост, потому что все замахали ей руками.

Она улыбнулась и встала гордо на настиле. «Будь готовым умереть!..» — мысленно повторяла она слова маленького Гечо и глядела на бескрайнее пшеничное поле, которое сливалось там, вдалеке, с растопленным от жары небом. Комбайн полз в ее сторону и увеличивался, становился похожим на огромную бабочку, потом снова удалялся. Его тарактение то делалось мелодичным, то совсем пропадало. Раскаленный воздух как бы колыбался.

Вокруг по холмам мелькали тут и там жнецы, то сгибающиеся, то выпрямляющиеся над снопами; по пыльной дороге, скрипя, тянулись телеги. Рилка задумалась о тяжелом труде крестьян, бывших мелких хозяев. Спина у нее еще болела, и эта боль заставляла ее думать о старом селе, о котором она слыхала от своего папы только плохое. Столько лет подряд крестьяне работали именно так — согнувшись, с серпом в руке, а потом их грабили по векселям, этих мучеников, рабов земли. . .

Задумавшись, Рилка не заметила, как ее одолела усталость, и веки слиплись. Она вздрагивала, раскрывала глаза. Поле тонуло в мареве, и она снова смежала веки. Уже как далекий, приятный шум, долетали до нее крики и песни. Она заснула. Но во сне вдруг появился перед нею Ятака, строго повторяя: «Нужно быть готовой на все, здесь есть тайный враг!» — и она проснулась. Протерла глаза, и ей показалось, что там далеко, где поля сливаются с горизонтом, поднимается дым.

«Это поезд!» — сказала она себе и как будто увидела, как сквозь ровное золотистое поле тянется, черной гусеницей поезд. . . Поезд напомнил ей об обратном пути в Софию, где мама по два раза в день спускается с четвертого этажа, чтобы поглядеть, нет ли от нее письма. . . Рилку радовал этот медленно расстилающийся, рассеивающийся в мареве дым, но скоро этот дым сгустился в клубы, которые стали медленно подниматься вверх по безоблачному небу. «Поезд торопится, пыхтит», — сказала она себе и с трепетом ожидала его увидеть. Но вдруг там, вдали, вспыхнули языки пламени.

Неужели враг подпалил ниву? Рилка вскочила и схватилась за веревку, колокольчик тревожно зазвенел.

— Пожар! Пожар! — кричала она испуганно и так была обеими руками в маленький школьный колокольчик, что все дерево качалось.

Пионеры кинулись бежать один за другим. Но снизу, с равнины, ничего не было видно. Некоторые смеялись.

— Пастушата разложили костер, а она уж и испугалась.

— Пожар! Пожар! — кричала Рилка, словно обезумев, и продолжала делать движения, как будто она ударяет в колокольчик, который от сильных рывков был уже сорван и валялся на земле.

Гечо вскарабкался наверх быстро, как связист-монтажник по телеграфному столбу, испуганно взглянул на пламя и спустился с дерева.

— Берите прутья и бегите за мной! .

Вдали как будто вихрь развивался; нижний участок поля, прилегающий к линии, действительно горел. Вон как поднимались языки пламени, короткие, красные и закутанные дымом. Горел хлеб, выращенный с таким трудом, с такими заботами, ожидаемый с такими надеждами! Если подует ветер, пожар разрастется и охватит все поле; сгорит и комбайн. Перед Рилкой возник образ Владина, и она даже не заметила, как спустилась с дерева, схватила какой-то глиняный кувшин и кинулась к пожару.

Когда подоспели кооператоры, они застали пионеров, бьющих метлами по горящим колосьям так, как бьют по ядовитым змеям. Они уже разорвали густую стену пожара, а кооператоры совсем его потушили.

— Вы настоящие патриоты! . Я о вас правительству напишу! А Ветрило передам прокурору. . .

Председатель кооператива не знал, кто обнаружил пожар. Он не заметил, что все изумленно глядели на Рилку. Поязка с ее руки свалилась, одежда разорвалась и намокла, потому что девочка бегала в овраг и носила воду из ручья. О том, что над ней прежде подтрунивали, все и думать позабыли.

— Наша Рилка! — гордо сказал Павлин.

— Вот эта девочка? — похлопал ее по плечу предсе-

дитель. — Как окончим жатву, напишу ее родителям, что их дочь хорошая пионерка! — кивнул ей головой председатель и поспешил к сгоревшей полосе, где тяжело пахло паленым хлебом.

Рилка стояла среди ребят, будто ее подменили — новая Рилка была смелее и лучше. Сельские пионеры смотрели на нее с признательностью. Председатель дружины подошел к ней и, вспомнив, как директор школы в конце учебного года поздравлял его, пожал ей руку.

— От своего имени и от имени всей дружины выношу тебе благодарность. Ты совершила большое народное дело. Твоя бдительность будет примером для наших пионеров.

— Да я. . . «заснула», — чуть не ляпнула Рилка, но потом пришла в себя и добавила, улыбаясь: — научилась у вас, — и горячо и благодарно пожала руку Ятака. Он только сейчас протиснулся между другими пионерами, весь почерневший и обгоревший на пылавшей ниве, куда он кинулся, как безумный.

— У него научилась, — она показала на Гечо, и оба они, улыбающиеся и благодарные друг другу, пошли по направлению к пионерской ниве.

Рилка шла смущенно под взглядами идущих за ней пионеров. Она еще не понимала, какое большое дело совершила.

«Хорошо, что вовремя проснулась!» — говорила она себе и улыбалась смуглому Гечо, который вытирал ладонью вспотевшее лицо. Она спохватилась и дала ему носовой платок из кармана брюк.

— У меня есть свой! — и Гечо вынул свой платок. В это время сзади послышались крики:

— У-у-у! Вот он, ведут его.

Рилка обернулась. Из чащи, что на краю оврага, ребята, положив на плечи палки, точно винтовки, выводили человека — худого, высокого, который шатался, как пьяный.

— Это и есть тот тайный враг? — спросила Рилка испуганно, но все-таки побежала к оврагу. За ней повернули обратно и все остальные. Ребята вели сторожа. Среди них Рилка увидела и Кольо-лентяя. Он нес самую большую палку и размахивал ею. Когда они вме-

сте со сторожем, у которого были связаны руки, подошли, то низкий полный, с короткой шеей мальчик начал докладывать Дилко и Павлину, словно милиционер, сдающий рапорт начальнику:

— Мы нашли его в лесу! Спал, как убитый. От него пахло ракией. Наверно, кулаки нарочно его подпоили. чтобы он заснул, а они смогли поджечь ниву.

— Верно это? — спросил строго, как следователь, Дилко, но сторож тарашил глаза, издавая какие-то нечленораздельные звуки. Наконец, он как будто начал протрезвляться и ужасаться преступлению, которое совершил.

— А?. . По-по-езд. . . ей!

— Ведите его, Видул, в сельсовет к баю Кото!

Видул не был человеком, уваливающим от работы, но Колето сумел его соблазнить, и они пошли к реке. И вот на обратном пути, после того, как они искупались, им представился случай и они не ударили в грязь лицом. Они услышали, что кто-то страшно храпит в кустах, подбежали и нашли сторожа.

И теперь они с гордостью вели его в сельсовет, а встревоженная вереница пионеров снова пропала в пшенице.

Глава 4

В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Уже был полдень. Воздух дрожал. Все затаило дыхание. Пионеры попрятались в тень. Уселись пообедать под большим деревом.

Дежурная, толстощекая и всегда улыбающаяся Ценка, расставила глубокие глиняные миски по сплетенному из прутьев столу.

— Вот и столовая! — воскликнул Кольо, садясь первым и отламывая от белой лепешки.

— Лепешка замешана дежурной! — сказал важно Дилко, и все взглянули с удивлением на проворную де-

вочку, чьи волосы были жесткие и выгоревшие, как пшеничная стерня.

Ребята расселись по скамейкам, взяли по ломтю хлеба и стали ждать еду. Но еда не появлялась. Маленькие горожане стали вытаскивать из узелков и рюкзаков брынзу или сыр. Дилко тревожно сновал туда-сюда, поглядывая на участок кооператоров. Наконец, оттуда появился Гечо с маленькой тележкой, запряженной ослом. Все обрадованно поднялись. Но Гечо к ним не подъехал. Он остановил тележку вдалеке, соскочил с нее и замаяхал Дилко, чтобы тот подошел к нему. Лицо у него было смущенное. Что-то случилось. Неужели опрокинул тележку и разлил бак с супом? Дилко подбежал, заглянул в тележку и сразу понял: еды нет.

— Почему не привез обед? — спросил он, помрачнев от дурного предчувствия.

— Спроси своего отца! — ответил ему сердито Гечо. — «Мы не запланировали для вас продукты», — говорит.

— Но как же так? Ведь мы договорились с баем Гораном?

— Не знаю, как вы там договорились, но только перед гостями мы выглядим теперь не очень-то хорошо!

Дилко хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Гости молча смотрели на него и словно обвиняли: «Работаем, надрываемся, а тут! . . . Неужели такое бедное ваше кооперативное хозяйство!» Дилко не смел вернуться к ним и сказать правду. Его отец уже несколько раз ставил его в неудобное положение перед пионерами. «Следи за своим учением, а в наши кооперативные дела не лезь! Молоко на губах не обсохло, а целым светом управлять хочешь!» — ругал он его дома, а сейчас и перед людьми унизил.

В это время прибежал Владин.

— Что случилось?

— Завхоз обеда не дает! — сказал Гечо, отвернувшись.

Владин взглянул на Дилко, подумал и не стал ждать больше объяснений. Глянул на кооперативных лошадей, которые паслись поблизости, на лугу, пошел к ним, подманил рукой молодого гнедого жеребца, обхватил его шею, подпрыгнув, сел на него верхом, ударил пятками по бокам и понесся. Рилка удивилась — куда он поле-

тел. Согнувшийся, схватившийся крепко за гриву коня, Владин пропал, как стрела. Только поднялись клубы пыли и скрыли его от взора. Она и радовалась смелости Владина, который скакал на красивом коне, и боялась, чтобы он не упал, потому что не было ведь ни седла, ни узды. Один Дилко понял, что надумал Владин, махнул Гечо, чтобы он ехал за ним, и маленькая тележка затахтела обратно по пыльной дороге.

Когда Гечо добрался до бивака, где дымились казаны с едой, Владин уже привел председателя бая Горана.

— Что ты тут формализм разводишь? — говорил бай Горан завхозу. — Налей ребятам, чтобы они наелись, а вечером составим счет.

— Но тогда кооператоры останутся без еды, а ведь они так напряженно работали. . . — убедительно и озабоченно отвечал завхоз. — Если б не кооператоры, я что. . . всю еду отдал бы ребятам! Ведь и мой там. . .

— Ах, так! Эти дети наши, кооператорские. Любой готов отдать последний кусок хлеба своему ребенку! А что тогда ты скажешь? Станешь отрывать ребенка от матери? Не будь таким скупердям!

— Это потому, что без денег, ясно! — вмешался насупленный Владин. — Но мы можем и заплатить из доходов, полученных с поля!

— Можете и не платить! — возразил бай Горан. — Это наше опытное поле, мы его создали. И мы будем его поддерживать как только можем. Это же политический вопрос, Лако, укрепление дружбы между городом и деревней! Как можно этого не понимать! Не такое же у нас бедное хозяйство, чтобы мы не могли накормить тридцать воробышков! Сколько им еды-то надо, не больше, чем птичкам! Давай, давай, и чтобы рука не дрожала! Эти ребята завтра нам снова амбары наполнят.

Владин не дождался, пока Гечо наполнит баки. Сел верхом на коня и бешеным галопом поскакал назад.

— Едет! — радостно закричал Дилко и, обернувшись к городским пионерам, начал, запинаясь: — Ребята, я должен признаться. . . это не стыдно! Мы с завхозом, моим папой, в конфликте. Все оттого, что на одном собрании пионеры критиковали его за некоторые допущенные им ошибки по отношению к нам, молодой смене. Он

не признает детской помощи. Прогнал одну нашу группу во время чистки семян якобы за то, что она рассыпала зерно. Верно, что есть такие пионеры, и мы дали им выговор. Но не признавать наше опытное поле и не давать нам еду, как сейчас получилось. . . это большая ошибка, и мы поставим вопрос, где надо! Мне лично это неудобно, потому что он мой отец, но пионерская организация. . .

Рилка изумленно глядела на Дилко. В первый раз она видела мальчика, которой говорил так честно и прямо об ошибках своего отца!

— Тпр-у-у-у! — Ятака остановил тележку с такой важностью, как будто выгружал еду партизанам после того, как удалось миновать опасную засаду.

Осел махал хвостом и ушами, отгоняя мух. Гечо подал бак с едой, и дежурная начала разливать большой деревянной ложкой. Косьо первым отхлебнул супа и воскликнул: «Ой, до чего вкусный!» Стали с жадностью хлебать и другие городские дети, забыв все неприятности. Только Рилка не ела. Она осторожно вытащила из своего рюкзака толстый кусок сыра, разломала его на куски и положила рядом с тарелкой каждого.

— Спасибо! — сказал Дилко, сидевший справа от нее. — Поешь нашего супа, увидишь, какой! он вкусный! . .

— Ну почему ты не ешь? — обратился к ней Гечо дружелюбно. — Ешь, нам предстоит большая работа. Это суп из молодого ягненка. Его вчера зарезали.

— Мне не хочется, — отворачивалась Рилка, тронутая вниманием своих товарищей, которые наперебой ее угощали. Теперь ей еще больше хотелось поесть этого супа, но она все не решалась. Эти глиняные миски, этот большой стол из неочищенных от коры путьев — все ее отталкивало. Она сделала из хлеба и сыра бутерброд, начала медленно есть и думать о Софии, о доме, о маме, которая по утрам покрывает стол белой скатертью и приглашает ее настойчиво: «Рилка, иди, детка, завтракать. Какао с молоком». — «Не хочу молока!» — «Тогда намажь себе хлебца медом и маслицем». — «Не хочу меда и маслица!» — «Я пожалуюсь папе! . .» И Рилка, чтобы не обижать маму и папу, позволяла себя пичкать. Но

там чистота. А здесь нет умывальника, чтобы вымыть руки, чтобы прополоскать потом ложки и миски. Вон, некоторые вытирают их листьями или хлебом, чтобы налить в них молоко.

Дилко и Гечо не переставали ее угощать:

— Выпей хотя бы молока! . . Увидишь, какое молоко у нашего Димчо! . . В нем ни капли воды нет.

Рилка наклонилась отхлебнуть, после чего ей налили в другую чистую миску.

— Ай, — вскрикнула она и отняла ложку, которой зачерпнула молоко.

— А, муравьишко. . . Не бойся! — сказал насмешливо Дилко и с каким-то сочувствием к захлебывающемуся в молоке муравью подцепил его ложкой и стряхнул на землю — пусть, мол, ползает. — Ведь и насекомые ищут лучшей жизни и постоянно шлепаются то в суп, то в молоко. Мы привыкли к муравьям, божьим коровкам, змеям.

— Как! Неужели здесь водятся и змеи? — вздрогнула Рилка.

— Ого-о-о, и какие! — закричали сельские ребята. — Владин сам убил змею-сосуна.

— Какую змею? — испуганно повернулась Рилка к Владиному.

— Расскажи, расскажи! — попросил его и Дилко, но Владин нахмурился. Чего тут рассказывать! Ему стало неприятно. Дилко, увидев, что городские пионеры отложили ложки и уставились на Владина, начал вместо него:

— Когда мы выкапывали из земли межевые камни, выползла такая большая змея, что голова у нее была, как у ребенка.

Рилка прижалась к своим городским друзьям.

— Кулацкая змея, сторожила межу своего господина и сосала молоко чужих буйволиц.

— Разве это возможно! — задрожала Рилка.

— Поэтому и называли ее сосуном. Эту змею односельчане и раньше видели на меже.

— И никто не смел подступить к полю кулака, чтобы пахать или жать. А кулак перепахивал, и змея перебиралась в новую межу. Все бежали от нее. Говорят, она подбирается к грудным детям ради молока на их губах.

— Мама мне говорила, что и около меня. . . — откликнулся Гечо.

— И вы ее убили? — вскричала Рилка.

— Я ее ударил по кумполу, она и хвост задрала, — выкрикнул неожиданно Владин, вскочил и побежал.

— Потом мы нашли целое гнездо змей, их кулацкий род был большой, но мы всех перебили! — заключил Дилко.

— Ликвидировали кулачество как класс! — добавил задумчиво Павлин, сидевший среди сельских пионеров.

— Нет! — возразил ему Гечо. — Как мы видели сегодня, нам еще придется побороться с кулаками и всякими другими тайными врагами.

— Правильно! — согласился Павлин, вспомнил то, что читал его отец в газете «Рабочее дело». — Классовая борьба обостряется.

Рилка не слушала эти разговоры. Она думала о змее и о Владине. Этот грубый, невоспитанный сельский мальчик вдруг стал ей приятен. Она глядела на него с удивлением. Убить такую страшную змею, да ведь он действительно герой! И она простила ему все оскорбления. Ей хотелось поговорить с ним, проникнуть в его душу, понять, что он за мальчик. Она тайком поглядывала на него. Что-то отличало его от других! Но что? И до позднего вечера она думала об этом.

Глава 5

ОДНИ

Только на другой день ей представился случай понять, что за мальчик Владин.

Солнце поднялось и застыло над большим деревом. Стало невыносимо жарко. Молодые усталые жнецы улеглись спать и скоро провалились в глубокий полуденный сон. Не могла заснуть только Рилка. Она вертелась на жесткой земле, бугорки впивались в нее, она выравнивала их рукой, но заснуть не могла: муравьи ползали по ее голым икрам, ее кусали мухи, разные букашки разгуливали по голым, обгоревшим и исцарапанным ру-

кам, забирались в глаза, в уши. Несколько мальчиков шумно загалдели, направляясь к реке. Как хотелось и ей сейчас нырнуть. Догадайся она взять с собой купальный костюм, и она могла бы освежиться в реке!

Она ворочалась с боку на бок. Едва раздавался какой-нибудь шум, она вскакивала. И только она заснула, как почувствовала, что что-то сжимает ее шею. Ей показалось, что к ней подползла змея. Она вскочила, не в состоянии от страха даже крикнуть: «Ой-ой-ой, змея!» Вместо змеи из-за кустов показывалась взъерошенная голова Властина, который пытался отвязать ее пионерский галстук.

— Рилка. . . горилка! — отскочил он и побежал.

Рилка бросилась вслед за ним.

— Слушай, Владин, подожди, пожалуйста! — крикнула она ему, и он неожиданно остановился.

Она подошла поближе и дружелюбно взглянула на него:

— Скажи, почему ты ведешь себя со мной так. . . похулигански?

Он ждал, что она вспылит, будет его ругать, и вдруг ее голос звучит совсем по-товарищески.

— По-моему, ты совсем неплохой мальчик.

— Ага, — отвернулся Владин и огрызнулся: — Я хороший. А ты. . .

Она стояла на открытом месте, русая и светлоглазая, солнце заливало ее, и ему казалось, что лучи проходят сквозь нее.

— Какая я? — спросила она тревожно, и он выпалил.

— Прозрачная!

— Прекрасно. Тогда дай руку, будем друзьями!

Она даже протянула руку. Это смутило его и обезоружило. С тех пор, как они познакомились, он все время искал случая уколоть ее! Это ее сердило, и она уже стала его избегать; ей нравилась его работа на опытном поле, но он сам со своими дерзкими, насмешливыми глазами был ей неприятен. Он однако не отставал от нее. Наблюдал все время, пока она училась жать, и ему было и приятно, и смешно поддразнивать ее, шутить с ней. Сейчас он подошел, думая, что найдет ее заснувшей. Ему только хотелось показать ей, что он сможет незаметно

снять с нее галстук, а потом его вернуть. Он приготовил колос, которым собирался уколоть ее легонько в щеку и который теперь жевал. А коли она уж слишком рассердится и раскричится, он надумал поймать ящерицу и запустить ей за шиворот. Что она очень боязливая, он понял еще тогда, когда рассказывали о змее. И ему хотелось увидеть, как она упадет в обморок от страха, когда почувствует, что безвредное животное ползет по ее шее. И вот эта девочка протянула ему теперь по-товарищески руку. Она была такая неопытная, что действительно заслуживала, чтобы кто-нибудь позаботился о ней. Он даже пожалел ее, и ему захотелось взять ее под свою защиту, но он не решался.

И теперь, помолчав и покрутившись, он засмеялся и пожал ее руку:

— Ладно, а ты пойдешь со мной?

— Пойду.

Она даже не спросила, куда они пойдут. Она уже его не боялась. Поверила в его доброе сердце и радостно пошла за ним. Он перепрыгивал одним скачком через грядки, а она бежала в обход и догоняла его. Ей было приятно идти вслед за ним, и она даже огорчилась, когда он неожиданно остановился.

— Вон гляди! — указал он на недавно вскопанную грядку. — Это наш второй урожай.

— Не понимаю! Никакого урожая я здесь не вижу!

— Тут был рапс! Мы его сняли и посадили капусту и перец, но не какую-нибудь там обыкновенную капусту, а сортовую, и перец не обычный, а с такими красными, толстыми стручками, которые вы покупаете в стеклянных банках.

— Маринованный! — докончила Рилка, улыбаясь.

— Каждый вечер поливаем его.

— Почему же вечером?

— Потому что днем нам не дают воды. Если хочешь, пойдем этой ночью поливать!

— Ладно, но я не умею!

— Я тебе покажу, и ты научишься!

Она прошла между полосками дерна, притянула и ласково погладила маленькие ростки, поникшие от жары, едва заметные в разрыхленной земле.

— Они умерли!

— Ночью оживим. Ну, пойдем!

Рилка уже видела, как ночью с огромной лейкой в руке она будет оживлять пожухлую рассаду, давать ей новую жизнь.

— А это что такое? — взглянула она в сторону закутанной палочки и удивленно стояла над ней, пока Владин не подошел с другой стороны. Какие-нибудь низкорослые молодые деревца? Нет!

— Это виноградные лозы! — воскликнул Владин, увидев, что она стоит, вытаращив глаза. — Сорт болгар. А это резекия, у него длинные черные виноградины, как козы соски! А это — чауш. А это — кокур, у него такие виноградины. как будто глаза вытаращенные!

— Удивительно! Вы все разбираетесь в виноградарстве?

— Учитель Тодоров разбирается. От него и мы научились многому. Мы прививали. И получили новый сорт винограда! Пионерка! Мы еще не видели, какой он, но пройдет два-три года, увидишь, какой виноград поднимется, вот такой высокий, аж до навеса.

Рилка пораженно вертела головой из стороны в сторону.

— А вот эта ползучая зелень?

— Прочти табличку, там написано!

Она прочла табличку, на которой было написано, что он сажал и ухаживал за бахчой. Среди ползучих побегов виднелись крупные, круглые арбузы. Она не смела подойти ближе. Глядела замороженным взглядом на арбузы, которые Владин освобождал от листвы и постукивал по ним пальцами.

— Ты что делаешь? — спросила она с тревогой. — Осторожнее, как бы они не раскололись, они же еще мягкие, как головки у младенцев. . .

— Ну да! — возразил Владин. — Стукни сама, увидишь!

Она присела на корточки и ударила пальцем по одному из арбузов.

— Ох, они действительно твердые! — пососала она свой ноготь и взглянула с любопытством на Владина. Он продолжал постукивать по арбузам, и они послушно отвечали ему тупым звуком.

— Но что ты все-таки делаешь?

— Пробую, какой спелый! — прошептал Владин с улыбкой. — Хочу угостить тебя спелым арбузом.

— А как ты узнаешь, какой спелый?

— Спелый не звенит, а отвечает глухо. Если очень жарко, и арбузы нагрелись, как сейчас, можно обмануться по звуку, потому что они все звучат глухо. Вот, слышишь? Их сжимать нужно. Если захрустит, значит — спелый! Но зной мешает и хрусту. В это время арбузы становятся мягче. Поэтому я выбираю и по хвостикам.

— Каким хвостикам?

— Вот, — показал Владин побег. — Это хвостики. Когда он зеленый — арбуз зеленый, когда немного почерневший — арбуз спелый, а когда совсем сгоревший — арбуз переспел. Выбираю и по пушку здесь, на стебле. И еще по многим вещам — это целая наука. А я узнаю, стоит мне лишь взглянуть на них. Спелые, блестящие, улыбаются мне и кричат: «Иди, сорви меня!»

— Я не вижу ни одного, который бы улыбался!

— Я посадил русские сорта — скороспелки. Мы еще не срывали, но ради тебя, раз ты так хорошо себя проявила, я решил. . .

Рилка замолчала и притаилась. Умиление сжало ей горло.

— Вот этот! — Владин стукнул в последний раз пестрый арбуз, который глухо отозвался, потом сдавил его руками. Арбуз затрещал, Владин сорвал его и подал Рилке.

— А что если он неспелый? — спросила Рилка, обхватив арбуз.

Владин пригласил ее сесть на траву у края бахчи, вытащил из кармана перочинный ножик и, вытерев его о листья, подал ей.

— Угощайся! Разрежь его и увидишь, спелый или нет!

Рилка вонзила ножик в арбузную корку и отказалась.

— Пожалуйста, нарежь его сам. Я никогда в жизни не разрезала арбуза. У нас их режет папа.

Владин отрезал кружочек, как крышку на горшке, и Рилка посветлела от радости, когда внутри показалась яркая краснота.

— Спелый! — вскричала она.

— На, возьми, — подал он ей ломоть, подрезав корку и нарезав мякоть на части.

Она взяла ломоть неловко, и два-три кусочка попадали.

— Ах, что я наделала!

— Ничего, ничего — снисходительно засмеялся Владимир и отрезал ей другой ломоть.

Она наколола на кончик ножика кусочек арбуза и начала от него откусывать. Владимир откусывал арбуз прямо от ломтя.

— Если бы мама увидела, что ты так ешь. . . — засмеялась она, но попросила, чтобы он и ей отрезал тоненький ломтик.

— А ведь так вкуснее! — грызла она, и ее уже не раздражало, что с губ Владимира стекают ручейки арбузного сока. Она сама, хотя и береглась, скоро запачкалась.

— Сладкий? — спросил Владимир.

— Очень! Отрежь мне, пожалуйста, еще кусочек!

Он гостеприимно угощал ее и рассказывал, как засеял бахчу, как удобрял и ухаживал за ней.

— Этот арбуз, который мы едим, особенный арбуз.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что. . . Он не такой арбуз, как другие, а привитый.

— Не понимаю.

— Очень просто. Я привил арбуз на тыкву!

— Как! Значит, я ем тыкву? — Рилка, шутя, выплюнула свой кусок.

Владимир рассмеялся.

— От тыквы только корень, а черенки арбузные, советский сорт, мраморные. Из всех гибридов принялись у меня только два. Один кто-то вырвал ночью с корнем, а другой дал три арбуза. Этот — самый первый и самый спелый, и я его сорвал, не говоря ничего ребятам.

Рилка удивленно глядела на своего друга. Значит, она пробовала впервые тот плод, который еще не был знаком другим. Ради нее Владимир пожертвовал своим мичуринским достижением. Это тронуло ее, и она не знала, как его поблагодарить. Только молчала и глядела на него.

Глава 6

ПО ВОДУ

Заметив, что Рилки нет рядом, Катка огляделась и услышала поблизости тихие голоса. Она добежала до бахчи и увидела, что Рилка и Владин едят арбуз и разговаривают. Она сразу поняла, какой арбуз сорван, и, дрожа, отпрянула. Ведь он разрезал для нее первый из привитых арбузов! Он так оберегал их от ребят, никому не позволял подойти туда. Кричал, угрожал, готов был избить того, кто осмелится прикоснуться к его арбузам. А теперь вдруг говорит ей: «Угощайся, возьми еще!» Катка не находила себе места. Она их выслеживает и подслушивает! Ее смуглые щеки вспыхнули от стыда. И она отошла, сгорая от необъяснимой злости.

Так пренебречь своими друзьями, ею, которая поливала и следила за этими арбузами. Не догадаться хотя бы для приличия пригласить ее, чтобы попробовала и она! Ей уже было не до сна. Что-то глодало ее изнутри, и она все время оборачивалась туда, к Рилке и Владину. Наконец, не выдержала и закричала:

— Рилка-а-а! Ты где, Рилка-а!

Рилка вскочила, как ужаленная, и увидела, что ей машет смуглая девочка.

— Пойдем принесем воды!

Рилка кивнула Владину и побежала к ней.

— Хочешь, пойдем к роднику за водой! И лицо сполоснем! — предложила ей Катка, делая вид, будто ничего не видела.

Рилка согласилась. Все-таки нужно было что-то делать.

— Это как называется? — Рилка разглядывала деревянный сосуд с цепочкой.

— Баклага! — вскинула ее на плечо Катка. — Ты, верно, слыхала пословицу: «Ни баклажки не знает» — так говорят о том, кого учитель вызовет рассказать урок, а тот ничего не знает.

Катка и Рилка проходили мимо последних грядок опытного поля. С одной стороны плотными рядами был

посажен картофель, с другой зеленела высокая кукуруза, у которой начали наливаться початки. Початки уже выпустили шелковые метелки, и это заинтересовало Рилку. Она побежала, баклажка была ее по спине, но девочка этого не замечала. Она вылушила один початок и вдруг рассмеялась, открыв белые и ровные, как кукурузные зерна, зубки, когда увидела молочный початок.

— Эту кукурузу мы удобряли, поэтому она обогнала другую. Вон там, видишь? — кивнула Катка, и Рилка сразу заметила разницу. На другой грядке желтели неполитые, едва заметные кукурузные побеги, а обработанная под руководством учителя кукуруза темнела, как лес, и набрала уже початки. — Мы опыляли ее искусственным способом, поэтому у нее такие кулены!

— Это вы початки так называете? Можно мне взять один?

— Сегодня вечером Владин нарвет их, и мы их испечем, — сказала Катка, глядя на нее испытующе. — За все он отвечает. Сами мы не можем взять.

Рилка долго еще оборачивалась назад к кукурузе, все еще влажной от ночной поливки. Они шли вдоль канала, в котором то тут, то там блестела непросохшая вода. Вдруг перед ними открылось маленькое озеро, ослепительно сверкавшее на солнце. Мальчики наперегонки бросались с плотины вниз головой, радостно кричали, шлепали по воде, плескались и блестили мокрыми телами, как рыбки. Обе девочки на секунду загляделись и потом пошли дальше быстрее, словно спасаясь от искушающей их мысли о приятной холодной воде.

— Из этого микроводохранилища мы берем воду для орошения! Глубина кое-где достигает пяти метров. В прошлом году утонул один мальчик! — сказала Катка и зашагала по тропинке через лесную полянку. Первой шла Рилка — за ней Катка. Вокруг жужжали пчелы. Над полянкой, окруженной деревьями, носился густой аромат стоптанной травы, он висел, как туман, над лугами. Над высокой лесной травой, касаясь ее своими крыльшками, порхали пестрые бабочки.

— Ой, какая большая и красивая! — Рилка бросила свою баклажку и погналась за крупной, ширококрылой,

как летучая мышь, бабочкой. — Помоги мне ее поймать. У меня целая коллекция, но такой бабочки нет.

— Товарищи ждут воду! — сказала Катка.

Но Рилка ее не слышала. Она бежала за бабочкой, хлопала в ладоши и кричала:

— Я поймаю тебя, проказница, насажу на иголку в мой альбом. . . Ой, как их много, целый рой! — закричала она, увлекая и Катку. — Ты заметила, что здесь бабочки более светлые? И знаешь почему? Потому что на равнине светлее. А в горах они темнее, из-за лесов. А ночные бабочки совсем темные, как ночь. Наблюдала ты за ними, как они быстро летают и бьются, как слепые, об лампы?

— Вот тебе и от меня одна! — Катка прихлопнула ладонью маленькую бабочку с синеватыми крылышками и подала ее Рилке.

— Нет, эту я не хочу! — сказала Рилка, и Катка изумилась. — Не люблю этих вредителей. Не знаешь разве? Они откладывают яйца в цветы яблонь, и плоды потом становятся червивыми.

Рилка, наверно, еще долго говорила бы о бабочках, но вдруг что-то зашуршало, и она вскрикнула: «Ой-ой-ой!»

Катка подбежала и, пока Рилка ей рассказывала, что чуть не наступила на большую змею, она все смеялась: в кусты шмыгнула смешная маленькая зеленая ящерица.

— Я знаю, я учила, что ящерицы не ядовиты, ядовиты только гадюки, у которых на спине изломанная линия, и гадюки с рожками, но мне показалось, что это была длинная змея с большими рогами. . .

Рилка забыла уже о бабочках и пошла осторожно впереди своей подружки. Они достигли оврага. Родник находился у ствола дерева, на нем была видна надпись. Катка зачерпнула немного чистой, как слеза, воды и плеснула себе в лицо.

— Что здесь написано? — Рилка вглядывалась в надпись.

— Этот родник воздвигнут в память нашей учительницы партизанки Бистры, поэтому мы называем его Бистринным родником.

Рилка стремительно повернулась к Катке.

— Она ходила сюда на явки. Наши парни и девушки приносили ей сведения и еду. Однажды ее предал один кровопийца. . . и ее схватили здесь. Ее мучили, чтобы она выдала своих товарищей, но она ничего не сказала, тогда полицаи отрубили ей голову, чтобы получить пятьдесят тысяч левов обещанной награды.

Рилка вздрогнула. Таким красивым был этот лесистый овраг с темными бархатными тенями на мягкой, сочной и густой траве, которая росла здесь. Так тихо журчал родник, и от нагретой солнцем полянки поднимался вместе с бабочками сладкий упоительный аромат. И подумать только, что здесь ползали полицан, пули отсекали веточки, и погибали молодые, чистые души! . .

— Давай наливай, чего задумалась! — подтолкнула ее Катка и, увидев, что глаза Рилки стали влажными, подняла ее за подбородок. — Э, разве же это дело. Слезами мы не отплатим. Так говорила Бистра маме. Мы были соседями. Она была очень красивая, такая красивая, что когда она проходила, все замолкали и глядели на нее.

Катка смотрела с восхищением на Рилку, как будто хотела ей сказать: «Такая красивая, как ты!»

Рилка погрузила баклажку в воду и прислушалась к бульканью, с которым она медленно наполнялась.

— Какие смелые люди были партизаны! — вздохнула она.

— Тебе Владин не рассказывал? И его брат погиб в партизанах! — Катка испытующе взглянула на нее.

— Ничего он мне не рассказывал! — Рилка повесила на плечо тяжелую баклажку и не почувствовала усталости, взбираясь вверх по берегу.

Когда они показались на пригорке, пионеры еще издали закричали:

— Вода-а-а, вода-а-а. . .

Солнце поливало зноем. У всех ребят по опаленным лицам тек пот, и все страшно хотели пить. Они наклонялись к Рилке и смешно и жадно пили из баклажки. Рилка важно ходила от одного к другому и говорила о бабочке, ящерице и Бистрином роднике.

Она рассказывала приятно, увлекательно. «И какая она красивая», — засмотрелась на нее и Катка. Все бросили работу и окружили Рилку. Дилко просто прилип к ней. Катка раздражалась все больше и, наконец, не смогла сдержаться.

— Дилко, — прошептала она, отозвав его в сторону, — знаешь, что сделал Владин?

— Что? — ошетинился Дилко.

— Сорвал для Рилки самый большой арбуз из привитых.

Она ожидала, что Дилко рассердится, оставит Рилку и пойдет искать Владина, чтобы его отругать. Но Дилко добродушно рассмеялся и беззаботно развел руками.

— Да ладно, Катка. Не будь мелочной. Один арбуз, большое дело! Владин поступил по-товарищески. Девочка этого заслуживает.

Катка отпрянула, одновременно и рассердившись, и почувствовав свою вину.

«Так мне и надо!»

Она осталась одна. И чем больше она думала, тем больше чувствовала себя несправедливой, виноватой перед своей подругой. Ей захотелось еще больше сблизиться с ней и искупить свою вину. И когда она увидела, как Владин раскладывал сушиться семена съеденного арбуза, она сказала себе:

«Большое дело, один арбуз!»

Глава 7

ТАИНСТВЕННЫЙ ВРАГ ПОЯВЛЯЕТСЯ

На другой день Рилка пошла по воду одна. Смело миновала она полянку, постояла у родника, вслушиваясь в его таинственный шепот, словно в эхо прошлого, потом пришла в себя, быстро наполнила баклажку и вернулась. Мальчики связывали снопы скоростным методом, который им показал Тодоров. Некоторые носили снопы и собирали их в копны. Рилка захватывала пучки

сжатых колосьев и складывала их на растянутую по земле веревку. Руки ее были изранены стерней. Кровавые царапины краснели и на ее голых икрах. Все работали, спешили убрать хлеб, помогала и она. Спина болела, но она, растерев ее украдкой, снова склонялась над снопами. Она часто поглядывала на солнце. А солнце стояло, словно застыв, на небе и не двигалось. Какой длинный летний день в селе. . .

В полдень Рилка падала от усталости. Все городские пионеры устали до изнеможения. И едва Дилко scomандовал: «Конец!», они с радостью бросились бежать к дереву. Рилке хотелось сесть и больше не подниматься. Ее всю разламывало. Но вот Дилко снова закричал:

— Кто хочет пойти со мной в овчарню? Подоим овец!

Рилка вскочила и пошла с Дилко. Другие отправились нарвать початков, а третьи — в село договориться о молотбе сжатого хлеба. . . Уже повеяло прохладой, солнце, покрасневшее от усталости, медленно клонилось к синей черте горизонта.

Прохладные сумерки опускались на пионерский лагерь. Веселые голоса ребят, спрятавшихся от жары в палатке из домотканых одеял, затрещали, будто там были сверчки. По мягкой дороге затарахтела тележка с молоком. Рилка раскачивалась на переднем щитке тележки и подгоняла ослика:

— Ну, Виолетка! Давай, пожалуйста!

Поле затихло. Прохладой тянуло от окруженной ивами сельской реки. Горы потемнели, далекие и страшные. По дорожке пестрыми группами возвращались домой кооператоры. Неожиданно чей-нибудь голос повышался и снова утомленно затихал. Село приветливо дымилось. оживленное лаем и мычанием. Поля опустели. В сумерках маячили снопы. Стога возвышались, как могильные холмы. Тишина, усталая вечерняя тишина обняла поле, слышалось только тарахтение комбайна.

— Повезло Владиноу! — проговорила Рилка почти про себя.

— Есть и девочки-комбайнерки! Если ты так говоришь. . . и тебе повезет! — ответил ей Дилко.

Прелесть полевых работ уже наполнила Рилкину душу. Новая овчарня, крупные сытые овцы, которых

чабаны доили на ее глазах, бутылка из тыквы с пенным молоком, которую ей подал пастушонок Димчо и из которой она отхлебнула, запах навоза и шерсти — все это было ей теперь приятно. А этот Димчо, которого кооперативное хозяйство наградило за хороший уход за ягнятами, и сейчас стоял перед ее глазами, смеясь и показывая свои белые, как брынза, зубы.

Тележка подроспела вовремя: комиссия, состоящая из учителя Тодорова, бая Горана и учительницы Черневой, проверяла работу. Павлин шел с ними, и Дилко сразу стал вертеться около них, объясняя, сколько пионеров работало и сколько времени. Не удержалась и Рилка.

— Вы выполнили график, как настоящие жнецы, Дилко! — удивлялся усатый бай Горан, и на его вечно озабоченном лице появилась улыбка. — А этот стог плохо сложен. Если пойдет дождь, он размокнет.

Дилко взглянул на Павлина — это его товарищи сместили стог, но бай Горан не стал их ругать. Он переложил скрещенные снопы колосьями наружу и, швырнув последний сноп, сказал:

— Вот так! Вековать он здесь не будет, но на всякий случай! Летний день, как младенец, то и дело мокрый! Окончим свое, пошлем телеги взять и ваше, чтобы обмолотить!

Мальчишки хитро переглянулись. Они хотели кое о чем попросить бая Горана, но не смели. И два маленьких председателя, подмигивая друг другу, подталкивали вперед Рилку. Рилка сразу поняла, что нужно сделать. «Попроси его ты, тебе он не откажет!» Она вышла вперед и вертелась перед баем Гораном до тех пор, пока он ее не заметил:

— А, наша героиня! — воскликнул он, улыбаясь, и она сразу воспользовалась случаем и попросила:

— Нельзя ли, товарищ председатель, поднять снопы сейчас, чтобы и мы, городские, участвовали в молотье! Потому что потом мы уедем!

— Ладно, посылайте за телегами! — и оглядев еще раз сделанную ребятами работу, покачал головой. — Вот на что вы способны, какая у вас сила, только растите скорее, мне нужны бригады, звеньевые, агроно-

мы! Выходит, ваша правда, а некоторые не верили, недооценивали, особенно маленьких горожан.

— Посмотри вон туда, сколько они наработали, — указал ему Тодоров на гору колосьев, собранных ребятами за день.

Бай Горан восторженно и ответил по-хозяйски:

— А ведь здесь зерна мешка два будет. Такое на дороге не валяется! — и хлопнув одной рукой по плечу Дилко, а другой — по плечу Павлина, бай Горан дал напутствие двум председателям, как своим старым, испытанным бригадирам, и пошел с учителем Тодоровым проверять жатву на других полях.

Вечером лагерь проснулся для новой жизни. Аккордеониста раньше как будто не было, а теперь по случаю окончания жатвы мечтательно играл Косьо, забыв об усталости и всех трудностях. Лагерь гремел от песен. Притомившиеся днем городские мальчишки, помывшись внизу в реке, причесавшись, пели теперь с сельскими ребятами, как будто выросли здесь, в селе. Боянка и Вылка раскачивались, обнявшись, под звуки незабываемой: «Эхо-о, эхо-о!» Учительница Чернева распоряжалась, как провести ночь. Гюшко запасался хворостом для лагерного костра. Видул и Косьо с особенной радостью готовились к ночному дежурству. Стол был накрыт заранее. Завхоз сам привез ужин. Дилко с облегчением глядел на своих товарищей.

— Уплетайте теперь, сколько хотите, ведь наголодались за день-то! — говорил он, виновато глядя на ребят.

— А как он старается нам угодить! — решила сказать ему приятное Рилка. — Хороший человек!

— Вот как помогает критика! — шепнул ей Дилко, довольный, что сердце его открылось, наконец, для ребячьей радости.

В первый раз с тех пор, как она уехала из города, Рилка почувствовала голод. Она села на жесткую скамейку и торопливо, не ожидая приглашения, начала есть. Не разглядывала, а не попал ли какой-нибудь муравей в суп и молоко, не косилась на деревянные ложки, а с жадностью хлебала.

— На, возьми чесночка! — Катка очистила ей одну дольку. Поколебавшись, Рилка откусила кусочек, рот

стало жечь, но она хлебнула супу, и все прошло. Потом ей захотелось каждую ложку «подсладить» чесноком.

— Как вкусно! — бормотала она про себя. Катка слушала и усмехалась. Ей вспомнился рассказ «Когда суп вкусен», и она говорила себе: «Вот о ком написан этот рассказ, вот какой вкусный бывает суп после дружной работы!» Рилка даже осталась последней за столом и смутилась. Она ела медленно, стараясь хорошо пережевывать пищу, как ее учила мама, и не заметила, когда поднялись другие. Хлебнула последнюю ложку молока и вскочила.

— Давай поглядим, что делается с раной! — сказала важно Стефка и развязала испачканный и скатавшийся бинт.

Стефка ожидала увидеть руку распухшей, а рану разъеденной этой травой, которая была ей, молодой санитарке, неизвестна, но когда она сняла повязку, рана оказалось очищенной и светлой.

— Будто какое-то лекарство! — удивилась она, вытащила из своей сумки блокнот и с любопытством спросила, как называется эта трава.

Дилко сказал ей народное название.

— Нет! нет! Латинское наименование, пожалуйста. В медицине мы пользуемся латинскими названиями. Я найду его в папиной энциклопедии! А где она растет, в каких местах?

Она наскоро записала сведения, и Дилко повел ее с поля, чтобы она нарвала этой травы, сколько захочет. В этот вечер он сам перевязал руку Рилки, наложив эту чудодейственную траву. Другие лекарства, которые Стефка носила в своей сумке, оставили про запас.

По проселочной дороге закрипели телеги. Городские и сельские ребята стремительно кинулись в поле и с радостным гвалтом стали нагружать снопы. Наконец, первая телега была готова. Дилко вскочил поверх снопов и сам схватил вожжи. На другую взобрался Павлин, а Катка взяла буйволов за поводья и повела их. . .

Рилка стояла в стороне и удивленно глядела. Это тоже было для нее ново. Эти страшные животные, от которых она убегала, так кротко сунули голову в ярмо, послушались слова и неторопливо, без всяких понука-

ний потащили телеги по пыльной дороге в село. Вдруг они стали ей приятными!

Как здесь все связано одно с другим! Рилка осталась задумчиво стоять посреди поля.

— Пфу-ю-уй! — услышала она сигнал с поста.

Она оглянулась. Это были Видул и Колето. Кольо взобрался на дерево, а Видул решил охранять лагерь внизу. Они заступили на пост.

— Иди назад в лагерь! — уже командовал Видул. — Никто не имеет права выходить! . . И пароль! Без пароля никому не дадим подойти.

Рилка вернулась в лагерь. пылал пионерский костер. Теплая летняя ночь обволакивала палатки. Трещали сверчки, вылезшие из своих норок, где скрывались от дневной жары. Со стороны оврага доносилось разноголосое кваканье. На небо, ясное и словно подметенное, вышел молодой месяц. Звезды, как маленькие ребятишки, запрыгали вокруг него. Начались игры и забавы. Огонь ярче горит в открытом поле, чем в горах. Все этой ночью казалось Рилке более мягким, более теплым.

— Рилка, Рилка, Рилка! — она вздрогнула от ритмических хлопков и криков.

Она знала, что они означали. Нужно было исполнить какой-нибудь номер. Но что она могла исполнить? Что? Она знала много стихотворений и песен, но что, что из них понравится больше всего ребятам из села? . . Она оглядела освещенных костром ребят. Среди них не было Дилко, Владина, Гечо-Ятака! . . Они поехали вывозить снопы. Там и Катка, и Ценка, и Вылка, все самые ловкие ребята там! Все ее близкие и знакомые! Кому она будет теперь декламировать и петь?

В ответ на приглашения она отрицательно качала головой. Из темноты вышел Видул, со вскинутым на плечо настоящим ружьем, вызвав всеобщее удивление и страх. Оно было сломанное и незаряженное, но никто, кроме него, этого не знал.

— Поднимайся, домашний птенец, нечего ломаться.

Он схватил Рилку крепкой рукой под мышки и поднял ее с земли.

— Давай вдвоем «выведем» дуэт! — прохрипел осипшим голосам Видул.

Все рассмеялись.

— Она одна, одна что-нибудь исполнит.

Рилка хотела было рассердиться на Видула за его грубость, но увидев его сияющие глаза, приветливое, загоревшее на солнце лицо, засмеялась и сказала:

— Жаль, что нет пианино. . . Я бы поиграла вам, ребята! Но я спою.

Все притихли. Что она им споет? Какую-нибудь старую, затасканную песню, которую учила по нотам! Рилка заложила руки назад, как всегда делала в хоре, и запела:

В такт шагнули, в такт нагнулись
жнецы молодые.
Песнь рванулась, песнь взметнулась —
поют удалые
о Димитрове-герое
старом воеводе.

— Да ведь она поет нашу песню! — закричал Видул.

— С одного раза запомнила, — шептали сельские пионеры.

— Она будет оперной певицей, ребята! — шутливо бросил Колето с дерева. — Может исполнить вам и арию из «Кармен»!

Сельские ребята, которые во всем до сих пор были первыми, смутились.

— Димчо, подыграй ей на свирели!

Молчаливый, примостившийся у огня пастушонок осторожно вытащил свирель из-за пояса и прикрыл глаза. Его худое выразительное лицо побледнело, только щеки надулись. Тихий звук протянулся и закружился, задрожал, словно готовый оборваться, потом поднялся и полетел навстречу звездам. И над полем полились жалобы старинной пастушеской песни. У Рилки навернулись на глаза слезы. Необъяснимая сладкая тоска прокралась в ее сердце.

Неожиданно Димчо перевел песню в танец. Сельские ребята поднялись. Один длинноногий мальчик очень хорошо плясал.

— Давай, Гьошко, давай!

— А кто такой этот Гьошко? . . Где же я слышала это имя — Гьошко? — спросила удивленно Рилка.

— Это наш Гьошко-физкультурник, который ездил на фестиваль в Прагу. И там занял первое место.

— Давайте кулены! — закричал Николай, и в костер со всех сторон полетели очищенные початки.

Рилка уже знала, что в этих краях початок называют кулен. Она сама очистила один кулен, положила его на угли и с нетерпением стала ждать, когда он испечется.

— Откуси от моего! — поднес ей свой початок пастишонок Димчо, она стала выковыривать по зернышку, и ей показалось это очень вкусным.

Такой вкуснятины Рилка не помнила. Она обожгла руки, переворачивая початок, зарывая его в угли, чтобы он скорее испекся. Наконец, не выдержала, вытащила его недопеченным и стала грызть.

«Как поросята!» — рассмеялась она, и ей показалось, что в этот момент она сама похожа на маленькую хрюшку.

Ночь крепко обняла лагерь. Луна уже взошла, звезды рассыпались по небесному полю. Лагерь затих. Все забились в палатки. На мягкой соломе было приятно, хорошо. Рилка просыпалась и сразу же снова засыпала. Скоро ее разбудил тревожный шопот. Снаружи Боянка о чем-то шепталась с часовым.

— И я хочу пойти!

Видул делал ей знаки, чтобы она шла в палатку.

— Учительница приказала никого не пускать.

Рилка вскочила. Из палаток высывали головы и другие.

— Что случилось? — спросила Рилка.

Боянка уже приготовилась куда-то идти.

— Не поняла, что ли? . . Дилко и Павлин, все, кто уехали с телегами, не вернулись.

— Ну да?

— Будет ночная молотьба. Наши снопы будут молотить ночью, вот я и хочу пойти. Я жала, хочу сама и обмолотить.

— Разве группа Влада не пойдет поливать? — спросила Рилка.

— А-а-а. . . ты проспала!

— Ну почему ты меня не разбудила! — упрекнула Рилка. — Пойдем, ты меня отведешь! Я обещала, я должна помочь. . .

— Пойдем лучше с нами молотить! Это интереснее!

— Пошли! — Рилка накинула на себя кофточку и неожиданно появилась перед часовым. — Я хочу поглядеть, как молотят зерно.

— Утром пойдете и все увидите.

— Мы хотим сами смолотить свое зерно! — еще несколько пионеров повыскакивало из палаток, и Видул растерялся, не зная, кого ему сторожить.

Весь лагерь узнал тайну и собрался в дорогу. Видул не мог их удержать и сказал:

— Тогда идите за мной!

С дерева соскочил Кольо.

— И я пойду!

— Нет, ты останешься сторожить лагерь! Все может случиться. Может, кто-нибудь проберется и. . . — он сделал движение, словно взорвалась брошенная граната.

Кольо что-то промямлил. Видул засмеялся и сказал:

— Боишься? . . Страшно одному оставаться? Ладно, иди ты с ними, а я останусь. . . Я не боюсь! — он щелкнул затвором незаряженного ружья, перекинул его через плечо и проводил своих товарищей в дорогу.

Еще издали они услышали, как трещит молотилка на полянке за селом среди длинного ряда снопов. Фары трактора освещали, как прожекторы, безмоторную молотилку и работников на ее платформе. В пыльном воздухе люди колебались, как тени. Запах зерна и мякины обдал пионеров. Грохот молотилки оглушил Рилку, она сначала не услышала, о чем спорит Дилко со своим отцом.

— Я не разрешаю молотить ночью — и точка! — услышала она ясно отказ Дилкиного отца, который показался ей вечером очень добрым человеком. — Распрягайте телеги и ждите до завтра.

— Но мы же, папа, так же, как вы. торопимся сдать зерно государству. Это зерно для одного и того же государства!

— Нельзя, говорят вам! Рассыплете зерно. . . И по-

том, теперь ночь, все может случиться, не могу же я стоять над каждым ребенком и караулить его!

— Мы не дети, а пионеры! — возразил обиженно Дилко.

Рилку восхитило мужество Дилко, который непоколебимо стоял против своего отца.

— И если вы нам откажете обмолотить вовремя, мы поставим вопрос на партийном бюро, — откликнулась и Катка, дочь секретаря парторганизации, и ее слова обожгли завхоза.

— Хорошо вы усвоили правила партии, — иронически заявил он, — но если кто-нибудь из вас попадет в барабан или кого-нибудь ремень затянет, мне придется держать ответ не только перед вашими родителями, но и перед партией!

Рилка согласилась.

«Прав человек! Что, если случится несчастье!»

— Поворачивайте телеги! Нечего стоять и мешаться! — начал их разгонять завхоз, но никто не пошевелился. Пионеры все плотнее окружали телеги со снопами, и он вертелся в кольце, не в состоянии его разорвать.

— Иди домой и ты, — набросился он на сына. — И прямо в постель! Вон уж час какой поздний! Ну-ка, давай, пока не отхлестал тебя тут перед всеми, но я тебе еще дам. . .

Дилко отошел, смущенно и виновато бормоча:

— Да ладно! Хватит!

В это время из-за стогов показалась учительница Чернева, и все обрадованно ее встретили.

— Что случилось? — остановилась она перед группой кооператоров, окруживших бая Лако и пионеров.

— Ты, учительница, знай свое дело! За молотьбу я отвечаю! . .

— А за ребят я отвечаю. . . — возразила ему она и отступила, не зная, что делать. Столько ребят смотрели на нее с надеждой и ждали от нее помощи! И верили, что она сильна, что ее слово всегда действенно! . . Недалеке раздался грудной голос учителя. Дилко кинулся в ту сторону.

Из-за стогов показался Стойно Тодоров. Пионеры смутились. Они не знали, как он распорядится — разго-

нит их или скажет: «Молотите!» Может быть, он говорил с председателем сельсовета, и они договорились отложить работу ребят до утра. Он был их руководителем, но кто знает, вдруг его вызывали в партийную организацию, и он принял этот план! . .

— Почему такой шум? — спросил он спокойно, здороваясь за руку и с завхозом, и с Павлином, и с Дилко. Выслушав обе стороны, он решительно махнул рукой:

— Мы договорились и с баем Гораном, и с партийным секретарем. Ребята сейчас обмолотят, чтобы не останавливалась завтрашняя работа. Ну, а другие могут отдохнуть, пока ребята не закончат свое. И всего-то тут две-три телеги. А радости им будет на всю жизнь!

— Ну ладно, под твою ответственность! — сразу смягчился завхоз, повернулся и исчез в толпе кооператоров.

— Ну, давайте разгружать телеги, Дилко! Вот когда молотилка обработает тот стог, который начала, запустим в нее наше, понятно? . .

И собрав благодарные улыбки ребят, Тодоров обернулся к их руководительнице. Она стояла и нетерпеливо ждала, когда он кончит. Он огляделся, увидел, что ребята кинулись к телегам, как голодные цыплята к первому принесенному во двор снопу зерна, и тогда вытащил из кармана пальто какой-то букетик и протянул его учительнице.

Рилка и Катка были за тем стогом, у которого стояли учителя, и невольно услышали их разговор.

— Что это? — вздрогнула Чернева.

— Земляника! Лесная земляника! Я собрал ее для тебя вечером, когда ходил по участкам! — и отдал ей букетик.

Чернева засмеялась тихонько, радостно и смущенно. Вокруг разнесся запах лесной земляники.

— Как в романах, — прошептала Рилка.

— Они поженятся! — доверила ей Катка. И две девочки бесшумно отошли.

Светляки вспыхивали и гасли: что-то прекрасное рождалось на мгновение и умирало. Рилке хотелось подольше задержать этот блуждающий во мраке огонек.

Она кинулась и схватила светлячка. Катка прилепила его слюной ей ко лбу и сказала:

— Вот теперь и ты светишься. Смотри, не погасни! У тебя словно звезда во лбу.

Рилка постояла с немигающим огоньком на лбу, вокруг нее, словно подманенный, засверкал рой светлячков, они садились на ее руки, лицо, волосы, и ей казалось, что ее голова излучает свет. Ошеломленная, она только пыталась их поймать. Незаметно для себя Рилка далеко отошла от Катки. И вдруг, когда она махала руками и вытягивала их, будто у нее были завязаны глаза и она играла в жмурки, наткнулась на человека, который что-то засовывал в их груженую снопами телегу.

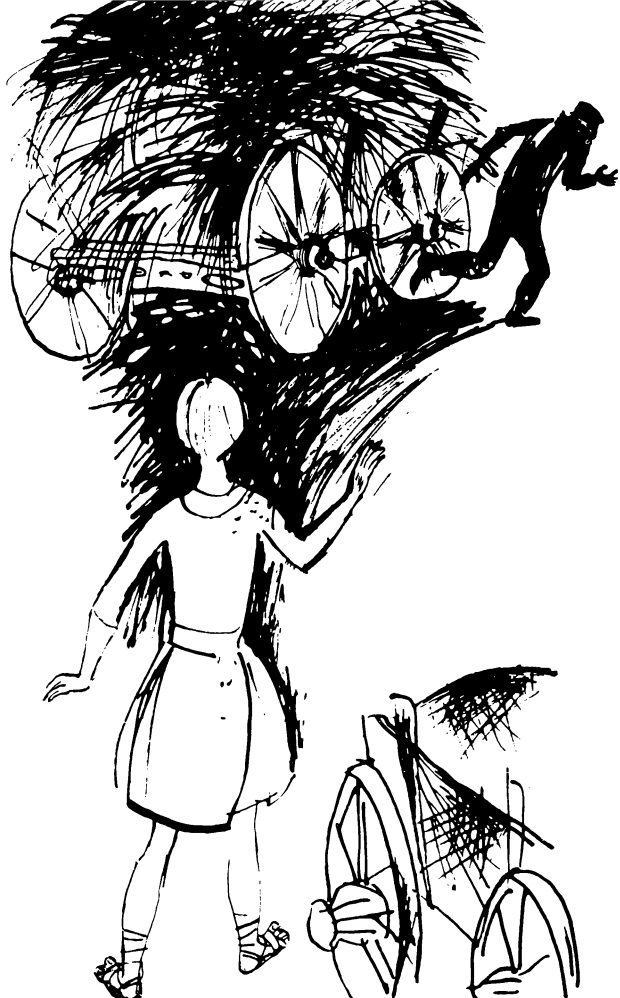
— Эй! — закричала она, думая, что это кто-нибудь из мальчиков. — Ты кто?

Незнакомец молча отошел от снопов и быстро исчез в темноте. Она подумала, что нечего было пугаться и опять позвала его. Никто не ответил, и она вернулась к молотилке.

Начатая при ней копна была закончена. Крестьяне сметали осыпавшиеся зерна. Ребята уже подтащили свои телеги поближе к молотилке. Тодоров взобрался на полную телегу, насадил первый сноп на вилы и бросил его на молотилку. Чернева поднялась наверх к барабану, развязала сноп. Катка поспешила встать рядом с ней, чтобы помочь. Внизу Павлин распределил людей, стоящих у ящика с зерном — кто будет наполнять ведрами мешки, кто считать и записывать ведра, а кто укладывать в кучу солому. . .

Машина загрохотала. Все заняли свои места, молотьба пионерских снопов началась; стоящий на подаче работник кинул в барабан первый сноп, второй, третий. . . Молотилка торопилась, давясь большими снопами. Она вся дрожала. Рилке показалось, что рядом с нею стоять опасно и страшно. Она вспомнила слова Дилкиного отца и не решилась взобраться наверх к Катке. Взяла вилы, начала сгребать падающую солому и оттаскивать вниз, где ее складывали в кучи.

В горле першило от пыли, в волосы набилась голова, но она не прекращала работать. Молотилка колы-

халась и пела, Рилка скользила по мягкой соломе, и ей казалось, что она на каком-то катке.

Но вдруг машина зарычала. Катка наверху вскрикнула и зашаталась, как сноп. Барабан загудел, как продырявленный. Ремень соскользнул и упал.

— Ой-ой-ой! — раздались крики. — Катка попала в барабан!

Рилка отбросила вилы и побежала к машине. Стоявший на подаче работник медленно спускался по лестнице с Каткой на руках, словно только что вырвал ее из зубов хищного зверя. Катка шевелилась. Но Рилке показалось, что ее ноги размозжил барабан и она навсегда останется калекой. Ей хотелось закричать и заплакать, но она не могла,

— Дайте воды, чего смотрите! — слышался крик, кто-то принес глиняный кувшин с водой, плеснул Катке в лицо, потом она отпила и соскочила на землю. И пошла теми самыми ногами, которые только что висели так безжизненно, что показались Рилки смолотыми до костей.

— Вот узнаю, кто это засунул железяку в сноп, голову ему оторву! — работник сердито размахивал куском железа, попавшим в барабан. — Не будем уж говорить о машине и обо мне, но ведь ребенка могло убить, если б я его не вытащил!

«Это тот, второй!» — подумала Рилка о тайном сообщнике поджигателя и сразу связала его с тем человеком, который на ее глазах подсовывал что-то в телегу со снопами. Но кто же он? Ведь перед ней только на секунду мелькнула его притаившаяся фигура, и больше она ничего не увидела! . . . «Отец Дилко оказался прав! Дилко должен был его послушаться!» Ей хотелось даже сказать это Дилко, но он и так был очень расстроен.

Машинисты занялись ремонтом молотилки, и когда им удастся починить, никто не знал. Озабоченные ребята стояли группами.

— Я говорил, но никто меня не слушал! — доносился голос Дилкиного отца, и ребята один за другим стали расходиться. Катку с трудом удалось увести в село, другие ребята потянулись к свежей соломе.

— Идите сюда, посмотрите, какие цирковые номера мы устраиваем с Гьошко! — позвал их Колето.

На куче свежей соломы Гьошко перекувыркивался в воздухе, а Колето катался, как перекасти-поле. Рилка лежала на мягкой соломе, слушала крики ребят, глядела на заснувшее село, ловила отдаленный лай, кваканье лягушек, и ее тревога как будто все усиливалась. Взгляд ее переходил от звезды к звезде, она разглядывала их и говорила:

— Вот он, Млечный путь! Полярная звезда! Большая Медведица! А вон там Сатурн! . . . — Все, что отец показывал ей летними вечерами, когда они выходили на балкон, она теперь передавала детям. Время от времени ее мысль, летевшая по небесному пространству, падала, как звезда, на землю. Но вдруг отрывалась и снова летела к созвездиям и планетам. Ребята притихли. Упоенная запахом жита и свежей соломы, замолкла и Рилка, голова ее опустилась на солому, и она заснула.

Уже всходило солнце, когда от канала появился Владин с мотыгой на плече, испачканный с головы до пят. Проходя мимо соломы, он увидел девочку с пестрым бантом и улыбнулся.

— Какая засоня! — сказал он про себя и только было решил как-нибудь над ней подшутить, как вспомнил, что она ночью работала. Он наклонился над ее теплым спящим лицом. Рилка спала так глубоко, что не чувствовала, как на ее прозрачные щеки и на веки нападала летающая в воздухе после молотьбы ость колошыв. Владин пожалел ее. Такое же чувство жалости остановило его ночью, когда он пришел будить ее, чтобы идти поливать. Хотя и он был очень утомлен, он почувствовал себя более сильным, чем она.

— Пускай себе поспит! — прошептал он и оставил ее спать.

— Эй, девочка, ты что отбилась! Уж скоро обед! — услыхала Рилка далекий голос вместе с тысячами звончков.

Она вскочила, протерла глаза, увидела, что солнечная лава льется волнами ей навстречу, и снова, ошеломленная, зажмурилась. Где она находится? На какой планете? На Сатурне, Марсе, Юпитере? Или на Луне?

И что это за существа на четырех ногах? Может быть, жители другой планеты? Еще не разговаривают. Издают только какие-то дикие звуки.

Большая лохматая собака залаяла, и Рилка совсем проснулась. Она увидела перед собой пастушонка Димчо, а вокруг него кооперативных овец.

— О, я. . . — стыдливо протерла глаза Рилка.

— Почему ты здесь и одна? — спросил ее Димчо, опершись на палку и разглядывая ее.

— Другие окончили молотьбу без меня и передали зерно, а я заснула, и меня не нашли. . . Где их теперь искать? . . . — она оглядела грохочущую молотилку, искала взглядом кого-нибудь из своих товарищей, никого не увидела и снова повернулась к Димчо. — Где дорога на опытное поле?

— Пошли, а тебя провожу. . . Сделаем с овцами круг, хотя нам и не по пути! — Он слегка шлепнул ее, как будто она была одной из его овечек, и она пошла, расстроенная чуть не до слез.

«Так работала, из сил выбивалась, а когда зерно передавать, меня не было».

Они отошли от села. Впереди над дорогой стало подниматься облако пыли. Она взгляделась и увидела, что это не кони, а ребята несутся ей навстречу. Еще немного, и она узнала: это были Видул и Колето. Они подбежали, запыхавшись. Колето не мог перевести дух и даже по инерции проскочил мимо нее. Видул остановился перед ней с незаряженным ружьем и строго сказал:

— Где ты пропадаешь? Мы пошли тебя искать! Весь лагерь подняла на ноги. Как бы ее не разорвали деревенские псы, или же. . . Иди вперед, а то Дилко убьет нас за тебя!

Димчо отошел, вытащил свирель и заиграл своим овцам. Рилка благодарно помахала ему рукой и весело зашагала между своими двумя стражами. Еще не успели они приблизиться к пионерскому полю, как она увидела: что-то изменилось. На нижнем крае, где уже было сжато, тарахтел трактор.

— Что здесь происходит?

— Трактором стерню взлущиваем! У нас это называ-

ют: рыхление почвы. Вторая заповедь крестьянина: как только сжал, взлущи стерню. . . — ответил ей важно Видул. — Эта ошетилившаяся срезанная солома — хорошее удобрение, если вовремя зарыть ее. В земле все само созреет. . . Понимайш?

Видул узнал от Колето, что Рилка даже здесь, в лагере, не прервала свое изучение русского языка, поэтому и подкинул ей это слово и подмигнул. Рилке стало так приятно! Она пошла навстречу приближавшемуся трактору и увидела, что за рулем сидит Владин. Он был серьезен, сосредоточен, и, если бы не его детский рост, всякий бы сказал, что это опытный тракторист. Трактор прошел мимо, и после него поднялась пыль от алчных плугов, переворачивающих землю вниз соломенной щетиной. Когда Владин сделал второй круг, Видул махнул ему, и тот остановил трактор.

— Пожалуйста, покатай Рилку, она так на тебя смотрит, что мне тоскливо становится! — сказал Видул и уселся вместе с Рилкой на трактор.

— Настоящий тракторист! — прошептала Рилка и потом спросила по-приятельски Видула: — А ты кем хочешь стать?

— Я? — он поглядел вниз на равнину, где свистел поезд. — Я хочу ездить через поля и горы.

— Значит, железнодорожником?

Видул мотнул своей большой головой.

— Прежде чем стать железнодорожником, нужно поймать того, кто ночью хотел нас уничтожить этой железякой! — бросил Владин через плечо, и его острый профиль блеснул на солнце. — Того, кто вчера ночью вырвал с корнем побег нашего нового сорта!

Видул от неожиданности раскрыл рот, потом невольно стиснул ружье и огляделся. Кто же был этот неуловимый червяк, выползающий по ночам? Где угнездился он теперь и грызет корни их радости?

Поглощенные своей ненавистью, двое мальчиков не замечали Рилки. И вдруг услышали, как она тихонько пискнула, точно испуганный птенец.

— Я его видела!

Оба мальчика резко обернулись, и их сверкающие глаза впились в ее глаза.

— Говори! Где? Кто это был? — закричали два голоса одновременно, и две пары рук стали теревить ее с двух сторон.

Рилка растерялась.

— Я. . . его видела, но не знаю. . .

— Как так — не знаешь? — огрызнулся Владин. — Кого же ты тогда видела?

— Человека. . . у нашей телеги. . . Он вертелся там, а как я его окликнула, убежал!

— Это он! Он засунул кусок железа, чтобы убить Катку! — вскричал Владин, весь дрожа, и остановил трактор.

— Ты его в лицо не видела? Какой он?

— Но откуда мне знать, было темно!

— Эх, до чего ты глупа! Мы его столько ищем, а ты теперь его прозвала!

Рилка надулась.

— Откуда мне знать! Никто не давал мне такого задания.

— Вот так-так! Хочешь, чтобы тебе на блюдечке подносили задание! Надо ж быть такой безголовой, чтобы не догадаться, что человек, который шныряет около снопов, задумал недоброе!

— Я потом догадалась, когда Катка закричала. . .

— Потом догадалась, когда негодяй улизнул! Не заметила хотя бы, высокий он или низкий!

— Вроде бы высокий... а-а-а, нет, низкий, но в темноте показался мне высоким.

— Ох, — простонали оба мальчика и в отчаянии переглянулись. Потом, посмотрев на нее, Видул шепнул Владику.

— Ничего у нее нельзя понять, но больше ты к ней не цепляйся, а то заревет!

Рилка услышала и, чтобы вдохнуть и в себя, и в них надежду, сказала:

— Я в следующий раз буду носить с собой карманный фонарик!

— Ха, он только того и будет ждать, чтобы ты его осветила! — не сдержался Владин. — Захвати с собой уж и фотоаппарат! — и тоненьким голосом пропи-

шал: «Эй, дядя, постой немножко, я тебя щелкну, мне нужна твоя бандитская морда для милиции».

— Он проглотит тебя вместе с твоим аппаратом, как пшеничное зерно с кожурой, — вскричал возмущенно Видул и соскочил с трактора.

Глава 8

ЗАПISКА

Вернувшись в палатку, Рилка полезла в кофточку, чтобы вынуть носовой платок, и почувствовала, что в кармане что-то зашуршало. Она вытащила клочок бумаги и удивилась. На аккуратно сложенном листке печатными буквами было написано.

«Рилке. . .

. . . Рилка. . . я. . .»

И без подписи. Кто бы мог написать ей эту записку? И зачем? Кто хотел ей сказать: «Рилка. . . я. . .» Что значит это обращение, а потом ничего, только многоточие? Рилка прижала к груди записку и стояла, удивленная. Что означает это многоточие? Кто бы мог написать ей эту записку?

Она перечла ее несколько раз, пытаясь открыть, кто бы мог быть ее автором. Вошла Боянка, и хотя до того Рилка собиралась спросить у нее, она сразу сунула листок в рукав, но девочка увидела.

— Что читаешь? Письмо из дома?

— Письмо! — сказала Рилка и больше не отвечала на вопросы Боянки.

Этот листок действительно был для нее письмом. И она сама не знала, почему она решила, что его написал мальчик. Многоточие намекало на какую-то тайну. Если бы это была девочка, то она написала бы все, ничего не стыдясь. Да и не стала бы писать письма. Это мальчик, поэтому и скрывается! И что он хотел этим сказать: «Рилка. . . я. . .»

— Ох, кто же это?

Она снова вынула письмецо, как только Боянка вышла, и стала его разглядывать. Это не был почерк ее товарищей из города. Это писал кто-то из сельских ребят. Может быть, хотели ее обидеть? Что она им сделала? Она перебрала в уме каждый свой шаг, каждое свое слово и нашла, что ничего плохого не сделала. Кроме того, что ночью заснула. . .

Она усомнилась в Видуле, который ночью тоже спал в соломе. И решила проверить его почерк. Когда он покинул пост, она быстро дала ему свою записную книжку и карандаш и сказала:

— Еще немного, и мы расстанемся. Напиши мне свой адрес! Я хочу с тобой переписываться. Ведь мы стали друзьями! Но пиши печатными буквами, так яснее!

Рилка действительно собиралась писать всем своим новым друзьям. Видул рассмеялся, заглянул в ее ожидающие голубые глаза и взял карандаш. Он положил записную книжку себе на колено и, так как Рилка на него смотрела, то написал, смущаясь: «Видул Цветков, ученик седьмого класса, с. Ломтево».

— Но с осени буду в восьмом! — сказал он и зачеркнул «ученик седьмого класса».

Видул ничего не заподозрил и выскочил из палатки, охваченный дружеским чувством. Но Рилка осталась и стала разбирать его почерк. Буквы Видула наклонялись влево, как пишут и девочки, а письмо к ней было написано небрежным, с наклоном вправо почерком.

— Может, это Дилко?

И сразу решила, что это он. Дилко был ей ближе всех, он чаще других защищал ее от насмешек сельских ребят. Он был настоящий товарищ-пионер и отличный руководитель. Но ведь он мог прийти и сказать ей прямо, в чем дело! Зачем было писать ей это письмо? Какая была у него цель? Здесь крылось что-то недостойное, обидное и для того, кто написал эту записку и засунул ее ей в карман, и для нее. Это насмешка, розыгрыш. И Рилка перестала заниматься поисками автора. Тоска сдавила ей горло. Она шла с такой радостью по ниве, работала, сколько было сил, и все уже признали ее труд, а теперь вдруг эта оскорбительная запис-

ка. Она расшифровывала многоточие так: «Рилка, знаешь, кто ты? . . . Городская кукла, тепличное растение, жаворонок, куропатка». И какие только прозвища не подставляла она теперь вместо многоточия. Каждая точка вырастала в слово. Это были слова, которые она уже слышала от Владины. Но ведь с Владином они стали друзьями, и он уже не задевал ее! Это какой-нибудь другой сельский мальчик. Может быть, пастушонок Димчо, который нашел ее спящей! Наверно, он сунул записку в кофточку, пока она спала. «Буржуйка!» — сказал он и хоп! Сколько раз Павлин объяснял сельским ребятам, что Рилка не буржуйский ребенок, что ее мать и отец — люди из народа, несмотря на то, что живут в Софии, в хорошей квартире. Эта записка говорила ей уже только одно: что она буржуйский ребенок, далекий от других детей, словно чужой цветок, который нужно вырвать с корнем, как сорняк, и выбросить, чтобы он не вредил пшенице. Маленькие крестьяне хотели, может быть, сказать, что она — зернышко куколя или другого сорняка. Она узнала здесь о многих вещах, знала уже и бодяк, и репей, и все другие сорняки. И все больше она убеждалась в том, что это «Рилка» значит: «Рилка, ты ничтожество, волчья ягода, зернышко куколя или другого сорняка! . . .»

Она не выдержала и заплакала. Снаружи смеялись, радостно галдели, только она не выходила из палатки. Она сидела, глядела на письмоце и плакала. Когда ее подруги заглядывали к ней, девочка сразу поворачивалась спиной и начинала копаться в своем багаже, чтобы не выдать себя.

— Рилка, иди, тебя играть зовут! — подбегали к ней то Катка, то Боянка.

— Играйте без меня! — только шептала она. — Я напишу письмо маме и приду!

Но наконец, пришла учительница Чернева, Она вошла тихо, почти незаметно и застала Рилку всхлипывающей над запиской. . .

— Ты что делаешь? — склонилась она над ней.

Рилка быстро сунула записку в карман и сжалась.

— Ничего.

— А что это за слезы? Ты почему плачешь?

— Тяжело мне!

Учительница села рядом с ней и взглянула в ее загорелое лицо, по которому еще текли слезы.

— Расскажи мне, что случилось. Кто-нибудь из наших мальчиков обидел тебя?

Рилка всхлипнула и уткнулась в ее колени. Учительница погладила ее по русой головке.

— Не будь ребенком! Ты ведь большая! Уже скоро комсомолкой станешь! . . Разве можно плакать?

Записка торчала из кармана и словно хотела вылезти.

— А что это за записка?

Рилка схватилась за карман, засунула записку глубже.

— Дай, я погляжу, что за записка. Ведь пионеры должны всем делиться со своими руководителями.

Рилка слегка отодвинула руку, и учительница сама взяла записку.

— Они так обидели меня! — Рилка закрыла лицо руками и затряслась от рыданий. — Я ничего не. . . а они. . .

Всхлипывая, Рилка рассказала, как она получила записку, и еще сильнее заплакала:

— Я хочу уехать! Пожалуйста, помогите мне уехать! Поскорее уехать домой к маме! Не могу я вынести, как меня здесь обижают. . .

Учительница глядела на нее и улыбалась. . .

— погоди, не торопись! Почему ты хочешь уехать?

— Но ведь. . . что хотят сказать этим многоточием, что я какой-нибудь куколь!

— Как так куколь?

— Ну тогда репейник!

— Но кто. . . почему же репейник? Ах, милая! — погладила ее, все так же улыбаясь, учительница. — Но ведь здесь нигде нет ничего подобного.

— А это многоточие что означает?

— Да, это действительно кое-что означает. . . — легко вздохнула учительница, уйдя в себя, перенесясь в какие-то далекие воспоминания.

— Многоточие означает, что я не чистое зерно, а примесь, чужая, которой нужно как можно скорее убраться восвояси! — плакала навзрыд Рилка, а учитель-

ница ласково гладила ее и все так же улыбалась воспоминаниям своего детства.

— Ничего подобного, Рилка. Ты уже не маленькая, и я тебе скажу, что означает это многоточие. Сядь только, приведи себя в порядок и слушай.

Рилка перестала плакать, подняла голову, вытерла слезы, и улыбка учительницы словно осушила ее горе.

— Я выросла в селе, Рилка, и была хорошей ученицей. С мальчиками не играла много. Но однажды на площади мне передали записку, точно такую же записку.

Учительница взглянула на Рилку, та пристально смотрела на нее.

— И что было в ней написано? Ничего, кроме моего имени. Я так же расплакалась, мне было тяжело, я не знала, кто и зачем написал мне эту записку. Потом я выросла и поняла. Мне послал ее один мальчик. Он не хотел сделать мне ничего плохого, не хотел обидеть меня. Наоборот, ему хотелось сказать мне что-нибудь хорошее, но он не смел, ему не хватило храбрости. Таковы мальчики в этом возрасте. Понимаешь?

Рилка слушала ее, удивленно поднимая голову.

— Это написал кто-нибудь из наших сельских мальчиков. Они озорные, непослушные. Но ты не обижайся. Кто сделал это, сделал с самыми лучшими чувствами. Успокойся, Рилка, если поразмыслишь, ты поймешь, что эта записка продиктована чистым сердцем, которое тебя любит.

Рилка с облегчением перевела дух. Перед нею возник образ Тодорова. Он был, наверно, тем непослушным мальчиком, который написал учительнице первую записку.

— Многоточие, как тебе его объяснить. . . Во всяком случае совсем не куколь и не сорняк! Выбрось это из головы. А нечто очень, очень хорошее! Ты ведь читала романы, советские и болгарские, знаешь о дружбе между мальчиками и девочками! Она начинается вот с таких неоконченных записок. Многоточие, Рилка, это счет молчаливых ударов сердца, бусы из золотых бусинок, которые, собранные вместе, дают самое прекрасное слово на свете — любовь! . . И тебе незачем плакать. . .

Рилка слушала ее в упоении, словно она рассказы-

вала ей сказку о золотой девочке, чье сердце стараются завоевать юнаки.

— Радуйся, что тебе написали такую записку! Это значит, что ты умная, красивая, воспитанная, что ты отличная девочка, которая заслуживает, чтобы ей написали первое письмо. . .

Рилка невольно прижалась к учительнице. Когда учительница приласкала ее и вышла, она достала смятую записку и вместо того, чтобы порвать, погладила ее нежно ладонью, словно лаская чью-то дорогую руку. Потом она вложила ее осторожно в записную книжку. Но неожиданно вынула. «В записной книжке ее может увидеть Боянка! Лучше в рюкзак!» Но как можно класть такую записку в рюкзак! Она запачкается! Кроме того. . . Рилка посмотрела себе за пазуху, и хотя ее никто этому не учил и она никогда не видела, что так делают взрослые девушки, быстро сунула записку ближе к сердцу.

Она вышла и стала играть. Но на уме у нее все время было письмо. Кто его написал? Не Дилко ли? Она уже связывала записку с самым хорошим, самым воспитанным из сельских мальчиков. Это мог быть только Дилко. Она поискала его глазами, он взглянул на нее, но не вздрогнул, только засмеялся. Вечером она снова рано ушла в палатку. И допоздна не могла заснуть. Все думала — Дилко это или кто-нибудь другой? Может быть, маленький Гечо? Или же долговязый Гьошко! Она мысленно перебирала всех мальчиков и всех их отбрасывала. Мальчик, который написал ей первое письмо, должен быть выше нее, а не ниже, как Гечо. Он такой высокий, как Дилко, но черноглазый, а Дилко русский. Какая-то рука отметала и Дилко. Появлялся черноглазый Владин, но он же такой грубый, задиристый, невнимательный. . . Мальчик, который написал ей первое письмо, милый, нежный, голос его, как музыка, которая завладевает сердцем и вызывает слезы. У него прекрасное лицо, такие глубокие глаза, он смелый, герой. . . Он самый лучший мальчик на свете.

Она видела его во сне: то он играет на скрипке, а она поет, то они летят вдвоем на коне, преследуя врагов, и он выходит победителем везде и во всем. И рядом с ним всегда она. . .

Глава 9

КТО НАПИСАЛ ЗАПИСКУ?

Рилка успокоилась, но Чернева не забыла о записке. Нужно было найти и сделать выговор ее автору, чтобы он не подавал дурного примера другим мальчикам. И поэтому учительница созвала совет пионерской дружины Ломтева и прямо спросила:

— Кто из вас позволил себе написать некую записку одной девочке? Пожалуйста, кто написал, пусть признается. Вы же знаете, что пионерская организация учит честности!

Все члены совета дружины удивленно переглядывались. Никто из них не показывал вида, что знает о какой-то записке. Дилко долго стоял с широко раскрытыми глазами, не мигая. Учительница искала на лицах мальчиков смущение, но никто не вздрогнул, ни Гечо-Ятака, ни Гьошко-физкультурник, который даже улыбался. Взгляды всех были чисты.

— Самое недостойное здесь то, что записка адресована одной из городских девочек, а городские ребята — наши гости, и они уедут очень обиженные, если не найдется автор записки. . .

Подозрение, которое пало на ребят, огорчало их до боли. Они виновато молчали, спрашивая друг друга глазами: «Не ты ли?»

— Дайте нам посмотреть эту записку, — сказал, наконец, Дилко.

— Нет, нельзя, ребята! Разнесется молва, и будет еще хуже.

— Но ведь мы сохраним тайну, только покажите нам записку, мы сразу узнаем по почерку! — упорствовал Дилко.

— Нет, нельзя! Никто не должен узнать имени вашей подруги! Кроме того, записка написана печатными буквами. Ничего вы по ней не узнаете! . . Скажите, мне, кто ее написал! Может быть, вы догадались? . . Кто-нибудь хотел пошутить! Пускай скажет.

— Как? — обиженно нахмурил брови Дилко. — Вы

сомневаетесь в ком-нибудь из нас, членов совета дружины?

— Я уверена, что это написал кто-то из наших мальчиков, а может быть, кто-то из вас. Вы, члены совета дружины, больше других сблизилась с городскими пионерами, а некоторые завязали даже дружбу. Поэтому возможно, что кто-нибудь из вас решил или пошутить, или же выразить свои чувства. . . — она поглядывала украдкой на Дилко, и ей показалось, что он избегает ее взгляда и краснеет.

— Какие шутки, какие чувства? — шептал он сидевшим рядом товарищам и сам искал среди них того, кто осмелился сделать это. — И что это за воспитанная, чувствительная девочка, которая сразу пожаловалась?

Пионеры догадались, кто эта девочка, но никто не говорил, потому что с ней больше всех дружил Дилко, так что в конце концов они даже стали неразлучны. Взгляды всех ребят мало-помалу обращались к Дилко.

— Скажите хотя бы имя девочки, легче будет догадаться! — настаивал он.

Все глядели на учительницу и уже шептали: «Рилка это, Рилка!» Только Дилко продолжал распыленно настаивать и этим усиливал павшее на него подозрение.

— Неужели ты не догадываешься, Дилко? Это Рилка! — сказала ему, наконец, Катка.

— Правда? — выкрикнул он с болью.

— Ладно, ладно, нечего притворяться. . . — поддела его Катка. — Признавайся!

— Да вы что, ребята, неужели вы думаете, что я. . .

— Ну, а что же. . . Ты больше всех с ней бываешь. Любому придет в голову, что это письмецо ты и написал.

— Да вы что, в самом деле, ребята! — отбивался Дилко. — Что вы болтаете? Как вы можете так думать? Что же это такое, товарищ Чернева? !

Учительница наблюдала за ним и все более убеждалась, что это он. И когда мальчик обратился к ней за защитой, она засмеялась и сказала:

— Ну что же тут такого, Дилко. . . Признайся, если это ты, ничего в этом нет страшного.

— И вы тоже. . . Ну, как можно. Это не я, — огорчился он. — Хотите, чтобы я покаялся? . .

— Да зачем? Мы тебе верим!

— Честное пионерское слово, ребята! Если бы это был я. . . — он чуть не заплакал, — я бы сам сказал: «Ребята, я виноват!» И пошел бы, извинился перед ней, но это не я.

Он ожидал, что теперь-то учительница его поддержит. Действительно, Дилко подавал всегда хороший пример самокритики. Но сегодняшний случай был особенный.

— Ну, ну, не стесняйся! Признайся, ведь вы все время вместе ходили, — ободряла его Катка.

— Да, я не скрываю. . . я, ребята. . . Мы подружись, сблизилась. . .

— Вот он и признался! — вскричала обрадованно Катка.

— Ничего я не признался. Как я признаюсь, что написал записку и оскорбил девочку, которая ничего плохого мне не сделала!

— Записка не оскорбительная. Дилко, погляди мне в глаза! — сказала ему учительница.

Он поднял смело голову, слезы капали из его глаз, но он глядел на учительницу смело, прямо, открыто, не мигая.

— Но кто же это может быть тогда?

— Я никому не могу бросить такое обвинение! Но только это не я! Исключите меня, если это я, из пионеров и из школы.

— Ладно, выйди на минутку! — сказала учительница. — Мы посовещаемся без тебя.

Слова Дилко смутили всех: ведь он действительно никогда не лгал.

Мальчик вышел, как побитый. Все вокруг него двигалось, словно в какой-то непроглядной мгле. Потрясенный, он стоял перед палаткой и ждал приговора. Эти несколько минут показались ему самыми тяжелыми и самыми долгими часами в его жизни. Его позвали и сказали ему, что он должен помочь поскорее выяснить, кто написал записку. Подозрение с него было снято, но

ему казалось, что втайне его еще продолжают подозревать. Среди ребят уже носился шепот:

— Дилко написал письмо Рилке! Знаете? И их поймали! Теперь их обоих исключат.

— Вот бы Павлето нарисовать их карикатуры в газете, чтобы другим пример был!

— Хи-хи, — девочки прятались друг за друга и отворачивались.

Это глубоко задевало Дилко. Он бежал от взглядов ребят, прятался, не смел встретиться и взглянуть на Рилку. Наконец, он не выдержал и ушел под предлогом, что отец позвал его домой по срочному делу.

— И это доказывает, что писал он! — упорствовала перед учительницей в своих сомнениях Катка. — Если бы он был чист, то не убежал бы.

А после ужина Катка уселась с Рилкой у грядки петунии и начала рассказывать ей, как они посеяли семена, как рассаживали цветы и поливали их каждый день после школы.

— Да ты... не слушаешь? — Катка заставила ее прийти в себя.

Рилка вздрогнула, но продолжала комкать конец своего пестрого шелкового шарфа.

— Ты смотришь на меня, а думаешь о другом! — Катка вытянула шарф из ее рук. — О чем ты думаешь? Скажи мне, почему ты такая грустная?

Рилка вздохнула.

— О письме, да? — покачала головой Катка, и ее глаза испытующе прищурились. — Я все знаю. Не таись от меня!

Рилка смущенно взглянула на нее.

— Мы рассматривали этот вопрос на совете дружины.

— Да зачем вы этим занимаетесь? — насупилась Рилка.

— И мы сомневаемся в Дилко.

— Не может быть! Дилко сам бы мне сказал, что хотел!

— Это Дилко! Он и на моей тетрадке подписался на память. Я тебе ее покажу.

На другой день она принесла свою прошлогодию

тетрадку и, показав подпись Дилко в уголке обложки, с особенным удовлетворением сказала:

— Теперь поверила, что это он? Вот и все! Пойдем поиграем, а он перед тобой извинится!

Глава 10

СНОВА В ЛАГЕРЕ

Как быстро бежали дни! Грузовик, перевозивший зерно в кооператив, нетерпеливо сигнализировал. Маленькие гости еще с утра прощались с хозяевами и все не могли расстаться. Наконец, все были в грузовике. Рилка уже взобралась в кузов, но вдруг что-то вспомнила и закричала, чтобы подождали. Она спрыгнула на землю, развязала свой шелковый шарф и, сняв с головы Катки разорванную косынку, накинула шарф ей на косы и сказала:

— На память! Я знаю, он тебе нравится!

Катка хотела его вернуть Рилке, но та не позволила.

— Ухаживай за петунией! — и она вернулась снова к грузовику, где несколько рук сразу втянули ее, как на лифте, наверх, в кузов.

— До свидания, ребята! — махала Рилка рукой, покачиваясь от движения машины. — Ждем вас в лагере.

В лагере она часто думала о прекрасных сельских ребятах: о Дилко — будущем председателе кооперативного хозяйства, он уже и теперь разбирается в посевных и жатвенных планах, уже теперь руководит маленьким хозяйством. Он умный, сообразительный, настойчивый. И сколько еще других качеств! А Владин? Это действительно будущий комбайнер. Водит самостоятельно трактор, лущит стерню, заботится о тракторе, как о любимом друге. Или Гечо-Ятака, чем он не будущий парашютист? Как смело спрыгивает он с верхушки дерева вниз на землю!.. Даже этот Видул, который слышит лентяем, ведь он настоящий разведчик! Как горят его глаза, когда он держит свою незаряженную винтов-

ку. А разве можно забыть Катку, которая жнет, как машина! Ведь эта девочка хоть теперь может быть звеньевой!. . Кто сделал из этих мальчиков и девочек будущих трактористов, комбайнеров, агрономов, звеньевых?. . А почему она была только образцовой ученицей?. . Кем она станет?. . Знает ли она? Для нее все профессии кажутся хорошими. Ей все равно, кем быть. А это значит — никем!. . Она поет, но никогда не думала, что может стать певицей. Она играет на рояле, но не верит, что когда-нибудь будет давать концерты, как хочется ее маме. Она хорошо рисует, как говорят все в школе, но едва ли станет художницей.

Ее мама когда-то, перед тем, как выйти замуж за папу, тоже рисовала, но теперь она только домашняя хозяйка. Рилка пишет хорошие сочинения, но ей никогда и в голову не приходила мысль стать писательницей. Она могла бы добиться всего, как говорит ее мама, но кем точно она станет, она не знала. . . И вдруг, когда она сидела перед палаткой, думая о сельских пионерах, она вскочила, испугавшись что может остаться девочкой, которая будет знать всего понемногу, но ни в чем не отличаться. . . Рилка даже расплакалась!

Она видела, как ее товарищи счастливы, как они гоняются друг за другом по полянке, играют, и в играх всякий проявляет свои склонности, и огорчение ее прошло.

Вот и Кольо, которого все считали ленивым, был таким ловким в селе. Ей стало ясно, кто помогает ребятам быть такими или эдакими. Организация, пионерская организация! Она сердилась сама на себя, что до сих пор, хотя и была хорошей ученицей, держалась немного в стороне от организации.

Рилка села на постель, положила рюкзак себе на колени и начала писать письмо матери.

«Милая мамочка, прости меня, что я не послала тебе телеграмму, но я ходила в поход на жатву. Знаешь, как было чудесно? Только теперь я поняла, откуда берется белый хлеб!

Я видела комбайны, но нам не позволили взобраться на них, потому что нас могло измолотить! Это большая машина, мамочка, жнет по 280 декаров за день. А ночью, когда хорошая погода, он сияет и плывет, как

пароход, по пшеничному полю. Ах, мамочка, ты ничего не знаешь. Там, в Ссфии, вы с папой живете страшно скучно! Ведь я сама жала и порезалась, но пока Стефга подошла со свей сумкой, меня уже перевязали целебной травой. Очень она целебная, мама, я набрала себе, чтсбы нам хватило на целый год. Говорят, что она излечивает все. И твсой желчный пузырь, и папину бессснницу, и все. Незачем будет ходить больше по врачам. Лучше всего будет, если вы приедете в село, увидите, что такое кооперативнсе хозяйство, как работают и живут люди, дружно, словно братья. Мы ели печеные кулены (здесь кукурузные початки называют куленами, а уток — пловками), спали на соломе».

Рилка рассмеялась и написала, что она проспала всю ночь и только утром ее разбудил Димчо-пастушонок. Потом, приученная все говорить своей маме, она решила написать и о пожаре, который она обнаружила, и о куске железа, которым хотели убить Катку, и еще о многих вещах. . . Наконец, она закончила:

«Завтра, мамуленька, у нас партизанский поход в горы. Я тебе привезу эдельвейсы на память. И знаешь, я задумала еще ксе-что, но это государственная тайна, а в пионерской организации наказывают за разглашение тайны.

Мы ищем одного скрытого врага, который делает много гадостей. . .»

Рилка вдруг прикусила губу. Что это она сочинила? Как можно послать матери таксе письмо? Ведь ее желчный пузырь лопнет, когда она его прочтет! Ее мама ездила на лечение в Хисар и теперь дома все еще пьет целебную воду. Нет, нельзя рисковать жизнью своей матери. Да и папе может сразу стать плохо. И в пионерской организации, если узнают, будут ее ругать!

Она зачеркнула строку о скрытом враге и подписалась. Потом перечитала письмо и нашла, что слово «мамуленька» слишком слюняво. Все сельские, да и городские пионеры называют матерей «мама».

Едва она успела вложить письмо в конверт и надписать адрес, снаружи послышались голоса:

— О-о, Дилко, Владин, Гечо, Гьошко!. . Привет.

— Виду-у-ул! — раздался громкий голос Колето.

Рилка выскочила из палатки. Ребята здоровались и смеялись. Взглянув на нее, Владин, неизвестно почему, отвернулся и пошел к лесу. Она сделала несколько неуверенных шагов, Дилко заметил ее и пошел к ней, как будто ничего не случилось. Он приветливо взял ее за руку и, весь сияя, заговорил:

— Пришли, как видишь, договориться насчет похода!

— Это тебе. . . за хорошую жатву и исполнение пионерского долга! Посылает тебе Катка, в честь дружбы! — Гечо вытащил из своей торбочки теплую свежую лепешку, и Рилка растроганно взяла ее.

— Но как. . . почему. . . я ничем не заслужила. . .

— Заслужила. Если мы так считаем, значит, заслужила. . . — вмешался Видул.

— Мне это так приятно. . . Не знаю, как вас отблагодарить. . . У меня одна просьба: когда приедете в Софию, приходите к нам домой. Мама будет очень рада. . .

— Может быть. Мы задумали одну экскурсию в Софию! — сказал Дилко.

— И вы увидите, как чудесно мы проведем время. Я буду водить вас туда, куда захотите! — Рилка кинулась с лепешкой в палатку, отломилла каждому по куску, сама откусила от нее и замерла. Такой вкусной лепешки она еще никогда не ела. Она торопливо распечатала письмо маме и приписала несколько слов о лепешке из пшеницы, которую сама жала, сунула письмо в новый конверт и выбежала наружу.

— Ребята, не хотите проводить меня до станции, отправим это письмо?

Мальчики пошли группой, потом один за другим отстали, их отвлекли лесные птицы. По тропинке к большой белой станции шли только Рилка и Дилко.

— Я написала маме, что очень счастлива, — взглянула на него Рилка. И ждала, что он сразу же извинится перед ней. Но Дилко бегал по нескошенному лугу, ловил для нее бабочек и рвал цветы.

Недалеко от станции они уселись на холмик среди травы. Дилко начал обрывать лепестки ромашки, приговаривая: «Да, нет, да, нет. . .»

«Значит, это он!» — взглянула на него Рилка подозрительно.

— Чем ты занимаешься? — спросила она. — Так делают только взрослые парни и девушки!

— Гм. . . — ухмыльнулся Дилко. — Пионерская организация получила сообщение, что мы должны выделить одного человека для поездки в Москву. Есть предложение: меня или Влада, вот я и хочу узнать, кто из нас поедет.

Рилка радостно встрепенулась. И для нее это было бы редким счастьем — увидеть Москву! Она думала, что одинаково любит и Влада, и Гечо, и всех сельских ребят, но в это мгновение сама не понимала, как это вышло, что она выдала, как Дилко ей дорог!

— Наверняка поедешь ты. . . Если организация выбрала тебя председателем, значит, ты больше заслуживаешь! . . . Ах, повезло тебе, Дилко, от всего сердца тебе завидую!

Дилко засмеялся, показав мелкие, как зерна кукурузы, зубы, поднял голову и взглянул на нее. Ее лицо сияло, как будто в Москву едет она сама. Сейчас Рилка страстно мечтала об этом сказочном путешествии. Все, что она пережила до сих пор в селе и что казалось ей прекрасным, сразу померкло. Она вся горела желанием увидеть Советский Союз и пожить вместе с советскими пионерами. И она решила, что заслуживает это счастье, даже удивилась, что оно чуть не прошло мимо нее. Дома ей всегда угождали во всем. Она никогда не испытывала разочарований, всегда получала то, что хотела. И как любой ребенок, на которого дома обращают слишком много внимания, вокруг которого вертятся все, она вбила себе в голову, что непременно должна псехать. Все добрые чувства и намерения, которые были внушены ей коллективной, естественной жизнью, наполненной трудом, отступили перед ее непреодолимым желанием. И хотя Рилка и чувствовала себя виноватой, она осторожно распечатала конверт и сбавила в свое письмо:

«Милая мамочка!

То, что говорили, будто группа учеников уезжает в Советский Союз, это правда. Едут и из Ломтева. Очень прошу тебя, попроси папу сделать все возможное, чтобы поехала и я. . . »

Глава 11

ЦВЕТЫ

Когда Рилка вошла в палатку, она увидела на своей постели большой букет ромашек. «Это от Дилко», — подумала она и схватила букет руками. «Ишь, какой он милый! Догадался, что я люблю ромашки, и принес их мне!»

— Боянка, Боянка! — позвала она свою подругу, рядом с которой спала.

Боянка играла с девочками в мяч и не услышала ее голоса среди общего крика. Но Рилка подбежала к ней с цветами, оттащила ее в сторону и спросила:

— Ты не видела, кто принес мне цветы?

— Нет. Я вообще ничего не видела! — сказала Боянка с безразличием, но заметив букет, воскликнула: — Ах, какие крупные ромашки! — И потом вдруг повернулась, снова стала в круг и принялась играть в мяч.

Рилка вернулась в палатку и склонилась над ромашками, касаясь их ладонью и говоря себе: «Это он! Но как, когда он это сделал?». Она была убеждена, что цветы принес Дилко, но ей хотелось, чтобы кто-нибудь другой подтвердил это. Дежурной в этот день была Стефка. Она отошла вниз к костру, разложенному между двух больших камней, и забавлялась там со щенком повара.

— Кто-нибудь входил в нашу палатку? .

— Нет! Гав-в-в. . . — дразнила Стефка щенка, который рычал, показывая свои острые зубы, и весело лаял, когда она его стискивала. Щенок поднимался на задние лапы, выпрямлялся, его белый животик надувался, розовым язычком он проворно облизывал ее руки. Рилка очень любила щенков. Ее тетя часто приводила к ним свсего Джеки. Ей тоже хотелось присесть на корточки рядом со щенком, поиграть с ним, потискать его, приласкать, как всегда, но теперь она была взволнована другим.

— Как нет, когда мне оставили на подушке целый букет! .

— Никого я не видела! Никто не смеет войти! А-у-у! — вскричала Стефка и отдернула руку. — Хочешь укусить меня, да? Как тебе не стыдно!

Она легонько шлепнула щенка, и он ласково взвизгнул.

— Как никто не смеет, когда вошел, какая же ты дежурная!

Стефка совсем увлеклась щенком. Она начала щекотать его, он повалился на землю, изгибаясь всем телом, пытаясь вырваться и укусить ее. Он рычал и угрожал глухим горловым ворчанием, которое время от времени переходило в гневный лай. Стефка не слышала, что говорила ей Рилка.

«Но почему тайком? — Рилка снова вернулась в палатку. — Так делают только взрослые! Что хотел он этим сказать?»

Рилка невольно принялась вспоминать все, что она видела за свою короткую жизнь, однообразную и бедную, как жизнь любого единственного в семье городского ребенка, который проводит большую часть дня дома, участвуя в игре на пианино и языкам, над которым мать и отец дрожат. Она могла перечислить все те случаи, когда в дом приносили цветы. В дни именин и больших праздников ее отец чаще всего покупал маме хризантемы, целовал ее и преподносил их ей. И другие люди приносили цветы: родные, знакомые, коллеги отца, когда приходили к ним на обед. Она сама еще маленькой подарила маме гиацинты в День 8 Марта. Рилка видела, как молодые люди даже зимой покупают подснежники или фиалки для своих девушек. Видела она и как сестра ее соученицы Стефки получила букет от одного своего знакомого, за которого собиралась выйти замуж. Она читала в романах, как молодые люди дарят цветы или что-нибудь другое, чтобы порадовать своих друзей. Она видела в фильмах подобные сцены, слушала разговоры. А здесь и своими глазами видела, как учитель подарил букетик лесной земляники учительнице Черневой. Она считала, что подарки — выражение не только уважения, но и того особенного чувства, которое делает людей лучше, милее, красивее.

Это чувство охватило теперь и Рилку. Она ощуща-

ла, что оно делает ее мягкой, нежной. Ей стало хорошо и грустно: неожиданно она заплакала, не зная почему. Обняла цветы, думая о том, кто подарил ей этот прекрасный букет, о том, кто следил, как она протягивала руку над этим морем ромашек, как будто учась плавать, о том, кто понял, что это самые любимые ее цветы и тайком принес их ей.

— И почему он не приходит теперь?.. Почему убежал?

Ей так хотелось увидеть его как раз сейчас, поглядеть на его умный лоб, на его робкие глаза, избегающие ее взгляда, на его руки, которые непрестанно то теребят красный галстук, то приглаживают вихор. Она поставила цветы в банку из-под варенья и вышла.

«Может быть, он еще здесь, но робеет», — она повертелась, ища его глазами среди высоких стройных сосен, все еще надеясь, что увидит его у источника или же на полянке с ромашками. Рилка пошла туда, но там колыхались только поредевшие ромашки. Вокруг никого не было. Она глядела на тропинку, которая вилась среди кустов, серая, как гадюка, и мысленно догоняла Дилко. Она хотела остановить его и сказать: «Погоди, почему ты убегаешь? Ведь это не стыдно, это так красиво... подарить цветы!» Хотела спросить его, почему он так сделал, как догадался, кто его научил. Но только сосны рядом покачивались и трещали. Дилко не было. Она огляделась. Что сорвать, что же ему подарить? Что он любит? Но у него как будто все есть! Здесь, в этом укромном месте, все ему так знакомо, все это — его владения, он этому радовался, а теперь все это ему, наверно, надоело. Нужно что-то новое, чего он не видел! Она не могла ничего придумать. Разговоры их всегда были короткими, деловыми. Он никогда не говорил о своих желаниях. «Какой скромный мальчик!» И может быть, это качество делало его еще приятнее.

«Любой другой на его месте, если бы хотел поехать в Москву, настоял бы на этом, а он отступил: ничего не хочет для себя, дает дорогу своим товарищам! Вот какой мальчик!» — вздохнула она и загляделась вниз на тропинку, где все еще надеялась увидеть его, когда он пойдет... Как поступить тогда? Что она ему подарит? Снова

цветы? Зачем повторять то, о чем он догадался! Нужно что-то другое, что-то большее, что-то необыкновенное! Скучной казалась ей цветущая поляна. Ничто не казалось ей достаточно привлекательным, чтобы поразить Дилко. . . Она ужасалась, что Дилко может появиться в любое мгновение, а она с пустыми руками. . .

Поглощенная мыслью, как ответить на его внимание, она вернулась в лагерь и, задумавшись, села в палатке. Боянка пришла и позвала ее:

— Пойдем ужинать!

Рилка отвернулась. Ей не хотелось ни есть, ни подниматься с места. Но она все-таки пошла, медленно поела и снова вернулась в палатку. После проверки ребята допоздна играли на улице, а она сидела и глядела сквозь дверь палатки на сверкающий серп месяца, на чистое балканское небо с расцветшими на нем крупными звездами; слушала голоса пионеров, и все то, что до вчерашнего дня целиком поглощало ее душу, казалось ей каким-то далеким, чужим. Что-то другое властно овладело ее мыслями и чувствами. Дилко! Что он сейчас делает? . . «Ах, какая я глупая! Мама права! Ведь завтра пойдем отсюда в поход. Будем вместе! Сможем поговорить, сколько захотим! Зачем сейчас ломать себе голову?» Но Дилко не выходил из ума. Она вспоминала все его поступки с самого начала; он постоянно выделялся среди других сельских пионеров своей распорядительностью, настойчивостью и упорством, умением быть занимательным и привлекать ребят к себе. Все его слушались и любили. Он был гордостью сельских пионеров. Да и знал он не меньше, чем она. Рилка удивлялась, как он сумел в селе узнать так много!

И она начала сравнивать его со своими школьными товарищами. Какими непривлекательными выглядели они! Дилко стоял намного выше их, хотя у них, как у всех столичных школьников, были гораздо лучшие условия. Они часто ходили в театр, оперу и видели многое, о чем Дилко только мечтал, и, когда ему рассказывали об этом, он слушал, затаив дыхание, и только повторял: «Рассказывай, рассказывай!».

Почему он сейчас не здесь, они уселись бы перед

палаткой, глядя на эту прекрасную луну, и она бы рассказывала ему, рассказывала. Она готова была до зари сидеть и отвечать на все его вопросы.

«Ах, какая я глупая! Ведь завтра он придет! Почему я не сплю?»

Но этот счастливый возраст таков, что ничто не может помешать сну. Сон приходит каждый вечер вовремя, несмотря на детские тревоги и беспокойные мысли, смежает усталые веки и начинает укачивать ребенка в свей золотой люльке. Рилка незаметно заснула крепким детским сном.

Глава 12

В ПОХОДЕ

Послышались громкие звуки.

«Этот! — вздрогнула Рилка. — Который подпалил поле и пихнул железяку в снопы, чтобы убить Катку!»
Играла труба.

— Вставай, опоздаешь! — дергала ее Боянка.

Рилка вскочила. Из палаток выбегали и суетились девочки и мальчики, стучали походные фляжки. Рилка быстро оделась и побежала к роднику умываться. В это утро она особенно долго мылась и гляделась в прозрачную воду.

— Иди, сельские ребята пришли! Их Дилко поведет! — Боянка перекинула через плечо туристскую сумку, и только тогда Рилка заторопилась.

Значит, он пришел и не смеет показаться? Она снова поглядела в маленькое карманное зеркальце и схватила рюкзак. Но вдруг увидела, что кармашки ее рюкзака чем-то наполнены. Кто у нее шарил? Как это он мог себе позволить? Однажды, когда они ходили на экскурсию, мальчики наложили камней, чтобы ей тяжелее было тащить рюкзак в гору. Сейчас она открыла кармашки и увидела кисловатые яблочки, которые она так любила.

«Это он. Пришел, когда я была у родника. Пробрался тайком и снова сбежал. Ах, этот мальчик — суший дьявол!»

Яблоки были еще покрыты рссой! Значит, он нарвал их сегодня утром с того дерева на опытном поле. Когда они с Боянкой проходили мимо, всегда рвали себе яблоки. Он заметил, что она их любит, и вот — полные карманы! Не хотел, чтобы она пила воду, решил: пускай ест лучше яблоки, если при подъеме ей пить захочется.

«Ох, какой замечательный мальчик!» — подумала она, надела рюкзак и вышла.

Все были уже построены, она подбежала, встала в конце шеренги. Не забыла она и свою палку.

Учительница Чернева, которая взяла на себя руководство всей группой, в своей туристской одежде казалась моложе, совсем пионеркой.

— Мы пойдем по следам славных партизан, которые отдали свою жизнь за нашу свободу и ваше счастливое детство, — сказала она им несколько слов перед отправлением.

Шеренга зашевелилась и потянулась по тропинке. Сельские ребята шли впереди. Рилка искала среди них Дилко, но он намного оторвался от группы. Она проворно пробиралась среди кустов, перегоняла некоторых ребят и кричала Дилко: «Э-э-й!», не упоминая его имени. Он узнал ее голос, ответил ей, но не останавливаясь, бежал вверх по склону, желая показать, что он самый выносливый. Рилка не могла догнать его. Она любовалась прекрасными видами, которые сменялись на каждом шагу; вслушивалась в плеск реки, которая журчала, оmyвая круглые камни и стволы деревьев, покрытые зеленым мхом; радовалась белочкам, сновавшим по деревьям, стройным букам. Наконец, благодаря тому, что передние решили подождать, Рилка догнала группу, стоящую на высокой, отвесной скале, поросшей сверху деревьями, выступающей и нависшей вперед. Основание ее осело и образовало маленькую пещеру. В этом углублении стоял Дилко и указывал на что-то рукой.

— Вот здесь, — начала рассказывать Чернева, опустив голову, как будто воздавая почести дорогому человеку, — под этой скалой, находились партизаны, ко-

гда вдруг услышали близкие выстрелы. Предатель выдал их. Они были окружены и, не спрашивая друг друга, как поступить, молча решили биться до последней капли крови.

Учительница волновалась, словно и она участвовала в том бою. Ребята слушали, посерьезнев, а Рилка почувствовала, что ее пронизывает ледяной озноб.

— Поймали ли предателя? — слышался голос Павлина.

— Он получил по заслугам, но они, они. . . Такие молодые. . . Бились до последнего вздоха. Остался только он, Бойко, с девушкой Розой. Патроны кончились. А они не хотели умирать от чужой пули. У них был только один пистолет и один патрон. Она сказала: «Убей меня, чтобы они не глумились надо мной!». А он: «Нет, не могу!». Они любили друг друга.

— И тогда? — раздался в тишине голос Рилки.

— Тогда Бойко решился. . . Сердце его разрывалось, но что было делать. . . Оставить свою подругу этим псам? Он выстрелил ей прямо в сердце, чтобы она не мучилась.

— Ах! — ужаснулась Рилка.

— После этого поднялся, поцеловал ее и пошел грудью на врагов: «Стреляйте теперь, убийцы! Смотрите как умирают коммунисты!». И запел: «Земля Ботева и Левского. . .» Сам предатель все видел и привел нас потом сюда, под эту скалу, где мы их нашли, засыпанных листвой. Бойко мы узнали по красной куртке. Я помню, он любил ходить в ней. И в горы ушел в ней. . . — Учительница старалась скрыть, подавить все горе. — Видите, здесь еще заметны темные пятна: перед тем как умереть, Бойко дрожащий рукой написал своей кровью: «СССР».

Учительница вдруг смолкла. Лес шумел, как будто пел песню погибшим.

— А кто такой этот Бойко? — спросила Рилка.

— Как, разве вы не знаете? Как можно столько времени быть здесь, в горах, и не знать его? Бойко — это партизанская кличка брата Владины!

Рилка мигом обернулась и увидела Владины, прижавшегося в стороне к скалам. Заметив, что взгляды

всех обратились к нему, он повернулся и медленно отошел. Рилка почувствовала, как что-то сильное избавило ее от сознания своей слабости, беззащитности. Вся ее любовь, вспыхнувшая этим летом к Дилко, устремилась теперь к Владиному, из-за его брата ее сердце открылось ему. Она вдруг захотела его найти. Он привлекал ее всем тем, что пережил. Он казался ей другим, изменившимся, озаренным славой своего брата. Владин был маленький, но всего его озарял героизм брата. Он был такой же, как брат, смелый, непоколебимый в борьбе. Но его противником была земля, он побеждал ее, и в сражениях с ней вырастал герой.

Рилка снова пошла вперед и неожиданно увидела рядом с собой Дилко.

— Здорово же ты нагрузилась, — взглянул он на нее и улыбнулся, — как будто мы здесь вековать будем.

— Мама сказала мне, если я пойду в поход, чтобы взяла с собой одежду переодеться, иначе можно простудиться.

— Так ты никогда не закалишься. Видишь, мы идем, потеем, но пот ведь скоро высыхает.

— Вы мужчины. Мужчины от рождения закаленные.

Дилко засмеялся, глядя, как она накидывает рюкзак на свои хрупкие плечи.

— Дай я тебе немного помогу.

— Ну, нет. Я сама. Нужно закаляться!

— Еще далеко до перевала...

— Правда?

— Да мы и половины не прошли. Успеешь закалиться. Давай!

Рилка с удовольствием стащила рюкзак, и Дилко надел его на себя.

«Значит, это он!» — сказала она себе и, побежав вприпрыжку перед ним, стала думать, как его подразнить. Она постукивала палкой по камням, подпрыгивала, хваталась за кусты и, обогнав его, останавливалась, запыхавшись, оборачивалась назад и ждала его. Он шел размеренно быстро, не напрягаясь и не задыхаясь, как она. И когда догонял ее, все опускал голову.

«Ему неловко, но я заставлю его перебороть эту не-

ловкости! Нельзя так! Нам нужно понять друг друга!» — говорила она себе и удивлялась: а что в сущности нужно понимать? Подарил ей цветы! Но ведь это такая обыкновенная вещь. . . Да, но почему тайком? И каждый раз, ожидая, когда он ее нагонит, решала, что, как только он подойдет, она его спросит. Но стоило ему подойти, у нее опять не хватало мужества заговорить об этом. И невольно Рилка отвлекалась на что-нибудь другое.

— Вот сыроежка! — она вырыла из-под гнилушки красный грибок и стала его разглядывать, только чтобы уйти от серьезного разговора. А когда почувствовала, что сердце ее застучало, а губы еще чуть-чуть и заговорят, она побежала вперед, постукивая своей подкованной палкой. Там, наверху, она снова стала ждать его и твердо решила на этот раз спросить: «Да, скажи, зачем ты мне принес цветы?» Но все произошло совсем иначе. . .

Выйдя на полянку, Рилка почувствовала жажду и вместо того, чтобы попросить у него фляжку, полезла в карман рюкзака и вытащила яблоки. Протянула сначала ему и испытующе на него поглядела.

— Мне не хочется! — сказал он.

— Возьми, пожалуйста! — настаивала Рилка, словно обидевшись. — Это твои!

— Как мои?

— Не притворяйся, Дилко! — рассмеялась девочка и побежала вперед.

Он удивленно покрутил головой и догнал ее.

— Стой, погоди, давай разберемся! Как так мои?

— Дилко, я рассержусь на тебя! — повернулась она к нему спиной. — И это пионер! Через два месяца в комсомол будешь вступать! А нет мужества признаться!

Дилко, ошеломленный, остановился на полянке. Внизу на склонах гор зеленели леса, словно ковры, синева застилала ложбины, а вдали золотилась равнина и сливалась с бесконечностью. Было чудесно постоять и поглядеть вниз. Но ни он, ни она теперь не видели этой красоты.

— Не понимаю! — подошел ближе Дилко.

Рилка прикусила дрожащие губы. Ее глаза наполнились слезами. Она так хорошо думала о нем, а у него

теперь не хватает смелости сказать ей откровенно: «Рилка, я. . .» Нет, мямли были ей не по душе. Она почувствовала, как что-то изменилось в ней. Все прекрасное рассыпалось, как роса по цветам.

— Скажи же, что случилось? Я ничего не понимаю!

— Не понимаешь? — сбернулась заплаканная Рилка и, проглотив соленые слезы, прошептала: — А яблоки? Кто засунул яблоки? Кто засунул яблоки мне в рюкзак?

— Эти яблоки? Я не рвал никаких яблок! Не имею ничего общего с твоими яблоками. . .

— И тебе не стыдно, Дилко! А цветы! Мне было так приятно, я плакала от радости!

— Да о каких цветах ты бредишь, Рилка?

— Букет ромашек, который ты мне тайком принес в палатку.

Дилко поднял плечи, сжался, побледнел.

— Никаких ромашек я тебе не приносил!

— Какой ты бездушный! — расплакалась Рилка. — Почему не признаешься? Нет ведь ничего страшного! Подарил мне яблоки и цветы! Никто не знает, и никто ничего не может тебе сказать. Я столько подарков делала своим друзьям!

— Но ведь это не я, Рилка! Ты думаешь, что я трус?

Она почувствовала, что охладела к нему, он казался ей трусливым, жалким, маленьким.

— Не я это! Поверь мне! — упорствовал Дилко.

— Честное слово? — взглянула она на него строго и испытующе.

— Два раза, три раза, пять раз, сколько хочешь. . . — взглянул на нее чистыми глазами Дилко. — Может, кто-нибудь пошутил, а ты. . . уж подумала!

— Дай мне рюкзак! — Рилка взяла свой рюкзак и, не взглянув на него, молча пошла вперед.

Сейчас она уже не могла глядеть на него. Хотя он и дал ей честное пионерское слово, Рилка не верила. «Трус, — говорила она себе, — боится, как бы над ним не стали смеяться!»

Потом, когда она прошла немного, ей в голову пришло другое. А может быть, действительно кто-нибудь подшутил над ней? Ее городские друзья заметили, что она очень полюбила сельских пионеров, привязалась к

Дилко и начала дружить с ним. Может, это раздражило кого-нибудь из мальчиков, и он нарочно послал ей цветы? Боянка! Она все глядела и посмеивалась почему-то! «Но что плохого я сделала?» — спрашивала себя Рилка. Да и как Боянка могла набрать яблок? Эти мелкие, вкусные, кисленькие яблоки растут только на опытном поле! Может быть, Стефка? Она цепляется к Влади́ну. Он ее прогоняет, а она все к нему липнет. Может, он Стефке их принес, а она отделила часть ей, только чтобы ее испытать!..

Рилка шла молча и все больше запутывалась в своих подозрениях. Это помешало ей увидеть, как они миновали живописное ущелье. Она догнала Стефку и спросила ее:

— Это ты засунула яблоки в мой рюкзак?

Ее подружка беззаботно рассмеялась.

— С какой стати я пойду ночью собирать яблоки! Дай мне одно!..

Стефка сама залезла в рюкзак, схватила горсть яблок и, откусив от одного, побежала вперед и стала дразнить Дилко, как дразнила щенка там, у костра.

— Р-р-р... — она делала смешные рожи, рычала, толкала его, но Дилко шел, задумавшись.

Стефка решила, что это он от усталости, и принялась дразнить того пуще:

— Это вы, закаленные... уж и сдали! Видите, снова мы, рабочий класс, ведем вас вперед! Мы авангард, а вы, крестьяне, остаетесь нашими союзниками!

В другой раз Дилко бы рванулся и полетел вперед, но теперь он чувствовал себя подавленным и едва передвигал ноги.

— На, возьми яблочко! — раздавала Стефка Рилкины яблоки всем, кого догоняла, поднимая вокруг себя шум и радостный гвалт.

Глава 13

СПАСИТЕЛЬ

Рилка не могла вытерпеть этого шумного веселья. Она бежала, словно ее обманули, словно она потеряла что-то очень дорогое, что появилось у нее впервые. Вдруг она крикнула:

— Земляника! Какая чудесная земляника! — Она сошла с тропинки и пропала где-то за деревом. Она увидела такую же арсматную землянику, какую учитель Тодоров подарил молодой учительнице там, за стогом, и в ней вдруг вспыхнуло желание сделать такой же сюрприз Дилко. Только так она заставит его признаться! Может быть, мальчики вообще очень застенчивые? Ну а она открыто, честно покажет ему, что значит дружба! И он признается!

Девочка ступила на светло-зеленую теплую полянку. С радостными восклицаниями она наклонялась и, как зайчик, скакала с места на место. Ягодки тарасились, как глазки, из-под листьев. В спешке она срывала их даже вместе с травой, более мелкие ягодки съедала, а покрупнее собирала в букет и тянулась за следующими. Она внимательно вглядывалась в пестро одетый луг. Вокруг перепархивали бабочки, жужжали пчелы, ползали божьи коровки, шуршали ящерицы — пришло время, когда все живые существа покидали свои темные уголки и отправлялись на солнечную прогулку по белу свету. Рилка не заметила, как она вошла в тенистый, сырой овраг. Вдруг что-то просвистело, ударило ее, как плетью, по ноге, она вскрикнула и упала. Ребята прибежали, спрашивая, что случилось, но она не могла ответить. Только плакала и задыхалась.

— Что случилось? В чем дело? — тормозили ее подруги.

Она, смертельно бледная, держалась рукой за ногу и кричала:

— Змея! Меня ужалила змея, ядовитая. Я ее видела, она с рожками!

— Ой-ой-ой, гадюка! — пропищала Боянка. — Ну вот! Еще уползет! Убейте ее!

Дилко пустился догонять змею, а остальные стояли, испуганные, над Рилкой. Она плакала, и они еще больше растерялись. Попытались поднять ее, но она рухнула на землю с ужасным криком:

— Ой-ой-ой, моя нога! Умираю!

Они осмотрели ее ногу и увидели, что при падении она вывихнула лодыжку.

— Рилка умрет! — всхлипывала Боянка. — Стефка, где ты, Стефка? Дай бинт. Дай ей какую-нибудь таблетку, скорее, Рилка умирает!

Стефка прибежала и стала лихорадочно рыться в своей сумке. Хватала что-то и отбрасывала. От криков Рилки растерялась и Чернева. Санитарка вытащила бинт, чтобы перетянуть ногу Рилке, но потеряла много времени, пока его развертывала.

— Скорее! — воскликнула учительница. — Скорее, чтобы яд не пошел по всей ноге. Как же так, Рилка? Какая была змея?

— Ядовитая. С рожками! Я искала землянику, наступила на нее и увидела, как она укусила меня своими рожками.

— Нет, она не рожками жалит! — возразила руководительница.

— Ой, умираю! Скорее, пожалуйста, а то я умру!

Они были далеко от лагеря. Как ей помочь? Пока донесут ее до станции и вызовут оттуда скорую помощь из города, будет поздно. Против змеиного яда надо действовать быстро! Сразу стянуть ногу с двух сторон. Чернева помогала Стефке, которая крепко стягивала бинтом ногу.

— Лучше всего высосать яд! — сказала убежденно Стефка. — И ей самой. Слышишь, Рилка? Высоси яд!

— Ой-ой-ой, не могу! У меня есть пломбированные зубы. Яд пройдет сквозь дупла и поразит мой мозг.

— Тогда кто-нибудь другой! — предложила Стефка. — Я бы это сделала, но и у меня есть плохие зубы.

Ребята стояли, онемев. Никто не осмеливался рисковать.

«Может, от страха проглочу яд?» — восклицала про себя наивно Боянка и незаметно пятилась.

Рилка глядела умоляющими глазами на своих това-

рищей. Но те самые ребята, которые так сильно любили и хвалили ее раньше, стремились первыми подружиться с ней, теперь робко переглядывались, и никто не решался ей помочь.

Тогда кто-то оттолкнул локтем Стефку и сказал: — Убирайтесь!

Это был Владин. Все удивились. Неужели он действительно решил умереть? Он сразу стиснул Рилкину ногу так, что она вздулась под его руками, как сайка, и взял в рот то место, которое укусила змея. Рилка глядела на него остановившимися от ужаса глазами. Владин сосал яд, как младенец грудь. Вдруг он оторвался от ноги и сплюнул. Потом второй раз, третий и только тогда поднял руку, чтобы вытереться.

Руководительница отстранила его руку.

— Не вытирайся так, разнесешь яд. Дайте ему воды прополоскать рот!

Кто-то протянул ему фляжку, и он прополоскал себе рот. Рилка смотрела на него, пораженная. Что будет, если он сглотнул яд или у него больные зубы? Капелька яда пройдет сквозь какое-нибудь дупло, и ничто не сможет его спасти. Это ведь не нога или рука, которые можно перевязать, чтобы яд остался только в одном месте. Это голова, яд сразу проникнет в мозг. . . От страха ей мерещились всякие ужасы, и она ожидала, что в любое мгновение Владин упадет и умрет.

— Быстрее носилки, сделайте носилки! — закричала Стефка. . . В это время подошел Дилко, неся на палке убитую змею. Это действительно была гадюка. Увидев ее, Рилка вскрикнула от ужаса.

— Убери эту гадину! — закричали все.

Показав мерзкую змею, Дилко хотел успокоить этим Рилку, но вышло еще хуже. Он побежал к тенистому сырому склону и закинул змею. Отрезав ножом два сука, он вернулся и сделал из плащ-палатки носилки. Рилку уложили на носилки. Она посоветовала лечь и Владиному.

— Ничего мне не сделается! — отказался он. — У меня зубы, как у волка.

— Через некоторое время тебе так ударит в голову, что не сможешь стоять!

— Ничего со мной не будет, тебя понесу, — смеялся он, вытирая губы.

Рилка глядела на него с благодарностью и восхищением. У этого Владина, которого она считала грубым и бегала от него, было прекрасное сердце.

— Я пойду с Рилкой, — он зашагал рядом с носилками. — А если со мной что-нибудь случится, вы меня понесете!

Для него это как будто была шутка. Как всегда, он все переводил в шутку. Говорят, несерьезный мальчик. А берется всегда за самое трудное. Вот и теперь, вместо того чтобы сесть, он сам схватил носилки. Рилка все время глядела на Владина, и ей казалось, что прежде она совсем не знала его, ей даже было совестно, что до сих пор она не обращала на него особенного внимания, избегала его. «Плохо же я судила о людях, — думала она, — только по их внешности, по обходительности, а вот тебе и на, обходительные перепугались, а он, он меня спас!»

Она ожидала, что Владину будет плохо, что его скрутит, тогда и его положат на носилки. Но Владин шели смеялся.

— Иметь бы травянистую бузину! Нашли бы мы ее, и никаких докторов не нужно! Я был бы для тебя доктором, — говорил он и внимательно оглядывал землю вблизи тропинки.

Но они взобрались высоко, и бузина здесь не росла.

— Внизу, рядом с полянкой, где растут ромашки, есть. . . Я знаю, надо только туда дойти.

Он все время озирался. Рилка считала, что он говорит это, чтобы ее успокоить, но он с самым серьезным видом уверял, что можно спастись с помощью бузины.

— Дед Велко все лечит бузиной! Не глядите на меня, словно я сошел с ума, правду вам говорю, бузина излечивает! Дед Велко ею меня вылечил.

Рилка ему поверила. Когда она слушала и глядела на него, ей как будто становилось легче. Но едва она кидала взгляд на свою ногу, ей казалось, что место, куда ее укусила змея, словно кольнув иголкой, все больше чернеет. Она думала, что высосан не весь яд. Осталась там где-нибудь в капиллярах маленькая капелька.

И она ужасалась, что скоро, вот сейчас, через несколько минут, она начнет корчиться и. . . Она уже видела себя мертвой и вместе с собой Владина.

«Почему, почему он это сделал?» — спрашивала она себя и, глядя, как он внимательно всматривается в лошинки и кусты, не знала, что другое ей сделать, кроме того, чтобы предостеречь его.

— Осторожней, Владин, а то и тебя ужалит змея!

— Не бойся, другой яд на меня уже не подействует. У меня иммунитет.

— Владин! — вскричала она, побледнев.

— Нет, правда, иммунитет. Знаешь, это был сладкий яд. Вот укусят тебя еще две-три гадюки, и я стану специалистом. . .

«Добраться бы до станции! Оттуда вызовут за пять минут скорую помощь и отвезут в больницу. А там не может не быть какой-нибудь сыворотки! — думала Рилка. — Но вот доберемся ли до больницы?»

Дилко и его товарищи опустили носилки на землю. Владин залез себе в карман, дал каждому по пригоршне мелких яблок и кивнул, чтобы они угостили и Рилку. Дилко облегченно улыбнулся: «Так вот кто пошутил!».

— На, возьми, может, пройдет маленько страх! — подал ей яблоко Дилко, подмигнув Владину.

Все стали жевать, а Рилка остолбенело уставилась на яблоко и сразу забыла про яд. Вспыхнувшее в ее испуганном сердце чувство наполнило ее бодростью. Она перекаtywала яблочко в ладонях и удивленно говорила себе: «Ведь это точь-в-точь такое же яблоко, как те, что я нашла в рюкзаке!». Она забыла рюкзак там, наверху, у своих товарищей, но очень хорошо помнила эти мелкие, кислые яблочки, которые собирали на опытном поле, чьим хозяином был Владин. «Погоди, посмотрим, такое ли оно кислое, как те!» — сказала она себе, откусила и не проглотила. Яблоко было такое же. Значит, Дилко раньше скрывался. Должно было случиться несчастье, чтобы он себя выдал. Вот они какие, мальчишки. И в это мгновение она увидела, как Владин дает яблоки Дилко, и ей вдруг все стало ясно! Значит, это не Дилко, а он! Он прокрался рано утром, пока она умывалась, и наполнил карманы ее рюкзака. Теперь

многое, что накопилось в ее памяти, сразу разъяснилось. Ведь именно его она встретила, когда спускалась к тропинке. Но он, смутившись, свернул в сторону, держась за набитые карманы. Значит, он, это был он! Ах, как все перепуталось!

— Несите скорее, ей стало плохо, не видите, что ли! — вскричал Владин и сам взялся за одну из палок спереди, там, где было тяжелее всего. Он нес Рилку, он, который высосал яд из ее ноги и готов был отдать свою жизнь за нее. Вот что совершил теперь этот Владин, который обижал девочек и выдумывал им всякие прозвища, кого она считала невоспитанным.

Никто не решился ее спасти. Все спрятались, как улитки, только он кинулся к ней, словно хотел вырвать из пасти зверя. . .

Она глядела на его смуглое лицо, растрепанные волосы, которые падали на его высокий лоб, отчего он казался ниже. Мысли ее стали еще более лихорадочными. Для нее Владин был настоящим героем. В его груди билось сердце брата. У него была кипучая кровь партизана, он мог сильно любить и ненавидеть. То, что сделал Владин для нее, сделал его брат для своей подруги. Для Рилки змея мало-помалу стала символом страшного фашизма. Как фашизм убивал людей, так и змея хотела погубить их с Владином. Но вот Владин выступил против врага; может быть, они оба и умрут, но ей казалось, что это вспыхнувшее в ней чувство даст ей силы мужественнее встретить смерть.

Владин остановился и поглядел в сторону. Они дошли до той самой цветущей полянки с ромашками, куда Рилка любила ходить и где она чувствовала себя словно в белом, молочно-белом озере. Она мгновенно догадалась: «И букет принес тоже он!».

Владин опустил носилки.

— Бузина! — он побежал к шоссе. Вошел там в бурьян возле дороги и появился с хрупким стебельком бледно-зеленой бузины.

— Немного поздно, но попытаемся! — он попросил, и она вытянула ногу. Она уже верила всему, что он делал.

Владин растер стебелек бузины и выцедил сок в за-

крытую отеком дырочку. Потом потер место смятой зеленью, прилепил ее, как вату, и перевязал бинтом.

— Дед Велко множество народу вылечил так, — Владин снова взялся за носилки и как будто спокойнее стал спускаться к станции.

— А ты? О себе забыл! — закричала Рилка, но он ее не слушал.

И это еще больше поразило ее.

«Он жертвует собой! — повторяла она. — Кто может поступать так? Только настоящий друг!»

Она с таким чувством подумала об этом, что сказала последние слова вслух. И вдруг почувствовала прилив бодрости.

«Вот уже палатки, теперь я могу и сама пойти!» Она не чувствовала боли и попыталась слезть с носилок, но едва ступила на вывихнутую ногу, как охнула и снова упала на них. Она видела, как Владин побежал к станции.

— Не беспокойте только маму, пожалуйста! — прошептала она и почувствовала, что теряет сознание.

Глава 14

КАК ВЛАДИН СТАЛ «ВОЛОДЬКОЙ»

Когда Рилка открыла глаза, она увидела, что находится в светлой, солнечной комнате; молодая женщина в белом халате сидела у ее изголовья. Рилка поняла, что находится в больнице и что она спасена. Что это была за больница, она не знала. Но была уверена, что врачи сделали ей укол, посоветовались, может быть, с Софией, устроили консультацию, как когда-то для ее отца, прежде чем оперировать его от язвы — специалисты и теперь были начеку. Все это пронеслось в ее уме, словно в тумане. Четко выделился в ее памяти только образ смуглого мальчика, который бросился спасать ее от смерти. И она испуганно вскрикнула:

— Владин! Где Владин? .

Сестра, с золотистыми волосами и мягким взглядом карих глаз, улыбнулась.

— Какой Владин?

А про себя подумала: «Бедняжка, бредит!»

— Владин! Наш Владин. . . в какой он палате?

— Ляг, поспи еще! — погладила ее сестра.

— Нет, скажите мне, что с ним случилось! Зачем скрываете? Неужели он. . . — закричала Рилка, вскочила с ужасом, ее лицо исказилось, и слезы потекли из глаз.

Сестра растерялась.

— Неужели он умер? Скажите мне, пожалуйста! — Рилка схватила ее за руку, стиснула, сестра попыталась освободиться, но не смогла.

— погоди, успокойся, девочка моя! Спокойно расскажи мне. . . о ком идет речь?

— Как? Значит, он упал по дороге. . . лежит где-нибудь в бурьяне, и никто этого не знает! — Рилка соскочила с постели и кинулась в пижаме из палаты искать Владина.

— Да постой, нельзя. . . куда? — остановила ее сестра. — Твоя нога!

— Пустите меня, я хочу увидеть, что случилось с Владином. . . Он такой мальчик! Ради меня он. . .

Из слов, лихорадочно вырывавшихся у нее, сестра поняла, что случилось.

— Да ладно, найдем этого Владина, ты только скажи, кто он.

Рилка доверчиво поглядела на нее и успокоенно сказала:

— Его тоже укусила змея. . . — Потом стиснула свои дрожащие губы и поправилась: — Не укусила, но он высосал яд из моей ноги. . . И может быть, проглотил его, упал, умер, и никто не знает. . .

— Ну так и надо было сказать! Ладно, сиди, я справлюсь об этом храбрце.

— Да, он храбрый, настоящий товарищ. . . — снова всхлипнула Рилка и расплакалась. — Я жива, я спаслась, а он, может быть. . .

— Нет, не может этого быть! Яд действует, если попадет прямо в кровь. Если мальчик не в больнице,

значит, ничего с ним не случилось, он дома, может быть, играет. . .

Слушая ее, Рилка перестала плакать.

— Пожалуйста, сестра, как маму вас прошу, я хочу его видеть. Спросите в лагере или в селе Ломтево. Зовут его Владин. Пустите меня, я уже могу ходить, пойду взгляну только. . .

В коридоре послышались шаги.

— Ложись, врач! Он не любит, когда больные встают с постели! Ложись, я ему скажу, что ты хорошо себя чувствуешь, он тебя выпишет. И тогда пойдешь к своим товарищам и увидишься с. . . Владином, да?

— Да, а по-русски Володька. Лучше Володька, правда?

В это время в дверь постучали. Рилка легла в постель и накрылась с головой.

Постучали снова. Сестра поняла, что это не врач. Тот вообще не стучал. Это не мог быть и кто-нибудь другой из больницы. Может быть, товарищи Рилки хотели ее видеть? Сестра встала, открыла дверь и увидела мальчика, лохматого и бледного, робко стоящего в коридоре. Он попытался спрятать за спиной большой букет ромашек, который перед тем нежно обнимал.

— Входи, входи, нога поправилась!

Рилка съежилась под одеялом, собирая силы, чтобы показать, что она здорова: тогда ее сразу выпишут. Робкие, легкие шаги приблизились к ней. Когда она выглянула из-под одеяла, то увидела над своей головой Владина с букетом ромашек. Он смотрел вниз, весь пылая, желая провалиться сквозь землю от смущения.

Она вскрикнула, рванулась, соскочила с кровати и протянула к нему руки, чтобы удостовериться, что это не сон. . . Букет ромашек, который она забыла взять, упал.

— Володька, жив! Володька, здоров!

— Ну да, жив и здоров! — бормотал Владин, глядя исподлобья на медсестру.

Сестра поняла, что это и есть тот самый храбрый Володька, чье имя выкрикивала больная девочка, как в бреду. И она вышла по своим делам.

— Садись, иди сядь ко мне, сюда, сюда. . . — Рилка

усадила его рядом с собой и, когда подняла букет на столик, просияла от счастья. А Владин уже пятился и глядел, как бы незаметно выбраться из палаты.

Из всех городских ребят Рилка произвела на него самое сильное впечатление. И когда он насмехался над ней, он все же чувствовал, что она ему нравится. И замечал, что насмешка, дрожащая у него на губах, замирает. Было что-то особенное в этой девочке. И доброта, и знания, почерпнутые из книг, и незнание жизни — все делало ее необычной. Он был для нее только насмешник и ничего больше. Таким он и хотел остаться. Но когда подошло время отъезда, он предложил Катке замесить лепешку и поднести ее Рилке. Она это заслужила, показала себя выносливой, работала хорошо, с честью на опытном поле. Но у него не хватило смелости самому отдать ей лепешку. И когда они собрались в поход, он взобрался на самую вершину яблони, выбрал самые спелые, покрытые пушком яблоки, больше всего обогретые солнцем. Нечаянно он наступил на слабую веточку, сорвался вниз и расшибся бы, если б его не задержала рассоха. Ему хотелось отнести ей эти яблоки, чтобы доставить маленькую радость, ведь он причинил ей столько огорчений. Он хотел как-нибудь искупить свою вину этими скромными тайными подарками — цветами, яблоками, потому что заметил, что она их любит.

— Садись, садись! — тянула его Рилка, увидев, что он порывается уйти. . .

Он сел к ней, глядя в окно. Боялся, что она поймет его скрытое чувство. Она не говорила, а словно порхала, как бабочка.

— А я-то какие глупости подумала. . . о тебе! Что ты умер.

— Гм. . . — пробормотал Владин и стиснул пальцы. — Такое чудо, как я, легко не погибнет.

— Знаешь. . . Володька, ты такой милый! — она взяла букет и понюхала его, хотя ромашки не пахнут. — Как ты догадался принести мне цветы?

Он вспыхнул, стиснул ладони.

— Слышишь. . . Володька, взгляни на меня! Я хочу, чтобы ты на меня посмотрел! — она положила руку ему на плечо.

Он попытался стряхнуть ее раз, другой, потом оставил на плече.

— Пожалуйста, если ты настоящий друг, взгляни на меня!

Он испугался. Что она говорит? Неужели она догадалась? И поднялся, чтобы уйти.

— Да погоди же, куда? — схватила она его за руку.

— Я пойду. . . в село.

— Ты не предупредил товарищей? Разве они не знают, что ты здесь? — Рилка глядела на его горящие щеки и сама пылала.

— Вот еще! — ответил Владин.

Рилка замолчала, словно упоенная запахом липы под окном.

— А почему ты мне приносишь цветы тайком?

Он съежился от смущения.

— Скажи! Ты написал записку?

Он отрицательно покачал головой, но глаза его говорили: «Да!».

Только теперь она сумела заглянуть ему в лицо и вздрогнула.

— Почему тебе так тяжело, Владин? Ведь мы выздоровели, спаслись!

Он затряс головой и закрыл глаза руками.

Рилка удивилась. Ведь этот крепкий, сильный мальчик с таким грубым лицом теперь чуть не плачет! Неужели он раскаивается, что приносил цветы? Или же ему стыдно, что она раскрыла его тайну?

— Не надо, Володька!.. Ведь ты самый большой герой для меня! Ты должен подавать мне пример!

— Мне тяжело, что мы расстаемся. . . поэтому! — прошептал он сквозь слезы, отвернув голову, и, избегая ее взгляда, выбежал из палаты.

Рилка поняла, что он пришел тайком, чтобы попрощаться с ней.

— Володька! Володька! — закричала она ему вслед и, прихрамывая на свою забинтованную ногу, дошла до постели, повалилась ничком и тоже заплакала.

Снаружи щебетали птички, пригревало солнце, пьянил запах густо расцветшей липы.

Через некоторое время она пришла в себя, распахнула окно и увидела, что Владин бежит по дороге, ведущей под гору. Она ожидала, что он обернется, но он бежал и бежал, словно испуганный тем, что случилось. Душа его дерзко открылась, его первое чувство, такое же нежное и прекрасное, как ромашка, которое он так старательно таил, теперь излилось. Ему казалось, что все узнают его тайну и будут над ним смеяться:

«Ты ей носишь цветы, яблоки, поэтому ты так кинулся высасывать яд!»

Только внизу, где начинался лес, он остановился, как катящийся мяч, ударившийся в темную стену.

Рилка протянула руки и, высунувшись из окна, как будто устремившись к нему, закричала:

— Володька! До свидания. Еще встретимся! — и слезы текли по ее щекам.

Владин не слышал ее слов. Он помахал ей рукой, и лес поглотил его.

Глава 1

СЧАСТЛИВАЯ ВЕСТЬ

Катка нашла Владина на опытном поле и сказала ему, чтобы он явился в канцелярию.

«Снова против меня что-то затевают. . . Снова заставят заниматься самокритикой!» — Владин, сгорбившись, постоял, помолчал.

— Ладно, приду после обеда. . . — он собрал выкопанный картофель и медленными шагами пошел к своему дому.

Ему было так хорошо, и вдруг его как пилой резануло. Он не слышал птиц, которые щебетали на ветках; солнце казалось ему затуманенным, словно он глядел на него сквозь закопченное стекло, как во время затмения, куры разбегались перед ним, словно к ним спускался ястреб; собака встретила его, как всегда, но не лизнула в руку, виляя хвостом.

Снова что-нибудь донесли на него, и учительница снова поставила вопрос о его поведении на совете дружины. Снова соберется организация и снова начнется суд. Вопросы градом посыплются на его голову: «Пусть Владин скажет, почему это, почему то. . .» И Катка, и Дилко. . .

Только он забыл о наказании и окунулся в работу, а вот теперь снова. . . И за что? Он не мог догадаться, что плохого он сделал. Все, что случилось в эти дни, он разрыл, как погасший костер, и не нашел горящего уголька. Он ведь стал внимательным после наказания, не ог-

рызался, когда на него возлагали какую-нибудь работу в организации, не говорил: «Не могу, я занят с трактором, у меня работа на опытном поле!». В последний раз его критиковали за то, что он снова увлекся своими посадочными материалами, многое делал сам, не спрашивая руководства. «Это Катка мне устроила, потому что я порвал ее письмо и повернулся к ней спиной. Да ладно уж, пройдет и это!»

Что она снова придумала? Он пытался вспомнить, кому что он сделал, и уже пугался и самых маленьких своих ошибок: «Я плюнул однажды утром на землю, а не в платок! Может, поэтому, ведь каждый день нам говорят о гигиене». Или... А да, он не поздоровался с дедом Велко, потому что ушел в свои мысли, потом он спохватился, но было поздно, старик прошел, удивляясь, что есть пионеры, которые не здороваются. Но невероятно, ему не верится, чтобы старик пошел и пожаловался. Или же то, что он распугал чужих кур, которые копались в посевах на опытном поле. «Но ведь я только бросил комом в одну курочку-пеструшку; она закудала, хотя я и не задел ее. Подняла крик, как избалованный ребенок, даже когда его не бьют, потому что знает, что виноват. Или... узнали о записке Рилке? Ну тогда я влип!» — сказал он себе и решил не идти. Но подумав о том, что было раньше, когда его судили, решил: «Пойду погляжу. Пусть меня убьют, но насчет Рилки не признаюсь!».

Владин наскоро поел и пошел в школу пораньше. Черневой еще не было. Липы у входа шумели, приветливо грело солнце, в овраге журчала река, желтело поле, на щеках он чувствовал приятную прохладу. Но ни сжатая нива, ни опытное поле не привлекали его внимания. Он не мог думать ни о чем другом, кроме Рилки. Мысль о ней разрослась в его сознании, точно корни старого дерева.

«Из-за Рилки это! Может, меня видели, когда я ей приносил цветы! — ковырялся он в себе, точно разрывая то место, откуда он выкорчевал какой-то бурьян, чтобы посадить новое растение. — Ох, и чего мне дали тогда эти цветы?»

— Владин, ты что так рано пришел? — он вздрогнул, услышав знакомый ласковый голос.

Обернулся и вспыхнул. Чернева взглянула на свои часы.

— Пошли! . . Я думала, что ты придешь позднее, но ничего. Раз ты здесь, окончим твоё дело пораньше!

В её голосе словно прозвучала угроза. Владин уныло поплелся за учительницей. Сердце его замирало все больше. А когда они вошли в канцелярию, оно как будто и совсем пропало. Учительница повернулась и дала Владину стул. Она всегда так делала, а потом — хоп по голове! Ей легко вдруг сжать строго губы и сказать: «Владин, что ты наделал? Теперь уже ни я, ни учитель Тодоров не сможем спасти тебя!». Как он перенесет удар? Владин не смел взглянуть на нее, не видел, что она улыбается. Он уставился в землю, побледневший, застывший. Пот тек по его бледному лицу. И впервые, не ожидая, когда его начнут обвинять, заговорил дрожащим, полным слез голосом:

— Я. . .

— Что случилось, Владин? — спросила удивленно учительница.

— Я торопился на опытное поле, поэтому не поздоровался. . . с дедом Велко. . .

Учительница рассмеялась и заглянула в его опущенные глаза. Там блестело глубокое раскаяние.

— И эту пеструшку я не ударил, только швырнул ком земли, а она раскудаhtалась, хозяйка вышла. . . подняла еще больший шум, чем курица.

Язык его заплетался.

— Я. . . и за. . . зап. . . — Он был готов сказать и о записке, которая мучила его больше всего, но учительница не дождалась и, улыбаясь, подняла его голову за подбородок.

— Очень хорошо сделал, Владин, что все сказал, но я тебя звала не за этим. Мы знаем, что ты уже сознательный. . .

Владин взглянул на нее прояснившимися глазами. Ох, хорошо, что она его прервала и он не выдал себя с запиской. Иначе куда бы он делся от стыда?

— Я позвала тебя на этот раз не для того, чтобы сделать замечание. Наоборот, я хочу сообщить тебе что-то радостное. . . — говорила учительница и глядела на

него так, что слезы на его глазах высыхали, как роса на ярком солнце.

«Значит, она не знает! — вздохнул и совсем оправился Владин. — Ах, чуть было сам себя не закопал в яму!»

— Ты едешь в Москву! — сказала учительница и вся засияла.

Видели ли вы, как утром восходит огромное солнце и изменяет все на земле? Как цветы раскрывают свои венчики? Как озаренный солнцем цветок, поднял голову Владин.

— Едешь с группой пионеров, Владин, в Советский Союз! Сегодня мне сообщили из окружного комитета.

Владин задохнулся, онемел.

— Кто, я?! — только и сумел он прошептать. — А не какой-нибудь другой Владин, из другого села?

— Ты, как мичуринец! — засмеялась учительница. — Я затем тебя позвала, чтобы ты успел собраться.

Владин кинулся вон. На пороге вдруг остановился.

— А этот?.. — вспомнил Владин о поджигателе.

— Ты что хочешь сказать? — удивленно взглянула на него учительница.

«Эх, что же это я... Чуть тайну не выдал», — пришел он в себя и, помолчав, добавил:

— Я о поле. Кто будет заботиться об уборке картофеля с поля? Вы ведь знаете, все может случиться, когда меня не будет. Его нужно охранять, каждый вечер выставлять посты!

— Ты не беспокойся! Здесь останутся твои товарищи! Доверяй своим товарищам.

Мимолетная улыбка появилась на лице Владина, он пробормотал что-то себе под нос и выскочил пулей, чуть не сбив с ног уборщицу на пороге. От радости на улице все прыгало у него перед глазами. Теплый ветер колыхал липы, шумели плодовые деревья, солнце сияло, птицы пели и ныряли, летели и словно торопились быстрее его перелететь через границу и попасть в великий город, который излучает свет для всех народов, — в Москву!

Владин так споткнулся о камень, что из пораненного пальца брызнула кровь. Он нахмурился и пошел, прихрамывая, наступая на пятку. Потом забыл о боли и

снова побежал. И никого не видя, никому не отвечая на приветствия, влетел прямо в дом.

— Видали? — крикнул он, указывая на себя.

Мать удивилась.

— Что случилось? Что ты такой растрепанный?

— Где отец?

— Пошел в правление. Что случилось?

— Видали? А вы надо мной смеялись, когда я писал письмо. . .

Мать всплеснула руками.

«Боже, этот ребенок помешался!»

— Еду! Приготовьте мне одежду. Дайте денег на новую. В таких лохмотьях нельзя ехать к советским товарищам. Приглашают меня! Мне учительница сказала. Еду в Москву.

— Слушай, Владин, а ты не выдумываешь? С Рос-
сийской нельзя шутить.

Мать положила ладонь ему на голову, потом отошла и смотрела, как он вертится на пятках, точно волчок, так что одежда развеивается и свистит, и в первый раз испытала то, что люди называют счастьем. В первый раз она радостно обняла своего непоседливого сына, прижала к себе его взъерошенную голову. Слезы застлали ей глаза.

— Ох, сынок, сынок! — и целуя его, добавила: — Хорошо, что хоть ты увидишь то, чего не смог увидеть твой брат. . .

И только теперь мать почувствовала, что заполнилась в ее душе какая-то пустота.

Глава 2

В ДОРОГУ

Потом Владин стал сомневаться в том, что действительно едет в Москву. Ему все казалось, что это какая-то шутка, из-за того, что он осмелился сам отправить письмо в Советский Союз. Но когда убедился, что это

правда, затаился и не сказал никому ни слова: боялся, не случилось бы чего и не заменили бы его другим. Им достаточно только подумать, и найдут к чему придрататься! «Во-первых, русского хорошо не знаю! А во-вторых. . . Записка!» — Катка скажет, да того и гляди, пристроится вместо него.

— Ишь ты! Я-то за баловство считал, что ты возишься там, на опытном поле, а вон что получилось! — удивленно покачивал головой отец, с наслаждением затягиваясь сигаретой. — Столько лет я боролся, меня никто не пригласил, а его. . . Поиграл себе там на пятачке земли — и сразу в Москву, как опытника. . . Если б я знал, то и сам бы навязался из кооператива к тебе на опытное поле. Ну и ну!

— Многие теперь сердятся и говорят: «Почему Владин едет, а не я? Он был наказан. . .» А раньше, когда просил их прийти поработать, так смеялись надо мной, — проворчал Владин.

— Как загалдели у секретаря парторганизации: «Почему не мой сын, не моя дочь? Они больше заслужили. Владин такой и эдакий. . .» А секретарь посмеивается и говорит: «Если советские товарищи приглашают лучшего опытника, кого же нам послать? Поедет Владин. А другие в следующий раз». И все умолкли! — продолжал отец необычайно весело.

«Валя, только Валя! Она меня пригласила!» — говорил себе Владин.

— Но как же я появлюсь таким? Что делать с одеждой? Не опоздаем?

Владин все больше и больше убеждался, что это приглашение устроила Валя. И готовился к встрече с ней. Каждый день ходил к портному поглядеть, как ему шьют новый костюм.

— Да не перепутайте чего-нибудь! Никакой не пиджак, обязательно куртку! — предупреждал он портного и распоряжался: — Да не широкую, а в талию.

На последней примерке Владин надел куртку, посмотрел на себя в зеркало, одернул тут и там и отвел назад руки, чтобы спустить ее с плеч.

— Широка! Очень широка, как мешок! Меня засмеют

советские товарищи. И сзади висит. Совсем как потури¹. . . И речи быть не может, в этой одежде я не поеду! Лучше старая.

— Да погоди ты, Владин, — портной поднял очки на лоб и черкнул мылом по куртке и брюкам. — Твой отец говорил: «Пошире, чтобы хватило по крайней мере на одну-две пятилетки». И бай Горан проходил мимо, увидел, что я шью, и говорит: «Пошире, как можно шире, потому что люди там так едят, что одежду надо делать в два раза шире». Спроси его, он тебе скажет. Видал, какой он раскормленный вернулся, вот-вот лопнет. Пиджак его треснул по швам, так он теперь принес его расставить. И секретарь парторганизации того же мнения. Здесь целый коллектив заседание устраивал. Потому что твои штаны — не только твои. Ты Болгарию представляешь в этой одежде. Увидишь, за одну неделю ты там так растолстеешь, что она тебе тесной станет.

Владин не ушел из мастерской, пока костюм не был готов. Тогда он схватил его, понес домой.

Дома уже собирали его багаж.

— Там холодно, — говорила мать, снимая со стены тулупчик и засовывая его в торбу.

— Там же жарче, чем здесь, мама! Там зимой холодно, доходит до сорока градусов, а летом бывает иногда сорок выше нуля! Там степь, разве ты не слыхала? — Владин залез в торбу и повыбрасывал вещи. — Не делайте из меня посмешища. Еще скажут товарищи (а сам подумал «Валя»), увидев меня с этим тулупом, что я географии не знаю. И эта торба! — он швырнул торбу на землю и заревел: — Не хочу торбу. У тети Минки возьмем чемодан, она с ним ездила на курорт в Выршец лечить свой ревматизм. Только с чемоданом. Что скажут эти люди, когда увидят меня с торбой? В Болгарии нет, что ли, легкой промышленности — вот что скажут. Как же!

Он сам побежал к тете и приволок большой чемодан с ремнями, мать стала укладывать его и все пыталась еще что-нибудь туда запихнуть: шерстяные носки, кусок мыла с полки, носовые платки.

¹ Потури — очень широкие штаны, которые носили прежде болгарские крестьяне.

Когда все было готово, Владин потащил чемодан на улицу. У ворот его ждала повозка, чтобы довезти до города, откуда вся группа должна была поехать в Софию, а оттуда самолетом — прямо в Москву. У повозки стояли его товарищи с цветами. Вот Дилко подбежал к нему. Владин смутился. Ему казалось, что тот сейчас скажет: «Стой, еду я как более сильный ученик и руководитель организации, а тебе. . . придется отвечать за свои последние провинности». Но Дилко взял чемодан из его рук и вместо того, чтобы отнести его обратно в дом, поставил перед возницей. «Дилко хороший товарищ», — подумал Владин и уселся в повозку. Но вот появился председатель кооператива бай Горан, отец Гечо.

«Может, ему сообщили по телефону, и он идет вытряхнуть меня из повозки и послать вместо меня Гечо? — вздрогнул Владин и готов был просить у него прощения, если в чем-то ошибся на опытном поле. — Эх, был бы здесь секретарь парторганизации, может, сумел бы защититы!» Он его любит, даже Катки не послушается. Но он уехал на конференцию. . . «Не везет мне!» — Владин оцепенел, глядя на бая Горана.

— Ишь, какой ты теперь кроткий! Ну, Владин, пожелай всего хорошего товарищам колхозникам от нас и лично от меня, — протянул ему руку бай Горан и погладил себя по щекам, как любил делать, когда собирался говорить долго. — Они меня знают. Скажешь, от председателя ломтевского кооператива, они вспомнят. Мы познакомились с ними на приеме в Кремле! — На плотном краснощеком лице бая Горана так шевелились светлые, как кукурузные метелки, усы, что нельзя было понять, серьезно он говорит или шутит. — Скажи им: обещание мы выполнили на сто пятьдесят процентов. Эту пшеницу, которую нам дали на семена, сортовую, кубанку, мы скрестили с нашей и получили зерно, скажи им, это не обычное зерно, а. . . На, дай им, пусть поглядят, пусть не говорят, что мы хвалимся, — он подбросил на ладони горсть крупных красных зерен и пересыпал их в карман Владиновой куртки. — Много зерна — всего много! Положили мы их нашей кубанкой на обе лопатки. И смотри, может, какой-нибудь новый сорт там увидишь — прихвати горсточку!

«Эх! — вздохнул Владин, — мне бы туда добраться!»
— Вот, передай советским пионерам, Владин! — Дилко отколол свой значок, приколот его к верхнему карману куртки Владина и отвернулся.

«Валечке отдам», — подумал Владин.

— И скажи им, что мы их ждем здесь, пусть приезжают поглядят, какие игры знаем мы, сельские пионеры! — подал свою длинную загоревшую руку Гьошко-физкультурник и так ее затряс, словно хотел стащить Владина с повозки. — А если тебе придется там драться, смотри, не оплошай, свали полдюжины, как я тебя учил.

— Картошку! Взял картошку? — крикнул ему Гечо-Ятака.

— Ой, картошка! — прыгнул Владин и кинулся в подвал, когда возница уже собирался трогать.

Эта картошка была гордостью опытного поля, ею Владин прославился на весь край. Он готов был показывать ее всякому, кто сомневался в том, что он едет по праву. Она была его оружием и его заграничным паспортом. Как он появится в Москве и покажется Вале без этой картошки? Разве Валя не спросит его сразу: «А где картошка, о которой ты мне писал?». И Владин вернулся, чтобы прихватить несколько крупных, как свекла, картофельных клубней.

— Положи в торбочку! — бежала за ним мать и заставила положить их в расшитую торбу, которую он было бросил.

Владин пошел с торбой так, словно нес сокровище, и невольно вспомнил о Рилке. Сразу по приезду в Софию она ему написала и спросила об этой картошке: как она, не зачервивела ли? Рилка так беспокоилась о картошке, точно сама ее сажала и ухаживала за ней. И даже вместе с письмом послала ему целое руководство — бог знает, сколько она бегала, бедная, пока его нашла. Он ее увидит, похвалится, что едет в Москву! . . . Перед глазами Владина появилась полянка, усеянная ромашками, и она — Рилка с венком из диких маков на солнечных волосах. . . Как ему хотелось в это мгновение, чтобы она вместе с ним поехала в Москву! Как испуганный голубь, исчез ее образ, когда Дилко дал знак и пионеры запели.

Село загудело: дети, женщины, старики зашумели, словно провожали знатного человека. Повозка медленно двинулась. Провожаящие шли за ней. Все давали Владину какие-то поручения.

— Поезжай! А то еще на самолет опоздаем! — и откинутый неожиданным толчком назад, Владин махнул рукой и крикнул: — Все им скажу!

— Стойте! — слышался голос, и возница едва сдержал коней.

Это шел дед Велко с костылем. Он потерял на войне двух сыновей да еще внука в партизанах. Катка осталась его единственной внучкой. Он мог, если бы захотел, послать ее. В парторганизации все его уважали. Но вот он протянул свои сухие руки и погладил Владина.

— Тебе, сынок, повезло, что ты увидишь Москву! Бог знает, буду ли я жив, увижу ли ее, потому у меня наказ.

— Но ведь она, Москва, город, дед Велко, не человек!

— Знаю, я еще в здравом уме. Москва — город с умом и сердцем. . . Центр всего мира. . . Пусть придумают братья что-нибудь такое, чтобы жить подольше, хотя бы сто пятьдесят, если не двести лет, так, чтобы, как твой век кончится, потом еще жить, сколько хочешь.

— Они это уже придумали, дедушка! — весело ответил ему Владин. — Коммунизм.

— А тогда пусть пошлют его и сюда, и по всему свету. Ведь везде есть такие, как я, которые не хотят умирать! Так им и скажи!

— Скажу, дед Велко, — поцеловал ему руку Владин.

— Да смотри, сынок, из самолета не выпади, не наклоняйся, — наказывала Владину мать, и ей как будто не хотелось расставаться с сыном.

— А для меня погляди что-нибудь укрепляющее. . . для таких, как я, малокровных, — сжимала ему руку его полная тетя, которая дала свой чемодан, и все-таки добавила, — и что-нибудь от этого проклятого ревматизма, если можно, а то мне уж надоело волочить ноги. Ох, и от желчного пузыря, если можно. . .

Отец строго поучал, хотя и у него глаза были влажными. . .

— Ты там ума набирайся! Побольше молчи! Узнавай! И слова, и дела — все там золото! Да не озорничай там, это тебе с рук не сойдет! Ты ведь всю Болгарию представляешь. Русские — душа-люди, но коли рассердятся! Русская драка, знаешь, что такое? Покажется тебе небо с овчинку! . .

Отец вспомнил о чем-то и вынул из кармана пожелтевшую фотографию русского бойца, вокруг которого стояли они — семья Петковых.

— Самое главное чуть не забыл. . . Алеша! Поедешь туда, смотри, найди его и скажи, что мы живы и здоровы. Вот на, здесь он сам написал свой адрес. Послать бы ему бутылочку прошлогодней сливовицы, да уж теперь. . .

— Как он пел и плясал! — вздохнула мать. — С песней шел в бой. Только бы жив остался. Напомни, что он у нас жил. Помнит он меня? Не забыл, как мы встретились 9 сентября?

Мать вернулась в дом, вынула из сундука шелковое полотенце с кружевной мережкой и бахромой.

— Я его припрятала когда-то для твоего крестного отца, но теперь Алеше отдашь, потому что он тебе больше, чем крестный отец, — она свернула полотенце и с молчаливым благословением передала ему.

Владин осторожно положил его в чемодан с самого верху, чтобы оно не смялось во время путешествия, и еще осторожнее закрыл крышку.

— Упражняйся по дороге в русском языке, Владин! — напомнила ему учительница, подошедшая как раз к отправлению.

— Ну, ты уж лучше не разговаривай, чтобы не смеялись над твоим русским, а то два года учишь и ничего толком сказать не можешь! — снова вмешалась мать и засунула ему в карман тетрадку. — На, и по дороге учи!

Катка пела громче всех и не отрывала глаз от Владина. Ей хотелось, чтоб он хотя бы взглянул на нее. Владин посмотрел на нее, помахал рукой, и она улыбнулась. Повозка полетела, колокольчики на конях за-

звенели, словно русская тройка неслась по широкой бескрайней дороге. Село осталось позади — с садами, конюшнями, опытным полем, которое зеленело, как островок, среди сжатых участков.

Владин два-три раза обернулся.

Повозка летит, колокольчики поют, вьется пыль, и в этой пыли, в этом послеобеденном мареве ему чудится, что он уже на советской земле. Широко простираются колхозные поля, на полях электрические комбайны и целая колонна тракторов. Земля дрожит, в небе грохот, вдалеке виднеются чудные, сказочные села и города, которые мерцают, как созвездия, потом все сливается в одно ослепительное сияние — Москва!

Глава 3

В ДОМЕ РИЛКИ

Большой радостью для Рилки было узнать от Павлина о том, что Владин едет в Москву. Мальчик, который принес ей тайком ромашки, должен приехать в Софию, и они вместе поедут в город, о котором мечтали. Мальчик, который с риском для жизни спас ее от смерти, приезжает теперь с этим псездом. Как можно было не волноваться?

— Рилка, что это за цветы? — спросила ее удивленно мать, когда она пришла с большим букетом крупных ромашек.

— Ведь я тебе говорила о Володьке, мама, он сегодня приезжает! Я пойду его встречать!

— Ах, вот почему ты такая. . . Ничего не слышишь, что я тебе говорю. Представляю себе, что это за Володька. . . Весь дом провоняет чесноком и навозом.

— Не надо так, мама! Володька — чистый мальчик, — возразила ей Рилка. — Я приглашу его переночевать у нас, ведь ты знаешь, что ему негде останвиться.

Несколько дней Рилка все думала об этом приглашении, но не смела попросить разрешения у своей матери, потому что боялась, что та откажет. Поэтому она обратилась к отцу, а матери сказала в последний момент.

— Ведь он тот самый, кто высосал яд из моей ноги!

— Ладно, пригласи его! — согласилась поневоле мать. — А зачем ты ромашки купила? С ромашками не мальчиков встречают, и наоборот — они.

— Есть причина! — засмеялась лукаво Рилка и прошептала: — В селе он мне все время ромашки приносил.

— Да оставь ты ромашки, сядь поиграй. Не привязывать же мне тебя снова.

— Мне сегодня не хочется, ты же понимаешь!

Уже прошло то время, когда ее привязывали веревкой за ногу к пианино, как собачку, но мать все еще грозила ей этим. Она хотела любой ценой сделать из Рилки пианистку. Ее не трогали ни мольбы, ни слезы ребенка, который хотел, как все дети, поиграть на улице и позабавиться чем-нибудь другим.

Рилка через силу села на банкетку, подняла крышку и начала рассеянно упражняться, все время поглядывая на часы. Когда же будет час?

Она перевесила картины над пианино так, как ей хотелось, и за час до прибытия поезда выбежала с букетом.

Как выглядит теперь Владин, вырос ли, загорело ли еще больше его лицо или наоборот побелело? И как он одет? Неужели поехал в своей сбычной сельской одежде? Может, догадался переменить?

И она представляла его себе опрятным, красивым и ждала с нетерпением. «Почему задерживается этот поезд?» — она часто поглядывала на свои маленькие часики, ходила к дежурной, спрашивала несколько раз и, наконец, побежала: «Идет!».

Рилка оторвалась от толпы и, когда поезд замедлил ход, побежала рядом с ним. Она ждала, что высунется взъерошенная голова Владина. Но другие пионеры махали рукой, а Владина не было. Что с ним случилось? А что, если. . . вместо него! . . Нет, не может быть! Она же точно проверила, что кандидатура Владина

одобрена и он поедет!.. Почти все вышли, а Владина все не было. Она уже повернулась, разочарованная, опустив цветы, когда из одного вагона показался сначала большой чемодан с ремнями, а за чемоданом мальчик в кепке и куртке. Она уставилась на него. Этот мальчик был и похож на Владина, и не похож. Только когда он поставил чемодан на перрон, она крикнула:

— Владин! — и кинулась к нему.

Владин обернулся. Ее радость смутила его, и он стоял, растерянный, на перроне. Не знал, что ему делать. Он не ожидал увидеть ее, а вот она узнала и ждала его. Какая она белая, как будто купалась в молоке. . . И этот берет, и эта блузка — вся она казалась ему хрупкой, нежной, чистой, он не смел даже пальцем ее коснуться.

— Пошли, будешь жить у нас! — Рилка схватила большой чемодан и согнулась под его тяжестью.

Только тогда Владин опомнился, взял чемодан и пошел, все поглядывая на нее. И она казалась ему все красивее. Загар, который появился в селе, исчез. Ее нежное лицо светилось на солнце. Было что-то милое в этом лице, в этих розовых ушках, которые виднелись из-под волос, в этих теплых голубых глазах. И он шел, очарованный, рядом с Рилкой, не чувствуя тяжести чемодана. Здесь она нравилась ему еще больше, чем в селе. Как будто взяла красоту и силу у большого, шумного города. Она поражала его каждым движением, каждым словом. Такая стремительная, радостная, как быстро она шла среди этого грохота, стука, гудков, которые скрывали Владина.

— Товарищ Павлова, — обратилась Рилка к крупной русой руководительнице. — Я беру своего гостя, и мы пойдем. Завтра в шесть утра на аэродроме, да?

— Подождите, ребята! — кидалась во все стороны растерянная руководительница.

Каждый из городских ребят уже выбрал себе гостя из провинции и, договорившись с ней, повел его ночевать к себе домой.

Рилка шла впереди с Владином, стискивая одной рукой большой букет цветов, а другой помогая Владину нести тяжелый чемодан.

— Ах, я совсем растерялась! Мама мне сказала взять такси, а я... знаешь, я очень рассеянная. Остановите! — махнула она рукой одному шоферу, высунувшемуся в открытое окошко, и он остановил машину как раз перед ними.

Она взяла у Властина чемодан, подпрыгнула и положила его вверх в багажник. Рилка и Владин уселись на заднее сиденье, и только тогда Рилка догадалась отдать ему цветы.

— Возьми, это тебе!

Владин неуклюже положил цветы себе на колени. Она глядела на него, одетого в новую куртку, и радовалась. «Хорошо, что переоделся!»

— Ты очень загорел, Владин! Черный, как уголь, — внимательно разглядывала она его. — Испугаешь советских товарищей! Особенно если... Дыхни!

— Зачем? Я не курю!

— Нет, нет, дыхни, прошу тебя!

— Но я... не пью! — он дыхнул ей в нос, и она обрадованно воскликнула:

— Ох, а я уже испугалась! От тебя не пахнет чесноком! Мама не выносит запаха чеснока. Из-за этого они вечно ссорятся с папой. Да и я, признаться, не очень люблю чеснок, только в селе съела одну дольку. Пожалуйста, Владин, обещай, что не будешь есть у нас чеснок.

— Ну... не буду.

— А ты знаешь, что еще немного, и ты бы не поехал в Москву? — повернулась к нему всем телом Рилка.

— Из-за чеснока?

— Ох, что ты! Ведь предложили Дилко. Но из-за того, что в группе нужен был мишуринец, едешь ты. Понимаешь? Будешь представлять наших опытников.

Владин начал успокаиваться. Большой город, который его пугал, казался ему сейчас благодаря Рилке красивым, гостеприимным, у него уже была опора.

— Но ты должен поблагодарить Дилко! У него прекрасное сердце! Ни его отец, ни он сам не приезжали сюда узнавать, почему предложили Дилко, а едешь ты... Очень хороший мальчик!

Владина это начало раздражать, он очень хотел узнать, что же произошло дальше. Дома Дилко ничего ему не сказал. «В добрый путь, Владин, привет советским товарищам и скажи им, что мы идем по их пути...» Теперь ему стало ясно, почему Дилко печально отвернулся. Ему было тяжело, что едет не он! И почему ничего не сказал, ни словечка? Ишь, он какой...

— Ты должен его поблагодарить! Привезти ему что-нибудь из Москвы.

— Эх, только бы добраться!

— Доберемся, Володька! Завтра в шесть утра самолет! Билеты готовы, папа все проверил.

— Разве и ты? — повернулся к ней пораженный Владин.

— И я, как отличница.

Рилка вдруг умолкла и покраснела, потому что вспомнила об упреках, которые ей сделали все пионеры, когда узнали о ходатайстве ее отца. Ребята сами предложили, чтобы ехала она, и в сущности ходатайство ей ничем не помогло, только поставило в неловкое положение. И она обещала себе никогда не искать заступничества кого бы то ни было. Пусть ее оценивают по ее заслугам.

— Едем, Владин! Оба! — вздохнула Рилка и, взглянув на него лукаво, словно доверительно добавила: — Я папе и маме все сказала. Мама все знает о нашей дружбе и только спрашивала меня, когда я получала письма: «От Владина?». А я ей говорила: «Не от Владина, мама, зови его Володька!»

Машина остановилась. Рилка выскочила первая, подбежала к входной застекленной двери и нажала кнопку домофона¹.

Какая-то женщина высунулась из окна пятого этажа и стала спускаться по ступеням.

— Мама! — сказала Рилка, схватилась вместе с Владином за ручку чемодана, и по темному коридору они дошли до лестницы.

— Погоди! Поедем на лифте! — Рилка нажала кнопку у одной из дверей.

¹ Домофон — телефон у входа, связанный с квартирами дома.

Владин удивленно глядел. Он слышал, что в Софии поднимаются на машине, но теперь впервые с удивлением наблюдал, как зажегся красный огонек, раздался гул, и через минуту перед ними открылась освещенная мягким светом кабина. Они вошли, лифт поднял их наверх, и пока Владин рассматривал ряд белых кнопок, он остановился, и Рилка вытащила чемодан наружу.

У дверей их ждала ее мать — полная женщина с завитыми рыжеватыми волосами, в пестром платье и с браслетом на руке.

— Вот это Володька, мама! — сказала сияющая Рилка.

— Хорошо, хорошо, а шоферу ты заплатила?

— Ой, забыла! — Рилка собралась было снова вскочить в лифт, но мать не дала ей.

— Ты проводи своего гостя, а я заплачу.

Рилка вытащила из кармана ключик и открыла входную дверь, на которой была прибита табличка с надписью: «Проф. Г. Киров».

Владин робко вошел в большую светлую гостиную, не смея ступить на толстый персидский ковер. Он глядел на красивый продолговатый столик посредине, на кресла и диваны, покрытые чехлами с вышитыми на них цветами, на стены, увешанные бра и картинами, на люстру, которая спускалась с лепного потолка, словно в какой-то церкви. Все его сковывало. Он не мог сделать ни шагу. Сверкающий камин, выложенный зеленым кафелем, поразил его и испугал.

— А это папин кабинет! — Рилка открыла дверь в боковую комнату, и ошеломленный Владин остановился на пороге.

Эта комната тоже была застлана ковром. И большая библиотека прямо до потолка, со стеклами, а внутри на полках — книги, книги. Владин никогда не думал, что столько книг можно собрать в одной комнате. Тяжелый дубовый письменный стол стоял у левой стены. На столе — телефон, папка с бумагами, пишущая машинка и лампа с соломенным абажуром. Владин замер у порога, неподвижный, с остановившимся взглядом.

— Входи, ничего! — подтолкнула его Рилка, видя, что он оглядывает свои запыленные ботинки, которые оставляли отпечатки на блестящем паркете.

Владин подошел к стеклянной библиотеке и установился на нее. На книгах в вишнево-красном переплете, он прочел золотыми буквами написанное слово «Ленин» и оцепенел еще больше, словно эти книги собирались его проэкзаменовать.

— Рилка, отведи гостя в ванную, с дороги он, — голос матери привел их в себя. Она вошла в комнату и, взглянув искоса на Владина, который ходил в пыльных ботинках, сразу начала вытирать белые отпечатки на желтом, натертом воском паркете.

Владин был ошеломлен ванной комнатой, облицованной белой плиткой. Рилка пустила воду из крана и сунула ему в руку мыло.

— Намылся получше! Ох, уж этот Володька, не может умыться! Только мажется! — она вертела кран и вытирала струйки пены с его ушей.

Владин вымылся и сел на диван, аккуратно причесавшись.

— Ой, Володька, ну и шелушится у тебя нос! Как ты только в Москву поедешь с таким носом! Посмотришь в зеркало! — пошутила Рилка, а Владин испугался, поглядев на себя в огромное зеркало. Действительно, могут его не пустить, еще с аэродрома вернут. Построят их и скажут: «Поднимите головы, мы посмотрим ваши носы! Нам сопливые не нужны!».

Рилка подбежала с тюбиком и выдавила на палец немного крема.

— Дай я тебе намажу нос, и к утру все пройдет!

Владин не позволял, сопротивлялся, но все-таки она сумела просунуть свой тонкий мизинец сквозь решетку его пальцев и мазнуть кончик его носа.

— Почему ты не прилеплял на нос тыквенный листок?.. Разве ты не видел, как я делала на жатве?

— Не один листок, а три этажа листьев налепи я себе на нос, ничего бы не помогло. Это солнце так пекло каждый день, словно хотело меня сжечь! — Владин ог-

лядывал мебель уже смелее и, когда его взгляд упал на пианино, он удивленно спросил:

— А это что за блестящий ящик?

— Как? — ужаснулась Рилка. — Неужели ты действительно не знаешь? . . .

— Ну, я слышал, но. . .

Мать встретила огорченный взгляд Рилки и ответила глазами: «Видишь, какой он невежественный, твой хваленый Володька!». Что-то резануло Рилку по сердцу, она почувствовала холод. Она так много играла, старалась, мучилась, чтобы показать ему, на что она способна, а он, он даже пианино не видал. Как он сможет оценить тогда ее музыкальные способности?

Рилка неохотно открыла крышку пианино.

— Хочешь, я тебе поиграю?

— Давай. . . — кивнул Владин.

— Ты что хочешь — Шопена, Листа? . . Я очень люблю Шопена.

Владин кивнул головой: «Что хочешь!»

— Потому что Шопен нежный, лиричный, я все время его играю, когда приходят гости. . .

Она прикоснулась к клавишам, и звуки словно преобразили ее. Лицо девочки снова стало милым, восторженным, глаза заблестели. Она играла и слегка покачивалась, как будто плыла на лодке по морю, зажмурив глаза и забывшись.

— Тебе понравилось, Володька? — вскочила она, когда кончила, ожидая услышать, что мальчик задохнется от восторга.

— Ну да. . . — кивнул головой Владин, оглядывая ножки пианино, тонкие внизу, как у лошадки. — А что это за кольцо, там, на ножке?

Рилка робко оглянулась и зашептала ему на ухо:

— Когда я была маленькой, мама меня привязывала, чтобы я не убегала на улицу, а играла. Она во что бы то ни стало хотела сделать из меня знаменитую пианистку и послать учиться в консерваторию, в Ленинград. А папа мечтал сделать из меня научного сотрудника академии. Не знаю, Володька, ты скажи, что мне делать. Лично я предпочитаю изучать индустриальную

химию, чтобы мы были вместе с Боянкой. Но как бы то ни было, музыку я не брошу. И пожалуйста, Владин, если ты мне друг, не показывай перед папой и мамой, что ты не разбираешься в музыке. А ты не играешь на каком-нибудь инструменте?

— Играю! — воскликнул Владин.

— Ах, — захлопала Рилка в ладоши. — А на чем?

— На свирели.

— А что это такое? Я часто хожу на концерты, но о таком инструменте не слыхала.

— Она со мной. Вот! — он вытащил обыкновенную деревянную дудку.

— Очень красивая! Ох, ты меня спас, Владин. Она совсем как флейта! Очень красивая! Скажи маме, что ты играешь на флейте. Она очень любит музыкальных людей. И только об одном меня и спрашивала, когда я вернулась из села: «А твой Владин музыкальный?».

— А что это за карточки, которые ты повесила, как иконы?

— Разве ты их не узнаешь? Это молодогвардейцы. Вот та — прекрасная Любовь Шевцова. . . А это балерины Лепешинская и Галина Уланова — моя любимица. А это самые знаменитые пианисты мира. Здесь советские виртуозы. Мама мне говорит, что и я стану такой же знаменитой, как они, если буду упражняться.

— Конечно, станешь!

— И буду ездить на гастроли в разные страны.

— Это что же такое?

— С концертами. А ты будешь, Володька, ездить со мной, переворачивать мне ноты? Я тебя научу.

Владин со вздохом решил:

— Если нужно. . .

Рилка подошла к двери, прислушалась, как мать хозяйничает на кухне, вернулась и тихо доверила Владину:

— Решительно, мама права!

— В чем?

— Да она. . . Знаешь, что она мне говорила о крестьянах: «Они грубые, кричат, бьют своих жен и все обманщики». Когда-то, еще до Девятого сентября, обма-

нывали ее с маслом. Продавали его с примесями внутри куска. Поэтому она и сомневается, что крестьяне переменялись. «Все такие же», — говорит. Но ведь они не такие, правда, Володька?

— Ну конечно, не такие. . . — засмеялся Владин. — Ты ведь сама видела, что не такие.

— Да, я ей долго объясняла. И она переменит свои взгляды. Она должна понять, что не те крестьяне плохи, которые работают, а другие, тайные агенты империалистов. А как дела в селе? Есть что-нибудь новое?

— Ничего, — мрачно отвел взгляд Владин.

— Эх, если б мы смогли поймать этого типа. . . И мама тогда, наверно, изменила бы свой взгляд на крестьян.

— Только бы он не устроил чего-нибудь, пока мы не вернемся.

Рилка вздрогнула, услышав звон тарелок. Обернулась к кухне и задумчиво сказала:

— Очень мне тяжело из-за мамы. Она, бедная, целыми днями все на кухне, закабалилась ради нас с папой. Не только готовит нам завтрак, обед и ужин, но и следит, чтобы мы были хорошо одеты. Папе поправляет галстук, мне бант. Но знаешь, Володька, она такая строгая. «Никаких собраний, говорит. Мальчик должен быть общественником, а девочка — стараться быть красивой!» А я ненавижу, когда со мной обращаются, как с куклой, и держат под стеклянным колпаком. И решила, Володька, стать свободным, самостоятельным индивидом.

— А это что такое?

— Буду делать то, что хочу! Не могу больше терпеть, что меня дома постоянно спрашивают: «Ты где была? Почему опоздала?». И чтобы пойти на пионерский сбор, я каждый раз должна просить разрешение и давать отчет. Надоело мне слушать, как мама с папой ссорятся между собой из-за моей общественной работы.

— Ну а что ты можешь сделать?

— Я думаю, если поеду в Москву, то уж больше не вернусь! Там буду учиться и работать, и читать романы, сколько хочется. И папа не будет вырывать их у меня

из рук из-за того, что они не для детей. Знаешь, я возьму романы у мамы. А мама попросит их у тети. Такие романы, приключенческие! Мне так хочется приключений, Володька! Я мечтаю о путешествиях, мечтаю поехать по Волге и Дону, на Кавказ, в Батуми, в Баку, в Сибирь, до самого Владивостока! Не буду ни о чем беспокоиться, не буду слышать больше крики больных детей. . . Вот-вот, слышишь? Этот младенец постоянно кричит. У нашей соседки пятеро детей! Едва один поправится, другой начинает болеть. А этот маленький, ух, какой он! Целую ночь орет. Но когда не плачет, он очень милый. . . Жаль только, что больше всего он ревет. Лучше я возьму себе тетиного щенка! . . . Джеки! . . . — закричала она, высунувшись в другую комнату, и оттуда к ней кинулся белый пушистый щенок.

Она кивнула, и он прыгнул к ней на колени.

— Познакомься, Джеки! Ну, покажи, что ты воспитанный! — она погладила его, и щенок послушно подал лапку.

— Что это за пес, он не сможет тебя защитить! Я тебе приведу одного из наших. У нас в кооперативе есть один такой злой, что никому не даст приблизиться к тебе.

— А я его знаю, он ходит с овцами Димчо! Нет, я не хочу такого зверя. Я возьму Джеки. Тетя мне его отдаст, будем с ним путешествовать. Я стану его купать, а если он не будет меня слушаться, то и отругаю его. А твой пес может меня укусить, и тогда мне нужно будет идти в диспансер делать прививки против бешенства. Ты придешь навестить меня, Володька, если меня положат в диспансер?

— Приду.

— И в диспансер лягу назло маме! Постоянно меня попрекает: «Какой хозяйкой ты будешь, говорит, если в один день две чашки разбила! Если б я так била, твой отец выбросил бы меня, как разбитую чашку!» Володька, а ты бы что со мной сделал, если бы я нечаянно разбила чашку?

— Ну, большое дело, чашка!

— Ох, мне легче стало! Давно хотела я проконсультроваться с кем-нибудь по этим вопросам!

— О чашках?

— К папе часто ходят на консультации. И я записала в блокнот: «Проконсультироваться по этим вопросам в Советском Союзе».

— По каким? — спросил Владин, совсем сбитый с толку.

— Как по каким? По вопросам взаимоотношений между учениками и родителями. . . Когда какая-нибудь мать, вроде, например, моей, слушает вечером тайком «Голос Америки», неужели я не имею права сделать ей замечание, если она не понимает хороших слов, а слушает этих убийц, которые готовят новую войну. Имею ли я право принимать участие в общественной жизни? Как нам поступать, если наши родители неправы? Я знаю, что в Советском Союзе полная эмансипация. . .

— Можеть быть, я не видел! — заключил Владин.

В дверь позвонили три раза, и Рилка радостно кинулась открывать: «Папа!».

Вошел ее отец — крупный, полный, слегка полысевший мужчина, с черными бровями на бледном лице и в очках с золотой оправой. Он сразу улыбнулся Влади-ну. Рилка взяла его портфель и понесла в кабинет, а он поздоровался с Владином за руку, как со знакомым:

— Тракторист из Ломтева, да? Очень приятно, товарищ!

Владину понравилось, что отец Рилки назвал его «товарищ». Что произошло в этом доме? Мать, которая сначала неохотно приняла его, увидев, что он внимательно слушает Шопена, стала относиться к нему добрее. Только теперь он понял, что Рилка действительно очень хорошо говорила о нем родителям.

— Я слышал о каком-то картофеле по килограмму клубень. Это верно или Рилка преувеличила? — спросил он, садясь рядом с Владином.

— Вот он, — кивнул Владин на угол, куда Рилка поставила торбочку с большими картофелинами.

— Это действительно достижение! — отец присел на корточки, подбросил крупную картофелину, взвесил на руке, чтобы почувствовать ее тяжесть. — За такие достижения ты, Володька, действительно заслужил поездку в Москву.

И оглядев с любопытством Владина, он спросил.
— А как получилось это чудо?

— По-мичурински, — ответил Владин. — Мы с учителем Тодоровым скрещивали наш сорт с советским, хороший год выпал, и. . .

Отец Рилки спрашивал и внимательно слушал, словно хотел точно запомнить ответы мальчика. Он даже сходил в свой кабинет и принес блокнот.

— Это нужно популяризировать. Нужно написать очерк! — сказал он и, записывая рассказ Владина, время от времени прерывал его и говорил:

— Какой там очерк! Ведь это готовый роман. Вот таких героев нужно рисовать писателям!

— Ужин готов! — крикнула мать, и Рилка повела Владина, которого отец пропустил впереди себя.

Глава 4

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

После ужина Рилка отвела Владина к себе в комнату. Колосья пшеницы висели крест-накрест над кроватью. Коллекции бабочек, минералов, морских ракушек.

— А это — мой гербарий из Ломтева, — она показала Владину все растения, которые заботливо собрала в свой альбом и надписала их названия. — Скажи, вот это, например, что такое? Как же ты поедешь в Москву? Что если советские товарищи покажут тебе там гербарий, а ты не узнаешь растений? Ой, Володька, стыд какой! Ведь ты мне сам о них рассказывал.

— Ну, на. . . пастушью сумку похожа, — запинаясь, проговорил Владин и ткнул пальцем в засохшую траву.

— Нет, Владин, будь внимательнее, пожалуйста! Говори их латинские названия.

— Да она высохла, черт ее побери! Но, наверно, это тысячелистник.

— Узнал! — обрадовалась Рилка. — Вот видишь, я

написала и латинское название. А это? Помнишь ту целебную траву, которой меня лечили вместо ультра-септила?

— А-а, подорожник!

Рилка перелистала альбом и открыла его на предпоследней странице, в которой лежала красная закладка.

— А этот. . . цветок узнаешь? — она показала своим тонким пальцем на записку, и Владин вспыхнул.

Ее глаза лукаво блестели и пронизывали его. Это было письмо, тайное письмо.

Владин нахмурился. Значит, она не порвала этот листок, который он ей написал, сам не зная зачем. Спрятала его и привезла сюда, положила в свой альбом, даже прикрыла целлулоидным листом, словно что-то очень дорогое, до чего никто не смеет дотронуться. А что если ее мать откроет случайно альбом и прочтет каракулями написанные слова: «Рилка, я. . .» Сразу закричит: «Ка-а-ак, ты и письма получаешь? Для того я отпустила тебя в село? Что означает это многоточие?»

— Порви листок сейчас же! — протянул руку Владин.

— Зачем? — она схватила листок и снова спрятала его в альбом. — В письме нет ничего плохого. Наоборот. . . Володька, почему не признаешься, что это ты его написал? Признайся!

— Но!.. Это не я! — пробормотал Владин и отвернулся.

— Ох, не мучай меня, Володька, признайся, что ты хотел этим сказать: «Рилка, я. . .» Скажи, что должно быть дальше.

— Но. . . — смутился Владин и не знал, что ответить.

Он считал, что это дело забыто, а вот теперь записка жжет его, как разрытые угли.

— Признайся, Володька. . . Признайся, Володька. . .

Вдруг она умолкла и прижала палец к губам. На пороге стояла ее мать!

«Ну и влип я! — с грустью подумал Владин про себя. — Пропала и Москва, и опытное поле, и все! От всюду выбросят меня! И никакой секретарь парторга-

низации уже не спасет. Хоть триста писем пиши теперь Вале, все равно не ответит».

«Сбегу! — решил он. — Когда все заснут, возьму и сбегу».

— Ну, поболтайте еще немного и ложитесь, ведь завтра в шесть часов надо вставать, — сказала мать, бросила на кушетку Рилкину пижаму для Владина и вышла, хлопая шлепанцами.

Но Рилка и Владин продолжали разговаривать.

— Знаешь, Володька, мне не хочется спать! Давай проэкзаменуемся по русскому. Может, забыли какие-нибудь слова, и страшно неловко будет, если ошибемся в Москве.

— Может, и ошибемся! — съезжился Владин, ему не хотелось заниматься сейчас русским.

Но Рилка не оставляла его в покое.

— Как ты скажешь, например: «Пожалуйста, дайте мне поесть!»

— Да мне незачем просить есть, они сами мне дадут.

— Не лги, Володька, первое, что ты захочешь, это поесть, я знаю. Ты крестьянин и даже попросишь добавки. Ты должен знать, как сказать по-русски: «Пожалуйста, дайте мне что-нибудь поесть или попить».

Владин помолчал и сказал:

— Пожалуйста, ядене или пиене! А если меня не поймут, постучу по столу или вилкой по тарелке и — дадут!

Рилка рассмеялась.

— Ты похож на моего приятеля по французскому детскому саду Косьо, ты ведь его знаешь? Он, если забывал какое-нибудь слово, добавлял перед болгарским «ла» — и готово. Его учительница спрашивает, как по-французски «нос», а он сразу: «ла нос». А как «поезд» — «ла поезд». Ха-ха, Володька, вот стыд будет! Нет, этого нельзя допустить! Не будем спать эту ночь, но я тебя проэкзаменую! В Москве отоспимся!

Родители Рилки разговаривали в соседней комнате, а они все обменивались русскими словами и выражениями. Через какое-то время ее мать снова зашлепала своими туфлями.

— Ну, Рилка, ты еще не ушла от мальчика! Живо в постель!

— Спокойной ночи! — сказала Рилка виновато, выскочила в другую комнату и юркнула под одеяло.

Владин решил лечь на кровать, не раздеваясь, но когда увидел постеленную белую простыню, подушку с кружевами, ему стало неловко. Могут сказать: «Какой неотесанный, спит, как на поле, в одежде!». И когда Рилка сказала ему «Спокойной ночи!» и ушла, он разделся и надел пижаму, которая немного жала ему в плечах, но в то же время ласкала своей приятной прохладой.

Он долго не мог заснуть. Мысли путались. Разве мог он подумать, что та Рилка, которая бегала от него, как от зверя, будет сейчас такой внимательной! Почему это все? Потому что он выдвинулся на опытном поле! Поэтому и отец Рилки уважает его теперь. «Хороший человек!» — подумал Владин, и мало-помалу Рилкин отец, хотя он и был бритый, стал появляться перед его глазами с длинными усами, каким представлял Владин Валиного отца. И он видел себя во сне уже не в доме Рилки, а в Кремле. Владин подходит к Кремлю. Но когда он проходит в ворота Спасской башни, какой-то голос останавливает его.

— Стой! Ты не знаешь русского!

— Ладно, — отмахивается он, — я исправился. Получил по русскому отлично.

— Да это любой в дневнике может иметь отлично, а как приедет сюда, проглатывает концы слов. С твоим русским ты не можешь явиться в Кремль. Они там от смеха умрут.

— Знаю, знаю, знаю. . . — шепчет Владин, свернувшись калачиком в кровати.

В Рилкином доме все спали. Раздавалось только сонное бормотание. Через какое-то время ворота Кремля открываются, и все входят, только он остается снаружи. Тяжелые ворота захлопываются перед его носом. «Это тот. . . второй. Пролез уже и сюда», — ахает Владин. Он стоит и ждет. Теперь он уже ясно видит, кто мешает ему войти в Кремль. Это тот, тайный агент, которого они прозевали. «Бандит, Рилка! Бандит, бандит!»

Утром он вздрогнул от звона будильника. Он не мог понять, где находится. Лампа в гостиной светилась, слышались голоса.

— Ой, опоздали! — волновалась Рилка. — Через полчаса самолет отлетает! Что же ты стоишь, Владин, поторопись! Останемся здесь!

— Не беспокойтесь, я передвинула стрелки на полчаса вперед. А кто из вас ночью кричал: «Бандит! Бандит!» — спросила, улыбаясь, мать.

Владин виновато опустил голову и в смущении не заметил, когда были собраны чемоданы. Через пять минут подошло такси, они погрузили багаж и ровно в шесть были на аэродроме.

— Вот на этом самолете полетите! — сказал отец Рилки.

Серебряная птица блестела и словно трепетала, готовая к отлету. Владин делал много авиамоделей, но настоящий самолет увидел вблизи только теперь. Ему все казалось, что в последнюю минуту что-нибудь случится, и он не сможет попасть в самолет. «Скорее! Скорее!» — кричал он про себя. Ему хотелось сразу сесть в самолет, тогда пусть попробуют. . . Тогда уж никто его не сможет снять. Самолет — это не поезд, чтобы останавливаться на каждой станции, где всякий может выходить и входить. Самолет только взлетит — и Москва! . . На аэродроме он увидел большую группу родителей, которые поручали что-то руководительнице Павловой. А среди них совсем неожиданно он заметил Дилко.

«Ну, конечно мое дело! — подумал Владин. — Узнали о записке, и вот теперь он пришел, чтобы ехать вместе меня».

Дилко направился с букетом полевых цветов прямо к Рилке.

«Для нее принес цветы! От радости, что едут вдвоем!» — подумал Владин.

— А, Дилко! — вскричала Рилка, оставила Владина и побежала к нему.

«Я знал, что все так обернется. Они были друзьями, постоянно ходили вместе. Она хотела, чтобы ехал он, а не я. Здесь что-то подготовили против меня. Хорошо,

что я не признался Рилке, а то она сразу бы ему выболтала».

Владин отошел к бетонной колонне.

«И о чем они там шепчутся? Пусть подойдет и скажет прямо: «Мы узнали, что это ты написал тайную записку, и поскольку ты не был искренним перед пионерами, все единогласно постановили: поедешь не ты, а я». Сказал бы так, и сразу бы все кончилось. Зачем так заговорщически шептаться? Или разрешат ему войти в самолет, а уж тогда снимут, чтобы ему было стыдно перед всеми?»

Рилка обернулась, поискала глазами Владина и, увидев его, повела к нему Дилко.

— Ха, ведет его, как милиционер! — Владин спрятался за колонну.

— Вот он, скажи ему сам!

«Кончилось мое путешествие», — простонал Владин и мрачно оглянулся на двери аэровокзала, чтобы кинуться прямо через поле, куда глаза глядят.

Дилко подошел к нему, улыбаясь.

«Как же ему не смеяться!» — подумал Владин.

— Приехал. . . — подал ему руку Дилко.

«Знаю, зачем приехал, только говори поскорее», — ответил ему мысленно Владин.

— Приехал ночным поездом. . . чтобы сообщить тебе. . .

«Ох!» — зажмурился Владин в ожидании удара, дрожащий, онемевший.

— Так решила пионерская организация: сообщить тебе, что мы собрали весь картофель, так что ты можешь сказать советским товарищам, что мы досрочно выполнили обещание. . .

— Ну, слава богу, — вздохнул Владин.

— И еще. . . — Дилко огляделся, и Владин снова вздрогнул, — опять появился этот. . . Катка нашла засунутое под дверь предупреждение ее отцу как секретарю парторганизации. . .

— Это от того самого! — вскричал Владин и был готов вернуться и начать поиски.

— Но не тревожься, мы его обнаружим.

— Ах, гад! Выследите его, Дилко! Скажи и Катке,

и Гечо! Но по-умному! — только и сумел проговорить Владин, обнял его и кинулся бежать, потому что самолет уже рокотал и дежурный кричал: «Пассажиры, занимайте свои места». Прежде чем подняться по ступенькам трапа, Владин обернулся и увидел Дилко, который выглядел бледным, невыспавшимся, измученным, но все-таки улыбался.

— Как мне жалко, что ты не едешь! — печально глядел на него Владин.

— Записывай все, слышишь, Рилка! — поручал ей отец.

— Непременно сходите в Большой театр и посмотрите «Лебединое озеро» с Лепешинской, и напишите сразу, слышите! — кричала мать то Рилке, то Владиному и советовала им, как брату и сестре: — Да не отрывайтесь там друг от друга, Владин, а то наша Рилка такая рассеянная. . .

— Мама, как можно так говорить!

— А разве не правда? Как замечтаешься, так для тебя уже ничего не существует вокруг! Володька, будь ей кавалером, держитесь за руки, чтобы не потеряться в Москве.

В первый раз Рилкина мать обратилась к нему так мило, как к Рилке. Назвала его «Володька»! Тревога, лежащая у него на сердце, прошла. Наконец, смягчилась эта строгая женщина, которая его чуть не выгнала из своего красивого светлого дома. Владин схватил Рилку за руку и повел по трапу в самолет.

— Ну! — поторопила их руководительница Павлова, когда они снова остановились у дверей.

Дилко махал рукой, а Владин и Рилка отвечали ему уже из окна. Самолет оторвался от земли и полетел. Он сделал несколько кругов над летным полем и нырнул в синеву летнего неба.

Все стали расходиться. Только один русский мальчик со светлым чубом все еще махал рукой, а слезы текли, текли. . .

Глава 5

В САМОЛЕТЕ

«Но вот, все обошлось! Лечу», — сказал себе Владин и вытянулся в мягком пружинящем кресле. Рядом с ним была Рилка. Она глядела на него и улыбалась. Владин понимал, что она хотела ему сказать: «Видишь, Фома неверный? Летим! Через восемь часов мы в Москве!». Владин оглядывал самолет, ощупывал все вокруг, смотрел в окно, и вершины гор, казавшиеся ему с аэродрома такими далекими, недостижимыми, были теперь совсем близко. Ему казалось, что если бы окошко было открыто, он мог бы протянуть руку и коснуться их. Поляны выглядели, как зеленые мисочки, а стада овец, как муравьи. Вот леса, густые и непроходимые, реки, скалы и орлы. Горы словно распахнулись перед ним, он глядел на них, летя, как птица, и рассматривая каждый тайный уголок.

Солнце просвечивало сквозь облака. Самолет летел то над ними, и они оставались внизу, похожие на мягкие хлопковые громады, то нырял в облака, и они появлялись у самого окошка, можно было сунуть в них руку, как в мыльную пену.

— Не наклоняйся! — дернула его Рилка. — Тебе станет плохо.

— Ну да! — небрежно сказал Владин и снова наклонился.

Горы остались сзади, сейчас показалась равнина, нарезанная такими правильными квадратами, словно дети расчертили площадку для игры в классы. Реки были похожи на тоненькие, изогнутые сабли; они пропадали в темно-зеленых кустах и снова появлялись.

— Дунай! — вскричал Владин, и все дети прильнули к окнам.

Рилка тоже наклонилась к окну. Смотрела, но ничего не видела. Вон там белеет неподвижная, словно покрытая ледяной корочкой, полоска. Неужели это Дунай?

— А там остров, — сказал Владин, и Рилка увиде-

ла, что на ленте темнеет ржавое, величиной с ладонь, пятно. — Я был на этом острове, но добирался не на лодке, а так, переплывал.

— Ну уж, Владин!

— Правда. Когда нас водили на экскурсию. И я поймал сома величиной с тебя!

— В рыбном магазине! — засмеялась Рилка.

— А мы уже над румынской землей! До свидания, Болгария! Через тридцать дней увидимся снова! — закричали пионеры, и Владин почувствовал, как какая-то боль сжала его сердце. Отсюда начинается незнакомый мир! Румыния! Какая она, Румыния? Владин учил, что там много соли, нефти и леса на Карпатах — самых высоких горах. Он смотрел вниз, но не видел ни нефти, ни соли, ни штабелей леса, ни даже голубой горы Синаи. И здесь все то же, что в Болгарии, — расчерченная земля, села, как кубики, выстроились возле дорог и речек. И здесь время от времени появлялись большие села, города, и потом снова равнина, равнина, расчерченная на квадраты. . .

Владин еще не успокоился, что миновал границу и летит над соседней землей, как самолет начал глушить мотор.

— Что случилось? — спросила Владина Рилка, но он не мог ответить. Может быть, кончился бензин, и они падают? Ребята побледнели. Только бортпроводница, круглолицая русская девушка с ямочками на щеках, смеялась, как ни в чем не бывало. Она словно не летела на самолете, а шла по земле. Владин встал со своего места и, заглядывая в открытую дверь кабины, чтобы увидеть летчиков, вслух проговорил, глядя на табло над дверью, на какой высоте летит самолет:

— Тысяча двести! Ого! Тысяча, восемьсот, пятьсот метров! Что случилось?

— Ой! У меня барабанная перепонка сейчас лопнет! — Рилка смотрела на него, вытянувшись, откинув голову. — Ах, я совсем, как мама! Ей и в машине становится плохо!

— Бухарест! — нараспев сказала бортпроводница.

Владин наклонился к окошку. Только сожженное солнцем поле, и больше ничего.

— А там. . . большой город, больше Софии, такой, как две Софии, а может, и три. . . — восклицал Павлин, показывая Рилке на окно, но она только слабо моргала, словно умирающая. Ее лицо было мертвенно-бледным.

Самолет постепенно опускался все ниже, а Рилка тихо постанывала:

— Ой, умираю, Володька!

Вон аэровокзал, еще двести метров, еще сто, еще один спуск и — хлоп! Самолет царапнул по земле, как кошка когтями, тряхнул ребят, так что они стукнулись головами, и заскользил по земле. Он катился и поворачивался по гладким дорожкам, а Рилке становилось все хуже.

— Ох, и почему я не попросила у Стефкиного папы какого-нибудь средства!

— Стоп! — скомандовал Владин и поднялся первым.

Он помог сойти Рилке, словно она была больной, перенесшей тяжелую операцию. Но пока они медленно спускались по трапу, взгляд его следил за птицами. Снаружи на ребят пахнуло прохладой, и Рилка, побрызгав себя духами, которые мать положила ей в сумочку, ожила. А Владин, словно добровольный помощник, все вертелся около незнакомых пилотов. Маленькая машина на резиновых колесах примчалась откуда-то и забралась под самолет, как теленок, который пришел пососать молока. Чтобы самолет опять поднялся в воздух, она напоила его бензином и так же быстро унеслась куда-то. Владин забрался под самолет, внимательно рассматривал крылья, колеса, хвост, винт — все ему было ново и удивительно. Но больше всего его интересовало, кто из пилотов вел самолет. А когда винты стали загребать воздух, он так увлекся, что если б Рилка его не оттащила, они захватили бы его. Он последним поднялся по трапу и занял свое место у окна. Потом включил вентилятор, не боясь, что сломает его, нажал кнопку на кресле Рилки. Рилка откинулась, а он, направив воздушную струю ей в лицо, снова стал глядеть в окно. Самолет оторвался от румынской земли и полетел в беспредельное небо. «Как сменяются скоро-

сти?.. Может, там зажигание, как у машин?» — Владин поднялся и пошел к кабине летчиков. Пилотировал тот, кто, как заметил Владин, прихрамывал. Владин перед отъездом прочел «Повесть о настоящем человеке», и пилот казался ему очень похожим на Мересьева. «Может, это он?» — думал Владин. Блестящие части мотора сияли перед ним, как солнца. Он растерялся, не зная, куда смотреть — на машину или на летчиков. Ему стало тепло, хорошо, он улыбнулся, убежденный, что пилот — Мересьев, и отошел.

— Ах, какой же ты молодец, Владин, тебя совсем не мутит, — удивленно глядела на него Рилка.

— Ну вот еще, мутит! Я мог бы спуститься на землю, но забыл парашют! — пошутил Владин.

— А если б ты испугался и не успел раскрыть парашют?

— Ну!.. Он открывается автоматически. А если б не открылся, я срезал бы ножиком его лямки и открыл запасной! — смеялся он, гордый и важный, а про себя думал: «Верно, и у меня душа в пятки ушла бы, но я стиснул бы зубы и сказал себе: держись, Владин, ведь вся Болгария смотрит на тебя».

Самолет качался, проваливался в воздушные ямы, мотор стал рокотать сильнее, как у машины, поднимающейся в гору. Вдруг словно рухнул вниз. Одни откинулись, других рвануло вперед, а Рилка наклонилась над пакетом. Самолет боролся с темными, густыми, бурными сблаками. Вокруг было уже темно. Солнце словно ударилось о самолет и скатилось вниз. Ни лучика света. Налетели злые ветры. Крылья самолета перерезали их, как мечи головы стоглавого дракона. Тело стальной птицы наклонялось то в одну, то в другую сторону. Буря хлестала в стекла, капли разбивались и оставляли жемчужные полоски. Самолет боролся, хотел протиснуться сквозь густые облачные водовороты, но не мог. Небеса страшно ревели. Самолет терял силы, сердито рокотал на одном месте и словно не знал, куда ему лететь.

— Что случилось? — прижалась Рилка к Владину, как прячется от бури птичка в ветвях крепкого дерева. — Мы не сбились с пути?

— Да не прикидывайся дурочкой! Знаешь ведь, а забыла, что у летчиков есть компас.

Рилка помолчала, вслушиваясь в сердитое рокотание самолета, два-три раза ахнула, когда он попадал в ямы, и снова тревожно заговорила:

— А что, если кто-нибудь проник в кабину. . . и повернул самолет в другую страну?

— Ну что-то ты больно труслива! Зачем тогда на самолете полетела, если ты такая трусиха? Для тебя в самый раз тележка с ослицей Виолеттой. Никто не смог бы тогда тебя никуда повернуть!

Владин следил за стрелкой, указывающей высоту, которая прыгала, как ртуть, вверх — вниз. А Рилка старалась преодолеть страх, но чувствовала, что он охватывает ее все сильнее.

— Где мы сейчас? Уже над советской землей? — часто спрашивала она бортпроводницу, думая, что как только они полетят над советской землей, буря сразу прекратится. Там люди и бури укрощают.

— Одесса! — крикнул Владин, и ребята прильнули лицами к окнам.

— Еще нет, ребята. Еще целый час.

— Ох, не могу больше, не увижу я советской земли! — простила Рилка. Минуты казались ей часами.

Самолет рокотал еще сильнее, напрягался. Он вертелся, ошеломленный, и, может быть, уже искал место, где ему сесть, чтобы спастись.

— Так тяжело, хоть бы скорее советская земля! — откинулась беспомощно Рилка.

— Испытание! Проверка воли. . . — Владин направил вентилятор на ее бледное лицо. — Вспомни, как когда-то борцы ездили нелегально в Советский Союз и возвращались домой на подводных лодках!

— Добраться бы до советской земли, а тогда уж можно и умереть, тогда мне не жаль! — сказала Рилка.

— О чем ты говоришь? Это советский самолет. Его ведут советские пилоты! Даже на Северном полюсе они приземлялись, океаны перелетали, на Луну готовятся полететь, а здесь-то!.. Это для них забава. И если случится что-нибудь, дадут нам парашют, а все-таки спасут!

Но Рилка не успокаивалась. А что, если в моторе что-нибудь сломалось или винты станут работать с перебоями или не удастся выпустить шасси, когда самолет будет приземляться? На парашюте могут спастись только летчики. Нельзя на одном парашюте прыгать нескольким. Они разобьются в пух и прах, и мокрого места от них не останется! Хоть бы до Москвы добраться!

— Пожалуйста! — бортпроводница шла по проходу, с улыбкой разнося завтрак: печенье, чай, бутерброды, конфеты, фрукты. Но руку протянул только Владин.

— Теперь мы над советской землей! — сказала бортпроводница, и ребята оживились, подняли головы. Раскрыла глаза и Рилка. Она представляла землю великой страны какой-то особенной. Она наклонялась, искала чудесные очертания, но ничего не видела. Только клубы облаков разбрызгивали дождь, сгущались; закрывали голубые полосы на небе.

— Одесса! — воскликнула бортпроводница, и ребята повернули головы к окошкам, как подсолнухи к восходящему солнцу.

— Теперь пусть хоть снег валит, мы на советской земле, уже не страшно! — кричала Рилка. — Здесь и земля за нас. И даже если упадем, она раскроется так, что упадем на мягкое.

— Глупости! — оборвал ее Владин.

Солнца на небе не было, но Владиному казалось, что сквозь облака просвечивает разноцветная радуга, как после дождя. Самолет легко приземлился. Но никто из ребят не поднялся со своих мест. Только Владин пошел к дверям. Буря толкала его внутрь, но он не прятался. Проливной дождь поливал его, как из ведра, но разве он мог не выйти? Разве можно было не ступить ногой на землю, напоенную кровью множества героев? Владин сбегал вниз по трапу. Спрятался под крылом самолета. Дождь добирался и сюда, Владин мок под ним, но не шевелился. Рилка махала ему через стекло, но он отвечал ей, улыбаясь, вертел счастливо головой и искал, очарованный, чего-то особенного, величественного. Дождь бил по крыльям самолета, и ничего не было

видно, но для Властина даже дождевые капли блестяли, как жемчужины. Даже маленькая машина, быстро подлетевшая и напоившая самолет бензином, показалась ему больше и мощнее. И летчики тоже казались изменившимися, более рослыми, более сильными. Весь самолет вырастал в дождевой мгле. Мрачно, непроглядно было вокруг. Но Владин видел, мысленно создавал первый на его пути советский город, город-герой Одессу, и шел по нему, искал следы боев, встречал первых советских граждан, входил в первые чудесные здания...

Летчики вошли, и самолет снова оторвался от земли. Но только сделал первый круг, стал снижаться и сел.

— Что случилось? — всполошились ребята, но им никто ничего не объяснил.

Самолет сделал вторую попытку полететь, и снова его вернули.

— Мы полетим? — спросил, наконец, Владин летчика, которого принимал за Мересьева.

— Погода летная! — прохромал летчик и сделал Владину знак сесть на место.

Владин понял: полетим. Значит, «погода летная». Если штурвал самолета в руках такого героя, всегда будет «летная погода». По земле уже журчали ручейки. С неба хлестал дождь, как будто была продырявлена огромная бочка. Буря зловеще свистела и старалась перевернуть самолет. А пилот вошел в кабину, и самолет спокойно полетел.

«Ну и ну, летная, значит, погода», — подумал Владин. Через какое-то время он вздрогнул, встал со своего места и пошел к кабине. «Запрещено», — указала ему надпись бортпроводница и улыбнулась.

— Хочешь стать летчиком?

— Ага! Я... был трактористом... Но теперь, когда увидел... — он кивнул на пилота: — как я могу не стать летчиком!

— А если бы вы летели на реактивном или же на таком, где используется атом!

Ему показалось, что летчик на мгновение обернулся, взглянул на него и улыбнулся. И эта улыбка уверила его окончательно, что перед ним — Мересьев. Может,

перебросили его в гражданскую авиацию, и он теперь летает из Москвы в Софию, Прагу и Будапешт, все небо в его руках. И Владина все время тянуло заглядывать в кабину и смотреть на прославленного героя. С трудом он оторвал от него взгляд и пошел к своему месту, качаясь и держась за кресла.

— Чего носы повесили, эй! Поднимайтесь, Киев! — кричал он, чтобы ободрить ребят.

Никакого города видно не было, только буря хлестала еще страшнее.

— Сядь, Владин, тебе станет плохо! — потянула его Рилка.

Он сел, но не уgomонился.

— Это уже Киев. Провалиться мне на месте, если не Киев! Эй, Павлин, у тебя ведь приятель в Киеве. Скажи адрес, мы его вызовем по радио! — кричал он, и ребята повернулись к окнам.

Внизу сквозь просветы в облаках виднелись какие-то постройки, но дождь размывал их очертания. Самолет качался, падал в ямы, ребята чувствовали себя не лучше, а хуже. Прошло часа два, а Киев не показывался. Руководительница поняла тревогу ребят и, наконец, сказала им то, что узнала от бортпроводницы:

— Из-за плохой погоды мы не садимся в Киеве. Киев отказался принять самолет. Полетим прямо в Москву.

— Ох, я словно Робинзон в море! — прошептала Рилка и вытянулась в кресле, как на больничной койке. — Может быть, самолет не выдержит полета до самой Москвы! Может, бензин кончится в пути. . .

— Да как же так. . . Не видала разве, как он напился, до Нью-Йорка может долететь. Хорошего же ты мнения о советских самолетах! Столько знала, а теперь все позабыла. . . — утешал ее Владин.

Но Рилке уже виделось бурное море, она схватилась за доску от разбитого корабля, ожидая, что волны влюбое мгновение оторвут ее и увлекут на морское дно прямо в пасть какой-нибудь акулы. . .

— А что если кто-нибудь тайком. . . как тот, кто подложил железяку в сноп. . . подсунул сюда бомбу за-

медленного действия? — прошептала Рилка на ухо Влади-
нину, но он шутливо ответил ей:

— Лимоны! Кто хочет лимонов?

— Дай! Где они?

— Да вот на Рилкиных щеках. Срывайте их и осве-
жайтесь.

Все засмеялись.

— Только лимонов нет на нашем опытном поле. Дай,
Рилка, и мне один лимончик, я его посажу! — продол-
жал шутить Владин, но увидев, что Рилка насупилась,
прошептал ей: — Знаешь, кто ведет самолет?

Рилка взглянула на него.

— Мересьев! — подмигнул ей Владин.

Она улыбнулась и раскрыла рот от радости. Имя
Мересьева ее оживило. Она чувствовала себя уже луч-
ше. Мало-помалу буря превратилась для нее в сраже-
ние.словно не ветры бились, а две враждующие армии.
На советскую землю снова нахлынул ненавистный сброд,
и навстречу ему поднялась советская эскадрилья. Бой,
кровавый бой шел теперь в советском небе, где-то не-
далеко от Москвы. И вот он, Владин, среди советских
летчиков. Как один из ее любимых героев, сбивает он
вражеские бомбардировщики, и они с грохотом летят
на землю. Но и его не оставляют хищники! Круто спус-
каются и неожиданно стремительно нападают один с ни-
зу, другой сверху, он пытается вырваться, стреляет
то в одного, то в другого. И когда он думает, что побе-
дил, и хочет вырваться на волю, путь ему преграждают
со всех сторон. Он мужественно сражается, подает сиг-
нал о помощи, но он оторван от своих. Пули сразили ра-
диста Гечо, его помощника Видула, коварный снаряд по-
падает в мотор. Владин хватается за сердце и вместе
с любимой машиной летит вниз. . . Открыв глаза, он
видит, что лежит под деревом, нога ранена, самолет раз-
бит. Медведь облизывает его рану и говорит ему: «Вста-
вай, товарищ!» Он хочет встать, но не может. Медведь
помогает ему, несет на спине и, когда они подходят к
своим, опускает его. Он ползет из последних сил и, на-
конец, он на свободной земле. Хоть и с протезом, но он
снова на самолете и снова преследует врагов, как ястреб
цыпляет. Кто увидит его, еще издалика удирает: «Это

Мересьев. Его пуля не берет! Спасайтесь, пока не поздно!» Небо очищается от черных вражьих стай. Когда на самолете Мересьев, можно спокойно лететь и петь. . .

Рилка задремала. Когда она проснулась, дождь прошел, облака рассеялись. Мягкие сумерки опускались на влажную землю. Стали видны обширные густые леса, длинные реки, мелькали села, не такие, какие они видели до сих пор. Вдруг на горизонте затрепетал тоненький, как черточка, луч света. Потом черточка стала шире, как пояс, и весь горизонт покраснел. Что это? Далекий закат? Нет! Солнце давно село. Может быть, это восход на противоположном, западном полушарии? Ведь когда на восточном вечер, там утро! . Горизонт еще больше пламенел. Его залила огненная река.

— Владин, что случилось?

— Не видишь разве? Москва! — крикнул он так, что все вздрогнули. Рилка вскочила и кинулась к окну, словно хотела сейчас же броситься вниз.

— Москва! Москва! — восклицала и она. — Ох, Володька, выдержали мы испытание, увидим волшебную Москву. — И, бросив взгляд на кабину пилотов, задыхаясь от волнения, прошептала: — Спасибо, товарищ Мересьев!

Владин засмеялся и стал у дверей кабины, как на посту. Самолет вошел в огненное сияние, начал опускаться легко и приятно. Свет внизу все быстрее приближался. Это были огни Московского аэродрома. Теперь и Рилке мир казался чудесным. Она прилипла, как ласточка, к стеклу и щебетала. Когда самолет приземлился, она кинулась бежать и чуть не упала на трапе. Все сгрудилось у дверей. Только Владин остался, дождался, когда из кабины выйдет летчик, который вел самолет, и с благодарностью кивнул ему. Летчик засмеялся и погладил Владина. Владин вышел вместе с ним. Внизу полукругом стояли советские пионеры, звучали фанфары, развевались знамена, и цветы, как ракеты, летели к ним разноцветными дугами. Владин и Рилка еще не ступили на московскую землю. С трапа их подхватили советские пионеры и понесли. Владин только успел махнуть рукой летчику, и когда пришел в себя, они были уже в машине и мчались к свету, который

трепетал вдали на пылающем небе, словно Москва была не обычным земным городом, а каким-то небесным. . .

Владин сидел на заднем сиденье и взволнованно глядел на своего первого советского товарища. Ему казалось, что он видел его, что они где-то встречались. Это светлое чистое лицо с большим выпуклым лбом и глубоко сидящими, теплыми, умными глазами было ему так знакомо. Может быть, и он из тех молодых героев, о которых в будущем узнает мир?

— Юрий Матросов! — назвал свое имя советский мальчик.

«Может, это брат того Матросова, который закрыл своей грудью вражеский блиндаж. Должно быть, он! — вздохнул Владин. — Он помогал брату, он тоже герой! А я козявка!»

— Меня зовут Валя! — пионерка приподнялась и двумя пальчиками отвела юбку в сторону, как балерина. — Из Московского балетного училища.

Владин смутился. «Это она, та самая, что мне писала?» Он смотрел на ее русые волосы, круглое лицо и находил, что она совсем не отличается от портрета, который ему прислала. Но зачем она притворяется? Почему не скажет сразу — мы знакомы? Может быть, она хочет, чтобы он догадался и сказал это?

— А я Владин, — сказал он неожиданно и, хотя у него на губах было «мы знакомы», смутился и решил не говорить больше не только по-русски, но и по-болгарски.

Она глядела на него и смеялась. Две красивые ямочки появились на ее щеках. «Это она. Такой же курносый носик!» — убедился Владин и еще больше смутился.

«Может быть, отец послал ее с поручением: «Иди, Валя, иди, милая моя девочка, встретить его. Посмотри, каков он, и если он того не стоит, не приводи его в Кремль!»

Владин испуганно сжался.

«А может быть, это дочь той, о которой Рилка говорила, что она самая большая балерина Большого театра. У всех девочек есть ее снимки, и все они мечтают увидеть ее! Буду помалкивать и на ус мотать!» — ре-

шил Владин, вспомнив совет отца, и только поглядывал исподлобья то на Валю, то на Юру.

— У меня есть знакомый в Болгарии, — неожиданно сказала Валя.

Владин вздрогнул.

— Один пионер-мичуринец — Петков, Владимир, он писал мне письма.

— Это я! — выпалил Владин и сжался, как будто сделал непоправимую ошибку, что выдал себя.

— Это вы? — подскочила Валя и снова пожала ему руку.

У Владина даже уши покраснели.

— Я! Я! — повторял он и не знал, что еще сказать.

Она совсем изменилась. Защебетала, как птичка, начала быстро, неразборчиво рассказывать Юре, кто такой ее приятель, не отрывая взгляда от Владина и улыбаясь ему.

«Значит, она балерина! Ой, мамочка, что теперь будет! Куда она меня поведет и что я буду делать? Ведь я ничего не знаю о балеринах!»

— А Рилка? Куда девалась Рилка? — повторял Владин, озираясь, но вместо Рилки рядом с ним сидела, смеясь, белолицая советская пионерка.

Она смотрела на него с удивлением и спрашивала: «А кто эта Рилка и почему ты так беспокоишься о ней?».

«Что теперь будет?» — подумал Владин и ничего Вале не ответил. Кто ему Рилка? Что он скажет? Сестра? Как можно лгать советским товарищам? Знакомая? Нет! Рилка была ему больше, чем знакомая. Он послал ей тайную записку, обещал ее отцу и матери заботиться о ней, и теперь, когда его спрашивали, что он мог сказать? «Приятельница!» А Валя ему кто? Ой, а что если Рилка узнает! Как он управится с ними с двумя?

Навстречу им засиял ослепительный свет, и Владин не сдержался:

— Ой-ой-ой! Стой! — кидался он то налево, то направо. — Это что же такое! А это? Разве это дом? Это настоящий небоскреб! Так мы в Москве? Это Москва! — он во все глаза смотрел на трамваи, людей, дома, машины, которые текли разноцветными потоками.

Потом его дрожащие губы могли только шептать: «Москва, Москва!». Это имя шепчут и негры, когда их преследуют, и рабочие, когда не имеют хлеба, чтобы накормить своих детей, и заключенные, которые жаждут в тюрьме свободы; это имя шептал весь болгарский народ, с этим именем шел в бой его брат, с этим именем на устах он и погиб. Своей кровью, последними каплями крови писали это дорогое имя многие герои, с ним болгарский народ встретил свободу и продолжает бороться за счастье. К Москве обращены сейчас взгляды и домашних Владина. И вот теперь он въезжает в центр Москвы, еще мгновение — и он будет перед Кремлем. . .

Валя и Юра улыбались, а Владин подпрыгивал от радости.

— Вон там! — кивнула Валя, и Владин согнулся вдвое, чтобы увидеть, как сияют на небе три крупные звезды ровным, постоянным, немигающим светом. Он задохнулся. Онемел.

Неожиданно машина остановилась.

— Красная площадь! — Юра выскочил и открыл дверцу.

Владин едва дождался, когда первой выйдет Валя, и тогда какая-то сила выбросила его с сиденья прямо на улицу. Он собственными глазами видел то, о чем мечтал и что ему снилось, о чем его брат шептал ему, когда Владин был еще совсем маленьким. Вот он — Кремль, неприступный Кремль, с древними каменными стенами, с куполами и башнями, вот и звезды, которые теперь такие близкие, достижимые. . .

Собрались все ребята.

— Владин! — услышал он голос Рилки и вздрогнул.

«А теперь что? Она догадалась? Почему я ей не сказал, что переписывался с Вале́й? Она права, я немного скрытный!»

Он ожидал, что Рилка рассердится на него, будет его ругать: «Ты забыл обо мне, да?».

Но Рилка весело отошла, и пока все остальные смотрели, затаив дыхание, только ее тоненький голос раздавался в очарованной тишине:

— А какой высоты Спасская башня? А сколько весят рубиновые звезды? Поа́торите, пожа́луйста, я запишу. . .

«Ох, слава богу, все хорошо разрешилось!» — вздохнул Владин, когда Рилка вытащила блокнот из кармана. Юра начал объяснять ей, а она лихорадочно записывала.

— Вот там заседает правительство, — сказал почти-тельно Юра и указал на средний купол, над которым развевался советский флаг.

«И отец Вали», — прошептал Владин.

Владин ошеломленно смотрел вокруг. Здесь проводятся парады Советской Армии, здесь советские народы давали клятву, что разгромят бандитов, и разгромили их. Сердце Владина замерло, что-то сдавило ему горло. Ведь он рядом с Кремлем, дышит этим воздухом, идет по этой площади, стоит на этих плитах. Сбылось то, о чем он мечтал.

Он был растроган и, не зная, что ему делать, долго стоял, наклонившись, как будто хотел поцеловать землю, которая спасла мир. . .

Глава 6

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ

Их устроили в гостинице «Националь», как раз напротив Кремля. Владина и Павлина поместили в одну комнату. Павлин помылся и потонул в мягкой постели. Из-под одеяла была видна только его голова, как у шелко-пряда из кокона. А Владин подошел к окну, нерешительно отдернул тяжелую штору, и Москва открылась перед ним, еще более сияющая.

— Ложись, ведь рано утром нас поведут в Кремль! — говорил ему Павлин, но он не отрывался от окна. Рубиновые звезды, сияющие в небе словно без всякой опоры, неугасимо пламенели. Их ровный свет как будто излучал тепло крови тысяч погибших. В этом свете была капля крови и его брата. Поэтому этот свет так проникал в сердце и с силой тянул на улицу. Владин чувствовал,

как его охватывает что-то могучее, хотел преодолеть это, но не мог.

— Вон там. . . — шептал Влади́н слова Вали.

Ему не спалось.

Как можно спать, когда он в Москве, когда совсем рядом, так близко, как соседний дом, возвышается Кремль. Как заснуть, когда за этими стенами находится огромная пушка, и если выстрелить из нее, то вся земля затрясется; там большой колокол — Царь-колокол, который если позвонит, его услышат в четырех концах света. Огни Москвы гнали от Влади́на сон, как летучую мышь прогоняет свет фонаря. Непреодолимым было желание выйти и наглядеться досыта. . .

Павлин уже улыбался во сне. Влади́н смущенно огляделся. Потянулся к лампе, тихо погасил ее и, постояв, вышел на цыпочках, как вор. «Скорее, скорее», — говорил он себе, боясь, как бы его не заметил кто-нибудь из товарищей и не догадался, что он решил уйти из гостиницы. Была полночь, а Москва жила, как днем. Чудесно сияли витрины, магазины приглашали, манили лакомствами, а люди сновали с большими пакетами под мышкой, словно торопились на какой-то большой праздник.

«А у нас едва стемнеет — все на ключ!» — Влади́н засмотрелся и скоро попал в шумную вереницу людей. Никто не оглядывал его подозрительно, как иностранца, он шел среди советских людей, как среди своих. Ему словно все улыбались, им было приятно, что он идет с ними. И он шел. Куда? Он сам не знал, но ему было так хорошо, как будто он путешествовал во сне. Потоки машин текли по гладкой асфальтированной улице и оставляли после себя световые дорожки. Люди проходили среди машин, как среди друзей. Свет и тишина так разнежили Влади́на, словно он находился в поле под звездным небом.

Вдруг светофоры остановили движение. Машины замерли на перекрестке, как быки, одна рядом с другой, выжидающие, с огненными глазами. Влади́н пошел через дорогу, но машины тронулись, и он испуганно побежал. Раздались гудки, но он не вернулся, а скакал, как ослепший заяц, среди машин. Едва выбрался. Милиционер остановил его и начал отчитывать.

— Я иностранец! — догадался, наконец, сказать Владин.

— Какой иностранец?

— Болгарин.

— Какой же ты иностранец? Ты свой! — хлопнул его по плечу милиционер и с улыбкой подтолкнул к тротуару.

Какой-то гражданин увидел, что Владин смущенно оглядывается, и подошел к нему.

— Красный площад? — спросил с ошибкой Владин после того, как несколько раз повторил в уме свой вопрос по-русски, чтобы не ошибиться.

— Вот она. . . — указал, улыбаясь, гражданин на то место, где стоял Владин.

— А-а, это она? — обернулся Владин и отступил. Ведь он уже вышел на Красную площадь! Совсем рядом с ним возвышались высокие стены Кремля. Как он оказался там, где нужно? Как раз напротив него находился купол, над которым, как блестящая морская волна, развевался флаг.

Вдруг в воротах Кремля, шагах в пятидесяти от Владина, появился человек в военной форме и с усами. Владин вздрогнул. А это не отец Вали? На последней карточке, которую ему послала Валя, он был в военной форме, с усами. Может, он увидел Владина и вышел, чтобы его позвать? . .

И военный превратился в восbraжении Владина в маршала, увешанного орденами.

— Здравствуйте! — закричал Владин и больше ни слова не мог припомнить по-русски.

«Ах, — досадовал он, — провалился! Столько учил русский, а теперь. . . Пропал! Стою, как теленок, и глаза таращу!» И только Владин решился подойти к военному и заговорить, как тот снова вошел в Кремль. Владин стоял еще секунду, очарованный. Потом, словно проснувшись, вздрогнул и побежал к гостинице. Портье удивленно взглянул на него, пригласил в лифт, но Владин побежал по лестнице. Осторожно открыл дверь. Он хотел тихонько забраться в постель, не зажигая лампы, чтобы не разбудить Павлина. Но огни Кремля тянули Владина к окну. После всего, что он пережил, у него уже не было

сил отойти от окна. Так он и стоял, глядя жадно, ненасытно, пока взгляд его не затуманился. Он опустился на диван и во сне снова увидел в воротах Кремля военного, но теперь он без колебаний узнал в нем Валиного отца, который кивнул ему и проговорил:

— А, это ты, Володя? Приехал?

— Так точно, товарищ Николай. . . — Владин вдруг забыл его имя.

— Моего отца, вечная ему память, звали Николаем, — улыбнулся военный, — а меня зовут Петр Николенко.

— Ой, что же это я! — шлепнул себя по лбу Владин. — Перепутал имя того, кто меня пригласил. Как можно так, тупая башка!

Земля провалилась. Он понесся вниз, опускаясь, словно в лифте, в какое-то подземелье.

— Володя, Володя, иди сюда! — голос поднял его снова наверх и прозвучал как-то по-домашнему, по-свойски. — Валя прочитала мне твое письмо, Володя!

Лицо, усталое от работы и забот, наклонилось с доброй улыбкой, и Владин почувствовал, как что-то перевернулось в нем, он попытался что-то сказать, но не мог произнести ни слова.

— Ну как идут дела в Болгарии? Урожай хороший?

«Вот, о хлебе спрашивает прежде всего. Это самое важное, еда для народа». И Владин почувствовал, что сердце его открылось, он подошел поближе, поднял голову и сказал:

— Урожай хорош, товарищ маршал! — и, проглотив слюну, приободрился еще больше и добавил: — Пшеница выросла крупная, как кизилловые ягоды, но куда я ее подевал, черт меня возьми!

Он стал шарить в кармане, ища кубанку, которую дал ему председатель кооператива. Но не мог найти ни зернышка.

— А виноград есть?

— И виноград хорош, товарищ маршал, вот такие кисти! С одной лозы собираем по целому ящику.

— А арбузы?

— Ох, и арбузы же в этом году: большущие, с обруч! Свиной кормить арбузами будем. Складывать некуда!

Я тут вывел один сорт из тех семян, что вы мне прислали.

— Знаю, знаю. Я был в Болгарии с делегацией. А табак?

— Много табака, много, товарищ маршал! Как я не догадался привезти вам хотя бы щепотку для трубки. Ох, чтоб мне пусто было, ведь и дед Велко курит трубку!

— А как идут твои дела? — прервал его военный, и Владин сразу смутился. Сказать, что все в порядке, значит солгать. А разве можно лгать? Нужно говорить только правду. Потому что Советский Союз олицетворял для него правду.

— Я, товарищ маршал, к годовщине Октябрьской революции научился трактор водить, как обещал Вале.

— Молодец! А как с успеваемостью?

«Ну, влип! Наверно он расспросил подробно Валу», — подумал Владин. Выхода не было, приходилось признаваться.

— Я, я... товарищ маршал... в успеваемости продвинулся, но очень трудно писать по-русски, путаю падежи.

— Знаю, по твоим письмам знаю.

«Ах, — простонал Владин и опустил голову, — почему я поторопился с тем письмом, почему не дал проверить его учительнице, зачем отослал тайком!»

И Владин от волнения стал ковырять ногой землю.

— В последнем письме меньше ошибок. А как с поведением? — голос пронизывал его.

Владин стоял, все так же потупившись, и не смел взглянуть на военного.

— Я уже не убегаю из школы. Не задираю девчонок. С Каткой мы помирились, сидим вместе и помогаем друг другу.

Валин отец отодвинулся вглубь комнаты, словно был недоволен.

«Я ему не сказал всего, поэтому, — подумал Владин и прошептал словно про себя: — Я, товарищ маршал... меня мучает один мой поступок, и я должен о нем сказать. Я написал тайную записку Рилке, но она на меня не сердится, она хочет только, чтобы я признался».

— Ну, ладно, ладно, Володька, признайся, дружище! — долетел довольный, бодрый голос, и маршал появился снова. — Но ты ничего не сказал мне о вашем опытном поле.

Только теперь Владин воспрял и смело поднял голову:

— Я привез картофель всем на диво!

— Дай взглянуть!

Владин наклонился, чтобы взять торбочку с картофелем, и вздрогнул.

— Ах! Забыл!

— Сбегай, принеси. Я скажу, тебя пропустят сразу!

Владин кинулся бежать, но вдруг вернулся.

— Но я... я, товарищ маршал, не один... — опустил он голову. — Я ухаживал за этой картошкой вместе...

— С каким-нибудь приятелем?

— Приятель-ницей... — заикнулся Владин и весь покраснел. — Той самой... с запиской. Пусть придет и она. Мы с ней... нас связывает борьба... В селе есть тайный враг, она его видела со спины, и мы поклялись поймать его...

Владин хотел спросить маршала о самом важном — как поймать врага. Но того позвали, конечно, для какого-нибудь более важного дела, он исчез и больше не появлялся...

Когда Павлин проснулся, он увидел Владина, лежащего на диване у окна лицом к Кремлю. Он подумал, что Владин встал раньше него, оделся, а потом снова лег и задремал.

— Владин! — крикнул он ему. — Давай вставай, нас ведь поведут в Кремль!

Но Владин спал глубоким сладким сном, каким спит страдалец, прошедший долгий путь, полный тяжких мучений и испытаний и, наконец, достигший своей цели невредимым. Таким сном, без кошмаров и метаний, спит человек только после того, как поделился всеми своими муками и радостями с самыми близкими.

— Ты что? — легонько толкнул его Павлин, поняв, что он не раздевался вчера. — Где это ты был?

Владин моргал и оглядывался вокруг, словно сам не знал, где он был.

— Ты ночью куда-то ходил, Владин?

Владин молча тер ладонью лицо, будто снимая с него паутину.

— Кто позволил тебе отлучаться? Отвечай! Как можно среди ночи уходить из гостиницы и где-то бродить? Ты забыл, о чем мы говорили перед отъездом?

Владину было так хорошо, что он даже не слышал Павлина.

— Говори, ты где был? — сердился Павлин.

Владин молчал.

— Я предложу, чтобы тебя наказали! — выходил из себя его товарищ.

Но Владин не шевелился.

Павлин очень рассердился, когда увидел, что на его угрозы он даже улыбается.

— Еще сегодня поставлю вопрос перед руководящей, чтобы тебя отозвали за недисциплинированность.

Павлин ожидал, что Владин вспыхнет, подпрыгнет на диване. Но тот поднялся, спокойно выпрямился и прошептал с широкой, заразительной улыбкой:

— Я видел, как сменяется караул у Кремля, и говорил с маршалом.

Теперь Владин был уверен, что когда стоял на Красной площади, он видел советского маршала.

— Ладно уж! — засмеялся после небольшого молчания Павлин. — Все маршалами бредишь.

— Да видел же!

Павлин ломал голову, не зная, верить ли ему.

— Правду тебе говорю, я его видел. . . Мне это не приснилось.

Павлин только теперь заметил счастливое выражение его лица и стал тормошить его:

— Рассказывай!

Они уселись на диван, и, глядя на Кремль, Владин самым подробным образом рассказал ему, как он вышел один на Красную площадь и как там появился маршал. А потом пересказал и разговор из своего сна, который уже стал казаться ему вполне реальным.

— И под конец. . . спросил о картофеле! Я кинулся, как заяц по тропинке. Если б были со мной картофелины, он меня бы и в Кремль пригласил.

Вдруг выражение его лица переменилось.

— Но ведь они в Рилкином чемодане.

— Картофель будет у меня. Вот сейчас я его принесу и не расстанусь с ним! — Павлин кинулся к дверям. — Я знаю, в какой комнате Рилка.

— Но девочки еще спят!

— Ничего, разбужу!

И наказание, нависшее над Владином, было отменено. Теперь Павлин увлекся до того, что не видел, как сам нарушает дисциплину. Он повел Владина к комнате № 1345, где спали Рилка и Боянка. Уже рассвело. В это время в Болгарии все ушли на работу. А здесь люди еще спали, улицы были безлюдны. Кремль вырисовывался еще более четко, настоящий, а не приснившийся. Павлин постучал. Никто не откликнулся. Тогда он нажал на ручку и вошел. Боянки не было видно из-под пухового одеяла. А Рилка спала раскрытая, свернувшись, как котенок. Ее личико светилось, бледное и красивое, излучая теплоту, нежность и сладкую усталость.

— Не буди ее! — Владину стало ее жаль.

— Рилка! Вставай! — протянул к ней руку Павлин.

Рилка шевельнулась и уж стала подниматься, но только открыла глаза, как сон свалил ее снова.

— Вставай, Рилка! Скорее, случилось что-то важное! Нужно подготовиться! — потянул ее Павлин, и она проснулась. Вдруг вздрогнула и закуталась в стеганое одеяло. Открыла глаза, смотрела на них, но словно не узнавала.

— Кто это?

— Мы с Владином, не видишь разве?

— Ох, чтоб вам пусто было! — Рилка уселась на постели, как кукла. — Что вы здесь делаете?

— За картошкой пришли, — откликнулся Владин, который уже поглядывал на ее багаж. — Где картошка?

— Что это вам картошка взбрела в голову в такое время?

— Встань, найди ее, — сказал ей Павлин, — а то мы сейчас идем в Кремль, может, ее показать надо будет.

— Павлин, вы что, разыгрываете меня?

— Владин видел случайно одного маршала и говорил с ним. . .

Рилка соскочила с кровати и кинулась к чемодану. Открыла его, перерыла лихорадочно свои вещи раз, другой, все раскидала, но картсфелин не нашла.

— Что же это такое? — устало взглянула она на Владина. — Нет картофелин! — Закусив губу, она подумала и добавила: — Наверно, мама их не положила. Отнесла торбочку на кухню, и там она и осталась.

Владин даже не поверил ей и сам стал рыться в ее вещах.

— Нету! — едва слышно проговорил он и чуть не заплакал.

— Телеграмму! — вскричал Павлин. — Срочную телеграмму через посольство! Пусть сразу же вышлют картсфелины авиапочтой! Каждый день есть самолет. Если сегодня пошлем телеграмму, завтра вечером картошка будет здесь!

— Нет! — закричала Рилка. — Лучше по телефону. Прямо сейчас вызовем отсюда Софию и поговорим. Не будем терять ни минуты.

Павлин получил от руководительницы разрешение. Рилка смело подняла трубку и еще смелее крикнула:

— Я хочу говорить с Софией! Можно?

Она улыбнулась, и мальчики поняли, что разговор состоится.

— Какой номер? — подмигнула им Рилка. — Восемь. . . сорок. . . сорок два! — Рилка два раза продиктовала медленно и отчетливо свой домашний телефон и добавила: — Я жду, да, в номере!

Положив трубку, она подбежала к ним. Все трое замерли в ожидании у аппарата. Владин в отчаянии опустил голову.

— Так и до завтра простой! С Москвой хочет говорить весь мир, так неужели нам сразу дадут линию? — сказал он. Павлин тоже не верил и спокойно вертелся. Боянка, разбуженная шумом, приподнялась на постели, удивляясь, что случилось. Вдруг раздался звонок.

— Зовут нас на завтрак, — предположил Павлин, хотя ему и хотелось, чтобы это было не так.

Рилка взяла трубку, и ее лицо просияло. Павлин и Владин наклонились над ней.

— Алло, София, София! Это ты, мама?

Рилка задыхалась от радости. Засмеялись Владин с Павлином и затаили дыхание у трубки.

— Не пугайся, я жива и здорова, ничего не случилось. Да, счастлива. . .

— Ну, хватит о счастье! — потерял терпение Владин. — Прервут, увидишь тогда! Скажи о картофеле!

— Тише! — ответила ему Рилка и снова обратилась к матери необыкновенно громким голосом: — С кем я говорю? Не бойся, у меня Владин и Павлин! Да, я знаю, я не забыла твоих советов, мы бережемся, будь спокойна, но знаешь что, мама? . . . Питаемся хорошо, да, и апельсины, с вечера объелись, ну. . .

— Ох, — простонал Владин, — теперь о еде, потом об одежде! Да скажи же о картофеле, а то случится что-нибудь. . .

— Действительно, Рилка, покорооче!

— Мама, — прервала Рилка изливания матери. — Послушай теперь, прошу тебя! Да послушай же, оставь эти поучения! Я не ребенок!

— Посылайте картофель, и конец! — сказал Владин в трубку.

— Да, картофель, мама, ты забыла уложить картофелины Владина.

Она вдруг изменилась в лице и ужаснулась.

— Что? . . . Использовала их для обеда?

— Но. . . — Владин замолчал, как будто его неожиданно схватили за горло.

— Как можно! Сортной картофель! — возмутился и Павлин.

— Ой, мама, как же ты могла сделать такую глупость! Ой! Ой! — закричала Рилка. — Что, только одну картофелину разрешила?

— Ка-ак? — вырвалось у Владина.

— Хорошо, посылай остальные! Значит, есть зачем! Немедленно высылай их авиапочтой. Пожалуйста, вся пионерская группа рассчитывает на этот картофель. Да,

конечно, нас нигде не примут без него. Мы ждем его, сейчас же!

— Повтори еще раз! — закричали вместе Павлин с Владином. — Может, она не расслышала.

Рилка хотела повторить, но голос матери пропал, потом снова раздался и, наконец, совсем исчез. Сколько Рилка ни кричала после этого: «Алло! София!», ей никто уже не отвечал. Она положила трубку. Владин стоял, как убитый. Рилка подошла и тронула его за плечо.

— Ладно уж. Она не знала. Она непременно вышлет нам остальные. Особенно теперь, когда чувствует себя виноватой, — успокаивала Рилка Влада и Павлина, стоявших словно в нерешительности и неуверенности. Их тревога передалась и Боянке.

В комнате появились их товарищи, уже одетые, готовые, но едва узнали, что случилось с картофелинами, все зашумели, заволновались. Пришла руководительница поторопить их:

— Ну, что вы копаетесь? Группа давным-давно ждет вас! Идем в Музей Ленина.

— А разве не в Кремль? — воскликнула Рилка.

— Для Кремля нужно специальное разрешение. Но мы пойдем и в Кремль. А теперь в музей и Мавзолей Ленина.

«Даже лучше, — переглянулись трое ребят, — пока дойдет разрешение, придут и картофелины».

Глава 7

ВЕРНОСТЬ

Вереница ребят колыхалась от волнения и медленно приближалась к огромному зданию теплого вишневого цвета — Музею Ленина. Владин остановился на пороге. Что-то задержало его, но он не знал точно, что. Если б он был старым человеком, может быть, нужно

было перекреститься, как перед церковью, или поклониться. . .

— Ты что замечтался? Иди, не задерживай других! — подтолкнула его Рилка и пихнула перед собой. — Иди, Володька, и будь внимателен, ведь и тебя зовут Владимир.

Владимир еще больше смутился. Одна Рилка звала его Володей: так, как звали Ильича, когда он был ребенком. Почему ей пришло в голову, что его звали так же, как Ленина? Она даже и своим родителям представила его так! Влади́ну всегда было приятно, когда его называли Володей. А может быть, действительно, отец назвал его именем самого великого человека? Как можно спокойно ходить по этим светлым залам, где все говорит о том, чье имя он носит! Фотографии, книги, надписи, словно живые люди — товарищи Ленина, сопровождали Влади́на и рассказывали ему обо всем, что его интересовало.

— Видишь, каким хорошим мальчиком был Володя! — воскликнула Рилка и испытующе взглянула на Влади́на. — А вот посмотри, его свидетельство — по всем предметам отлично! И окончил с золотой медалью!

Рилка словно насмеялась над Влади́ном: «Носишь его имя, а не отличник!». Влади́н подошел к витрине вплотную. «Рилка права, когда смеется надо мной! — думал он. — Она должна носить имя Ленина, потому что отличница по всем предметам, а я. . . три четверки и одна тройка. Как вернусь, скажу отцу, пусть перепишет мое имя в сельсовете. Никакой я не Владимир. А Влади́н. Хорошо хоть наши поняли, что я не имею ничего общего с великим человеком, и называют меня Влади́ном. Это подходит ко мне. Нечего пятнать имя, перед которым все преклоняются».

— Володя! — снова привела его в себя Рилка, но он мрачно ответил ей:

— Никакой я не Володя, я Влади́н! Пожалуйста, с сегодняшнего дня называй меня только Влади́ном!

Рилка поняла его боль и оставила в покое. Она записывала все, что экскурсовод рассказывала о Ленине: о его нелегальной борьбе, преследованиях, скитаниях из одной страны в другую. . .

— Папа поручил мне вести подробные записи! — Рилка назидательно взглянула на Влади́на. — Записывай и ты, сможешь сделать доклад в пионерской организации.

Влади́н не привык вести записи. Да и как записать такую жизнь? «Владимир Ильич боролся с царскими слугами и палачами, а я... с курами и девчонками! Этого агента выпустил из рук... Владимир Ильич никогда не писал анонимных записок, а я... Ни в коем случае нельзя называть меня Владимиром. Если бы это был брат, он имел бы право. Или же отец, он в партии еще с двадцать третьего года...»

Влади́н с жадностью ловил каждое слово экскурсовода, и образ Ленина оживал все больше.

— А это брат Владимира Ильича, Александр, которого убили царские власти...

Что-то резануло Влади́на по сердцу. И его брата убили царские слуги. В глазах у него потемнело. Рилка это заметила, но не подала виду. Она нарочно остановила его перед этим стендом. И теперь, глядя на портрет Александра Ильича, видела Бойко, брата Влади́на, который там, под скалой, ведет бой со сворой полицейских. Патроны кончаются, Бойко окружают со всех сторон. Конец... «Сдавайся!» — кричат шакалы. Не остается ничего другого, только умереть так, как умирают коммунисты! И тогда он выходит с открытой грудью и прежде, чем упасть, сраженным пулей, кричит: «Стреляйте, палачи, посмотрите, как умирают за свободу!». Совсем так же брат Ленина крикнул царским палачам...

Влади́н не слышал больше ни голоса экскурсовода, ни голоса Рилки. Все больше жизнь Ленина казалась ему его собственной жизнью. Мать Ленина бросилась спасать Александра. А разве это не мать Влади́на, которая, обезумев, искала труп брата Бойко. Кровь убитого, горе близких — все это он пережил!..

Только теперь Влади́н понял, что какая-то ниточка связывает его с жизнью Ленина, и сказал себе со вздохом: «Незачем мне отказываться от своего имени! Буду его носить!».

— Взятие Зимнего дворца!

Владин увидел Ленина, увидел и кроваво-красное знамя революции, которое осеняло и его брата в партизанском отряде; увидел восставший народ, ворвавшийся в Зимний и возвестивший свободу. И мысли Владина вернулись к тем незабываемым временам, когда в село пришли партизаны и водрузили красное знамя; вспомнил слезы матерей по погибшим сыновьям, цветы, которыми были засыпаны бойцы, воспитанные на заветах Ленина. . . Образ Ленина стал совсем близким, подлинным, человеческим. И когда они вошли в Траурный зал, где было и скорбно из-за траурных флагов, и торжественно из-за боевых знамен, он почувствовал, что горло его пересохло. Все молчали, молчала и Рилка, стиснув дрожащие губы.

Потом они увидели Ленина в Мавзолее. Он лежал спокойный, мягкий свет озарял его бледное лицо. Лесб был огромным, и в нем как будто еще рождались мысли о добре для человечества.

«Буду достойно носить твоё имя, дорогой учитель!» — попрощался с ним Владин.

«Он словно прикрыл глаза и тревожится ещё о нас, освобожденных, и о тех, кого ещё нужно освободить. . .» — прошептала Рилка, выходя, и слезы полились у неё из глаз.

Товарищи Владина кинулись выбирать место, чтобы сняться перед Мавзолеем, а Рилка все сморкалась и вытирала слезы.

— Ладно тебе, пионеры не плачут! — говорил ей Владин.

— Тяжело мне, Владин. . . — она в первый раз назвала его так, как он хотел, но и для неё, и для него это имя прозвучало каким-то чужим, далеким.

— А чего тебе тяжело? Не видишь, что ли, Ленин не умер, Ленин жив. . .

— Мне тяжело, стыдно. . . как подумаю, что люди бросились, страдали, умирали, а я. . . я росла, как деревце в тени другого.

— Так слезами делу не поможешь!

— Нет, ты меня не успокаивай. Я жила очень эгоистично, как комнатная собачка. . . Вот у тебя брат —

герой. У Вали погибла мать, у Юры — отец, а у меня. . . Только папа передсвой человек, а мама. . .

— Ну, здравствуйте. . . хочешь, чтобы твоя мать умерла, что ли?

— Нет, ты не понимаешь. Вот и теперь, в Москве. . . Мне совестно, что я в Москве, что счастлива, что я буду еще счастливее, когда стану знаменитой пианисткой. А люди борются, страдают, умирают. . .

— А что ты можешь сделать? Прыгнуть в воду да утопиться?

— Не надо, не издевайся надо мной, пожалуйста. Тебе легко, потому что твой брат боролся, пролил кровь за это счастье, выполнил заветы Ленина, а я!

— А ты хорошо учишься, отличница, это тоже завещал нам Ленин!

— Нет, я больше так не могу. К чему мне эти отличные отметки, когда столько стран пылает огнем революции. Нужно отказаться от всего личного и пойти бороться, как Ильич, за свободу людей. Не буду я никакой пианисткой, отказываюсь! Хочу стать революционеркой.

— Ну и станы!

— Хочу совершить что-нибудь большое! Поеду в какую-нибудь из поработанных стран. Видел, каким страшным был Ленин, как он пробирался из одной страны в другую. . . Хочу и я вкусить сладость революции, пожить жизнью героев. . . Я чувствую в себе силы и поеду!

— Поезжай! — пожал плечами Владин.

— А ты? Я хочу поехать с тобой, ведь ты настоящий борец! Видел, как Крупская везде сопровождала Ленина? Так и мы с тобой поедem нелегально, чтобы не знали наши. . .

— Ну ладно, поедem! — сказал Владин и, подумав, добавил: — А кто нас пустит, таких маленьких! Не лучше ли остаться у нас и работать, как Ленин после революции? . . Ты видела? Работал, чтобы создать советское государство. . . Это тоже работа ради других, революционная. И когда партия скажет. . .

— Ох, какой ты умный, Володь. . . — и она прику-

сила губу, чтобы не назвать его так, как он ей запретил, но он рассмеялся.

Она поняла, что ему приятно, когда его зовут так, и с облегчением воскликнула:

— Ох, Володька, конечно, ведь это и есть завещание Ленина. . .

— Так-то. Приезжай в село, если больше некуда. Будем работать на опытном поле. У меня не хватает рабочих рук, хоть плачь. Надо убирать кукурузу, сеять. . . И еще этот убийца. . . Забыла?

— Приеду, Володька! Клянусь тебе памятью Ленина, как только вернусь, приеду, будем убирать кукурузу и поймаем этого типа. . . Меня не пугают никакие опасности.

Они пришли в себя, услышав голоса ребят, которые уже расположились у Мавзолея, чтобы сфотографироваться. Владин повел Рилку сквозь поток людей — белых, черных, желтых — с лицами, на которых лежал отпечаток высоких мыслей, появившихся после посещения Мавзолея Ленина. Они встали среди ребят, как верные товарищи, давшие клятву неуклонно следовать по ленинскому пути.

Глава 8

ЗАПИСКУ НАПИСАЛ Я. . .

— Ты о чем задумался? — спросила его Рилка, когда они возвращались на обед.

— Я думаю о дружбе, — сказал тихо Владин, не глядя на нее. — Какая дружба связывала их! . .

Перед ним все стояли образы Ленина и Крупской. . . Крупская сопровождала Ленина всюду. Она делила с ним самые тяжелые испытания. Оставалась его верной спутницей до конца жизни, как и подруга его брата Бойко.

— Ты видел? Он ничего от нее не скрывал.

Владин слегка покраснел и вздохнул. Он сразу до-

гадался, что она хочет ему сказать: «Признайся! Зачем больше скрывать? Ты хорошо знаешь, кто пишет анонимные письма. Этот, тайный агент, потому что боится показаться на людях, у него совесть нечиста. . .»

Владин напряженно думал о том, как открыть правду. Несколько раз он решал: пойду к ней, когда она одна, и скажу:

— Рилка, это я написал записку. Пожалуйста, прости меня, я больше не буду. — Но когда он видел ее, его смелость таяла, как кусок сахара в воде.

За обедом руководительница Павлова снова посадила их рядом. Владин все думал: «Нет, так больше нельзя. Мне в Москве так хорошо, что нужно ей все сказать!». Перед ним снова возникал портрет, где Крупская стоит плечом к плечу с Лениным. Владин чувствовал Рилкино плечо и исподтишка поглядывал на нее. Если б она чуть-чуть пошутила с ним, откровенность выпорхнула бы сразу, как голубь. Но Рилка как будто забыла о нем. Она не была лакомкой, но на этот раз изобилие апельсинов так подействовало на нее, что она и не собиралась уходить. Владин ждал, что она снова взглянет на него так, как в музее. Но она не замечала его. Это раздражало Владина. После обеда он дождался Рилку, хотя сам поел раньше, и вместе с ней вышел из столовой. Хотел сказать ей на лестнице, но ему казалось, что ребята смотрят на него и обо всем догадываются. «Вот как свернем в коридор», — сказал себе Владин. Но по коридору сновали уборщицы в белых халатах, и он снова не сумел сказать то, что дрожало у него на губах и готово было сорваться, как созревший плод.

«Приглашу ее в комнату!» — решил он и, когда они дошли до дверей, прошептал ей:

— Зайди, посмотришь нашу комнату!

— Чего ее смотреть, — ответила она, не понимая, зачем он ее приглашает, — комната как комната, ведь я ее видела, когда мы приехали! Ложись спать, а то после отдыха у нас совещание с советскими товарищами.

И она свернула в боковой коридор.

«Снова прозевал!» — сказал себе Владин и вошел в комнату.

Павлин уже лежал, глубоко потонув в пуховой по-

стели. Владин покрутился по комнате — ему не спалось. Павлин не знал, что это он написал записку и, наверно, еще сомневается в Дилко. А Владин теперь, живя вместе с Павлином, все думал — честно ли, что другого обвиняют из-за него? Может быть, из-за этого обвинения поехал не Дилко, а он. Нет, это не по-товарищески! . . Он хотел открыться Рилке здесь, в Москве, где люди говорят все и не имеют ничего тайного, но не смог. Ему было очень тяжело. После того как он увидел чистую жизнь Ленина, его любовь к людям и преданность им, заботы о всех, его внимание, нежность, Владин не мог найти себе места. Чувствовал, что дошел до предела — чтобы стало легче, нужно было перед кем-нибудь открыться. Но перед кем? Перед самим Дилко? Невольно Владин сильно преувеличивал страдания своего товарища, представлял, как он мучается, оклеветанный и униженный, он — его друг, который бегал ради него то к председателю кооператива, то к секретарю партийной организации, то к учителю Тодорову, не спал ночь после отъезда Владина, собрал пионеров, вырыл за один день всю картошку. А теперь, может быть, выследил второго врага, идет по его следам. Как можно не открыть ему свою ошибку!

Владин уселся за стол, взял открытку с изображением Музея Ленина, обмакнул ручку и написал:

«Дорогой Дилко, сегодня у меня нашлось свободное время, и я решил написать тебе это короткое письмо из Красавицы-Москвы. Я как будто на седьмом небе. Постоянно мне кажется, что у меня разорвется сердце — не сможет вместить все то чудесное, что нам предстоит здесь увидеть. А как ты? Как дела на опытном поле? Я весь день напролет думаю, не случилось ли какой-нибудь новой беды. . . Дилко, мне очень хорошо. Одно только не дает мне покоя. Я скажу тебе об этом, потому что между друзьями не должно быть ничего тайного. Записку Рилке написал я. . . Прощай, не сердись на меня. До сих пор у меня не было сил сказать тебе об этом, но здесь, в Москве, брат, душа раскрывается, здесь находишь силы для всего».

Только теперь он сблегченно вздохнул. И тихо улег-

ся, чтобы не разбудить своего товарища. На душе его было светло и радостно.

Павлин проснулся раньше Властина. Вылез из мягкой кровати, подошел к столу и увидел открытку Властина. И невольно прочел: «Записку написал я. . .» И сразу этот мальчик, которого он считал неспособным к таким признаниям, стал ему еще ближе. «Сказать Рилке? Нет, это недостойно. Читать чужие письма и разносить сплетни! Говорить ничего не надо! Владин сам сделает все, что нужно. Он признался и этим положил конец неясной истории. Начинается дружба, сердечная, чистая дружба. Не буду ничего предпринимать. Если Владин с Рилкой разберутся, пускай себе дружат! А кто мне мешает? — вздохнул он, почувствовав себя одиноким. — Но нет, у меня слишком много организационной работы!»

Он оделся и, оставив Властина спать, вышел на улицу. И ему было легко. Чистота и откровенность между его друзьями делали Москву еще красивее, еще пленительнее.

Это было третье по счету совещание. Советские пионеры уже ждали внизу в вестибюле. Валя и Юра поднялись с кресел и встретили их улыбкой. За столом рядом с ними сидела Рилка. Как всегда, она приготовила блокнот и карандаш, чтобы записывать все, что будет говориться на совещании.

— Ну, пора, — сказал Юра деловито и, взглянув на ручные часы, обрадованно поднял брови. — Давайте начинать. Слово имеют гости.

Павлин и Юра взглянули на двух девочек, которые сидели между ними.

— Я, — смело подняла руку Рилка, смущенно поморгала и, заглянув в открытый блокнот, начала: — У меня такой вопрос. . . Об отношениях между пионерами и родителями. Когда у пионеров есть поручения от организации, а они встречают сопротивление со стороны, скажем, матери, как я, что нужно делать?

— Зависит от обстоятельств, — усмехнулся самый взрослый среди них, комсомолец Юра. — Расскажите, слушаем.

Рилка смутилась.

— Вот моя мать. . . — она вдруг покраснела, — не буду скрывать, ребята, она немного отсталая. И всегда, когда мне поручают какое-нибудь общественное дело, она мне мешает. Скажите, как мне быть?

Советские пионеры переглянулись. Даже Павлин не ожидал такой откровенности. Юра подумал и серьезно сказал:

— Поручения организации — закон для пионеров. Их нужно выполнять. Ваша мать ведь тоже состоит членом какой-нибудь общественной организации?

— Да, она член Отечественного фронта.

— Ну, тогда поможет Отечественный фронт. А иногда и наши руководители вызывают в комитет комсомола некоторых отцов и матерей. Так две организации и помогут!

Рилка наклонила голову, показывая, что все поняла. Внутренне она упрекала себя, что не додумалась до такого решения.

— Это домашний вопрос, мы его сами разрешим, — вмешался Павлин. — Нас прежде всего интересует, как решается у вас вопрос дружбы. Понимаете, не с организационной точки зрения, а как бы это сказать, с личной, что ли, как дружба между мальчиками и девочками.

Рилка вздрогнула, опустила голову и закусил губу. «Ах, Павлин, Павлин, зачем ему понадобилось такое спрашивать?»

— У нас этот вопрос еще не поставлен, — откровенно признался Павлин и заставил Рилку еще больше покраснеть. — В последнее время у нас было много случаев. . .

«Не хватает еще, чтобы он назвал меня!» — стиснула губы Рилка.

— У нас есть случаи, когда младшие ученики начинают дружить со старшими, убегают из школы и от родителей и совершают недостойные поступки. А у других рождается хорошее чувство, но они не знают, как его выразить, и иногда это чувство проявляется плохо.

Вся красная, Рилка склонилась над блокнотом, пряча лицо, и быстро, лихорадочно писала даже то, от чего она пылала, — слова Павлина.

— Для нас вопрос дружбы имеет классовый, интернациональный характер, как и вообще вопрос жизни, — начала рассказывать Валя своим приятным, певучим голосом. — Мы завязываем связи с ребятами всего прогрессивного человечества. Не признаем никаких расовых различий. Возьмем такой пример. Я переписываюсь с друзьями со всего мира, но одно письмо особенно меня тронуло. Я волновалась за судьбу этого мальчика, и, хотя я его не видела, между нами зародилась дружба. Для меня был настоящий праздник, когда я получила его фотографию: простой сельский мальчик, растрепанный, в сельской одежде, с закатанными штанинами и мотыгой в руке. Если бы была какая-нибудь девочка с предрассудками, сказала бы: «Ну, крестьянский мальчик!»

Рилка опустила голову и сжалась: «Прямо в цель попала, в самое мое сердце!»

— Я, ребята, приняла фотографию этого мальчика, как дорогой подарок, и поставила ее в рамочку на мой столик. У него отец — бригадир, сестра — звеньевая, брат был убит в партизанах. И знаете, сам этот мальчик работает на опытном поле.

Рилка пристально смотрела на нее. Неужели это правда? Или Валя говорит только затем, чтобы рассердить ее?

— Он воевал за это опытное поле, жизнь свою готов был за него отдать, любит труд. Меня поражает его откровенность. Он сердечно рассказывает обо всем, что с ним было, как он не хотел сидеть с девочкой, но как теперь осознал свою ошибку. . . Я послала ему свою фотографию и небольшой подарок: семена арбузов.

«Владин», — прошептала Рилка.

— Мы не заметили, как сдружились. Он доверил мне даже то, чего нельзя говорить никому — что в кооперативе у них был враг.

Павлин нахмурился: «Какой он неосторожный!»

— И когда приехали из Болгарии певцы и танцоры, я сделала все, чтобы достать билет. Надо сказать, что все время, пока я смотрела ваши танцы и слушала ваши песни, я думала о Болгарии. Горячие сердца, вдохновенные люди. . . Танцуя, они как будто и не касаются

ногами земли. Таким я представляла себе и своего друга Влади́на Петкова из села Ломтево. Я очень рада, если моя дружба помогла ему чем-нибудь. . .

Валя улыбнулась, а пораженная Рилка смотрела, оцепенев. Даже не записывала. Опускала голову все ниже и не смела ни на кого взглянуть. Такой и застал ее Влади́н — уткнувшейся в блокнот, беспомощной.

— Вот он! — вскочила Валя и дала ему место рядом с собой.

— Разбираем вопрос о дружбе, Влади́н, — сказал ему Павлин и молча пригласил высказаться, но Влади́ну показалось, что он крикнул: «Поймали мы тебя! Дружба, а? И не с одной, а с двумя девочками. Вот они обе. Скажите ему теперь, девочки, прямо в глаза, чтобы он понял, что такое настоящая дружба». Влади́н сел между двух девочек, как меж двух огней. Все ждали, что он заговорит, но он молчал. Павлин толкнул его локтем, но тот сильно наступил ему на ногу и таким образом спасся. Перед ним сияло лицо молодого комсомольца Юры Матросова. Глаза его проникали прямо в сердце. И Влади́н, скрестив скромно руки на коленях, коротко сказал:

— Я, ребята, хочу встретиться, если можно, с Героем Советского Союза Мересьевым.

Рилка наклонилась к нему и прошептала:

— Ведь ты сказал, что даже разговаривал с ним в самолете.

— Это был не он! Молчи! — ответил ей почти машинально Влади́н.

— Не знаю, сможем ли мы устроить вам встречу с Мересьевым. Насколько мне известно, он сейчас за границей.

Влади́н и Рилка в отчаянии переглянулись: «Видишь?»

— Но мы вас отвезем в один колхоз, — продолжил Юра, — и вы увидите, что сделала дружба между пионером и пионеркой. Как они отыскиали убийцу своего учителя. . .

После слов Юры словно гора свалилась с плеч Влади́на. Все то, что он считал своей преступной тайной, здесь оправдывалось как что-то совсем естественное. Ему страшно захотелось увидеть мальчика и девочку, чья

дружба дала им силы раскрыть убийцу. И ему стало так хорошо, светло, что он не мог больше проронить ни слова.

Глава 9

ЮРА И РИЛКА НА РЕПЕТИЦИИ

Рилка едва дождалась конца совещания. Потом побежала наверх в комнату и писала, писала все, что она слышала на этой встрече. Но больше всего ее взволновал вопрос «О честности в дружбе». Она даже озаглавила так страницу, словно писала статью, и начала лихорадочно изливать то, что ее потрясло.

«Не сказать мне, что он уже с кем-то дружит! И послать ей свою фотографию! А мне солгать, меня обмануть! Честно ли это, по-товарищески? И я, дурочка, слепо верила ему, держала его за руку, за ту самую руку, которой он писал письмо другой девочке! Валя очень хорошая, милое существо, неземное! Она заслуживает и дружбы и всего! . . . Но почему он не сказал ей, что уже дружит со мной! Почему он и ее обманул? Это низко, подло! Как бы она поступила, если бы узнала? Она бы возмутилась, стала его презирать! — Рилка подчеркнула два раза слово «презирать». — Он снова вернется ко мне, снова напишет мне записку: «Рилка, я. . . виноват, прости меня, пожалуйста, я больше никогда не буду!» Но я на него и не взгляну! — она подчеркнула три раза «не взгляну». — Только так, только этого он заслуживает. Двумичный человек! Выносить такие дела на обсуждение пионерской организации незачем, они не для чужих глаз! Лучше так! Молчаливый бойкот! И он сам поймет! . . .

Рилка за время пребывания в Москве исписала блокнот. А после сегодняшнего совещания — второй. Только тогда она почувствовала облегчение. Она засунула блокнот в чемодан, чтобы он не попал в руки Боянки, и вышла. Решила ни за что не придирается к Владиному, держать себя с достоинством. И когда она увидела его в коридоре, кивнула ему, спросила, идет ли он, и холодно замолчала.

Словно бы она и не была совсем недавно потрясена до глубины души. Потом, сама не зная как, она мало-помалу забыла о Владине и не замечала, идет он, сидит с нею или нет. Владина, о котором она столько думала, теперь словно и не было в Москве. Он как будто остался далеко в маленьком селе Ломтево. Образцом настоящего друга стал для нее теперь Юра.

— Знаешь, мы включили твой номер на пианино в концерт на встрече в Доме пионеров, — сказал ей Юра. — Если хочешь прорепетировать, я могу проводить тебя в клуб. . .

Рилка спросила у руководительницы разрешение и пошла с Юрой. Владин остался в гостинице, а они вдвоем отправились по прекрасной улице Горького. Юра открывал ей красоты Москвы, но так, словно отрывал что-то от себя. Она боялась, что если расстанется с ним, Москва не будет выглядеть такой пленительной. В Юре было что-то милое, благородное, цельное. Еще два года назад он кончил седьмой класс и теперь как молодой комсомолец был пионервожатым в младших классах. Он был сыном крупного партийного работника, который погиб в борьбе против фашистов. Ему самому трудно пришлось в те времена. Он рассказал Рилке о страшных годах, когда нахлынули фашисты, о баррикадах, где помогал каждый, чем может, и о той ужасной ночи, когда ворвались бандиты и забрали его сестру, которая больше не вернулась. Рассказ о тяжелом времени, когда советские люди умирали, но не отдавали своей земли, потряс Рилку. Юра говорил скромно, даже застенчиво о теперешнем счастливом детстве пионеров, об Артеке, где он был летом. . . И может быть, поэтому Рилка почувствовала, как что-то связало ее с ним крепко, неразрывно. Его нежный прсфиль становился героическим, из уст звучал мужественный голос. А когда она узнала, что Юра играет на скрипке, Рилка вспыхнула и, хотя это было нескромно, попросила, чтобы он ей что-нибудь сыграл. Конечно, молодой комсомолец не мог ей отказать. Он повел ее в ближайший комсомольский клуб и начал играть. Она слушала его в упоении. Такой скрипач! А когда Юра сказал ей, что он поиграл бы еще, но нет аккомпаниатора, Рилка обрадованно села за пианино и, волнуясь, начала играть.

Он удивленно взглянул на нее после первых аккордов и взмахнул смычком. Она заиграла смелее, а скрипка запела чудесную мелодию. Это было для Рилки настоящим счастьем.

«Я сбязана маме этим счастьем! — думала она. — Если б она не привязывала меня к пианино, я бы не смогла сейчас играть с Юрой».

Рилка играла, и в ее душе звучала как будто вся Советская страна: били часы Спасской башни, грохотало метро, плескались воды двух морей, шелестели крупные бабочки и звенели счастливые голоса в Артеке. . .

Когда они вышли, Москва уже тонула в нежном мареве, люди шли торопливо, все преобразилось. Огни дрожали и переливались, как в сказке.

— Юра, а в тот раз мы шли по другой улице? — удивленно оглядывалась вокруг Рилка.

— Нет, по этой.

— Но ведь тогда не было лип.

Юра засмеялся.

— Это у нас в порядке вещей. Сажаем деревья за одну ночь, передвигаем здания, куда хотим. Вот этот красный дом, например, был здесь, на середине улицы, а теперь, видишь, куда его переставили — на пятьдесят метров вглубь.

Рилка смотрела и слушала в восхищении.

— Ой, Юра, опоздали! — вздрогнула она, взглянув только теперь на часы. — Ребята рассердятся.

— Нет, ровно в пять будем в гостинице. Сядем в метро и через несколько минут окажемся там.

Он сказал это так спокойно и с такой уверенностью, что она ему поверила. Она даже успела разглядеть скульптуры на перроне, посмотреть, как прогуливаются люди, словно находятся в каком-то музее, другие же спокойно читают на скамейках газеты, словно сидят днем в саду; дети рассматривают прекрасные витражи. Рилке не хотелось уходить отсюда, но подземный поезд подошел, и Юра пропустил ее перед собой в вагон. Он всегда делал так, не то что Владин, который торопился занять себе место. И ровно в пять часов они были перед гостиницей. Пестрая, как букет, группа стояла у входа и шумела. Рилка увидела Владиного и даже помахала ему, что-

бы он подошел к ним, но тот отвернулся, делая вид, что не замечает ее. Это ее не встревожило. Она не захотела идти с ним рядом, как всегда, а вместе с Юрой пошла впереди группы. Владин плелся в конце, одинокий, покинутый, но долго так вытерпеть не мог. Он ускорил шаг и оказался за спиной Рилки.

— А ты, Рилка, откуда так хорошо знаешь русский? — услышал он голос Юры.

— У меня мама лингвистка! — с гордостью объяснила Рилка. — И я еще совсем маленькой начала учить иностранные языки.

— А я учу сейчас китайский, — сказал Юра.

«Вот вернусь в Болгарию, и я начну», — подумала Рилка, но не посмела сказать это вслух.

Глава 10

В ЗАЛЕ ДРУЖБЫ

Они пришли в музей. В его залах были собраны подарки, присланные Советскому Союзу к годовщине Октябрьской революции. Вошли. Все было подобрано так, что напоминало о любви народов всего мира к великой стране-освободительнице. Вот здесь, на первой стене, висит огромный ковер, который делали ткачи всей республики на протяжении многих дней. В него вплетены и любовь, и признательность, и надежды всех людей. Часами можно было стоять и рассматривать богатые узоры и картины, изображающие историю республики. Каждый зал был как будто одним, остановившимся в почтении народом. Ребята смотрели и не могли оторваться. Французские дети прислали целую гору писем: «Мир, мир, мир!» А вот и шапочка, которую одна французская мать, потерявшая своего единственного ребенка, подарила Советскому Союзу со словами: «Это самое дорогое, что у меня осталось. Примите от всего сердца».

Рилка прослезилась.

Вот сердечко из стекла, сделанное той дожившей до

свободы чешской девочкой, которая догадалась так прекрасно сказать: «Это все равно, что подарить вам свое сердце».

— А это корень «жень-шень», — указал Юра на витрину, в которой под стеклянным колпаком лежал рыжий корешок величиной с палец, — самое дорогое, что есть в Китае. Тот, кто находит его, сразу становится богатым и живет вечно.

— А это домра великого певца Джамбула Джабаева, самая священная вещь для него. Но он подарил ее. Это все равно, что душу свою отдал, понимаете. . . ради правды!

Рилка все записывала, записывала и чувствовала, как переполнилось ее сердце. Оно не могло вместить всю любовь, собранную здесь, которую излучал каждый большой и маленький предмет, от громадных машин до почтовых открыток с множеством подписей.

— Болгария! — сказал Юра.

Владин встрепнулся. Подошел к дверям. Перед ним открылась родина — и старая, и новая. С одной стороны — сукманы¹ и потури, разноцветные фартуки и сая², царвули и меховые шапки. А с другой — новый облик освобожденной страны.

— Альбом! Смотрите, наш альбом с подписями, — вскричала Рилка, и ребята сгрудились вокруг нее.

Под стеклом витрины лежал толстый альбом со многими подписями. Может быть, его послали из другого уголка Болгарии? Но нет, софийские дети рассмотрели свои подписи. И им стал еще милее этот зал. Как будто он был кусочком родной земли. До Владина долетел запах роз, на него пахнуло ветерком родного поля. Чудесная сила таилась в этом зале. Она быстро породнила своих и чужих, черных, белых и желтых, маленьких и взрослых.

— Ребята, смотрите! — Юра выпрямился, словно воздавая почести погибшему герою.

¹ Сукман — женское платье без рукавов из грубой домотканой шерсти.

² Сая — верхняя женская одежда.

— Что? — наклонилась Рилка и вдруг невслыно крикнула: — Владин, Володька!

Владин подошел и взгляделся.

— Ведь это. . . Бойко! Твой брат! — Рилка кивнула Владиному и стала рядом с ним, как будто извиняясь, что забыла о его брате.

В уголке витрины лежала маленькая фотография гимназиста. И рядом с фотографией — письмецо. Владин смотрел и не верил своим глазам. Он вложил когда-то фотографию брата в конверт и написал: «Мне нечего вам послать, примите фотографию брата — партизана, который, прежде чем погибнуть, крикнул: «Стреляйте, убейте меня, но знайте, что есть СССР! . . .».

Все смотрели на Владина. Глаза Юры наполнились светом, он не выдержал, протянул руку и молча стиснул руку Владина. Он не проронил ни звука, но взгляд его говорил больше всяких слов. Владин понял, что он хотел сказать своим взглядом: «Теперь мне ясно, почему ты приехал в Москву!». Владин отвернулся и наконец стал смотреть в другую сторону, но чувствовал, что взгляды всех прикованы к нему.

Рилка трепетала от волнения. «Значит, Валечка здесь узнала о его брате. Здесь ключ ко всему! Ах, в какое бы неловкое положение я попала, если бы раскричалась!» Она дождалась, когда группа пройдет, и осталась с Владимом.

«Неужели он ничего не скажет?» — смотрела она на него в ожидании.

Владин молча прошел мимо. Когда они вышли из музея, Рилка внезапно схватила его за руку:

— Осторожнее, машина!

И когда машина проезжала рядом с ними, она прошептала:

— Ты сердись на меня за что-то?

— За что мне на тебя сердиться. . .

— Да, но ты не смотришь на меня.

— Не знаю, кто на кого, — ответил Владин и снова отвернулся.

— Может быть, потому. . . Ты знаешь, что мы ходили с Юрой в клуб немного поиграть?

— Знаю, — тяжело вздохнул Владин. — Все знаю, вас ведь группа ждала столько времени. . .

— Разве мы опоздали?

— Нет! Я битый час тебя искал и не мог найти, а твоя мать доверила тебя мне! Сказала: «Владин, береги ее, потому что она такая рассеянная!»

— Ха-ха-ха, Володька, я открыла в тебе новую черту. . . Плохо, очень плохо!

— Что плохо? Что я забочусь о тебе? Ладно, больше не буду. Ходи, куда хочешь!

— Володька, о чем ты говоришь? Я ведь спросила разрешение у руководительницы, потому что готовится встреча. . .

— Я понял, я все понял. . .

— Что ты хочешь этим сказать? Чтобы я не знакомилась и не дружила с советскими ребятами? Как ты понимаешь дружбу? Она прежде всего уважение, внимание к человеку. Если я захотела дружить, это не значит, что я должна повернуться спиной ко всем другим и бегать от них, как дикарка.

— Понял, я понял! . .

— Ничего ты не понял.

— Юра для тебя теперь все!

— Да, Юра — прекрасный товарищ, комсомолец. Если ты подружишься с ним, сам увидишь, что многому можешь у него научиться. . . И как чудесно играет! Для меня было настоящим удовольствием аккомпанировать ему.

— Так вы вдвоем играли, Шопена, наверно? Где уж мне на моей дудке Шопена играть, я больше пастушьи песни. . .

— Ах, Володька, Володька, какой у тебя тяжелый, скверный характер!

— А, тяжелый, скверный! — заговорил дрожащим голосом Владин. — Я столько времени ждал тебя, так хотел видеть, чтобы сказать. . .

— Что ты хочешь мне сказать? — встрепелась Рилка, словно вспомнив что-то забытое.

— Кончено. . . Теперь нет смысла. Я так хотел. . . А ты. . . Тебе что. . . Ходишь, играешь!

— Да пойми, Володька, мне дали задание, мы готовимся к встрече дружбы с советскими пионерами. Я не могла не пойти. Я включена в программу. Как можно было отказаться? А после этого Юра пригласил меня посмотреть кое-что. . . А ты. . . Нечего дуться! Будь воспитанным. Скажи, в чем дело?

— Я. . . — вздохнул глубоко Владин, — решил сказать тебе, наконец. . .

— Да скажи же, в чем дело, господи! Не могу, когда ты такой грустный. Если из-за картошки — не беспокойся, прилетит скоро на самолете.

— Нет, картошка не при чем. Другое. . .

— Ну скажи, никого нет. Теперь мы одни. Я слушаю!

Владин огляделся, увидел купол Кремля.

— Я жду, говори, Володька!

Он поднял глаза и посмотрел на нее. Рилка заглянула в них и запомнила — смущенные, растерянные, прячущие глубокую тайну, которая стремилась выйти наружу.

— Ты ведь мне сказала, чтобы я был, как Владимир Ильич. . .

— Да, сказала, но о чем именно идет речь?

— О том, что он и она были друзьями.

— Ну да, ведь и мы с тобой друзья.

— Но я хотел сказать тебе. . . ведь друзья должны быть откровенны друг с другом.

— Обязательно, Володька. Друзьям никогда нельзя иметь никаких тайн друг от друга.

— Поэтому я искал тебя, чтобы сказать, что я. . . я. . . — запнулся он и, наконец, одним духом выпалил: — Я написал записку.

Это неожиданное признание ошеломило Рилку.

— Володька!

— Дилко не виноват. Это я написал. . .

Рилка молчала. Ей хотелось, чтобы он продолжал. Но Владин молчал.

— Ох, милый, милый Володька, милее тебя нет! Ладно, пошли, ведь я. . . давно догадалась и простила тебя! Зачем волноваться! Ну, пойдем к ребятам! Они и так уже говорят, что мы все вдвоем ходим. Ну и пусть го-

ворят! Если в Москве не быть вдвоем, то где? Москва — город дружбы. Здесь сближаются люди со всего мира, а ведь мы связаны общим делом, Володька! О том. . . втором. . . забыл?

Только теперь Влади́ну стало легче, и Рилка повела его, кроткого и смиренного, не стесняясь, что кто-нибудь насмешливо посмотрит на нее. Она сразу скажет: «Что вы глядите на меня?.. Дружба! Володька — настоящий друг, мы с ним докажем, на что способны!». Она шла, держа его за руку, и отпустила только, подойдя к Павлину, который словно спрашивал своей улыбкой: «Это и есть настоящий друг?»

«Да, он, Павлин, он, Юра! Вот он, Володька! Любите его и вы, ребята! У него прекрасное сердце. . . — она говорила это глазами, и все ее лицо пылало. — Но почему ты так смотришь на меня, Юра? Ведь я и тебя люблю, и тебя, Павлин, тоже! Всех вас, весь мир!»

Послышался мягкий звучный голос кремлевских курантов, словно ударили по клавишам рояля.

— Слушай, слушай, Володька! — мечтательно прошептала Рилка. — Москва поет!

— Ну уж поет!

— Послушай, послушай, как прекрасно поет Москва!

Рилка стояла и слушала, и вдруг глаза ее наполнились слезами.

— А теперь-то почему снова расплакалась?

— Мне так хорошо, Влади́н! Я плачу от радости. . . — она сжала веки, чтобы сдержать слезы.

— Ну какие вы чудные, женщины! — отвернулся Влади́н. — Нельзя понять, когда у вас что! И хорошо тебе, а все-таки плачешь!

— Иди, иди, выпей апельсиновый напиток, я сейчас приду! — Она побежала по лестнице гостиницы, чтобы оправдать Влади́на в своем дневнике и записать все то, что видела и пережила в зале, где собрана любовь и дружба между народами, чтобы рассказать о городе, в котором рождается любовь ко всему миру, городе, в котором находится не один, а множество корней бессмертия и молодости. Прямо сейчас нужно написать письмо той французской матери, которая прислала шапочку своего единственного ребенка, а также связаться

с чешской девочкой, которая подарила свое сердце. Она узнала адреса и теперь должна была написать письма. Ей казалось, что если она не сделает этого сейчас, это прекрасное чувство, которое наполняло ее душу и вызывало слезы, вдруг пропадет и никогда уже не вернется.

Глава 11

ХОЧУ СТАТЬ БАЛЕРИНОЙ

Болгарских гостей пригласили в Дом пионеров.

«Повезло им!» — думал Владин, познакомившись с советскими пионерами, и видел в каждом из них будущего героя: летчика, инженера, офицера. А Рилка едва успевала записывать разговоры и мечты ребят. Зал радостно шумел. Здесь собрались как будто две ветви одного большого рода. Стоял веселый разногласный шум, как будто горный поток влился в полноводную реку. Шум стих, только когда стал раздвигаться занавес.

«Ну поглядим, что они изобретут!» — подумал Владин. Он надеялся увидеть что-то небывалое.

Вышли совсем маленькие, точно куколки, дети. Но они так плясали, что кое-кто в зале тоже стал подпрыгивать. Вдруг послышался голос:

— А теперь будет самое интересное!

Владин повернулся, чтобы сказать что-то Рилке, но ее не было. Куда она делась? Он не заметил, когда она ушла. В то время, как он искал ее глазами, оглядывая темный зал, наполненный ароматом множества цветов, послышались звуки фортепиано. Он вздрогнул. Вроде бы он слышал когда-то эти звуки.

Владин повернулся к сцене и увидел Рилку. Она сидела за роялем и словно не играла, а перебирала растопыренными пальцами монетки. Рядом с ней, прямой, стройный, красивый, высоколобый, стоял Юра со скрипкой в руке. Владинову показалось, что он взглянул на него и улыбнулся. Вдруг Юра смело поднял скрипку к

подбородку, взмахнул смычком, и в зале затрепетали соловьиные трели. Владин слушал, и эти звуки неожиданно ударили по струнам его души и вызвали тяжелые воспоминания. Юра словно рассказывал скрипкой о боях, проходивших под Москвой, о своем отце, матери и сестре. Рилка сочувственно отвечала ему на рояле. И Владин простил ей то, что она бросила его и сейчас, и вчера.

«Вот куда они ходили! Репетировать! А я... Эх, торопыга я, вечно спешу! — винил себя Владин. — Я смеялся над ней, а вон как вышло! Этот Шопен был душачеловек! За сердце хватает, слезы на глаза навертываются!»

Долго не отпускали Рилку и Юру со сцены. Владин глубоко перевел дыхание, когда девочка вернулась к нему.

— Было очень хорошо! — прошептал он.

— Ой, я вся вспотела! Так волновалась! Ведь всего с одной репетиции.

Владин еще не успел нарадоваться успеху Рилки, когда на сцене появилась маленькая балерина. Белая пышная пачка делала ее неузнаваемой, и только по курносому носику он узнал Валю. Она побежала по сцене, и Владин удивился, какая она легкая и парящая. Разве можно ходить так, на пальцах? Неужели они не сломаются? Как она летит и бесшумно опускается на землю! Ему казалось, что он смотрит какой-то фильм, и хотелось, чтобы Валя танцевала еще и еще. Валечку вызвали несколько раз на бис, пока она, наконец, не скрылась под дружные аплодисменты и крики.

— Пожалуйста, Петков Владимир... на сцену! — послышался голос, и Владин ошеломленно повернулся. Все поднялись на ноги и били в ладоши.

— Что такое?.. — спросил он Рилку.

— Хотят, чтобы ты поиграл им на своей дудке.

— Никогда!

— Ладно, выходи, мы гости, не можем отказываться.

— Да я...

Ребята хлопали и подталкивали его. Он медленно, неуклюже вышел на сцену в окружении советских пионеров, так что сбежать он уж не мог, огляделся по сто-

ронам, как в клетке, и, увидев, что нет никакого выхода, вытащил свою свирель. Он взглянул в зал, встретил взгляд Рилки, которая, не отрываясь, смотрела на него, и вспомнил об опытном поле — как Рилка ходила по воду с большой баклажкой, как он преследовал ее, как сорвал с нее бант, как угощал ее арбузом, как набрал ей яблок перед экскурсией и, наконец, букет ромашек... И заиграл протяжную песню, перенесясь в село, потонувшее в зелени и солнце, чувствуя запах созревшей нивы, слыша звон проходящего стада и выкрики: «Эге-ей-й».

Рилка боялась, как бы он не провалился, но Владин имел успех. Смех прошел по залу, когда он в ответ на бурные аплодисменты засунул свирель в карман и сбежал со сцены.

Детский оркестр заиграл танцы, и по залу понеслись пары. Рилка жадно глядела на них и уже покачивалась в такт танцу.

— Ах, какой прекрасный вальс! Мой любимый вальс «Голубой Дунай»! — она стала напевать и завертелась на стуле. — Я, видно, и в этом похожа на маму: мой самый любимый танец вальс, и мамин тоже. Тра-та-та-а-а. . . Володька, пойдем потанцуем.

— Ну-у! — отшатнулся Владин. — Я танцую только рученицу!¹

— Эх, Володька, как можно не уметь танцевать? Пионеры должны уметь. Пошли, я поведу тебя, и ты научишься!

— Вот еще, буду плестись за тобой, как побитый! Стыд!

— Пожалуйста, Володька, всего несколько шагов. Какой же ты после этого кавалер! Дама тебя приглашает!

— А хоть бы и три дамы. . . Если я не умею!

— Пошли, пошли, я буду кавалером. Ты только поворачивайся туда, куда я буду тянуть. . .

— Убегу, но танцевать не стану! — отступил от нее Владин.

— Видишь, какой ты упрямый и невнимательный.

¹ Рученица — народный болгарский танец.

Ведь для дамы нет большего оскорбления, чем отказ кавалера. . .

— Я еще не кавалер.

— Боянка, пошли, я буду для тебя кавалером, чтобы показать ему, каким должен быть кавалер.

Две девочки немного потанцевали и остановились. Оркестр продолжал играть. Владин отошел поближе к дверям. Решил, что если Рилка будет настаивать, чтобы он танцевал, то он проберется сквозь толпу и погуляет по Москве.

Но в это время к Рилке подошел опытный танцор Юра. Он весь сиял. Мгновенно расцвела улыбка и на ее губах. Юра поклонился, приглашая ее на танец.

Рилка кивнула, но только подала ему руку, как увидела Владина, сидевшего в сторонке. Она подбежала к нему.

— Володька, — склонилась она к нему и прошептала, — я забыла, ты позволяешь?

— Что? — спросил в недоумении Владин.

— Танцевать с Юрой. Только один танец, пожалуйста!

— Ну. . . Танцуй и два, если хочешь! Хочется танцевать — танцуй и пять, мне что. . .

«Какой добрый!» — подумала Рилка и побежала к Юре. Юра был выше Владина, изящнее. Он ловко кружил Рилку, и она порхала по залу, как бабочка над Бистриным источником в Ломтеве. Они исчезали между другими парами, появлялись и снова пропадали, кружась еще стремительнее. И так до тех пор, пока оркестр не перестал играть. Рилка осталась среди советских ребят и не отходила от них. Хотя Владина и развлекали украшения зала, он уже почувствовал одиночество. И только собрался уйти, как перед ним неожиданно возникла Валя.

— Прошу вас! — она растянула свою юбочку, как на сцене.

Владин понял, что она приглашает его танцевать, и смутился. «Ну и влип! В жизни я не танцевал!»

— Пожалуйста! Только один раз! — снова распушила юбочку Валя, и какая-то сила подняла Владина с места. Разве мог он сбидеть свою советскую подру-

гу? Что она подумает тогда о болгарях? «Ты ведь представляешь не себя, а Болгарию!» — вспомнил он слова отца, которые тот сказал перед отъездом.

— Ну, ладно. . . — поднялся он. — Засмеют меня, я танцую, как медведь, но. . . не могу отказать тебе, ведь для девочки самая большая обида, когда отказываются танцевать с ней!

И взяв робко тоненькую Валину руку, он предоставил ей делать с собой все, что она хочет. Валечка сразу поняла, с кем она танцует. Она смеялась, для нее было большим удовольствием учить неумелого Владина и смотреть, как он смешно подпрыгивает.

— Ра-з, два-а, три! — считала Валя шаги, а он смотрел себе под ноги и пытался двигаться в такт.

Рилка сначала не поверила своим глазам. Кто это такой, кто подпрыгивает, как щенок, и делает невообразимые движения?

— Это наш Владин! — сказал Павлин.

— Ах, батюшки, неужели он! — всплеснула она руками и остановилась посреди зала, словно пораженная громом.

Она дождалась, когда Валя и Владин приблизятся к ней, и ей стало совестно за Владина. Он держал девочку на метровом расстоянии от себя и, уже не глядя себе под ноги, скакал, как попало. Берегся только, чтобы не подставить ножку маленькой балерине, а то они оба хлопнулись бы тогда на пол. Рилка не смела взглянуть на своих товарищей. Владин действительно нисколько не умел танцевать. Но тогда почему же он согласился? «Из-за Вали. Потому что она такая милая и прекрасная балерина».

На сердце у Рилки стало легче, когда Владин неожиданно уловил такт и мало-помалу стал двигаться верно. Он весь ходуном ходил, тяжело опираясь то на одну, то на другую ногу, но больше Вале на туфельки не наступал. И Валя все легче кружила его, то приближая его к себе, то отодвигая. Рилке хотелось, чтобы этот танец скорее кончился и она могла перехватить Владина, но танец продолжался. Павлин пригласил ее, но она отказалась.

— Я устала, Павлин. В другой раз! — Она села, и глаза ее уже не отрывались от Вали и Владины.

«Он может! Он все может. Вот, она его научила, она — ну почему не я, — сердилась на себя Рилка, что не уговорила Владина пойти танцевать. — С ним нужна настойчивость. Он с трудом поддается, но если им завладеть, идет за тобой, слушается. — И она, уже поняв свою ошибку, училась у Вали и обдумывала, как нужно обращаться с Владином, чтобы он стал лучше. — Самое главное — не отступать, пока не добьюсь того, что хочу», — решила она и успокоилась на мысли, что сломит упрямство Владины, которое было, по ее мнению, самой плохой его чертой.

Танец окончился, но Владин не вернулся к болгарским пионерам. Валя снова пригласила его и не оставляла до конца вечера. Ей было весело не только танцевать с ним, но и слушать, как он рассказывает иногда запынаясь, о курах, которых все время гонял со своего опытного поля. Она вела его под руку и ласково представляла своим друзьям. «Он не только мичуринец, но и артист! Комик замечательный!» Они шумно здоровались, поздравляли его с веселым танцем, галдели вокруг него. Смущение Владины прошло, и его грудной голос часто звучал громче их голосов.

Рилка видела, что он стал центром внимания, и нетерпеливо ждала, когда он вернется, но он как будто забыл о ней. Она протанцевала один танец с Павлином, но глаза ее были прикованы к Владину. Она даже поворачивалась, чтобы увидеть, танцует ли он снова с Валей. Павлин говорил ей что-то во время танца, но она его не слушала.

— Есть на сегодня билеты в Большой театр. Хочешь, пойдем?

— Да, да. . . — отвечала она, но мысли ее были далеко.

— Но билетов только два. . .

— Да, да. . .

— А Владин не рассердится?

— Да, да. . .

— Ты что заладила: да, да? Ты где витаешь?

— А? Что?

— Рилка, где твои мысли?
— Здесь! — покраснела она.
— Я с тобой разговариваю, а ты что мне отвечаешь.
— Павлин, не сердись. Я задумалась.
— Ребята предлагают нам два билета в Большой театр. Для руководительницы отдельный билет, конечно.
— Ах, обязательно, пожалуйста! Мне очень хочется. Мама наказывала, чтобы я во что бы то ни стало попала в Большой театр.
— Только для Владина нет билета! — взглянул на нее несмешливо Павлин.

— Тогда... — пробормотала она и опустила голову. — Посмотри на него, разве скажешь, что он крестьянский мальчик? Он музыкальный.

Начались русские танцы, и только тогда Владин вспомнил о Рилке. Он даже пошел к ней, но в это время Валя стремительно подбежала к мальчикам, которые хлопали в ладоши и танцевали вприсядку, и Владин снова замер на месте, заглядевшись на нее.

Все затихли, словно налетел вихрь. Валя, подняв, как саблю, руку, разрубила толпу мальчиков и полетела, прихлопывая в ладоши. Мальчики кинулись за ней. Она летела перед ними, подманивала их, они, отталкивая друг друга, преследовали ее, хотели ее догнать, но она убегала от всех, не позволяя никому коснуться себя.

«Она замечательная! Будущая прима-балерина Большого театра! — думала Рилка, глядя на Валю. — И почему я не послушалась тети, не записалась в балетную школу... А вместо этого позволила маме мучить себя этим роялем...»

Владин, не отрываясь, смотрел на Валю. Только теперь он понял по-настоящему, какая прекрасная вещь балет. Ему казалось невероятным — неужели вот с этой девочкой он только что танцевал, неужели касался талии этого нежного существа, неужели эту бабочку хватал своими грубыми лапами? И что он такое по сравнению с ней? «Медведь!» — назвал он себя с чувством вины. В эту секунду Валя убежала от танцоров так же внезапно и стремительно, как и врзалась в них. И совсем неожиданно, порывисто кинулась к Владину и прижалась

к нему, словно ожидая, что он спасет ее от врага. Владин не понял, что она танцует отрывок из балета.

— В знак дружбы! — она поцеловала его в щеку и потянула в круг танцующих.

Владин смутился. Постоял немного, трогая щеку, словно ее обожгло. Оркестр играл уже не казачок, а что-то знакомое. . . болгарское, и Владин вдруг пришел в себя.

— А! Рученица! — крикнул он. — Ведь это наша рученица!

И глаза его засияли. Он увидел свое село, маленькую сцену, музыкантов, опытное поле, где они жили лагерем и танцевали.

— Хоп! — топнул он ногой об пол. — Держись, земля. . .

Он понял, что это устроила Валя. И сейчас она кружилась рядом с ним, восторженно смеясь, и танцевала рученицу. «Ишь, она подготовилась, но уж в рученице-то я буду ей достойным партнером!» — подумал Владин.

— Их-а-а! — вскричала радостно Боянка и тоже пошла танцевать.

— Держитесь, ребята! — кинулся в круг и Павлин.

— Давай, Володька! — хлопала в ладоши и подпрыгивала на месте Рилка.

Живописный танец закрутился. Валя отошла, довольная, что заставила болгарских ребят включиться в общее веселье. . . Когда танец окончился, она накинула на шею Владиному пионерский галстук в знак дружбы.

Когда Валя отошла, Рилка сама приблизилась к Владиному, потрогала с радостным видом его галстук и прошептала:

— Так-то ты не умеешь танцевать!

— Конечно, не умею.

— Когда со мной. А с Валечкой — умеешь!

— Рилка, ведь ты же мне сказала, чтобы я учился и стал кавалером.

— Да, но будь и со мной кавалером.

— Ладно! С этой минуты буду только для тебя кавалером.

Уже стемнело, когда ребята вышли на улицу. Рубиновые звезды сияли. Кремль возвышался, окутанный неж-

ными фиолетовыми сумерками. Рилка и Владин шли вместе.

— Знаешь, Володька, — заговорила встревоженно Рилка, — ведь ты согласишься, что мама поручила мне во что бы то ни стало сходить в Большой театр и особенно на «Лебединое озеро»...

— Ну и сходишь!

— Да, но я хочу, чтобы и ты пошел, — Рилка вдруг запнулась, — но нам дают только два билета. Один для меня, а другой для Павлина. Он председатель совета дружины, нельзя иначе...

Она ожидала, что Владин обидится, и поэтому сразу сбавила:

— Вот я и решила, что пойдешь ты, я ведь видела много балетов...

— Это еще зачем... Иди ты, — сказал Владин. — Я и так уже с ног валюсь. И не особенно стремлюсь к этим оперным делам. Они не для меня. Я вот жду не дождусь дня, когда мы поедем на опытное поле.

Рилка остановилась, пораженная.

— Но с нами будет и... Юра.

— Идите с Юрой, смотрите! — повторил Владин.

Рилка не могла верить своим ушам. Владин, который сердился, что она пошла с Юрой на репетицию, не предупредив его, теперь отпускал ее с легким сердцем. Как он изменился! Каким хорошим стал Володька! Как будет легко дружить с ним! Уступчивый, снисходительный, верит ей!

— Я не пойду, если тебе одному будет грустно! — сказала Рилка.

— Ладно уж, хочешь, чтобы я там заснул?

— Нет, нет, ты делаешь это ради меня. Скажи правду, Володька. Если ты будешь чувствовать себя одиноким и тебе будет тяжело, я откажусь от «Лебединого озера», хотя это и была моя мечта.

— Да иди, смотри на здоровье. Ты что... За кого ты меня принимаешь? Я с советскими друзьями отпущу тебя хоть на Северный полюс!

— Правда, Володька?

Рилка побежала к ребятам, крича:

— Я же вам говорила! Володька отказывается! Ну, Павлин, скорее, а то опоздаем.

Владин пошел ужинать. В первые дни, когда он видел много еды, ему хотелось съесть все. Апельсины, груши, яблоки, персики, виноград, арбузы — чего только не было на столе! Можно было взять, что хочешь. Но потом — через какое-то время, когда он ел до отвала четыре раза в день, ему уже ничего не хотелось есть. Не надоедали ему только мороженое и апельсиновый или лимонный напиток. Советские ребята даже кричали ему в шутку: «Володька! Апельсиновый напиток! Хочешь?» — «Хочу-у-у!» — отвечал он. И в ресторане, едва его завидев, догадывались и несли ему бутылку.

И в этом вечер он выпил апельсиновый напиток, пошел в свою комнату, улегся и задумался. Рилка теперь в Большом театре, рассматривает украшенные золотом балконы, а когда поднимается занавес, Юра предупредительно ей объясняет, что делается на сцене. Он настоящий советский юноша! Рилка непоседливая, она может заблудиться во время антракта в коридорах, но Юра ее охраняет. Когда она поскользнется на блестящем паркете, он поддержит ее, чтобы она не упала и не вывихнула себе ногу. Девочки хрупкие. Но Юра не только хорошо воспитанный кавалер. Он комсомолец, руководит организацией, владеет тем трудным искусством, которым еще предстояло овладеть Влади́ну. . .

«И я должен стать, как он!». . . — говорил себе Владин и долго думал о Рилке, о Юре и о себе. Скоро Юра совсем исчез из его мыслей. Остались они двое: Рилка и он. Что будет с ними? Они приехали в Москву, видели столько чудесного, и это чудесное еще больше сблизило их. Но что принесет им эта дружба, когда они вернутся? Соберут кукурузу и засеют, это во-первых. Потом поймают тайного врага. . . Но как? Хоть бы вернулся Мересьев, и они бы сумели встретиться с ним. Он знает врага, он им подскажет.

Владин вспомнил село, родителей, друзей. Вскочил с кровати, сел за стол и начал писать всем открытки. Прежде всего отцу и матери. Им он решил послать фотографию, на которой он был снят перед Мавзолеем.

Рядом с ним стояла Рилка. Они держались за руки. Что подумают отец с матерью?

«Ну и пускай себе думают!» — засмеялся Владин, наклонился и начал писать:

«Дорогие родители!»

Он нарочно выбрал такое обращение «родители», чтобы подчеркнуть свое уважение. Ему казались чужими притворно-интимные слова. Он не знал, как выразить свои чувства, запнулся и невольно стал писать шаблонными фразами:

«Мне хорошо. Я видел Москву и Кремль, и все очень понравилось».

Может быть, тем, кто будет читать письмо, оно покажется маловыразительным, но Владин в эти слова вложил всю глубину своих чувств. «Хорошо» для него означало самое прекрасное, самое сильное, но он не знал ярче слова, чтобы выразить свое состояние. Ему были чужды высокие слова, восклицания «ах», «ох», он писал просто, как пишут солдаты и ученики своим родителям, когда просят о чем-нибудь.

«Я видел фото брата в Зале дружбы, видел, как люди, приехавшие из самых разных стран, ходят и смотрят на него, — написал Владин и, подумав, продолжил: — Дорогие родители, теперь я понял, что брат отдал жизнь не только за нас. . . Он герой, и поэтому его портрет выставлен сейчас здесь, в Москве. . .»

Владин окончил: «Целую вам руки, ваш сын», — и подписался. Ему стало легко, и другие письма он написал быстрее.

«Одежда становится мне узка, как вы мне и говорили. . . — признался он портному. — Одним здешним завтраком пять семейств в селе можно накормить. Много едят советские люди, но много и работают. Один такой костюм, какой вы мне шили неделю, здесь вылетает с конвейера каждую минуту».

Он написал и баю Кото, и Пешо-трактористу, и секретарю партийной организации, и Гечо, посылая приветия всем близким на селе.

Было уже двенадцать часов, когда дверь открылась. Павлин и Рилка вошли тихо, на цыпочках, и рассмеялись, увидев его склонившимся над столом.

— Ты что делаешь? Почему не ложишься? — спросил Павлин и повернулся к Рилке: — Видишь, он жив и здоров, а ты там все время: «Ах, что теперь делает Володька, ах, почему не взяли Володьку, это только для Володьки!» Отравила нам спектакль своим Володькой.

«Бедный, он не спал, ждал, когда мы вернемся!» — подумала Рилка и заглянула в его письма.

— Ты что, Володька, ведешь дневник?

— Нет. . . — Владин стал смущенно собирать письма.

— Ах, Володька, ты не можешь себе представить, что это было! Я захлебывалась от восторга! Товарищи обещали сводить тебя в театр. Ты непременно должен увидеть «Лебединое озеро»! Это что-то волшебное.

И, подумав, добавила:

— Я так решила записать в мой дневник: «Если бы советские люди имели только балет и ездили с ним по свету, они и тогда бы завсезвали сердца людей. А у них есть не только балет, а кое-что побольше, как говорил и папа».

— Рилка, я пойду вниз, поем, — сказал Павлин.

Рилка поколебалась, идти ли с ним.

— Иди, Павлин, я сыта балетом. . . — ответила она ему, и он вышел.

Среди писем Рилка увидела фотографию, где они с Владином перед Мавзолеем, украдкой прочла написанное и нахмурила брови.

— Прежде всего, мне не нравится это — «дорогие родители» — звучит, словно ты усыновленный. Нужно написать сердечнее. «Милые мамочка и папочка. . .»

— Ведь я тебе говорил, что не люблю это — «мамочка», — ответил Владин.

— Тогда напиши «мама и папа».

— И это не люблю. И это слюняво.

— Тогда «дорогие мать и отец»! Но ни в коем случае не «дорогие родители». Очень сухо. Нельзя писать так из Москвы: «Сегодня, когда нашлось свободное время. . .»

Владин промолчал. Действительно, лучше написать «дорогие мать и отец». Но он писал им впервые в жизни, а из писем, которые он читал, его память сохранила

только такое обращение. Довольная, что Владин согласился, Рилка заговорила еще настойчивее. . .

— Ты так и собираешься послать его вашим, да?

— Ну и что?

— Ничего, посылай! — отвернулась она обиженно. — Ты всегда что-нибудь устроишь, чтобы испортить мне настроение. Не знала я, что и такая черта есть в твоём характере.

— Да какая же?

— Такая. . . Мы дружим, а ты не догадался.

— О чем?

— О том, что пишешь своим и ни словечка обо мне.

— Да, верно. . .

— Напиши хотя бы, что это за девочка, которая стоит с тобой, — надулась Рилка. — Правда, я не балерина, но не такая уж никудышная, чтобы тебе было стыдно представить меня.

— Да я не хотел, Рилка, поверь. . .

— Дай, я сама напишу им, что нужно. Ты никогда не придумаешь и не напишешь в подходящем стиле.

Владин смотрел, смущенный. Теперь и отец, и мать поймут все.

— Ведь мы в село поедem, будем работать, а ты обо мне и слова не написал своим! Скажи им правду, кто я, мы ведь друзья. Я вот рассказала о нашей дружбе, а посылая снимок, так много хорошего написала о тебе!

Она подумала, наклонилась и вывела вниз на пустом месте:

«Вас целует Рилка, подруга Влади́на, та самая, что обнаружила пожар».

— Хорошо ведь так, верно? — выпрямилась она, довольная собой, и погрозила ему пальцем. — А завтра пошлем письмо и нашим. И ты не только подпишешься, но и напишешь им целую страницу, ясно? Мама должна знать, что ты заботишься обо мне как настоящий друг, тогда она успокоится. Это будет твоё первое письмо нашим, поэтому подумай, чтобы ты им понравился. Я не хочу, чтобы они сказали: неграмотный крестьянский мальчик!

Рилка смотрела, как Владин послушно моргает, но как раз, когда она подумала: «Владин хороший. Вла-

дин меня слушается», вдруг увидела, что он прячет недописанную открытку. Она взяла ее у него из рук и, нахмутив брови, прочитала: «Катке».

Владин стоял, словно его поймали на месте преступления. Она взглянула на него и улыбнулась как-то неопределенно.

— Ничего, ничего, напиши ей! Она ведь твоя первая подруга, да?

— Кто тебе сказал? — вспыхнул Владин.

— Она сама, однажды вечером в селе. И ты хорошо сделал, что вспомнил о ней.

— Но, Рилка. . . ты не знаешь, какие неприятности у меня были из-за нее. . .

— Ничего, ничего, я не сержусь. Только напиши ей. . . — Рилка огляделась, хотя они были одни в комнате, и прошептала ему: — Напиши ей, чтобы она следила за. . . вторым.

— Это я ей и написал, — Владин с облегчением перевернул открытку, и Рилка обрадованно прочла: «Не прозевайте второго».

Послышались шаги Павлина, и Рилка направилась к двери.

— Пошли, проводи меня, пожалуйста, до комнаты. Юра проводил нас с Павлином до самой гостиницы. Знаешь, Володька, я уже твердо решила — стану балериной! Может, я не буду такой мировой звездой балета, как Валечка, но для Болгарии. . .

— Ладно, становись балериной.

Глава 12

ВЛАДИНА НЕТ

Владин посмотрел и «Лебединое озеро», и «Красный галстук», и еще много других спектаклей. Но больше всего в Москве ему понравился медвежий цирк. Здание цирка не было покрыто брезентом, как в Болгарии. Это

был настоящий театр. В зал могло поместиться все село.

— Ой, медведи! — раздался радостный голос Рилки в притихшем зале. — Живые медведи, Владин!

В светлом коридорчике действительно появились медведи. И не такие, каких раньше видел Владин, — неуклюже переваливающихся на четырех лапах, посаженных на толстую цепь; они поднимаются, когда дрессировщик пихает их палкой, и прыгают, танцуя хоро.

— Ой! — вскочил Владин с места и замер. — Я и то не умею ездить на велосипеде, а они. . . Не может быть!

Медведи выезжали на велосипедах. Впереди всех ехали старая мохнатая медведица, которая раскачивалась на сиденье, и Владин боялся, что она того и гляди упадет. За ней гнались более молодые медведи с белыми животами. И самым последним ехал маленький мишка в штанах. Старая медведица медленно вертела педали и оборачивалась назад, чтобы увидеть, едет ли он. Медвежонок время от времени упускал педали, ловил их и снова торопился догнать взрослых участников состязания. Между представителями медвежьего семейства начались настоящие гонки.

— Ну же, эй, малыш! Верти!. . . Давай! — Владин соскочил со стула и пробрался сквозь толпу. Ему хотелось выйти на арену, посыпанную опилками, как детская площадка, и подтолкнуть маленького велосипедиста, который отставал. Когда медвежонок подъехал к выходу за кулисы, все подумали, что он отказывается от состязания: он сбавил ход и умоляюще повернул голову к дрессировщику, который сидел в коридорчике и следил за гонками. Владин заметил, что дрессировщик поднес что-то к мордочке медвежонка, тот облизнулся и снова пошел.

— Что ему дал этот человек? — крикнул Владин, стоящий в первом ряду.

— Это дрессировщик, который учит медведей. Он дал медвежонку сахару.

— А-а. . . — Владин прилип к парпету, но вскоре отодвинулся, потому что медведи приближались.

— А-а-х! — вскрикнул он, и все тоже ахнули.

Маленький мишка стал таким сильным, что обогнал

других, но ослепленный своей радостью, наехал на медведицу и упал. Сразу подбежал медведь в белом халате, с красным крестом на рукаве и сумкой через плечо, почистил медвежонка веником, пощупал его ногу, не вывихнул ли, и помог ему снова сесть на велосипед.

— Давай, медвежонок, ну же! — кричал Владин, напрыгаясь, словно это он сам ехал на велосипеде, взбираясь на высокий холм.

Владин сочувствовал ему, он хотел, чтобы победил медвежонок, но тот торопился, торопился и все-таки отставал. Приблизившись к дрессировщику, он снова умоляюще взглянул на него. Тот опять сунул ему в рот кусок сахара, и он снова полетел. Он, наверно, повалил бы всех медведей, если бы они не давали ему дорогу.

— С таких пор учится, бедный! — Владин махал ему рукой, уже совсем поверив, что это настоящие медведи. Но когда состязание окончилось и старая медведица стала на передние лапы и начала ходить по арене, он снова разохался:

— Не может быть! Это люди в медвежьих шкурах!

Медведица легла, ей на лапы положили бочонок, и она начала его перекачивать, а наверху по бочонку ходил маленький медвежонок и не падал.

— Это люди! — решил Владин, и никто не мог его разубедить. Он смотрел, и ему хотелось протянуть руку и пощупать медведей.

Болгарские пионеры вышли из цирка, ошеломленные.

— А где Владин!? — огляделась вокруг Рилка.

Владина не было. Поток людей тек по шумному бульвару.

— Владина нет, — испуганно дернула Рилка руководительницу и сразу обернулась к Юре: — Наш Владин пропал!

И они с Юрой пошли назад. Вернулись в цирк. Когда они шли против потока, их толкали, смотрели на них с удивлением. Рилка думала, что они найдут Владина на арене: он, наверно, глазет на бочонки, взбирается по лестницам, проверяет, настоящее ли все это. Но ни на арене, ни в зале Владина не было видно. Сердце ее замерло. Что могло случиться?

— Не волнуйся! — пытался успокоить ее Юра, но она, прежде такая милая, с таким вниманием слушавшая его игру на скрипке, теперь дрожала и вырывала у него руку.

— Нужно найти Володю!

Слезы появились у нее на глазах. Юра понял, что она действительно испугалась. Он повел ее из зала, они искали Владина в коридорах цирка, в буфете, у гардероба. Володьки не было.

— Ах, батюшки! — причитала Рилка, и ей в голову лезли разные страшные мысли.

— Да найдем его! — утешал ее Юра. — В Москве он не может пропасть.

Рилка вспомнила, что находится в Москве, и ей стало неловко за свое поведение.

Они снова вышли на улицу, дошли до троллейбусной остановки, до трамвайной, кидались к каждому мальчику в куртке, но Владина не было.

— Ой-ой-ой! — заплакала Рилка посреди улицы. — Может, его раздавил трамвай. . . Или он попал под машину!

— Что ты? — испугалась руководительница, вокруг которой ребята сгрудились, как цыплята вокруг наседки. Всем было не по себе, а Рилка не скрывала слез и плакала в голос.

— Найдем его! — спокойно говорил Юра.

— Как? Уходить без Володьки — не по-товарищески! — заупрямилась Рилка, не желая сдвинуться с места. — Узнаем в «Скорой помощи»! — кричала она и махала рукой куда-то в сторону. — По телефону. . . Скорее!

Она не посмела сказать то, что пришло ей в голову: может быть, Володьки уже нет в живых?

— Да зачем в «Скорую помощь»? — удивился Юра. — Вы что думаете? Москва не капиталистическая столица, где катастрофа происходит каждые пять минут!

Ребята успокоились после его слов. Только Рилка не слышала, что он сказал.

— Тогда спросим в милиции. Я без Володьки ни шагу не ступлю! — плакала она и озиралась вокруг. — Я отвечаю за него. Как мы вернемся без Володьки?

Юра растерялся.

— Ребята, поймите, здесь никто не может пропасть! Вы в Москве. Москва любит людей и охраняет их.

Ребята вспомнили, с каким вниманием им уступали везде дорогу, как москвичи взаимно уважают друг друга, как с улыбкой оказывали им услуги. Ведь их больше всего поражали люди, советские люди! Откуда, действительно, взялся у них страх, это недоверие? Нет, недоверия не было.

— Хватит, Рилка! Не будь ребенком! Не устраивай паники, не баламуть товарищей, — сделала ей замечание руководительница и попыталась объяснить все Юре. Это любовь к другу, первая дружба, их сблизила работа на опытном поле. Юра смотрел на Рилку и все еще не мог понять.

— Но почему она плачет? Почему эти слезы? — спрашивал он и теперь вспомнил, как Рилка с особым пристрастием представляла Влади́на советским ребятам и рассказывала, что его брат погиб в партизанах; Юра вспомнил, как она везде ходила с Влади́ном и беспокоилась о нем, когда его не было рядом. И ему становилось ясно, почему Рилка беспокоится больше всех.

— Я знаю его отца, его мать, я дала обещание беречь его, потому что он своевольный. Как же я вернусь без него? — причитала Рилка, и слезы щипали ей щеки.

— У вас настоящая дружба! — сказал Юра, улыбаясь. — Но будь спокойна, Володьку мы найдем. А может быть, он уже в гостинице.

— Правда?

— Когда наши люди увидят, что он плутает, сразу спросят его: «Ты кто?».

— Но он плохо знает русский! Если бы я была с ним — другое дело.

Рилка теперь винила себя за то, что она увлеклась рассказом Юры о цирковом номере со слонами, который он смотрел, но которого в этот вечер не было, и не заметила, как Влади́н пропал. Может быть, он обиделся и пошел один. Он способен на это. Он ведь с норовом. Надулся и пошел. Думает, что это село. А это. . . Москва!

— Уверяю вас, ребята, что Володька, который умеет водить трактор, так легко не пропадет. Ведь ты сама,

Рилка, говорила нам о нем, как о герое!

— Да, но ведь в Москве семь миллионов. А он никогда не выезжал из села.

— Он герой и не осрамится. Ну, не плачь. Может быть, он уже в гостинице. И когда расскажем ему обо всем, будет смеяться. Вытри слезы!

Рилка перестала плакать и доверчиво взглянула на него.

— Я знаю, знаю, что значит друг, близкий, — сказал Юра, поняв ее слезы. — Но вы же будете скоро комсомольцами, нельзя плакать при малейшей неприятности.

— Ведь. . . — вытерла слезы Рилка и даже улыбнулась, — ведь мы найдем его?

— Да, он в гостинице. Или где-нибудь здесь. . . Твой Володька.

Ей было приятно, что Юра называл Володьку ее Володькой. И она успокоилась, готовая пойти с группой ребят.

— Как только он найдется, я запру его в комнате и в наказание целые сутки не пущу никуда! — грозила руководительница.

Улица утихла. Вечер опускался на Москву. Люди шли неторопливо, спокойно. Только группа болгарских ребят шумела и оглядывалась вокруг в сотый раз, но Влада на не было. Они спустились в метро.

У самой гостиницы Боянка испуганно вскрикнула:

— Вот он!

Рилка в ужасе вздрогнула. Может быть, его несут, мертвого или искалеченного колесами троллейбуса, трамвая. . . Она ждала, сжавшись, не смея обернуться.

— Владин! — раздавались крики, радостные, восторженные. Владин, живой и невредимый, стоял у входа в гостиницу и смеялся, лицо его сияло. Рилка обернулась и увидела, что Юра улыбается ей.

— Я вам говорил! Жив и здоров! — Юра подошел и хлопнул Влада по плечу. — Молодец!

— Ты где бродишь? — стала ругать его еще издалека руководительница. — Почему отрываешься от нас? Забыл обещание, которое мы дали в Болгарии перед

отъездом? Какой жеты пионер? Вот завтра отправлю тебя назад в Болгарию, поймешь, что такое дисциплина.

— Я был у медведей, — ответил все так же радостно Владин и сдержал этим град упреков.

Все вдруг изменились. Рилка, которая решила вести себя с ним сурово, подошла к нему, весело улыбаясь. Все усталились на Владина. Даже руководительница закусила губу, чтобы не рассмеяться, и стала слушать.

— Прямо туда пошел, в их комнату! — рассказывал Владин. — Живые медведи, ей-богу! Как накинулись на меня, чуть не съели!

Рилка снова испугалась. Она представила себе, как он раздражил медведей и как они набросились на него, чтобы разорвать. Она глядела на его лицо, руки, одежду, искала следы медвежьих лап и страшных, как тесаки, зубов.

— Из-за конфет хотели меня съесть, правду вам говорю! Я дал им конфетки, которые вы, Юра, подарили нам во Дворце пионеров. Только так и спасся. Иначе теперь меня не было бы на свете. Маленький медвежонок такой жадный, хотел обглодать мои пальцы, словно листья с кустика. . .

— Врешь! — слышался из толпы голос Боянки.

— Вот поглядите. У меня рука еще пахнет медведями, — он протянул руку к Рилке, которая сразу наклонилась личико.

— Ой! — отшатнулась она, почувствовав тошноту. — Он весь пропах медведями.

Пионеры щупали его пальцы, на которых виднелись следы мелких зубов. Владин рассказывал о слонах и вырастал в глазах ребят в смелого, бесстрашного.

— Я теперь понял, что все, что я читал в книгах о Советском Союзе, было мелочью по сравнению с тем, что на самом деле. Если советские люди переделывают нрав животных, можете себе представить, что будет. . .

Владин повел группу к ресторану в гостинице, как будто он был руководителем. Все сгрудились вокруг него и слушали рассказ о том, что не было показано в цирке и что видел он один.

— Я сердита на тебя, но все равно рассказывай! — Рилка заняла свое место рядом с ним.

В небе трепетало неугасимое сияние, льющееся от рубиновых звезд. Москва держала в ласковых объятиях своих неугомимых гостей.

— Знаешь, Володька, ты так хорошо рассказываешь о цирке, уж не решил ли ты стать цирковым артистом, дрессировщиком?

— Ну-у-у! Нет. . . я. . . ты же знаешь, для меня только агротехника, высокие урожаи. . .

— А я совсем забыла тебе сказать. Мне очень хотелось стать балериной, и я уже написала маме. Но после того, как мы ехали в этом прекрасном метро, знаешь, Володька, я не могу не признаться: я хочу стать инженером, построить первое в Болгарии метро.

— Ну и хорошо! А я держусь за агротехнику, за высокие урожаи. Только туда. . . в Тимирязевскую академию, понимаешь?

Глава 13

КАРТОФЕЛЬ

Однажды утром, когда ребята только что вышли из комнат, Юра пробежал мимо швейцара, который кивнул ему, и показал болгарским пионерам торбочку.

— Кто из вас узнает эту торбочку?

— Моя картошка! — Владин развел руки, как будто для того, чтобы схватить голубка, прилетевшего из родной страны.

— Видишь! А ты не верил! — вскричала радостно Рилка и схватила торбочку. — Хорошо, что мы позволили.

Каждый день Владин спрашивал, получен ли картофель, и слышал один и тот же ответ: «Нет». «А для меня ничего нет? Для Владина?» «Нет, ничего», — отвечал портье. Владин уходил, разочарованный. Со дня на день тревога его росла. Он спрашивал то Юру, то Рилку, они проверяли везде, но посылка с картофелинами не была получена. Даже уведомили болгарское посольство: «Если

придет торбочка с сортовым картофелем, большим достижением болгарского опытного поля, пусть перешлют ее сразу в гостиницу».

Теперь Владин схватил торбочку, словно какое-нибудь сокровище, и не стал дожидаться лифта, чтобы подняться на нем. Он скакал вверх по лестнице через три ступеньки и бормотал себе что-то под нос, раскрывая на ходу торбочку, на которой химическим карандашом был написан его адрес. Владин вошел в комнату, запыхавшись, торопясь скорее посмотреть, не случилось ли чего-нибудь с картофелинами. Может быть, их раздавили в дороге или же подменили? Кто знает! Они прошли через столько рук! Может, те картофелины, что покрупнее, взяли на таможне, а какую-нибудь мелочь запихали в торбу. «А-а, — сказали, — какие громадные! Почему бы их не зажарить? Ведь все равно, потом подложим, и будет ровно столько, сколько весит посылка».

«Одним глазком только б взглянуть, а то вдруг подменили, откроешь при всех, так стыда не оберешься», — Владин распорол швы и радостно засмеялся.

Из торбочки выкатились его картофелины — крепкие, непобитые. Среди них было засунуто письмецо:

«Рилка и Владин, извините, что в спешке я забыла уложить картофелины. Уже когда нарезала одну, сообразила и так испугалась, что даже порезалась».

— Чтоб тебе пусто было! — едва не расплакался Владин.

«Но я посылаю вам вместо этой картофелины другую, из питомника при агрономическом факультете, которая, по словам твоего отца, Рилка, ни в чем не уступает нашим».

— Ну вот, теперь она еще учит лгать советским товарищам! — он отпихнул в сторону чужой клубень.

«Не сердитесь на меня! Я снова вам напоминаю — берегитесь, Москва ведь большая, заботьтесь друг о друге, как брат и сестра. Целую вас. Мать Рилки».

— Хорошая женщина!.. — вздохнул Владин и оставил письмо на столике. Последние слова: «Заботьтесь друг о друге, как брат и сестра», — смягчили его гнев. Если бы не эти слова, Владин бы взорвался, поссорился с Рилкой, сердито кричал, что один его клубень про-

пал и заменен другим. Но теперь он взял присланную из питомника картофелину и с удовольствием стал ее разглядывать. Потом взвесил на ладони, сравнил с одной из своих, и уверившись, что они одинаковые, снова осторожно положил их в торбочку. Что с того? Ведь их родила одна земля — болгарская, — примирился он, завязал торбочку и пошел в комнату к Рилке.

— Вот, прочти! Письмо от ваших! — подал ей записку Владин. — Целуют нас обоих.

Рилка стала читать письмо, а Владин задумался о том, что нужно будет делать с картофелинами дальше.

Глава 14

НА ОПЫТНОМ ПОЛЕ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРОВ

Машина ждала их внизу у гостиницы. Владин обрадовался, когда она понеслась по улице Горького. Эта улица нравилась ему больше других. Машина словно не ехала по земле, а скользила по каким-то невидимым рельсам. Весело пролетали мимо гастрономы, пестрые книжные витрины, люди, улыбающиеся и спешащие, но еще лучше было, когда они выехали на Ленинградское шоссе и устремились из города. Автобус мчался как бы по дну глубокого ущелья, прорезающего густой лес. Небо проглядывало, как светлая жемчужная тропинка, сквозь вершины стройных сосен. Асфальт блестел, словно стекло.

Все пели, переговаривались, только Владин молчал, с нетерпением ожидая момента, когда они вылетят на открытое место и перед ними раскинутся советские колхозы. . . Какие они, колхозы? Это что-то огромное, беспредельное, необъятное! .

Они проезжали мимо старых домов с соломенными крышами. «Здесь такой климат», — объяснила руководительница, но Владин был разочарован. Он надеялся увидеть колхозные дома, похожие на дворцы. Владин понимал, что из-за сильных морозов в России все еще

сохранились эти деревянные дома, которые лучше сохраняли тепло. Но где новое, прекрасное, то, что Владин построил в своем воображении? Открылись бесконечные нивы. Они были уже сжаты, рыжий цвет поблек, и земля сливалась с небом.

«Вот это степь! — думал Владин. — Вся Болгария тут уместится!»

Вдруг автобус свернул и остановился перед кирпичным домом.

— Вот, — Юра вылез и прочитал надпись на дощечке. — Правление колхоза имени Васильева.

Владин сразу догадался, что колхоз назван именем того учителя Васильева, который в тридцатом году был убит на собрании. В тот момент, когда он выступал, требуя выселения кулаков, с улицы через окно кто-то выстрелил, и учитель упал. Выбежали и в темноте под окном нашли брошенный обрез. Убийца сбежал и был пойман позднее с помощью того мальчика, о котором им рассказывал еще в Москве Юра. «Этот мальчик еще здесь, или с ним потом что-нибудь случилось?» — думал Владин.

В это время из дома вышел, прихрамывая, невысокий, плечистый, смуглый мужчина в рубашке навыпуск и в высоких сапогах. Со своими нахмуренными косматыми бровями он показался им сначала мрачным. Но когда увидел детей, словно какая-то рука стерла озабоченность с его лица, и он улыбнулся.

— Помните мальчика, который поймал убийцу учителя Васильева? — сказал Юра, который, по всему было видно, приезжал сюда и раньше. — Он перед вами. Теперь он председатель колхоза!

Ребята окружили председателя, настойчиво и умоляюще заглядывая ему в глаза. Они ждали его рассказа. Он, видно, знал, что они приедут, поэтому сразу провел их в канцелярию, усадил на лавки, а сам сел на стул посередине комнаты, сложил руки на коленях и начал медленно, как бы нехотя рассказывать. Потом увлекся, ему стало приятно перебирать свои детские воспоминания, он даже часто отвлекался и испещрял рассказ веселыми подробностями... Сначала ребята ожидали

услышать историю подвига, шумного и блестящего, почти как сражение. А случай оказался очень простым. . .

Однажды, возвращаясь поздно вечером домой, расстроенный тем, что приятель поборол его, подставив ему ножку, он услышал выстрел со стороны школы и кинулся туда. Но убийца пропал в темноте. Куда он побежал, видела только одна девочка. Она все рассказала, и они вдвоем решили поймать убийцу, несмотря на опасность. Но когда ребята подошли к дому, где он спрятался, то мальчик остановился пораженный. Это был дом его родственников. Убийца был кто-то из его родных. Всю ночь провел мальчик в сомнениях, не зная, выдать ли его, но наутро, увидев труп своего учителя, они вдвоем с девочкой пошли в сельсовет, сообщили обо всем, и убийцу поймали.

«Так и нам надо поступить с тем, вторым, пускай он брат или отец кого-нибудь из нас!» — решил Владин и, затаив дыхание, снова стал вслушиваться в рассказ.

. . . Потом кулаков выселили, а колхозу присвоили имя учителя Васильева.

«Значит, если бы кулаки убили нашего Тодорова. . .» — задумался Владин о своем родном кооперативе.

. . . Колхоз был очень хорошим в 1941 году, перед нападением фашистов. Колхозники получали по десять-двенадцать килограммов зерна на трудовень.

«А мы самое большее по три-четыре», — подумал со вздохом Владин, разглядывая комнату, председателя, график трудовой, картины. Все здесь казалось ему необыкновенным, хотя дом был совсем таким же, как и дома в его селе. Даже канцелярские принадлежности пахли здесь по-другому.

. . . Но нахлынули фашисты, сожгли все. Колхоз стал пепелищем, продолжал председатель, скот перерезали, женщин угнали в концлагеря в Германию, мужчин, которые не смогли убежать, поубивали. Село опустошили и разрушили до основания.

«Сестра Вали!» — вздрогнул Владин и застонал от боли.

— Убийцы!

. . . Когда вернулись домой солдаты и партизаны, они не нашли ни одного уцелевшего дома.

— А я был в Болгарии! — сказал председатель.

Владин пораженно уставился на него. А он не Алеша ли, не их ли Алеша, которого они встречали у себя дома Девятого сентября как дорогого гостя, который так хорошо играл и пел, собирая вечерами вокруг себя все село? Но Алеша был здоров, прыгал, как черт, танцуя казачок. Что случилось с его ногой? Может быть, в нее угодил какой-нибудь снаряд после того, как он пошел на Берлин? И этих глубоких морщин не было на Алешином лице. Но с тех пор прошло столько лет. . .

И пока председатель рассказывал, как их встречали болгары — женщины, дети, старики, — с цветами, плача от радости, как им наливали вино и резали скот, чтобы угостить их, как хотели, чтобы они жили у них до конца войны, Владин все больше убеждался:

«Это он! Но как к нему обратиться?»

— А село Ломтево помните? — спросил он наконец.

— Вот, вот, было и такое село. . . Знаете, во всех болгарских селах нас принимали, как родных братьев.

«Это он!» — решил Владин, залез в карман своей куртки, вытащил фотографию, которую ему положила мать с поручением во что бы то ни стало найти Алешу.

— А это не вы? — показал он фото.

Председатель улыбался и ласково глядел на Владина. Сказать ему, что это не он, значит, страшно разочаровать его.

— Это мама, это папа, а вот и я. Я засыпал вечерами у вас на коленях.

Председатель схватил его в объятия и поцеловал.

— Мама и папа живы и здоровы. Посылают вам привет и спрашивают, как вы: женились ли, как живут ваши дети? . .

— Ой, ой, — весело смеялся председатель, который показался им сначала таким мрачным. Слезы появились у него на глазах.

— Мама дала мне для вас полотенце. Если б я только знал, что встретимся. . . А папа хотел послать бутылку ракии, — шепнул Владин и подмигнул ему, — но не было возможности. . . Вы ведь любили угощаться вечером с папой, а когда папы не было, я вместо него наливал из черешневого бочонка.

— Так, так, — говорил, задыхаясь от волнения, председатель. — Я столько городов и сел прошел, и везде были эти бочонки. Вот только точно не могу сказать, я ли это. . . — он взял фотокарточку и погладил Влладина.

Владин вздрогнул.

— А какая разница? Какой-то Алеша стоит на снимке, это все равно, что я. И меня принимали, как его, и я берегу фотографии с такими точно отцами и матерями и такими, как ты, молодшами. . . Может быть, ваш Алеша погиб, но все равно, ведь я. . . — он говорил быстро и взволнованно, но Владин не слушал. Он был уверен, что это их Алеша.

— Пойдемте, увидите теперь, как мы восстановили хозяйство и даже превысили довоенный уровень, — повел их председатель. — Это наши хлева. . .

Владин остолбенел, увидев не один-два хлева, как это было у них в Ломтево, а целый квартал побеленных снаружи и внутри помещений, с разными отделениями, словно они были построены для людей. Не хлев для скота, а как будто комнаты для колхозников открылись перед ними. Внутри их встретили скотницы, одетые в белое, как медсестры.

— Это корова Пеструшка! — объяснил Юра. — За ней ухаживает пионер Вова.

Вова показался из дальнего угла коровника, где была раковина. Электродоилка сжимала вымя Пеструшки, и ведра тотчас наполнялись.

— Одно, два, три. . . — считал ошеломленный Владин.

— По тридцать шесть, по сорок литров дает, — сказал тихий, маленький, курносый и веснушчатый мальчик Вова, который ухаживал за коровой и ее телятами.

Владин подошел к нему, и тот повел его к своим любимцам. Рыжеватые, как серны, телята подбежали, увидев Вову, облизали ему руку, ища еду. Вова взял розовое резиновое вымя и подал им, чтобы они его пососали. Все время, пока они сосали, он гладил их и играл на свирели.

«Совсем, как наш Димчо, когда гонит скот на водопой!» — подумал Владин, и ему не хотелось уходить от телят и юного животновода. В хлеву так хорошо пахло

коровами и молоком, что он бы с радостью остался здесь надолго, до самого конца осмотра.

Но группа пошла дальше, и он поплелся за ней. Перед коровником молоко сливали из бидонов в цистерну.

«Ой-ой-ой! Десять наших сел не смогут наполнить эту махину! Если здесь молоко возят в цистернах, как-й же у них картсфель!» — подумал Владин и взглянул на торбочку, которую он нес, перекинув через плечо.

Ребята уже далеко отошли от коровника, когда к ним подбежал, громко топоча, тот самый Вова, который ухаживал за Пеструшкой и телятами.

— Ну, сынок, веди! — сказал председатель и передал гостей своему сыну, потому что его самого звали в правление по срочному делу.

Владин еще больше обрадовался, узнав, что маленький веснушчатый пионер — сын председателя. Он зашагал рядом с Вовой и уже не отходил от него. Они пришли на опытное поле. Это был настоящий питомник, огороженный высоким забором с железными воротами. Лесопосадки разделяли всю землю на участки.

— Здесь было когда-то болото, но мы решили его осушить. Сначала, когда появились наши первые палатки, многие смеялись. А потом мы получили телеграмму из Кремля, от Совета Министров: «Молодцы, продолжайте» и так далее. . . — Вова лукаво и весело засмеялся.

Рядом с опытным полем белела насосная станция. Вова сам включил мотор. Зашумела вода, завертелись колеса, возвышающиеся, как шапки, над проходящими по ниве трубами. Искусственный дождь оросил кукурузу. Зашелестели листья, разнесся свежий аромат. Освеженная земля словно улыбалась. Разноцветные радуги протянулись от каждого крана.

— В прошлом году мы впервые посеяли в наших местах кукурузу, — сказал Вова, — и неплохая взошла.

Владин глядел на тяжелые, сгибающиеся стебель початки и удивленно вертел головой. Столько початков на одном стебле он никогда не видал. Он освободил один из початков от листьев, нажал на него ногтем, и его руку сбрызгало молоком.

— Ваши, наверно, уже начали попевать, но мы ведь ближе к северу, верно?

Владин рассматривал кукурузу, чувствуя себя словно на своем поле: начал вслух считать початки.

— Десять, двенадцать! Не очень большие, — сказал он, — но как же их много!

— Применяли квадратно-гнездовой метод, — объяснил Вова все агротехнические мероприятия, и Владин радовался, что Рилка усердно записывает. Хотя ее это и не касалось, но она как будто говорила про себя:

«Записываю ради нас с тобой, Володька! Ведь я обещала приехать к тебе в село. . . Перепишу все начисто и отстукаю на папиной пишущей машинке. Это будет нашим руководством».

Владин был здесь, как у себя дома. Он захотел увидеть все поле. Спрашивал подробнейшим образом и в конце концов почувствовал, что из этой земли, словно по корням дерева, в него вливается какая-то сила.

— А теперь я провожу вас в село, — сказал Вова, и ребята сели в автобус.

Через две-три минуты они остановились на площади нового села, раскинувшегося по обеим сторонам шоссе. Красные одноэтажные и двухэтажные дома пахли штукатуркой и краской. Со своими балкончиками, витыми колоннами и вычурными кровлями они были похожи на горные отели или пансионаты. Ребята переглянулись. Не нужно было объяснять, что эти новые дома были построены на месте сгоревших. Село возникло на пепелище старых деревянных домов. «И какое село! Ведь оно совсем как наши города!»

— Строил дома колхоз. А хозяева должны были выплатить их стоимость в течение двадцати пяти лет. Но колхозники заплатили через два-три года. У нас высокие заработки!

Вова пригласил ребят войти в один из домов. Владин пошел первым. Двор был широким, засаженным плодовыми деревьями — настоящий сад. Дом, не побеленный еще снаружи, утопал в зелени и приветливо приглашал войти. Не долго думая, Владин первым подошел к дверям, украшенным резьбой. Вышла хозяйка, креп-

кая, рослая женщина, и, вытирая полные покрасневшие руки, с улыбкой извинилась, что опоздала их встретить.

— Ребенка купала!

Владин отпрянул. Он знал, что когда в селе купают маленьких детей, нельзя входить в дом.

— Проходите, проходите, мы его уже уложили спать! — пригласила их колхозница.

— Это та самая девочка, которая выследила убийцу! — шепнул Юра Владиному. — А теперь она звеньевая, дсбняется высоких урожаев!

Ребята с трепетом, на цыпочках прошли в дом. В кухне стояли буфет, раковина с зеркалом над нею — точно так же, как в городских домах, но больше всего их поразила огромная кирпичная печь. С лежанки, прикрытой белой занавеской, доносился кашель женщины, которая лежала там и не показывалась. В спальне были две кровати, полированный столик, ночники, а в столовой, кроме обычной мебели, — радио, фотографии, альбомы, часы. Большая библиотека приковала взгляд Владина.

«Ведь это село совсем как город!» — подумал Владин, увидев ванную, облицованную белой плиткой, как у Рилки в Ссфии. А в деревянной кровати спал русский, толстый, краснощекий младенец.

Хозяйка стала обходить их с подносом, предлагая каждому варенье.

«Совсем как у нас», — подумал Владин и первым вышел осмотреть двор.

— Пожалуйста, рвите! — приглашала хозяйка ребят, и Владин потянулся к веткам одной из яблонь. Тряхнул ее, и яблоки посыпались. Он откусил от одного и покачал головой: «Не такие, как наш пармен, но ничего! Здесь холодно!». Женщина напихала им полные карманы яблок, хотя они и отказывались. Ребятам показали свиней, длиной около двух метров, и поросят — двадцать пять от одной свиноматки, коров и овец, которых растили для личного пользования.

— А вот здесь картошка! — хозяйка открыла тайник посреди двора, и ребята стали спускаться по одному в погреб: «Эх, наконец!».

Владин сошел первым, увидел огромную кучу картошки и отпрянул.

— Это ранняя, летняя. А осеннюю еще не выкопали! — рассказывала колхозница. — Мы возим ее на базар, продаем. А когда поспеет поздняя, девать ее некуда будет. Скотину кормим картошкой.

Владин смотрел на большие клубни и прятал за спиной торбочку. Он так ждал этого момента — показать, наконец, свои высокие достижения, но эта женщина, просто одетая, но с орденом на груди, поразила его.

— За высокие урожаи тетя Варя стала Героем Социалистического Труда и депутатом Верховного Совета, — сказал Вова.

Владин вгляделся в лицо молодой женщины. Это было загоревшее лицо крестьянки, какими были его мать, сестра и все женщины Ломтева. Но благодаря этому картофелю на ее груди сверкала золотая звезда. Перед Владином возвышалась словно не гора картофеля, а гора золота. Он присел на корточки, перебрал с ладони на ладонь два-три клубня. Все они были больше тех, что вырастил он. «Нечего их больше таскать с собой, стыд один!» — он отвернулся, чтобы его не видели, высыпал из торбочки свои картофелины, и ему стало легче. Хозяйка заметила, что он глаз не может оторвать от картошки, наклонилась, щедро захватила пригоршнями картофелины и наполнила ему торбочку.

Из вежливости Владин отказывался, но весь просиял от радости, когда торба надела на его плечо.

— Спасибо!

— А... пионерский картофель с опытного поля такой же хороший? — спросила Рилка, стоя с блокнотом в руке, как репортер.

— Да, я дала им мой на семена, — ответила хозяйка. — Все ко мне бегает, от меня ведь легче всего получить.

— Пошли, посмотрите и нашу картошку! — пригласил их Вова с готовностью, и Владин направился к воротам.

— А кто знает. У них наверно еще лучше моей будет, потому что поле-то меньше, и над каждой картофелиной дрожали, как над малым ребенком.

В автобус Владин сел последним, после того как

долго разглядывал новые дома, утопавшие в зелени, беспредельное поле, в котором терялся взгляд. Он прощался с коровами, пасшимися за селом, с хозяйкой, с секретарем партийной организации и председателем, которые поручили передать привет болгарским кооператорам. А руки Вовы, юного животновода и агротехника, он не выпускал. Да и Вова не хотел с ним так быстро расставаться, он засунул Влади́ну в карман несколько прошлогодних початков с опытного поля и долго бежал потом за автобусом.

— Дружба-а! Мир! — кричал он и махал им вслед.

— Влади́н, а ты ведь не показал им нашу картошку!

— Незачем было... — огрызнулся он и пощупал торбочку. — Не видела разве, каксе чудо они вырастили?

Автобус мчался обратно по той же дороге, но Влади́ну казалось, что она стала другой. Что-то изменилось в нем самом. Опытное поле маленьких колхозников вырвало из его души и последнее зернышко сомнения, кем ему стать.

— Влади́н, — прошептала ему Рилка, когда село и опытное поле со струями искусственного дождя совсем пропали из вида. — Знаешь что?..

— Что? — оторвался он от своих мыслей.

— Когда я смотрела, как ты радовался земле, то окончательно решила... .

— Что?

— Решила, что и я буду учиться там же, где и ты. Возьми меня, пожалуйста, с собой в Тимирязевскую академию. Тебе ведь нужен будет свой человек... ассистент.

— Ладно, пока будем учиться в Болгарии, а потом приедем сюда и вдвоем поступим в Тимирязевскую академию.

Глава 15

В КРЕМЛЕ

Наконец, наступил день, когда они должны были пойти в Кремль. Группа собралась перед гостиницей раньше назначенного времени и ждала, радостно возбужденная. Когда же будет десять часов? Здесь рабочий день начинается намного позднее. В утренней тишине зазвучали кремлевские куранты, и все вслух принялись считать: раз, два, три. . . десять. . . Ровно в десять пришли Валя и руководительница, и ребята двинулись к Кремлю.

Кремль просвечивал своими куполами сквозь утреннее марево, неприступный и загадочный, хотя они столько раз проходили мимо его стен.

— Владин, а картофелины! — дернула его за рукав Рилка, когда они тронулись.

— Я их высыпал в погребе тети Вари! — ответил шепотом Владин, не отрывая взгляда от остроконечных башен.

— Почему?

— Не имело смысла. В Кремле видали и не такие достижения. Зачем им показывать всякие пустяки?

Они шли, оглядывались вокруг и перешептывались тревожно и тихо, точно сказочные герои, попавшие в заколдованный лес.

Когда они подошли к Троицким воротам, сердца их застучали. Что они увидят прежде всего? Вереница ребят миновала сводчатый проход в древних стенах и оставилась с благоговением, как в храме.

— Ведь это целый город! — прошептал Владин.

— Населенный преданиями! — добавила тихо Рилка.

Они еще не успели охватить взглядом двор и здания, как их ввели в Оружейную палату. Владин подумал, что они увидят много оружия, начиная от самого старого и кончая сегодняшним, самым новейшим, и сначала был разочарован, обнаружив в первых залах разные предметы старинного быта. Потом он увлекся, и каждый трон или карета, каждый меч или чаша, каж-

дый предмет раскрывал ему героические подвиги. Он долго стоял перед одеждой Петра Великого, который был ростом два метра сорок сантиметров и сам шил себе сапоги.

— Вот это сапог! Такой недомерок, как Гечо, может потонуть в нем! — сказал он Рилке.

Поразили Влади́на также седло и сбруя, подаренные турецким султаном русской императрице Екатерине в знак почтения после победы России над Турцией. . .

Он смотрел на позолоченные евангелия, троны и чаши и прищелкивал языком:

— Много золота, слишком много! Если эти горы золота служили бы народным нуждам. . . Э-эх, на эту мисочку можно двадцать тракторов купить!

— Если бы цари заботились о русском народе, может, он и революции не совершил бы! — ответил ему глубокомысленно Павлин и пошел вперед, откуда его звала Рилка.

Она стояла, сияя, перед одной из витрин.

— Идите поглядите, какая красота!

— Это венец, которым венчался Пушкин с Натальей Гончаровой! — объяснила им Валя.

— Бабы штучки! — Влади́н мельком взглянул на витрину и один пошел дальше.

В его сознании возникало славное русское прошлое, словно переворачивалась страница за страницей, и он, хотя и сопротивлялся сначала, потонул в блеске и величии русского государства. . .

Ребят повели к знаменитым кремлевским соборам. Но Влади́ну туда идти не хотелось.

— А где Царь-пушка? — спрашивал он.

— Это Кремлевский дворец со знаменитым Георгиевским залом, где одна люстра весит бог знает сколько тонн. Там проходили и сейчас проходят приемы. Но нужно специальное разрешение, чтобы пройти внутрь! — сказала им руководительница, когда они проходили мимо простого на вид здания, около входа в которое стоял милиционер.

Влади́н сразу вспомнил о Вале. Ведь ее отец работает здесь! Достаточно ей ему сказать, и он сразу распорядится, чтобы их пропустили. Влади́н был убежден,

что ее отец — начальник Кремля и никто не смеет ему возражать. В конце концов, они гости из Болгарии, из страны, за свободу которой он сам боролся. . .

Но Валя, всегда такая предупредительная к Владими-ну, сейчас и не замечала, что он ищет ее взглядом, а быстро шла вперед с группой, как будто и не обращая внимания на Кремль. Он думал, что для Вали Кремль всегда открыт. Она чувствовала себя здесь, как дома.

«Она уже насмотрелась, потому и хочет, чтобы скорее все кончилось. . .» — вздохнул Владин и неохотно вошел в большой собор с несколькими куполами.

— Там попы не поют, не бойся! — бросила ему шутливо Рилка, которая знала почему Владин ненавидит попов: их сельский поп предавал партизан.

Множество людей толпилось в соборе, как на выставке. Здесь находились гробницы царей и их сыновей, алтарь блестел от позолоты, стены были расписаны. Но несмотря на всеобщее восхищение, ничто не задерживало взгляда Владина. Ребята нашли его на улице. Он спрашивал прохожих:

— Царь-пушка, где находится Царь-пушка?

— А это Успенский собор, где короновались цари!

Их повели к другому, еще большему храму. К сожалению, в нем велись реставрационные работы.

— Слава богу! — с облегчением вздохнул Владин.

Хотя ему и надоели уже эти соборы, он начал понимать, почему советские люди чтут их и охраняют — это памятники русской славы и русского искусства!

«А у нас фашисты так постарались, что церкви превратились в конюшни! Вот вернусь, скажу нашему попу, пусть приедет поглядит, что значит настоящая церковь! Обалдеет от восхищения!»

— А теперь пойдемте к Царь-колоколу! — сказала им руководительница, и Владин кинулся вперед. Едва они свернули, как перед его взглядом вырос огромный колокол величиной с сельскую звонницу. Со всех сторон его окружали посетители, образуя живую изгородь. Владин протиснулся сквозь толпу и постучал по колоколу, но отшиб пальцы и исподтишка облизнул их. Группа, пришедшая перед ними, отошла, и они окружили, как липипуты, огромный металлический дом.

— Его поставили на леса и должны были повесить на эту колокольню, но случился пожар, леса сгорели, и он упал сюда. От него отломился кусок, который весит одиннадцать тонн.

— Да. . . Ничего себе кусочек! Целый вал для молотилки! — раздался среди тишины удивленный голос Владина. — А как же он отломился?

— Догадайтесь сами! Вы ведь учите физику.

— А-а, тела при нагревании расширяются. . . — воскликнула Рилка.

— Ишь, ты. . . И тут без физики не обойдешься! Будто в школе мне мало этих экзаменов. . .

— А зачем отлили такой большой? — сыпались вопросы. — А теперь что с ним сделают? Все время здесь будет стоять? . .

— Пускай стоит здесь, чтсбы убедились попы, вроде наших, если приедут сюда, что и колокол в России больше всех на свете! Царь-колокол! — крикнул Владин.

— Молчи, Владин! — тихо сделала ему замечание Рилка. — Смотри на колокол, как на произведение искусства.

— Ладно уж! Ты люби себе Царь-колокол, а я буду любить Царь-пушку.

Владин представлял себе Царь-пушку еще больше, чем Царь-колокол. Она стоит высоко на какой-то скале и снизу кажется маленькой, как игрушечная, из черешневого дерева, только ствол выступает. «Царь-пушка», — повторял он и испытывал особое удовольствие от самого названия: «Царь-пушка»! Это что-то большое, все-сильное, что одним своим видом заставляет трепетать завистников Советского Союза! А что будет, когда она начнет палить! Земля затрясется на тысячи километров. Наконец, миновав другие церкви, большие и маленькие, они неожиданно вышли к Царь-пушке. Огромный ствол блестел на солнце, жерло зияло, готовое изрыгнуть огонь. Вокруг толпились женщины, мужчины, дети. Одна старая женщина смотрела на пушку расширенными от удивления глазами и что-то бормотала про себя. Отцы успокаивали своих детей, что пушка не выстрелит, и те, набравшись смелости, подходили ближе. Владин молча восхищался этим великаном. Обошел пушку со

всех сторон, тайком пощупал ее ствол и снова стал любоваться ею.

— Сделана по приказу царя Ивана Грозного! Весит сорок тонн! Но, к сожалению, она ни разу не выстрелила!

Этому Владин не поверил. Он жил той мыслью, что Царь-пушка знаменита и в наши дни именно потому, что еще с давних времен и вплоть до того, когда нахлынули фашистские полчища, она выбрасывала свои смертоносные ядра, рассеивая вражеские орды, не позволяя им приблизиться к Москве.

Он ожидал, что сюда, именно сюда, к Царь-пушке, придет Валин отец.

— А там, в том здании с куполом, на втором этаже, как раз над входом, жил Владимир Ильич. Комната сохраняется такой, какой она была при его жизни.

Владин зачарованно смотрел туда, и ему вспомнилось все, что он знал о Ленине. Он представил себе, как Ленин прохаживается по комнате и вдруг быстро садится за стол и пишет, пишет. Потом звонит телефон, Ленина вызывают на митинг, он идет через толпу без охраны, поднимается на трибуну, чтобы говорить. . . И только наступает тишина — выстрел! Ленин тяжело ранен. Женщина, которая покушалась на его жизнь, схвачена. Народ хочет, чтобы ее расстреляли на месте, но Ленин говорит: «Пусть живет, пусть видит, какие мы!». А узнав, что она играет на пианино, он распоряжается, чтобы в тюрьме ей поставили инструмент. . .

«Какой человек! Это не всякий сделает!» — думал Владин. Он смотрел на зеленый с белыми рамами дом и все ожидал, что оттуда выйдет человек, чем-то похожий на Ленина. И вдруг решил, что этим человеком должен быть непременно Валин отец. Если он работает в Кремле, значит, он здесь, в этом здании, где живут большие люди. Он видел их и придет! Может быть, у него борода, как у Ленина. . .

Но группа двинулась дальше, и из дома не показало даже обыкновенного военного. Владин искал глазами Валю, думая, что она сказала отцу об их посещении, и он появится откуда-нибудь хоть в последний момент.

«Привет Болгарии, я ведь был в Тырново, Плевене, Софии!»

Но вот ребята прощаются с Царь-пушкой и отходят. Валя берет Рилку под руку и радостно говорит ей что-то, совсем забыв, что нужно предупредить отца. А может быть, он работает здесь, в последнем дворе, где стоит множество орудий, отнятых еще у Наполеона. Он должен быть здесь — это место, при орудиях, подходит ему больше всего. Но группа идет дальше, Валя не останавливается, ее отец не появляется. Они проходят под большим сводом остроконечной башни, и Владин напрасно оборачивается назад. Никакой маршал не показывается. Когда они шли уже по Александровскому саду, под стенами Кремля, Владин спросил Валю:

— Пожалуста, — он начал говорить по-русски так коряво, что Валя едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Тебе понравился Кремль?

— Очень.

— Говори лучше по-болгарски! — рассмеялась Валя.

— Как, разве ты знаешь? — поразился Владин.

— Малко, — запинаясь, проговорила Валя и покраснела, но не отказалась от своего намерения договорить фразу по-болгарски. — Откакто си пишем, аз уча български¹.

«Ишь ты, и не говорила мне до сих пор! Хорошую пощечину она мне залепила!»

Владину стало и смешно, и приятно.

— Слушай, ведь твой отец работает в Кремле?

— Ну и что?

— Он ведь маршал?

Валя так захохотала, что все обернулись.

— Кто это тебе сказал?

— А как же. . . Если он работает в Кремле, значит, он маршал, там только маршалы работают. Это же Кремль.

— Ах, дорогой Володя, — приветливо взглянула на него Валя, поражаясь его наивности. — В Кремле есть и рабочие. Разве ты сам не видел? Мой отец тоже та-

¹ С тех пор, как мы начали переписываться, я учу болгарский.

кой простой рабочий. Мне очень жаль, что его нет сейчас. . .

Владин умолк. Значит, маршал, которого он видел в воротах Кремля, не был ее отцом, а может, он был и не маршалом, а простым военным! И почему он вбил себе в голову, что это маршал! Как все глупо вышло!

Владин, разочарованный, ушел к себе в комнату. До сих пор, видя, как все мальчишки и девочки нежно относятся к Вале, советуются с нею, он объяснял это тем, что ее отец — большой человек, маршал. Думая о ее отце, Владин все время стремился сблизиться с Валей; когда говорил с ней, пытался делать меньше ошибок, боялся упасть в ее глазах. А теперь, когда он узнал, что ее отец обыкновенный рабочий в Кремле, ему стало стыдно.

«Даже в нас кое-что осталось от царского времени! Если генерал, иначе к нему относимся! Ох, стыд и позор мне, что я сбидел рабочий класс!»

И с этого дня всем своим чистым детским сердцем и наивным прямолинейным умом Владин стремился обнаружить вклад простых людей в создание всех ценностей прошлого и в построение будущего. И он дал клятву самому себе, что никогда не будет оценивать людей по их должности, по одежде, по тому, ездят ли они в легкой машине, в автобусе или на телеге, руководят ли сотнями людей или же они простые служащие. В результате этих размышлений, после того как пересчитал по пальцам всех отсталых людей своего села, он написал открытку бабке Спасуне, которую считали самой последней в Ломтеве. На открытке был изображен храм Василия Блаженного.

«Она набожная и очень обрадуется. Пускай себе верит, она такая старая, ее уж не перевоспитать!» — великодушно решил Владин и успокоился.

Через несколько дней, когда автобус повез их в ближайший пионерский лагерь, Валя указала ему сквозь открытое окно на зеленую дачу среди плодового сада:

— Вот здесь живет маршал! Ты ведь интересуешься маршалами!

Владин высунул голову в окно. У низенького забора стояла черная легковая машина. А в саду копали зем-

лю двое мужчин в брюках на подтяжках, с засученными штанинами.

— А где же маршал? — спросил шепотом Владин.

— Вон тот, который пониже, с седыми усами.

— Кто? Тот, что поднял сейчас лопату?

— Он, он. . . Я его знаю, здесь поблизости, вон в том домике, живет мой дядя! Я сюда приезжала и маршала знаю хорошо.

Владин совсем растерялся и только пробормотал:

— Хорошо копает!

— А как же, они с моим дядей из одного села. . . Однажды, когда они были маленькие, пошли на реку купаться и смотрят — удочки в берег воткнуты. Они вытянули их, и на крючках оказалась рыба. Но тут пришел рыбак и здорово отшлепал их, а этому маршалу досталось больше, чем моему дяде. . .

Весь автобус смеялся, только Владин смотрел в окно и молчал. Маршалы совсем упали с той высоты, на которую их подняло его воображение, теперь они спокойно садились рядом с Владином, в подтяжках и с закатанными штанинами, он мог свободно с ними разговаривать.

Такая незначительная вещь, как окапывание фруктовых деревьев, приобрела для Владина большое значение, потому что, разбив ореол, который он искусственно создал, она открыла ему обаяние обыкновенного трудого человека. Те маршалы, которых он представлял себе, с блестящими эполетами, верхом на ослепительно-белом коне или же в длинном автомобиле, растаяли и превратились в людей, которые едят, пьют, копаются в саду, а в детстве получают взбучки. Владин даже не подозревал, какое решающее влияние на всю его дальнейшую жизнь окажет это развенчание и разрушение искусственного величия.

Глава 16

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА СПАСИБО

За день перед отъездом снова пришла Валя. В ее отсутствие Владин часто спрашивал, куда она исчезла. Валя повела ребят на Московское радио, чтобы они рассказали о своих впечатлениях. Павлин скажет несколько слов о советской пионерской организации, Рилка — о театре и искусстве, а Владин — об опытном поле.

— Да вы что, я на улице-то двух слов не могу лично связать, я уж на радио! — упирался Владин, но выхода не было. Ведь он послан сюда как опытник и должен сказать, что он видел и чему научился.

Владин еще больше испугался, когда узнал, что его выступление ему переведут и он должен будет прочитать его по-русски.

— Я ошибусь, Валя, — просил он, — лучше я скажу по-болгарски.

— Ведь ты будешь не говорить, а читать!

— Но я... перепутаю ударения.

Валя поставила в тексте ударения.

— Ну ничего, не робей, я буду с тобой!.. — сказала она ему.

«Когда она со мной, мне не страшно», — и Владин пошел. На радио он был впервые. Залы, залы, залы, которые словно собирали звуки. Перед дверью в зал для трансляции Владин вдруг испугался. Куда он идет? Говорить по Московскому радио? Ведь именно отсюда в самые тяжелые для его родины годы раздавался голос, который фашисты так люто ненавидели, что наказывали смертью всякого, кого ловили на том, что он слушает его.

«Трам-тата-та-та-тата-та-та...» — прозвучали и теперь позывные — первые звуки великой песни свободы «Широка страна моя родная». Несмотря на глушители, начинал этот голос передачи о военных действиях на Восточном фронте. С этим голосом в сердце бросались в атаку партизаны и громили целые полки. С этим голосом жил и умер его брат, с ним рос и мужал он сам. Когда

пришла победа, этот голос вышел из подполья и свободно разносился из громкоговорителей на площади до самых дальних кооперативных полей. Он достигал до пастушьих хижин, до конюшен, звучал по всей стране. Люди слушали его и с песней выходили на работу, досрочно жали, собирали урожай, зажили братской мирной жизнью. С этим голосом начал Владин свои опыты и, благодаря своей верности ему, он теперь в Москве. . .

— Владин, ты не забыл свой текст? — сказала Валя и отвела его в отдельную тихую комнатку, чтобы немного порепетировать перед записью.

Владин не посмел сесть на стул перед микрофоном. Ему казалось, что в притихшей комнате снова зазвучит тот же голос. Сюда приезжал Димитров, чтобы давать советы болгарскому народу и поднимать его на борьбу. Как может Владин говорить здесь?

— Ну читай, читай. . . — торопила его Валя, но в горле у него пересохло, голос пропал.

— Когда мы приехали. . . — открыл рот Владин, но Валя сразу его прервала:

— У тебя болгарское произношение. Надо говорить не «когда», а «кагда».

— Ох, зачем я согласился! — простонал Владин, повторил правильно и продолжил: — Москва встретила. . .

— Не «Москва», а «Масква», — снова прервала его Валя.

— Ну и влип я! Оказывается, и читать по-русски нелегко! А у меня пятерка. За что мне ее поставила Чернева?

И он повторил фразу, но ошибся, сам стукнул ладонью по столу: «Стоп!» и замер, как трактор, который не может сдвинуться с места. Вместо того, чтобы высказать свою благодарность на одном дыхании, он рубил слова, путался к стыду всех болгар. Так ли благодарят советских друзей? «Ишь ты, двух слов прилично сказать не может». Ну уж ладно, Валя-то своя, но ведь его, может, будут слушать все пионеры Советского Союза и пожалеют, что пригласили. Его будут слушать и в Болгарии, в родном селе. Дилко вынес приемник на улицу и поставил перед читальней, и все село собралось послушать, что теперь скажет Владин из Москвы. А он

заикается — стыд и срам. «Боже, что за язык, а я ему еще пятерку поставила, — сердится учительница и убегает, чтобы люди не спросили ее: «Как же это он учился? Целый месяц в Москве, а не может пяти фраз сказать. К тому же письма пишет, хвастается».

Владин читал и вдруг остановился. Ему хотелось убежать.

— Еще один раз, — сбодряла его Валя, и он снова начинал. Вздыхал и вытирал пот, пока, наконец, не дошел до конца.

— Хоть бы в конце не ошибиться! — Он помолчал, просмотрел ударения, подумал, как хорошо говорит сейчас по-русски Рилка, так что все ее хвалят, и напрягся в последний раз. Вспомнил, как признательны были все его товарищи, вспомнил слезы, которые он пролил во время этого счастливого пребывания здесь, и голос его зазвучал мягко, тепло, от всего сердца.

— Большое спасибо.

— Прекрасно! Как русский! — вскричала Валя и ласково погладила его.

Когда Владин вышел в коридор, Рилка испуганно встретила его.

— Что с тобой?

Пот тек по его лбу, он вытирал его платком, но не мог остановить: он тек еще обильнее.

— Почему ты такой бледный?

— Ох, — простонал Владин и плюхнулся, как избитый, на диван.

— Тебе плохо. Юра, воды! — закричала тревожно Рилка, и тотчас Влади́ну принесли чай с лимоном.

— Никогда не думал, что мне выпадет такой тяжелый экзамен! — Владин стал отхлебывать чай и между глотками добавил: — Экзамен дружбы!

— Проходите послушайте, что вы говорили! — сказали ребятам и ввели в просторный зал.

«Ну! Там ошибки одна на другой, сейчас засмеют меня!» — Влади́ну не хотелось идти, но нельзя было отказать.

Сначала запустили ленту с Рилкиным выступлением. Она ждала гордо и спокойно, но вдруг послышался пи-

склиный голосок, который дрожал и прерывался. «Ах, пардон!»

— Батюшки, ведь это я, — Рилка спряталась за спину Влади́на, — не крутите больше, остановите, пожалуйста, я нечаянно!

Но голос ее снова запищал из аппарата, и вдруг снова послышалось, как она хлопнула в ладоши и вскрикнула: «Ах, пардон, я нечаянно!».

Все смеялись. Только Рилка сжалась от стыда и ждала, чтобы скорее кончилось ее выступление.

— Если мама услышит, что я ошиблась, не пустит меня в дом. «Ты дочь филолога, — скажет, — любой другой может ошибаться, но ты не имеешь права!»

Рилка не смела взглянуть на советских друзей, которым она была известна как отличница по всем предметам. Она подняла голову только тогда, когда пустили ленту Павлина. Его мелодичный голос оборвался уже на первой фразе.

«Ой! Ошибка!» — сказал он и виновато рассмеялся. Павлину казалось, что все смотрят на него с сожалением. «Ой! Ошибка!» — слышался все чаще его голос.

«Лопнуло мое выступление!» — думал Павлин.

— Если и Рилка, и Павлин... что уж с меня спрашивать! — успокоился Владин после чужих ошибок.

Наконец, пустили и его ленту. Все наострили уши. Послышалось какое-то рычание и вой.

— Я так не рычал! — испугался Владин. — Что это такое?

Это действительно был не его голос. Это были какие-то посторонние звуки. Но потом прозвучал все-таки голос Влади́на и сразу раздался громкий крик: «Стоп, стоп!» — сопровождаемый ударом по столу. Голоса загремели, словно чтобы предотвратить катастрофу. Потом послышались глубокие, мучительные вздохи, словно кто-то был ранен в голову. Владин снова набрал воздух, и вдруг опять раздался грохот и это страшное: «Стоп, стоп!» — и внезапная остановка.

Владин сам смеялся громче других.

— Не беспокойтесь! — объяснила им Валя, когда трансляция окончилась. — Радисты вырежут лишнее и

пустят только чистую речь. Никто еще ничего не слышал.

— Значит, никто не слышал? — перевел дух Владин и обрадованно стиснул руку Вали. Только теперь у него отлегло от сердца, и он смог выразить свою благодарность.

После этого тяжелого экзамена слова у ребят выливались сами, прямо из сердца. Пусть слушают теперь, пусть знают, как они прощаются и от души благодарят.

— Большое спасибо, Валя и Юра! — говорили все. — Ждем вас в Болгарии, увидите, как мы используем ваш опыт!

Советские пионеры засыпали их подарками, обнимали и целовали их. Час расставания приближался. А Владину и Вале хотелось, чтобы он не наступал никогда. Они стояли в стороне от группы, обещали писать друг другу, клялись в верности и нерушимой дружбе.

— Хороша страна Россия, но Болгария лучше всех! — сказал шутливо Владин. Когда поезд тронулся, он стал махать из окна, и какая-то рука словно перебросила его прямо с советской земли на болгарскую.

Глава 17

КАТКА ИЩЕТ ВТОРОГО

Начальство не обратило внимания на слова Владина, что в поджоге свинарника участвовал и второй человек. «Померещилось ему от страха, он ведь ребенок!» — сказали в сельсовете после того, как Владин сам не смог назвать имя второго человека. Описание накидки с черной вышивкой не могло подсказать им ничего, потому что у половины села были такие накидки. Даже и то, что он ходил в дом Шарко, не было доказательством. К Шарко ходило и днем, и вечером много народу. Даже и представители власти. Нельзя так судить — раз вошел кто-нибудь к Шарко в накидке — хоп, хватайте его, это враг! И хотя после поджога свинарника обнаружили

новые вредительства, все-таки ни на кого нельзя было указать как на виновного. Враг пользовался этим и все больше наглел. Весной чья-то рука вырвала саженцы плодовых деревьев, посаженные детьми на опытном поле. Однажды ночью скот вытоптал их посевы. Во время жатвы сгорела полоска пшеницы, а протрезвившийся потом сторож не сумел ни о чем рассказать. Кто другой мог это сделать, если не тайный враг? Во время молотьбы им в сноп засунули кусок железа, чтобы убить работника на подаче и учительницу. Все время, пока Владин был в Москве, Гечо, Катка и Видул следили, пытаясь обнаружить врага. Для них было ясно, что в селе есть человек, который выполняет поручения кулаков. Его нужно поймать во что бы то ни стало, потому что он может совершить еще большие злодеяния! Но кто же он? Как его обнаружить? Люди, которые должны были этим заниматься, убирали урожай с поля и даже при всем желании не могли выбрать для этого времени. К тому же все это казалось им пустяками, не стоящими внимания, — ну, выдернули несколько саженцев на детском участке, ну, засунули какую-то железку — но ребята страшно беспокоились.

Катка первой из пионеров стала искать следы врага. Завхоз бай Лако, отец Дилко, часто выгонял ее с кооперативного двора.

— Ну, иди себе, время обеденное! .

— Я не голодна! — отвечала она ему и оставалась после кооператоров очищать семена для сева.

— Ладно уж, хватит, и отец твой уже давно ушел! — выпроваживал ее завхоз, но она не уходила. Она убирала под навес рассыпанное зерно, сгребала его лопатой или же часами стояла внизу, любуясь на коров монтафонской породы.

Однажды она заметила, что завхоз вышел из-под навеса и направился к насосу посреди двора, чтобы наполнить глиняный кувшин. Но нажимая одной рукой на рычаг насоса, другой он сполоснул лицо и, совсем забыв наполнить кувшин, пошел к дому. Жил он недалеко от кооперативного двора. Через некоторое время Катка увидела, что он снова возвращается с кувшином. Все думали, что он набирает воду для дома. Но вот он опять, проходя мимо насоса, нажал на рычаг, направился к

навесу, где было ссыпано зерно, огляделся, а возвращаясь, отпил из горсти, хотя пил совсем недавно, и снова вышел со двора. Катка удивилась, зачем он это делает? И не говоря никому, начала за ним следить. На другой день, когда работа окончилась и все разошлись по домам, завхоз снова взял кувшин и пошел по двору. Катка спряталась за веялкой и оттуда следила за ним. Он повторил все, что делал вчера, и опять воды в кувшин не налил. На третий день Катка не осталась до конца рабочего дня, а ушла раньше. Когда все разошлись с кооперативного двора, она пробралась за веялку и выследила завхоза. Он снова ушел домой с кувшином. Кувшином, уже наполненным водой! Что это могло значить? Вечером она рассказала обо всем отцу.

— Вы стали слишком уж подозрительны! Только враги и мерещатся повсюду! Лучше следи за работой на опытном поле! — не обратил никакого внимания на ее слова отец. — Мы лучше знаем, кто что делает!

И Катка перестала следить за баем Лако. Но получив открытку от Владина из Москвы, она, ободренная, возобновила слежку. Однажды она сказала, что не придет на кооперативный двор, а сама пораньше спряталась под навесом. Мать и не заметила, когда она вышла из дома босая, не позавтракав. На кооперативном дворе никого не было. Она спряталась за инвентарем и стала ждать. Первым пришел завхоз бай Лако. Он крикнул разок-другой, обошел двор, заглянул туда-сюда и, убедившись, что никого нет, зашел под навес, где краснела гора зерна. С собой он принес пестрый кувшин. «Зачем же ему кувшин?» — подумала Катка и замерла в ожидании.

— Ишь, какие растяпы! Словно это чужое! Не покрыли брезентом, — сказал завхоз, оглядываясь, и вдруг сунул большой кувшин в пшеницу. Он доверху наполнил его, почистил снаружи и отскочил в сторону. Куда он его отнесет? Катке хотелось пойти за ним, но он стал прогуливаться по двору и, услышав, что кооператоры загалдели у входа, подошел к насосу и повторил то, что Катка уже несколько раз наблюдала.

«Вор! — выскочила из-за веялки Катка. — Ведь он

каждый день крадет, наверно, по двадцать-тридцать килограммов зерна этим огромным кувшином!»

Она ничего не сказала кооператорам, принялась за работу, но не могла дожидаться обеда. Бросила все и кинулась искать отца. Она нашла его на поле, где тракторы лущили стерню.

— Папа, — отозвала она его в сторону. — Завхоз — вор!

— Ты что? Бредишь? Он наш товарищ.

— Но я же видела его, папа, он насыпал в кувшин пшеницу, а притворялся, что наливает воду и носит ее домой!

Отец испытующе взглянул на нее.

— А может быть, он собирал рассыпанное зерно, чтобы отнести курам?

— Нет, захватил из кучи. Сегодня утром я на рассвете пришла туда и выследила его.

— Ты иди и делай вид, что ничего не знаешь. Больше туда на двор не ходи! Я сам проверю. Лиха беда начало. . . Думаю, он снова придет.

Каткин отец дал напутствие бригадиру, и они с дочерью направились к селу. Катка вприпрыжку побежала домой, а отец пошел на кооперативный двор. К обеда он не вернулся. Катка дождалась его только к вечеру.

— Тебе померещилось. Наливает себе человек воду. Я сам пил из его кувшина. И не зерно в нем, а вода. Но все равно, следите. И никому ни слова!

Катка осталась недовольна отцом. Почему он еще сомневается? Что медлит? Почему не предупреждает милицию? Тогда сразу найдут краденое зерно. Эх, почему сейчас нет здесь Владина? Ему бы только появиться, и они раскрыли бы всю банду воров и убийц.

Возвращения Владина она ждала с большим нетерпением, чем другие. Ей казалось, что без Владина враги в любой день выскользнут у них из рук. Она думала даже как-нибудь тайно телеграфировать Владину: «Приезжай немедленно, иначе все может пропасть!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Образ родины постоянно сопровождает человека, как тень, куда бы он ни ехал. Мечтаешь иногда расстаться с родной страной, поехать за границу, увидеть другой мир, далекий, незнакомый. А когда уедешь и поживешь там, сразу родная земля тянет тебя назад. Настоящим счастьем было для Влади́на, что он ехал не куда-нибудь, а в Советский Союз. Но счастье, в котором он потонул, так размягчило его душу, что в ней всплыло навверх самое нежное, самое дорогое — любовь к родной земле. Уже в первые дни жизни в Москве он думал: «Что там делается сейчас в селе?». И незаметно красота Москвы переходила, как отблеск солнца, на его родные поля, на холмы, где он играл, на реку, где он купался. Самое любимое и дорогое иногда надоедает, но родина — никогда! Влади́н рассматривал памятники великим людям, а сам уже с грустью думал о маленьком белом обелиске за селом, огороженном деревянным заборчиком и окруженном поникшими от зноя полевыми цветами; он пил сочные плодовые напитки, а ему жадно хотелось чистой ледяной воды, которая лилась из восьми кранов каменной чешмы; он глядел на чудесные машины, а в ушах его тарахтел сельский полуразбитый трактор, на который он вскакивал, как на коня; он взбирался на тридцатизэтажные дома и с самого высокого искал свою родину.

Думая о родине, Влади́н представлял себе прежде всего родной дом с веселыми побеленными комнатками, с окошком, на котором стояла цветущая герань; у окошка сидит его мать, шьет что-то и кротко улыбается, а отец читает газету и бормочет себе под нос. Он видел и самого себя в этой знакомой, милой обстановке. Потом его мысли обращались к школе, к опытному полю и, наконец, к кургану с большим деревом, с которого была видна вся равнина до синеватого хребта гор. И любовь к родному уголку ширилась, охватывая все виденное и не виденное им до сих пор, все то, что называют болгарской землей.

И как с высоты земля кажется красивее, так и родина из Москвы выглядела еще прекраснее и желаннее. Влади́ну казалось, что Долина Роз благоухает еще сильнее, чем в действительности, Дунай сверкает ярче, а от полей поднимается такой аромат, какого нет нигде на свете. И со дня на день это чувство становилось все сильнее. В последние часы перед отъездом оно превратилось в сладкую боль. Влади́ну хотелось, чтобы скорее наступил час, когда он снова будет дома и сможет поделиться своим счастьем.

— Увидишь Москву и вернешься на родину вдвойне счастливым.

В поезде Рилка все время просила Влади́на, чтобы он сначала погостил у них, а уж потом они вместе поедут в село. Но Влади́н отказывался.

— Я поеду в село повидаться с нашими! — говорил он.

— Ну хорошо же!.. — сердилась Рилка.

— Но послушай.. — бормотал Влади́н. — Я должен сразу поехать в село, отчитаться перед теми, кто меня послал. Ты ведь помнишь, что нам говорили советские товарищи: «Прежде всего пионерская организация! А потом остальное!».

— Никаких потом! Теперь, а потом поедem вместе! И я хочу исполнить обещание, но поедem сначала к нам! Как ты не понимаешь, что ты и удовольствие мне большое доставишь, и с тобой наши меня легче отпустят! Вдвоем уехали, вдвоем, вернемся! Тогда они поймут, что значит дружба!

«Ну! — подумал Влади́н. — Как раз об этом им и не к чему знать!» — И еще упорнее отказывался.

— Лучше поехали со мной. Забыла, что ли, ты ведь обещала мне, что мы будем работать вместе. Говорила же: «Наглotalась я одних романов, а жизни не знаю». Вот и поехали, узнаешь!

— Мне очень хочется, Володька, но ведь неудобно! Я девочка и сначала должна вернуться домой. Пойми, мы только предупредим наших и поедem!

— Не могу, я поеду в село. Там и этот, который нам могилу роет.. Мало ли что случится, пока я буду в Софии.

Его так влекло в родное село, что семья Рилки ста-

ла ему совершенно чужой, хотя прежде и поразила его своей благоустроенной жизнью. Раньше в глубине души он мечтал хоть немного пожить в их доме, а сейчас так тосковал по родному уголку, что сама мысль об этом казалась ему дикой.

— Забыл, о чем мы говорили перед Мавзолеем, да и потом? Ах, какие же вы, мальчишки! Быстро забываете свои обещания, — чуть не плакала Рилка. — Ты все хочешь без меня обойтись. Как можно после Москвы не доверять мне!

— Да что ты, Рилка, я доверяю тебе. . . — Владина смутила ее слезы. — Но ведь можно прозевать такие события. Я все подготовлю, а когда ты приедешь, мы вдвоем легко распутаем это дело.

Как радостно ехать на родину, как короток обратный путь к ней, когда сердце твое полно любви! Владину казалось, что поезд летит быстрее самолета. Возвращение было для него слаще, тревожнее, чем отъезд.

Он приехал в воскресенье, когда люди шли домой с полей. Еще на окраине села его увидели сельские ребята и подняли радостный гвалт. Из-за каменных оград, из ворот выглядывали женщины и мужчины и улыбались ему. Он шел и все время кивал головой. Мать встретила его на пороге, вытирая руки о фартук. Он почувствовал родной запах дыма и свежеевыпеченного хлеба.

— Какой же ты стал. . . красивый! — глухим от волнения голосом сказала мать и обняла его.

— А папа и сестра где? — спросил Владин, но мать не успела ответить, как из комнаты вышел улыбающийся в усы отец, и сестра сбежала по лестнице и кинулась к нему с криком:

— Владин! Владин, приехал!

Владин оставил чемодан у порога и обернулся, оглядывая двор, тутовые деревья, хлев, где лежал, свернувшись, маленький буйволенок. На него пахло запахом спелых фруктов из сада, свежего сена, дыма от сгоревшего мусора из соседних дворов. И этот сладостный домашний запах и покой, которые сильнее всего чувствует возвратившийся домой путник, наполнили сердце Владина счастьем и опьянили его.

— Владин! — долетели до него из-за ограды крики ребят.

Владин радовался буйволенку, которого буйволица родила в его отсутствие, он гладил его, и ему не хотелось уходить. Но двор уже заполнили пионеры.

— Пошли! — подхватили его ребята.

— Да оставьте его, пусть отдохнет! — просила их мать.

— Нет! У нас пионерский сбор.

Владин глядел на ребят в красных галстуках и чувствовал, как давно он не был среди них. В это время где-то там на площади заиграл горн. Владин оживился, пошел на его зов.

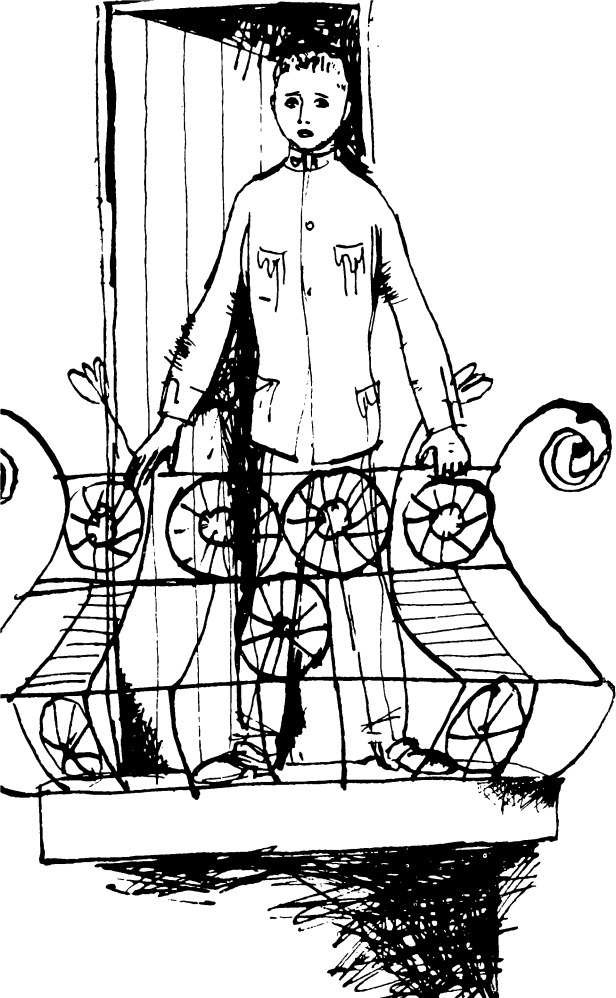
На сельскую площадь вышли не только пионеры. Перед селпо стояли мужчины и женщины. Молодежь, весело переговариваясь, выходила из клуба. Словно какой-то праздник или митинг. Горн снова заиграл, и взволнованные ряды детей замерли. Владин шел, и перед его глазами мелькали знакомые лица. Он должен был принимать пионерский парад, будто настоящий руководитель. Он оробел, но его ждали, и тогда он поднял руку, как будто встретив приятеля на улице, улыбнулся и просто сказал:

— Здравствуйте!

Дружный ответ пионеров заставил его вздрогнуть. Что здесь будет, что за чудо? Его охватило смущение. Зачем все это? Что это за парад? Он хотел втиснуться в шеренгу и смотреть оттуда, но его не пустили.

— Говори! — подталкивали его товарищи в сторону сельсовета. — Все расскажи! Куда ездили, что видели!

Его заставили подняться на балкон сельсовета, где по торжественным дням стояли самые знатные люди. С этого балкона партизаны возвестили свободу, с этого балкона советский офицер Алеша поздравлял их с рождением нового государства. На этот балкон каждый год 9 Сентября выходил секретарь парторганизации, чтобы произнести речь. А теперь на этом балконе стоял Владин. Он схватился за железные перила и не знал, что сказать. Так трудно говорить о Советском Союзе! Человек возвращается, переполненный впечатлениями, а как на-

чать, не знает. За короткое время столько ошеломляющего! И одно набегаёт на другое. Каждое впечатление рвется вперед, а другие его не пускают, толкают его, как сегодня Влада на празднике. Все, что он видел, мелькало у него перед глазами, как золотистые рыбки в аквариуме, одна другой ярче. Какую выбрать? И только выберешь и протянешь руку, она выскальзывает и снова падает в теплую воду. . .

Эта путаница, от которой шла кругом голова, мучила Влада, и он по-прежнему молчал. . .

Горн умолк. Толпа замерла в ожидании. Владин с высоты балкона увидел сидевшего на скамейке в садике и курившего трубку деда Велко, который вытянул жилую шею, чтобы лучше услышать. И бабушка Спасуна, которой он писал, смотрела на него из-под руки. Зачем он писал стольким людям, если сейчас не может выдать ни слова? Каждый хотел что-то узнать, но что может сказать старикам он, мальчишка? Никто не шевелился, все ждали... Только теперь Владин почувствовал, с какой жадностью народ хочет услышать о Советском Союзе. Все глядели вверх на балкон, как глядят на небо в ожидании благодатного дождя. И он почувствовал, что в его сердце родилась любовь к Советскому Союзу, которая долго накапливалась и росла после каждой виденной им там малости; как вода в большом котле закипает от подожженных сучьев, так вспыхнула и забурилась и его любовь. Только в это мгновение, ступив снова на родную землю, он понял всю глубину своей любви к советской земле. Ее никто не мог ни потушить, ни заглушить. Она жила рядом с любовью к родине, и обе они нисколько не мешали одна другой. . . Родившись в его сердце, они жили в нем, поддерживая одна другую. Две сестры. Какая из них сильнее? Это можно было понять только в разлуке. Оставленная страна становилась более любимой.

— Говори! Ты чего такой скупой на рассказы, точно богач на деньги! — крикнул ему бай Горан. И тогда любовь и признательность к Советскому Союзу, таившиеся до сих пор, прорвались и распахнули его душу.

— Мы были как у себя дома! — воскликнул он, облизав пересохшие губы, и уже не существовало силы, которая бы его остановила.

Перед ним мелькали Валя, Вова, маршал, который копал сад, Царь-пушка, корова Пеструшка, светились радуги на колесе, которое рассыпало искусственный дождь на колхозном поле, и он просто начал рассказывать обо всем, что его поразило. . .

— Дружба! Мир! — прервали его пионеры.

— Еще, еще! — кричали кооператоры.

— А молоко-то. Его наливают не в бидоны, как у нас, а в цистерны. . .

— Ну, ты уж скажешь!

— Скажи, а входил ли в Кремль? — закричал дед Велко, вынув изо рта трубку.

— Входил, товарищи, — широко улыбнулся Владин. — Входил в Кремль и все обошел. Только вверх на башни не поднимался. . . к звездам!

— А-а-а. . .

— А вот какие кулены, видите, — вытащил он початки и высоко поднял их над головой, — это дело пионеров. Впервые пионеры их посадили, и благодаря им теперь там узнали, что такое кукуруза. А потом и колхоз стал сажать. . .

— Ура-а-а! — закричали пионеры и стали размахивать пионерскими галстуками.

Гечо-Ятака выпустил нескольких голубей, которые летали над их головами как символ мира и дружбы.

Владин понял, что пока его не было, все забыли о его проделках и полюбили его. И со щедростью, незнакомой ему до сих пор, он начал раздавать все те подарки, которые получил от своих советских друзей. Баю Горану он отдал початки, Дилко — сортовой картофель, а Катке, которая пряталась за спинами друзей, повязал тот красный галстук, который получил от Валечки. Девочка не ждала никакого подарка и совсем растрогалась. Она считала, что Рилка вытеснила ее из мыслей Владина, но все-таки нетерпеливо ждала его возвращения. Она страдала, что не может обнаружить врагов сама и чувствовала себя без Владина слабой. И вот теперь вдруг этот красный галстук, как дружеская рука, обвился вокруг ее шеи, согревая, лаская ее и шепча милые слова: «Я тебя

не забывал, я должен был поехать туда, чтобы понять, как дорога дружба».

Несмотря на то, что в Москве с ним была Рилка, Владин не забывал о Катке, и вот на глазах у всего села он передал ей самый дорогой для него, как для пионера, подарок — красный галстук!

Ее подружки столпились вокруг, шупали мягкий шелк галстука, поглядывали то на нее, то на Владина, и эти взгляды, словно шелковые нити, снова связывали их сердца.

— А где Чернева и Тодоров? — сказал Владин, развертывая два томика Ленина в красном переплете. — Я и им... на память!

— Они поженились! — прошептала ему Катка. — А теперь совершают свадебное путешествие по Черному морю.

— Наконец-то! — вздохнул и радостно улыбнулся Владин, который все время помнил о них.

— Ну, Владин, пойдем домой! — подхватили его отец и мать. — Ведь и нам надо посмотреть на тебя, сынок!

— Мама, папа, он жив! — воскликнул Владин.

— Кто, сынок?

— Алеша! Жив! Я был у него в гостях, познакомился с его женой, она Герой Социалистического Труда, депутат... .

Заиграла музыка, и ребята втянули Владина в танец. Владин вспомнил, как он танцевал в Москве, и повел хорошо, как взрослый танцор. Счастливые ребята весело подпрыгивали рядом с ним.

Катка уже давно искала Владина. Она протиснулась к танцующим и вывела его из хора. Ребята обиделись. Куда это она его? Их радость померкла.

Катка провела Владина сквозь вереницу ребят и пошла с ним к саду. Дойдя до старого вяза, она шепнула ему:

— Я напала на след этого... второго! Правда. Такая же накладка, как ты описывал.

— Кто он?

— Сельский, наш! Вечером мы заступим на пост.

— Кто-нибудь знает?

— Только папа. Но они сами следят!

Гечо неожиданно возник перед Каткой. Катка и Владин смутились.

— Почему вы это скрываете от меня? И я выследил его и могу сказать вам, кто его подстрекал.

Владин, вздрогнув, повернулся к нему.

— Говори.

— Шарко.

— Очень хорошо, — хлопнул в ладоши Владин. — Вечером мы трое будем у дома Шарко. Нельзя допустить, чтобы произошло несчастье.

И он взволнованно рассказал им, как в Советском Союзе, когда выселяли кулаков, убили учителя. Ребята были поражены.

Они с нетерпением ждали, когда стемнеет. Хоть бы скорее. . . Надо схватить врага и предотвратить зло!

Глава 19

ВЕРНАЯ КЛЯТВЕ

Вернувшись в Софию, Рилка поразила всех домашних. Отец и мать глядели на нее с удивлением — она уезжала плаксивой, слабенькой, руки и ноги были, как палочки, а вернулась не только пополневшей, но и возмужавшей. У нее появилась новая привычка: смотреть пристально, не мигая, в глаза собеседнику, словно ища там ответ на какой-то невысказанный вопрос. Это смущало мать. Рилка все говорила, говорила, словно обилие впечатлений тяготило ее, и она хотела освободиться от них. Начинала рассказывать о чем-нибудь, потом вспоминала о другом, наскоро досказывала первую историю и хваталась за новую.

— Нельзя описать всего, что я перевидала! — восклицала она, глядя то на отца, то на мать. — В древности говорили: «Увидеть Неаполь и умереть!» Но теперь спокойно можно сказать: «Увидеть Москву и жить!»

— Ты уже говоришь афоризмами! — сказал отец.

— А там, папа, человек становится мудрецом! Мне

кажется, что я не двадцать дней была в Советском Союзе, а двадцать лет. Я чувствую себя взрослой, двадцатилетней!

— Ну, ну, так уж и двадцатилетней! — улыбнулся отец.

— Не смейся надо мной, папа! Я прошла целую школу. Все равно, что прочла тридцать томов по марксизму-ленинизму!

Пришла и Рилкина тетя, чтобы увидеть ее. И, целуя Рилку то в одну щеку, то в другую и оставляя на них пятна от губной помады, запричитала:

— Если б ты знала, как я дрожала за тебя, деточка, все время одни страшные сны и на картах все плохо выходило. . .

— В Советском Союзе ничего плохого не может случиться, только хорошее!

— И знаешь, детка, вечером радио сообщало, что коммунисты. . . ох, и каких вещей только не говорили. . .

— Это говорят, тетя, те, которых зло берет, что люди в Советском Союзе счастливы, говорят империалисты, ненасытные капиталисты, поджигатели новой войны!

— О-о-о, она стала настоящим агитатором. . . — умилила свой пыл тетя.

Мать, которая читала все письма Рилки, вышла из комнаты и примиренно вздохнула.

— Тетечка, если хочешь, я расскажу тебе, что видела своими глазами. Если же нет, слушай свое радио, но при мне не говори против Советского Союза.

— Понятно, понятно, нахватались на лету коммунистических сказок, взяли они в плен твое сердце.

— Его незачем было брать в плен, потому что оно там! Там остались и глаза, и сердце! В Советском Союзе.

— Ну, я уж вижу! Агент большевизма!

— Да, я борец за правду и истину! И никому не позволю пятнать то, что дороже всего для меня, без чего я не могу дышать, что для меня воздух и солнце! Понимаешь?

Тетя смотрела на Рилку, пораженная, потом закусила губу и склонилась над своим рукоделием, бормоча себе под нос что-то о «современных детях».

— Без Советского Союза я не могу себе представить человечества! И неважно, что в нас течет одна кровь, тетя. Когда нужно будет выбирать, я могу спокойно повернуться спиной. . . и к тебе, и к твоему щенку, и ко всему твоему прогнившему миру!

— Рилка! — крикнула мать.

Муж Марии был офицером, он преследовал партизан и после Девятого сентября был осужден Народным судом. Мать отвела Рилку в сторону и сделала ей замечание:

— Как можно так, это же твоя тетя!

Рилка виновато замолчала. Она вспомнила о женщинах, которых видела в одной церкви в Советском Союзе. Они молились, и никто их за это не преследовал.

— Но и ты, Мария, не омрачай детской радости! — повернулась она к сестре и повела ее на кухню. — Пойдем выпьем кофе, советский, и поймешь, что твои карты лгут! А я, сестричка, уже разобралась немного! Твои американцы, пожалуй, не скоро придут, так что ты наберись ума-разума!

— Да и правда, лучше пойдем на кухню, хватит с меня этих переживаний. . .

Только щенок Джеки остался в гостиной и запрыгал вокруг Рилки. Она ударила его по хвосту, и он обиженно убежал.

— Убирайся и ты, баловень! Лентяй!

Рилка вышла, и было слышно, как снизу снова радостно зазвенел ее голс и оживил всю улицу. А вечером она захватила свои записи и пошла в клуб. Вернулась она поздно, но никто ее не ругал. Матери тоже было приятно, что ее дочь уважают и взрослые этого квартала; они приходили даже к ним послушать ее рассказы. И Рилка неумоимо вспоминала обо всем виденном. Через несколько дней она получила письмо из села, и в радостной тревоге принялась собирать вещи.

— На экскурсию едете? — удивилась мать.

— Да, мама.

С тех пор, как Рилка вернулась из Советского Союза, она никогда не употребляла слюнявого «мамочка».

— Куда тебя несет? Только приехала.

— В село, мама! Ты ведь отпустишь меня?

— В село?

— Да, в село!

— И с кем?

— Одну.

— Как одну?! В село, а к кому?

Мать, нахмурившись, умолкла.

— Я поеду к Катке, той моей подруге, которой я подарила свой шарфик. Она прислала мне письмо. Я ей ответила, что приеду в село через несколько дней, если меня отпустят. Скажи, что ты отпускаешь меня, ну скажи, мама!

Мать смотрела на нее в недоумении.

— Не смотри на меня так, словно я иду топиться. Куда ты положила мою куртку? Блузку? Берет?

— Да что ты выдумала, скажи на милость?

— Ведь я тебе все время повторяю: еду в гости в село! Есть важное дело! Мама, милая мама, ну пожалуйста, отпусти меня!

— С ума ты, что ли, сошла, Рилка? — обругала ее мать.

— Еду. Дай мне брюки, там может быть холодно.

— Никаких брюк! — мать выхватила у нее из рук репсовые спортивные брюки, которые Рилка сама вынула из гардероба и засовывала в чемоданчик. Она нажала на крышку и повернула ключ.

— Оставь, а то позову отца!

Рилка знала упорство матери и поняла, что таким же упорством ее не сломишь. И неожиданно она обняла ее и начала ласкаться к ней, притворяясь, что уже получила согласие. Она хотела разнежить ее лаской, чтобы та рассмеялась и разрешила Рилке ехать.

— Ты ведь такая добрая, мама! Никогда не отказывала мне ни в чем!.. Я об этом и Катке писала: «Ты знаешь, Катка, моя мама такая добрая, она будет только рада, что я еду в село дышать чистым воздухом. Жди, я скоро приеду!»

Но мать не поддавалась на ее хитрости.

— Я тебя не отпускаю, но, может, отец твой захочет взять это на себя.

Рилка знала, что такие дела всегда решала мать. Поэтому она неожиданно плюхнулась на диван, под-

прыгнула на нем, как это делают маленькие дети, скрестила руки на коленях, опустила голову и дрожащим голосом сказала:

— Я не поеду, если ты меня непустишь, но подумай, что скажут обо мне товарищи! Все чем-нибудь заняты, а я... лентяйка! Ничего не делаю для других! На всем готовеньком живу!

Мать смягчилась, но все еще не уступала.

— Я попрошу папу! — поднялась Рилка, хотя знала, что отец скажет ей: «Спроси маму!».

В это время из кабинета вышел отец и остановился перед ними.

— Рилка, что ты сердишь мать?

— Папа, я дала обещание приехать на уборку кукурузы, которую поливала! И еще для одного важного дела.

— Какого дела?

— Я не могу вам сказать.

Отец и мать переглянулись. Это была первая тайна их дочери.

— Не задерживайте меня, ведь Владин позвал. Наоборот, помогите мне, а то я опоздаю!

Отец покачал головой и, пряча улыбку, мягко, потопцовски возразил Рилке:

— Погоди, надо подумать, выяснить, что это за дело!

— Я говорила уже с товарищами из пионерской организации. И получила их согласие. Они знают, что я должна ехать!

— Вот видишь, — резко сказала мать, — мы, которые ее вырастили, не знаем! А те, с улицы, чужие, они знают!

— Они мне не чужие, они мои друзья! А как же, и они должны знать! Я поставила этот вопрос в пионерской организации, и они разрешили мне довести до конца одно патриотическое дело. Если вы не можете мне помочь, то хотя бы не мешайте!

— Какое же у тебя все-таки дело, Рилка?

— Потом узнаете. Вы должны доверять мне, помогать мне стать самостоятельной и держать свое слово. Я обещала и Катке, и Владину, и будет недостойно, если вы теперь мне помешаете. Я думала, что вы сами отпустите меня, поскольку это важное дело, ожидала, что вы ска-

жете: «Поезжай, если ты дала слово!». И никогда не предполагала, что будете мешать мне исполнять свой долг!

Отец понимал, что нужно уважать тайны ребенка и не вторгаться грубо в его душу.

— Я не хочу, чтобы ты точно сказала, что это за дело, — заговорил он спокойно, — но все же, чтобы нам не тревожиться, мы должны знать, к чему приведет тебя твоё дело — к чему-нибудь полезному?..

— Да, папа, полезному для государства! Ты ведь член партии и знаешь, что нужно являться сразу, по первому зову, как солдат на свой пост. А я?.. Меня ждут, а я... что я скажу своим товарищам? — расплакалась Рилка и, вдруг снова охваченная яростью, набросилась на мать: — Что я, маменькина дочка? Я видела, как советские девочки ходили с нами одни, никакая мать не водила их за ручку! Хватит заботиться обо мне, как о младенце, мама! Я слушалась тебя во всем и буду слушаться, но пойми, я не могу больше расти под колпаком! Я уже не маленькая! В четырнадцать лет советские девочки чудеса совершают для своего народа!

— Я не могу себе представить, что советские девочки говорят так со своими родителями — мягко сказал отец и строго поглядел в глаза Рилке.

Рилка вспыхнула от стыда. Действительно, Вая всюду ходила с ними по Москве, и ни отец, ни мать не опекали ее. Но когда однажды вечером ребята пригласили ее остаться в гостинице подольше, она сказала им:

— Нет, не могу, мама не знает. Она почти всегда меня отпускает, но нужно спрашивать ее разрешения!

А когда они пошли к Юре на день рождения, далеко, на окраину Москвы, в деревянный коричневый дом с зелеными наличниками, угощал их сам Юра, не давая матери помогать ему:

— Нет, мама, ты отдыхай! Сегодня у мамы выходной день! Она должна отдохнуть!

А потом, попробовав торт, Рилка сказала, как ее учили:

— Инна Константиновна, какой вкусный торт вы испекли!

— В том-то и дело, что не я его пекла! Юра! Я дежурила вчера в больнице, а когда вернулась... дай, думаю, сделаю торт! Открываю холодильник, чтобы достать продукты, гляжу — торт готов! Юра его уже сделал!

— Не сам, а с бабушкой. Я читал поваренную книгу и разбивал яйца, а бабушка месила тесто!

Эти яркие воспоминания остановили Рилкин порыв и потушили ее раздражение против матери. Она посидела, облокотясь на пианино, потом встала, подошла к расстроенным родителям и тихо, умоляюще сказала:

— Мама, папа, разрешите мне поехать в село. Ничего со мной не случится. Живут же там и работают сельские дети? Я заметила, когда человек приезжает куда-нибудь, он обязательно узнает что-нибудь новое.

— Да ведь ты была там однажды!..

— Я хочу выполнить свой долг до конца! Я дала клятву перед пионерской организацией, что буду бороться.

— Скажи же нам, что это за борьба, с кем ты хочешь бороться?..

— С классовым врагом... Не заставляйте меня выдавать тайну организации.

Но, постояв под взглядами родителей, она решилась сказать — хотя и не все — отцу. Отозвала его в сторону и прошептала ему: «Снует ночами, как вампир, и делает пакости. Я заметила кое-что, и ребята позвали меня помочь им. Понимаешь?»

Отец кивнул головой, что понял и сохранит тайну. А мать вздыхала и все причитала:

— Ах, Рилка, деточка, что с тобой случилось после Москвы!

— Перелом, коренной перелом. И ты его поймешь!

— Ах, эта Москва свела тебя с ума!

— Она открыла мне глаза! Она помогла мне стать на ноги, превратила меня в человека, гражданина, а не в какое-то там комнатное растение на показ гостям! Там, только там, среди бурь и опасностей жизни, там я научусь плавать! До свидания, мама, папа, ухожу в далекое плавание! — она помахала рукой и потащила чемоданчик к дверям.

Поняв, что она не сможет вернуть дочь, мать тяжело вздохнула и подтолкнула мужа, чтобы он хоть проводил Рилку.

— погоди, возьми что-нибудь теплое! простудишься! — она достала какую-то кофточку и сунула ее в чемодан, растерянно давая советы.

— Но там, куда едешь... О боже, ты действительно едешь?

— Говори скорее, а то я опоздаю на поезд!

— Берегись поездов, не простуживайся!

— Не беспокойся, мама. Ты же видишь, в Москве со мной ничего не случилось. Пионерская организация воспитала в нас чувство товарищества, мы помогаем друг другу! Ну! До свидания! — она поцеловала мать, которая подставила ей щеку, и выбежала из комнаты. Отец надевал в передней пальто, думая, как бы узнать по дороге на вокзал, что это за тайна, которая так влекла его дочь в село. Рилка уже стала спускаться вниз по лестнице, когда мать прошептала ему на ухо:

— Если не узнаешь, что это за дело, не отпускай ее!

— Не беспокойся! Дети иногда совершают дела более умные, чем взрослые! — сказал он, а когда вышел, сделал замечание Рилке: — Слушай, Рилка, мне не нравится, как ты говоришь с матерью! Допустим, что она действительно иной раз ошибается, но ты ни в коем случае не должна забывать, что она дала тебе жизнь, и ты до самой смерти не сможешь отплатить ей за ее заботы о тебе! Таков закон жизни — дети всегда в долгу перед родителями!

— Я знаю, знаю! — торопливо оборвала его Рилка. — Мне уже стыдно! Я больше никогда...

— Нет, ты мне не отвечай сразу, а подумай! И о том, что самые лучшие свои произведения все великие писатели посвящали матери.

Они как раз спустились по лестнице, и Рилка остановилась у дверей парадного.

— Папа, тогда мне вернуться?

— Нет, иди и подумай об этом!

Мать смотрела на них с четвертого этажа, высунув-

шись в окно. Рилка и отец торопились к троллейбусу рука об руку.

«Ох, господи, чем больше она растет, тем больше забот доставляет мне!» — вздохнула мать и закрыла окно.

Глава 20

СНОВА В СЕЛЕ

Когда Владин получил Рилкину телеграмму, что-то перевернулось в нем. «Ну теперь будет! Все село засмеет меня! Куда я ее дену, что буду с ней делать?» Смелое решение Рилки так быстро приехать поразило его. Он не верил, что она уговорит родителей.

Действительно, когда они напали на след врага, Владин написал Рилке, зная, что ее обрадует это сообщение. А теперь, когда она уже выехала, не оставалось ничего другого, как идти ее встречать. Но когда он подумал, как она придет к ним домой, снова что-то разбилось в нем.

«И что скажут мама и папа? — думал он испуганно. — Привел, а кто она?»

«Она, мама, та самая, которой летом пекли лепешку. . .»

«Ладно, ясно, значит, гостя! Куда же мы ее денем, куда положим спать? . . У нас нет таких пружинных кроватей, как у нее в Ссфии. Нет таких столов с белыми скатертями, таких салфеток и приборов! Сбежит девочка, а мы потом со стыда сторим!»

«Не сбежит, она сама захотела».

«А еда? У нас в селе всегда одно и то же на обед! . .»

«Она, мама, ест немного, не больше цыпленка. . .»

«А как она будет есть у нас на софре?¹ Может, она брезгливая».

«Была брезгливая! А летом привыкла. Я видел, как она сначала не хотела пить молоко, в котором плавали

¹ Софра — низкий круглый стол для еды.

мошки, а потом сама их выкидывала, хлебала деревянной ложкой лучше меня и приговаривала: «Какое вкусное молоко!».

«А может быть, она привыкла к бане? У нас в селе еще нет ведь комбината с баней, пекарней и прачечной!»

«А пруд на что! У нее есть купальник, и она умеет плавать. Даже участвовала в Софии в соревнованиях по плаванию».

«Теперь уж холодно купаться».

«Тогда искупаешь ее в деревянном корыте, как младенца, и дело с концом. . .»

Все это Владин перебрал в уме несколько раз и только тогда решился сказать матери о Рилкином приезде. Она даже обрадовалась, и Владин побежал в правление. Бай Горан разрешил ему взять кабриолет, он запряг в него лошадь и поехал. И вдруг ему стало приятно, что Рилка снова приедет в село. Его опьяняла радость от того, что они каждый день будут вместе, станут ходить на опытное поле и выслеживать врага. Но когда она сошла с поезда и села сзади в кабриолет, душа его снова омрачилась. Все увидят их и скажут: «А Владин девочку везет!».

— Ты почему такой мрачный, Владин? Ведь мы мечтали, что встретимся в селе и окончим дело?

— Да я рад, ты что выдумываешь, я рад! — отвечал Владин, не смея обернуться к ней, и подстегивал лошадь.

— Скажи тогда, как дела с этим типом, со вторым? — спросила Рилка. — Я в писнерской организации о нем сказала. И папе. Иначе он меня бы не отпустил.

— Как? — обернулся испуганно Владин.

— Не беспокойся, папа — член партии.

Тогда Владин кивнул, чтобы она села к нему. Она сразу перебралась вперед, и он зашептал:

— Мы обнаружили еще одну записку. Этой ночью будем на посту!

— Возьмите и меня, Володька!

— Подумаем! Посмотрим!

— Нет, нет, ты обещаешь, что возьмете и меня!

— Ладно! Только смотри в оба! — подмигнул ей заговорщически Владин.

— Мне кажется, что ты можешь мне доверять! Одну школу окончили! Московскую!

— Ладно, но-о! — Он засмеялся, хлестнул лошадь, и она понесла так, что их волосы перепутались, как трава на весеннем ветру.

Через какое-то время Владин свернул с дороги, ведущей в село, и полетел прямо к опытному полю.

— Наши собирают урожай! — объяснил он Рилке, когда они подъехали поближе, и она увидела, что в пожелтевшей кукурузе бегают и шумят ребята.

Увидев кабриолет, они закричали: «Рилка, Рилка!». И кинулись со всех сторон, чтобы встретить ее. Никто не насмехался над ней, как раньше. Рилка спрыгнула с кабриолета на землю. Маленькие крестьяне окружили ее, каждый хотел поздороваться с ней. Как человеку, который сходит с горы в долину, которую оставил, она кажется красивее, так и Рилке теперь, после того как она съездила в Москву, опытное поле казалось прекрасным, поэтичным среди выгоревшей и пожелтевшей вокруг равнины. Даже буйволы, которых она раньше боялась, сейчас выглядели кроткими, милыми, послушными существами. Когда Катка обняла ее, Владин сразу решил, где Рилка остановится.

«Только у Катки!» — подумал он обрадованно и, пустив лошадь пастись, потонул вместе с толпой в кукурузе. Он смотрел на горы ссбранных початков, на снопы кукурузных стеблей, и в его движениях и взгляде читалась озабоченность привязанного к земле крестьянина, который боится отдать ее в руки другого и торопится проверить, что случилось в его отсутствие.

А вечером, в сумерках, кабриолет, рассыпая то тут, то там по улице группки ребят, въехал, наконец, в широко открытые ворота Каткиного дома. Катка взяла Рилкин чемоданчик, внесла его в дом и снова вышла во двор.

Владин развернул кабриолет и загремел по направлению к кооперативу. Две девочки остались во дворе, рассматривая все вокруг и радуясь. А когда подошло время ужина, Рилка не выдержала и пошла к дому. Владина узнать, что он с товарищами будет делать этой

ночью. Она боялась, что Владин может не взять ее с собой. В доме была только его мать.

— Добрый вечер, тетя Мика! — Рилка поцеловала ей руку, и та прижала к себе ее голову.

— Миленькая моя, как же ты выросла! Да входи же, входи, помоешься, ведь запылилась в дороге. Ишь, какую красивую девочку привез Владин! — громко говорила мать, и на сердце у Рилки становилось тепло.

Она подставила ладони, мать полила ей из бутылки, сделанной из тыквы, и Рилка плеснула себе в лицо. Она забыла о раковине, ванной, так понравилось ей это мытье по-деревенски! Потом взяла жесткое домотканое полотенце и вытерлась. И земляной пол на кухне, и глиняные мисочки, и дымящая печь — все в этом деревенском доме было ей милым! «Вот как живут простые крестьяне! Я ведь хотела быть, как они, вот и пожалуйста!» — думала она и старалась не ударить в грязь лицом. Когда тетя Мика взяла трехногий стульчик и белый котелок, Рилка кинулась вслед за ней и все время, пока тетя Мика доила буйволицу, она сидела на корточках рядом с ней. Потом схватила котелок, наполненный молоком, и поставила его на огонь. Дождалась, когда молоко закипело, подняла котелок и обожгла руки, потому что у себя дома она никогда не отказывалась убирать даже пылесосом. Нарезала лук, хотя он и щипал ей глаза. Принесла в глиняном кувшине воду, а потом попыталась принести в ведрах на коромысле и сблизилась. Она тайком пощупала плечи, но не пожаловалась.

— Я тебя оставлю в селе! — шутливо сказала тетя Мика. — Ты, оказывается, все умеешь!

— Ну, я хочу учиться. . . — возразила Рилка.

— А на кого будешь учиться? На доктора?

— Нет. Папа настаивает, чтобы я стала ученым, профессором, как он. А мама, та помешалась на другом.

— Что ты, нельзя так говорить о своей матери.

— Правда. Она хочет, чтобы я стала пианисткой.

— Как ты сказала?

— Пианисткой. . . которая играет на пианино. . . —

она сделала такое движение, словно перебирала пальцами по клавишам.

— Ага, музыкантшей.

— А я, когда была в Москве, решила стать балериной. . .

— Кем?

— Балериной, это которая танцует на сцене.

— Ой, — мать стыдливо закрыла рот рукой. — Молчи и не думай об этом. Такая хорошая девочка будет циркачкой!

— Но когда я пошла в Москве и увидела метро. . .

— Как ты сказала!?

— Метро. Разве вам Владин не рассказывал о подземной железной дороге? . . И я решила стать инженером. . .

— Ну инженером это хорошо, инженеры теперь много денег зарабатывают. Каждому хочется въехать в новый дом.

— Да, но потом все эти желания улетучились, и я решила стать революционеркой. . . Работать на благо народа. Быть общественным деятелем, понимаете?

— Ну и это хорошо, а кто тебе будет платить?

— Нет, я денег не хочу, ни стотинки. Хочу работать бесплатно.

— Да, но ведь тебе нужно будет на что-то жить.

— Папа и мама будут мне давать, а я буду работать без денег для народа.

— Это хорошо, но ведь папа и мама не вечны.

— Организация вечна! Она будет нам помогать.

Мать удивленно взглянула на Рилку.

— Владин станет агрономом, а я его помощницей.

— Это неплохо, но вы все время будете ссориться, ведь наш Владин — большой шалопай.

— Кто? Володька? Он прекрасный товарищ, вы его не знаете.

Мать не хотела портить хорошее мнение девочки о сыне. Владин пришел, загнал скот и умылся. Рилка полила ему и дала полотенце вытереться. Мать смотрела, как софийская девочка ухаживает за Владином, дает ему советы. И в ее душе зародилась надежда, которую испытывают все матери, когда видят первую друж-

бу своего ребенка. Пришли соседи, ребята, здоровались с маленькой софийской жительницей, расспрашивали ее, допытывались, пока, наконец, тетя Мика не крикнула:

— Да оставьте ребенка в покое! — и кивнула Владину. — Полезайте в верхнюю комнату! А то у меня голова уже кругом идет!

Владин привел Рилку наверх, где она замерла перед простой деревянной рамкой, в которую была вставлена фотография его убитого брата.

Вернулись и отец Владина, и его сестра Зорка, которые так же радостно приняли Рилку. Только они уселись вокруг простой деревянной софры и Рилка приналась жадно отламывать от теплой, ажаренной на углях лепешки и хлебать слегка наперченный куриный бульон, как кто-то свистнул на улице. Владин оглянулся и, когда свист повторился, вышел из-за стола. Рилка догадалась, что значил этот сигнал. Она тоже поднялась, хотя ей еще хотелось есть. Владин выглянул за дверь и сказал:

— Катка нас зовет.

— Куда? — спросил отец.

— Нам нужно пойти к пионерам! У нас есть кое-какие дела сегодня вечером.

— Да, я обещала прочитать им небольшой доклад! — поддержала Владина Рилка.

Вошла Катка, и родители полностью поверили.

— Ладно, идите, но не задерживайтесь! — разрешил отец, которому стало приятно, что его сын уже дружит с девочкой, да еще не с какой-то там, а с дочерью профессора.

Владин на это и рассчитывал. Девочки уже пошли было к дверям, но Зорка вдруг остановила их:

— Возьми кофточку, Рилка! Нельзя в одной блузке, ночью будет холодно! — и накинула на нее свою кофточку.

Рилка поблагодарила и выскочила за дверь, за ней и Владин. На улице за оградой их ждали двое. Кто это был? Владин помахал им, и они отошли под сливовые деревья, росшие рядом с оградой. По походке Рилка узнала маленького Гечо и крупного Видула.

— Идите сюда! — сказал Гечо. В голосе его прозвучал укор, что они задержались.

— Вот что, ребята! — начал Владин. — Перед домом Шарко поставим Рилку.

Видул насупился.

— Она испугается.

— Нет! — защитил Владин Рилку. — Она выдержала экзамен. Была в Москве.

— Но она не знает наших людей! — возразил Гечо.

Рилка хотела оскорбленно вскрикнуть.

— Вы не правы! — опередила ее Катка. — Как раз такой человек и должен стоять на посту перед домом Шарко. Чтобы ее не знали. Любого из нас узнают.

Рилка поблагодарила ее взглядом. А Владин уверенно добавил:

— Я обо всем говорил с ней! Если увидит, что тот входит или выходит от Шарко, — сигнал! Она знает! Мы договорились! Ну, теперь все по местам!

Гечо, Видул и Катка разошлись в разные стороны, а Владин отвел Рилку к дому Шарко, снова повторил ей, что она должна делать, и ушел назад в темноту.

По улице проходили еще люди, возвращались домой девушки с кувшинами в руках или с коромыслами на плече, на сельской площади шумел поток молодежи. Рилка стояла в бурьяне у каменной ограды и ждала. Сердце ее учащенно стучало. Она думала о той советской пионерке, которая с риском для жизни выследила убийцу своего учителя. . .

Рилка уже пошатывалась от усталости. Глаза ее слипались. Так страшно хотелось спать. Почему не идет этот враг, чтобы скорее все кончилось? Вот, собаки затихли, люди улеглись спать, а никто не появляется! Может быть, Катка не разобралась во всем, как следует, и они зря стоят? . . Рилка стала дремать у ограды. Время от времени она вздрагивала при мысли о маленьком Алеше, которому тоже хотелось спать, но он не заснул, а поймал убийцу. Она смотрела вокруг — никого не было. Ее охватил страх. Ведь Владин оставил ее одну, а если появится враг, что она будет делать? Как она его задержит? Может, он схватит ее и унесет!.. От страха она вертелась в разные стороны. Хотела услышать хоть

какой-нибудь звук от ребят. Но все словно сквозь землю провалились. Вдруг во дворе что-то прошумело. Она вздрогнула, хотела крикнуть: «Кто там?», но вдруг спохватилась, что должна молчать и следить. В щель между амбаром и хлевом она увидела большой дом кулаков. Откуда-то оттуда доносился шум. Кто-то как будто приближался к ней. Она напряженно всматривалась в темноту. Действительно, к воротам шел человек. Рилка тихонько кашлянула, и Владин тотчас вырос за ее спиной. Она указала ему рукой на двор, и он увидел того же круглого, как мячик, мужчину, которого уже видел на заброшенной мельнице.

«Это он!» — Владин заставил Рилку присесть на корточки, и оба они спрятались в высоком бурьяне.

Человек спокойно вышел, огляделся и зашагал вдоль улицы. Тогда Владин толкнул Рилку, чтобы она поднялась. Она вытянула шею и увидела, что кулак и его жена не вернулись в дом, а шли прямо к ней.

— Кто-то здесь шумел! — сказал кулак, и Рилка не успела спрятаться, как он подошел к ограде, свесился через нее и увидел Рилку.

— Ты что ищешь здесь, девочка?

— Я заплуталась, — сказала Рилка. — Я здесь в гостях и заблудилась.

— А у кого ты в гостях?

— У Петковых! — солгала она, потому что боялась, назвав Катку, вызвать подозрение. Отец Катки был секретарем партийной организации.

— Иди вот по этой улице, она тебя как раз и приведет на место!

Рилка пошла туда, куда он сказал, и кулак отошел от ограды. Но пока он осматривал двор с другой стороны, она снова спряталась в бурьяне.

— Никого нет! — сказал Шарко, вернувшись, и прошептал жене: — Копай скорее!

Было слышно, как женщина ударила мотыгой и наткнулась на покрытую досками яму. Ноздрей Рилки коснулся запах навоза. Она выпрямилась, но кулак закашлял, и она снова замерла.

— Клади! — сказал кулак. Жена отбросила мотыгу

к ограде, охнула и положила на спину мужу огромный мешок.

Кулак отошел куда-то, тяжело ступая, и вокруг разнесся запах начавшего гнить зерна. Затрещали доски, и Владин сразу понял, что они грузят зерно на телегу. Вернулся кулак легкими шагами, помог на сей раз жене достать из ямы и положить на спину второй мешок, и снова послышался треск телеги. Так кулак и его жена перенесли много мешков.

— Осторожней, а то разорвешь мешок! — прошептала жена.

Владин взобрался на камень, лежащий у ограды, но теперь уже не смог увидеть, что делается во дворе.

— Рилка, наклонись!

Она послушно наклонилась и даже зажмурилась, думая, что у нее заболит спина, когда Владин ступит на нее. Но Владин оглядел ее хрупкую спинку и пожалел.

— Ну взбирайся, — прошептала Рилка, уперев руки в колени.

Владин перекатил из бурьяна большой камень и придвинул его к ограде.

— Почему? — спросила шепотом Рилка. В ее голосе слышалась обида, потому что Владин пренебрег ее помощью.

— Потому что камню не больно. Я ведь кавалер! — сдержанно ответил Владин, взбираясь на камень, и подал ей знак молчать.

Несколько раз он выпрямлялся и снова прятался, пока, наконец, не сумел увидеть яму и телегу, нагруженную мешками. Зерно! Куда-то увозят его! Вот уже в телегу впрягают сильных коней. Скроются с зерном!

— Бежим к баю Горану! — Рилка готова была сразу кинуться к сельсовету.

— погоди, поглядим, что он сделает! — не позволил ей Владин.

Но Рилка задрожала и кинулась бежать. И это испортило все дело. Кулак услышал топот, схватил топор и подошел к ограде. Рилки уже не было, только Владин сидел, спрятавшись в бурьяне. Кулак свесился через ограду как раз над Владином. Мальчик замер. Бежать уже было поздно — кулак мог зарубить его. Вла-

дин даже ждал удара и видел себя распластанным в бурьяне. «Бродят, как привидения, и ночью людям покоя не дают!» — выругался кулак и спустился с бревна, лежащего по ту сторону ограды. Он подошел к соседнему двору, где снова прошумела Рилка.

— Это буйволы у Дековых, у тебя уж из-за буйволов сердце в пятки уходит! — прикрикнула на него жена, и он вернулся, успокоенный.

— Правда, буйволы, но ты же знаешь! Ведь с Девятого сентября каждую минуту за нами следят, будь она проклята, их вера коммунистическая!..

«Значит, он и есть тот человек, который держал связь с Иванчо!» — убедился окончательно Владин, но не спешил уходить. Хотел разузнать все до конца.

Он стоял за оградой, как на посту. Когда Шарко убедился, что вокруг никого нет, он осторожно вывел телегу со двора и пустил коней по мягкой дороге. Владин выскочил из бурьяна, и перед ним появилась Рилка.

— Идите с Каткой домой и ложитесь спать, — сказал он ей и кинулся вслед за телегой.

Село спало глубоким сном. На сером небе иногда появлялась щербатая луна и снова скрывалась. Во время этих проблесков Владин сумел разглядеть, куда свернула телега, и догнать ее. Она проехала мост. Шарко с опаской поглядел на заброшенную мельницу и пустил коней быстрее. Может быть, ему казалось, что там стоят постовые и следят за каждым, кто проезжает?

«Отвезет зерно на мельницу, обмолотит и будет продавать потом втридорога рабочим людям!»

Владин шел не по шоссе, а по обочине, прячась за деревья. Шарко, хотя и оглядывался назад, не замечал его. Выхав на проселочную дорогу, там, где нужно было сворачивать к электрической мельнице, Шарко придержал лошадей, снова огляделся и только тогда дернул вожжи и повернул в противоположную сторону.

«Едет к овчарне бая Лако! Не может быть! Какой негодяй, хочет спрятаться за спиной нашего человека», — возмущился Владин и подошел к телеге поближе, чтобы легче было следить. Он бежал, продираясь сквозь кусты, и смог перевести дух только тогда, когда, наконец, Шарко остановился перед овчарней бая

Лако. Это был небольшой домик. Здесь бай Лако держал когда-то овец и скот. Шарко стал выбирать место в доме или под навесом. Нигде не было, на его взгляд, достаточно надежно, и поэтому, взяв коня под уздцы, он спустился с телегой вниз в глубокий овраг. Туда Владин уже не мог сойти. Но он сидел наверху в зарослях перед овчарней, пока Шарко сгружал мешки в овраге, и, только увидев, что тот пошел с одним мешком к мельнице, бросился бежать в село.

Тучи разошлись, месяц, окруженный дымкой, светил на сером влажном небе.

— Бай Кото, бай Кото! — закричал тревожно Владин у ворот председателя сельсовета.

Наконец, в окне появилась жена бая Кото и прошептала:

— Это ты, Владин?

— Я, тетя Нена, скажи баю Кото, что очень срочно. . .

Из окна высунулся и сам председатель сельсовета, взлохмаченный, накинув кое-как на себя одежду.

— В чем дело? Ты что бродишь по ночам? . . Почему не спишь?

— Выйди, бай Кото, я должен сказать тебе кое-что важное. . .

По его встревоженному голосу бай Кото понял, что действительно что-то случилось, и сразу вышел.

— Говори, — сказал он, одеваясь на ходу.

— Бери пистолет и пошли!

— Ну, опять что-нибудь тебе померещилось?

— Выследили второго. . . Ты ведь сказал нам, чтобы мы следили, вот мы и обнаружили второго.

— Какого второго?

— Который помогал Иванчо. И еще одного. . .

Бай Кото дотронулся до пистолета и сурово взглянул на Владина.

— Послушай, а тебе не почудилось это спросонок?

— Нет, бай Кото, я видел, как он вывез зерно из своего дома и спрятал в овраге у овчарни бая Лако. . .

— У чьей овчарни?

— Бая Лако. . . завхоза!

Владин смолк, потому что показалась жена бая Кото,

и, только когда она отошла по знаку мужа, Владин зашептал:

— Пошли со мной, бай Кото, поймаем его!

— Погоди, надо еще немного последить за ним. . . Он завтра вечером, наверно, снова будет перевозить зерно.

— Верно, бай Кото! Дома его и схватим, это еще лучше. . . Я ставил посты сегодня вечером, а завтра усилю их. . . и хоп, на месте!

— Никто не знает?

— Только наша группа. Но и ты никому не говори, бай Кото!

— Тоже мне, опытный конспиратор! Уже мне директивы начинаешь давать!

— Чтобы довести дело до конца, бай Кото!

— Ладно, беги спать! Все будет так, как договорились. . .

Глава 21

УТРОМ

На следующее утро ребята собрались на опытном поле. Подойдя к мальчикам, Катка взволнованно сообщила:

— Человек вошел в дом Дилко.

Дилко удивленно поднял брови и замер. Все смотрели на него: «Скажи, что это значит?».

— Я вчера долго не спал, но не видел, чтобы к нам кто-нибудь приходил.

— Никто не приходил? — строго спросил его Владин.

— Никто!

Ребята перевели взгляды на Катку.

— Может быть, этот мерзавец спрятался где-то у дома, заметив, что за ним следят? А, Катка? — спросил Владин.

— Нет. Вошел в дом. В комнате горел свет, и он вошел.

— Вошел! — подтвердил и Гечо.

— А-а! — воскликнул Дилко, как будто что-то вспомнив. — Папа вернулся поздно с собрания. Это был папа.

Катка едва сдержалась, чтобы не выдать тайну.

Собрание кончилось беспокойно. Все растерянно переглядывались. Отец Дилко был членом партии, заведующим хозяйством кооператива. Как можно было в нем сомневаться? Он мог сердиться, когда брали инвентарь с кооперативного двора, не спрашивая у него, мог ругать их, но стать сообщником поджигателя? Никто не хотел в это поверить. Менее всех Дилко. Он поднялся и, не показывая вида, что обижен, пошел, как будто по делу. Катка только того и ждала. Она вынула из тетрадки листок и подала его Владиному.

— Вот, снова нашла у нашей двери.

Все склонились над узкой полоской. А Владин тихо прерывисто читал:

«Ваш конец. . . приближается. Убирайся из села или умрешь. . .»

Владин задрожал.

— Показывала отцу?

— Нет.

— Дело запутывается. Отдай листок отцу, чтобы он переслал его, куда следует, а мы займемся поисками. Листок из ученической тетради. Наверно, у этого человека есть ребенок — ученик. Мы должны просмотреть тетрадки всех подозрительных. Этой работой займешься ты, Катка! Может, обнаружим целую банду. Только. . . чтобы никто ничего не заподозрил. . .

Катка приняла задание с легким сердцем. Взяла в помощницы Рилку и стала спрашивать даже у первоклассников.

— Эй, Пенка, ты умеешь писать?

— Умею!

— Ну напиши, мы поглядим, умеешь ли!

— У меня нет тетрадки и карандаша.

— Иди, принеси из дома.

И ребенок кидался, чтобы принести тетрадку, или же они входили в дом, если там никого не было. Катка прежде всего перелистывала тетрадку, чтобы увидеть, не отрезана ли полоска от листа. И потом, поглядев,

как ребенок сопит, высунув розовый язычок, говорила уже после первой буквы:

— Очень хорошо пишешь. Станешь учительницей!

— Нет, мама говорит. . . доктором.

— Хорошо, тогда доктором! — гладила девочку Катка, выходила на улицу и хватала другого ребенка для проверки. Так они с Рилкой обошли все наиболее подозрительные дома и не нашли ни одной тетрадки, от которой была бы отрезана узкая полоска. Они отчаялись и прекратили поиски.

— Не имеет смысла, Владин. Он не такой дурак! — попыталась и Рилка разубедить Владина.

— Если б он был очень умен, не был бы врагом. Продолжайте поиски.

— Мне уже неудобно шарить! — с отвращением поморщилась Катка.

— Ты ведь слышала, как советские пионеры поймали убийцу? К тому же он был свой, родственник.

— Что же, нам и по своим домам пойти, да? . . — пробормотала Катка.

— Везде. И к нам домой зайти, если хочешь. Не рассержусь на тебя. Откуда ты знаешь, что кто-нибудь другой не вырезал тайком листок из моей тетрадки?

— Да вот хотя бы, ведь сегодня ночью вошел же второй в дом Дилко, чтобы переложить вину на честного человека! — поддержала его Рилка, не догадываясь о Каткиных подозрениях.

«Какой умный наш Владин!» — словно говорили ее глаза. Две девочки молча отошли и снова занялись этой тяжелой и бесполезной, по их мнению, работой.

— В доме Дилко ты сделаешь проверку! — поручила Катка Рилке.

— Почему? Тебе неудобно?

Катка опустила глаза и промолчала.

— Но мне еще более неудобно. . . Я гостья, а Дилко также и мой товарищ. . .

— Пожалуйста, сходи ты, я никак не могу. . . — погладила ее по руке Катка, и она не стала больше возражать.

Только теперь Рилка поняла, какую тяжелую задачу возложили на нее. Нужно было перерывать тетради

самого лучшего их товарища. Несколько раз она подходила к Дилкиному дому и возвращалась.

— Как можно сомневаться в семье Дилко! — Но сама себе отвечала: «Враг использует все».

Она была уверена, что не найдет улик против семьи Дилко, но поручение пионерской организации нужно было выполнить. Рилка вспомнила слова комсомольца Юры и, волнуясь, пошла к дому Дилко. Встретив у ворот бая Лако, она смутилась. Ей хотелось вернуться, но было уже поздно. Он остановил на ней вопросительный взгляд и, улыбаясь, спросил:

— К Дилко? — и, не дожидаясь ответа, повернулся к дому и крикнул: — Дилко-о!

Рилке стало совестно. Вот как хорошо встретил ее Дилкин отец, ему даже в голову не пришло, что она ищет следы преступления у него в доме. Он радостно открывает дверь, а она прячет нож за спиной. Отвратительно. Девочка вздрогнула, возмущенная собой, но вошла во двор. Из дома выглянула мать Дилко, увидела ее и скрылась. Только тогда показался сам Дилко. Он был очень подавлен. Выглядел так, как будто не спал несколько ночей. Он встретил ее, натянуто улыбаясь, и не пригласил в дом. Они остались стоять у каменных ступенек лестницы. Солнце обливало их лица теплом. Оба переглядывались и не знали, что сказать.

— Почему ты пропал? Что с тобой случилось? — спросила, наконец, Рилка, оглядывая его. — Заболел?

— Нет! — ответил он коротко и снова замкнулся в себе.

Рилке хотелось положить руку ему на лоб. Она знала, какие непреклонные эти мальчишки! Особенно, когда больны. Могут иметь температуру сорок и все-таки не признаются, что больны, и не хотят лечь в постель.

— А что с тобой? Почему ты такой грустный?

— Ничего.

— Дилко, ты чем-то обижен?

Рилка хотела посмотреть ему в глаза, но он их прятал. Может быть, заметил, что вокруг их дома непрерывно снуют постовые? Ей самой стало очень тяжело. Как можно шпионить за товарищем? И по какому пра-

ву она хочет, чтобы он был откровенным, говорил с ней, встречал и провожал ее, как раньше!

Рилка оглядывала дом, развешанное в сенях белье, широко открытые окна, из которых вылетали солнечные пылинки, новый амбар, гнезда, на которых кудахтали куры, только что снесшие яйца. Она все больше упрекала себя, что собиралась смутить жизнь этого кроткого трудолюбивого семейства. Она готова была уйти или же прямо сказать Дилко, зачем пришла.

«Но ведь поручение», — пришла в себя Рилка и поглядела на лестницу, которая вела в верхние комнаты, где спал и занимался Дилко, где лежали его книги и тетради. Она ожидала, что он пригласит ее, но он стоял и смотрел вокруг блуждающим взглядом.

— Ты куда сегодня пойдешь?

— Никуда.

Рилка снова почувствовала затруднение. В ее душе что-то рушилось, таяло все то хорошее, что она приобрела летом здесь и в Москве.

— Пошли в дом, ты обещал дать мне книгу. Ведь у тебя есть «Два капитана»?

Дилко неохотно пошел вверх по ступеням, и Рилка двинулась за ним. Они вошли в комнату, где он спал. Все было убрано: и кровать, и на столе.

«Здесь каждый уголок дышит прилежанием! — упрекала себя Рилка. — Как можно думать, что здесь совершено преступление?»

Она не знала, как поступить. Вспомнила все предыдущие поиски с Каткой, но ничто из этого не могло быть ей полезно. Здесь дело особое, и некому было ей подсказать. А самой ей в голову ничего не приходило. Нужно, чтобы все было легко для нее и прилично, необходимо для Дилко. И она решила ждать, как разовьются дальше события.

Дилко протянул руку к маленькому застекленному шкафчику, дверцы скрипнули, и он вынул аккуратно обернутую газетой книгу. Рилка молча взяла книгу, на которой стоял номер, открыла ее и сказала:

— Очень хорошо, я прочту ее за два-три дня и верну. А эта толстая как называется?

— «Мужество».

— Дай и ее, пожалуйста. Я, правда, уже читала, но хочу перечитать.

Рилка взяла и эту книгу, которую Дилко так же обернул и пронумеровал. Потом она заинтересовалась еще одной книгой, протянула руку, взяла ее сама, открыла титульный лист и прочла:

— «Люди с чистой совестью». Как раз такая мне нужна. Дай мне ее, и я больше не буду тебя беспокоить.

Но она захватила в конце концов чуть ли не пол-библиотеки Дилко, и только тогда взгляд ее упал на нижнюю полку, где лежали тетради. Вспомнив о поручении, она оставила в покое книги и сказала:

— Аккуратно ты бережешь прошлогодние тетрадки! — и без спросу взяв одну из них, начала перелистывать. — Как ты красиво пишешь! Словно девочка.

Дилко смущенно отобрал тетрадь и положил ее на место.

— А можно посмотреть твои тетради по русскому? Там у тебя, наверно, есть ошибки?

Дилко рассмеялся и сам подал ей тетрадку. Она не была исписана вся, как первая. В конце осталось много пустых листов. Но Рилка не спешила добраться до них. Она была уверена, что там нет ничего подозрительного. Поэтому спокойно перелистывала исписанные страницы, не скрывая своего восхищения:

— Bravo, Дилко, ты, оказывается, и лингвист. Почему бы тебе не поступить в школу с обучением на иностранных языках? Если бы я не занималась на пианино, то обязательно окончила бы такую школу.

— Посмотрим, буду ли я вообще учиться! — вздохнул Дилко и опустил голову.

«Может быть, он догадался, зачем я пришла... — подумала Рилка и решила захлопнуть тетрадку и уйти. — С какой стати я буду заниматься таким низким делом! Шарить в чужих домах и копаться в душах людей».

Она наскоро перелистала неисписанные страницы, и когда уже закрывала тетрадку, у нее перед глазами мелькнул обрезанный лист. Она постояла мгновение, оцепенев, потом снова взяла тетрадку и начала медленно перелистывать ее. Сердце ее стучало. «Неужели это возможно, — спрашивала она себя и отвечала, словно

в осуждение: — Ну что я за дуручка! Любой может вырезать листок из тетрадки. Или отец сделал себе самокрутку, или мать насыпала на него соль, как это делают здесь в селе. Откуда им еще взять бумагу, если не из тетрадки. У них нет, как в городах, пачек белой бумаги».

— Дилко, — крикнула мать из-за дверей. — Угости девочку. . . медком!

— Не надо, я не люблю меда, — отвечала, как во сне, Рилка и лихорадочно поглядывала на тетрадку.

— Он же не такой, как в Софии, засахаренный. Сейчас достанем его, белый, цветочный, с акаций. . . — оживился Дилко.

— Нет, нет, спасибо! — отказывалась Рилка. Ей казалось, что она оскорбит этих людей еще больше, и не хотела ничего брать из их рук. Угощение застрянет у нее в горле.

— Ну тогда, Дилко, нарви винограда с лозы. . .

— Да я не хочу ничего, Дилко. . .

Но Дилко все-таки вышел, чтобы принести ей какое-нибудь угощение. Рилка обрадовалась, что осталась одна. Она перелистала тетрадь до конца быстро, как вор, и вдруг перед ней открылась зияющая рана: один из последних листов был вырезан — косо, неровно. Она смотрела на пустое место и колебалась между чувством к другу и сознанием долга. Как же так вышло, как дошло до этого! Человек из дома Дилко! Может быть, это его мать, но нет, кроткая и тихая женщина не способна на такое. Его отец! Но зачем ему писать угрожающие письма, ведь он завхоз, партия поручила ему ответственную работу в кооперативе! Как может он выступать против власти своей партии и почему? Может быть, это кто-нибудь из родственников? Рилка вертелась в водовороте, из которого не могла выбраться. Ей пришлось в голову промолчать, чтобы спасти Дилко от унижения. Но вдруг перед ней возник комсомолец Юра, который говорил на собрании: «Поручение пионерской организации — закон, который стоит превыше всего, превыше отца и матери». Она вспомнила мальчика и девочку из колхоза имени Васильева, которые не промолчали даже о самом близком человеке.

Дилко вошел в комнату и подал ей кисть янтарного винограда.

— Спасибо, Дилко, до свидания, — Рилка взяла виноград, схватила книги и торопливо пошла из комнаты. Она больше не могла смотреть на своего товарища. Ей хотелось бежать и скорее сообщить то, что она обнаружила.

Глава 22

СЫН ПРОТИВ ОТЦА

Никому и в голову не приходило, что самые тщательные поиски преступника проводил сам Дилко. Он не знал о новой записке с угрозами. А старых он не видел. Сельсовет пересылал их прямо в другое место. Но когда ему сказали, что преступник вошел в их дом, сомнения охватили его. Ночами он долго не спал, все ждал, когда скрипнет дверь. И однажды ночью к ним действительно пришел человек. Отец остался с ним на кухне. Дилко лежал под одеялом и слушал сквозь неприкрытую дверь тихий разговор, который повели в полутемной кухне отец и гость.

— Будем сеять? — спросил отец.

— Семян нет, — сказал, надувшись, полуночный гость, и по его хриплому голосу Дилко узнал своего дядю. — Ведь нас, частников, выколачивают, как мешки из-под муки. Уродилось зерно, не уродилось — все равно сдавай: первая категория! А теперь ни зернышка не осталось для сева.

— Это чтобы вы за ум взялись!

Дядя немного помолчал.

— Я затем пришел. . .

— Тише! И стены имеют уши! — сказал отец. Потом подошел к комнате и заглянул в нее. Дилко притворился, что спит глубоким сном.

— Дашь снова немного пшенички, надо, — начал дядя.

— Было бы море, и того б вам не хватило.

— Но ведь и тебе выгодно.

— Не могу, следят за мной.

— Засеем и твое, и мое, и то, что у Шарко. Палец о палец не ударив, снова получишь от него долю. Мы ведь свои, небось не обманем. Прошлый год ты хорошо заработал: за один мешок десять получил.

Дилко с ужасом понял, что делал его отец. Он сжался в комок на постели и замер. Отец походил по кухне, помолчал. «Хоть бы он отказался! — думал Дилко и мысленно уговаривал отца: — Откажи ему, папа, прогони его. Если он в прошлом году заставил тебя совершить ошибку, то хоть сейчас не соглашайся, не надо». Но отец прокашлялся и сказал:

— Ладно. Завтра вечером приходи в наш амбар, возьмешь!

Дядя вышел, но в доме осталась после него гнетущая атмосфера. Дилко слышал, как отец повалился на кровать. Мальчик не мог заснуть всю ночь. Всю ночь душа его разрывалась от муки. Разве можно допустить, что его отец прячет часть кооперативного зерна и раздает его врагам? Вправе ли он, руководитель пионерской организации, смириться с этим постыдным делом отца? Правда, он его отец, он его вырастил, кормил и любил, но может ли он закрыть глаза на этот грабег? Всю ночь Дилко метался, разрываясь между любовью к отцу и возмущением его подлым поступком. Утром он поднялся рано. Он смотрел на отца, и тот казался ему совсем другим — не таким, каким Дилко помнил его с детства, когда отец взял его за руку и в первый раз отвел в школу, когда он покупал ему книги и тетради, праздничную одежду, когда защищал его от старших мальчишек или же клал ему на лоб ладонь, когда Дилко был болен. Этой ночью погас свет, который Дилко представлял на лице отца, свет, который не угасал даже в тяжелые годы и сиял сильнее, когда тот слышал новости о партизанах или Красной Армии. За эту ночь на его чистом лице появились кровавые пятна, оставленные рукой поджигателя и убийцы. Словно не дядя был у них этой ночью, а дьявол, тайный враг, явившийся из ада взять душу отца. Теперь Дилко было ясно, почему

отец сэкономил летом даже на еде для пионеров. Ему было очень тяжело, и он решил спасти отца. Он дождался его на дворе и, повертевшись вокруг, поднял на него светлые печальные глаза.

— Папа, подумай о том, что ты делаешь.

— Ты что, учить меня решил? Бери палку и иди корову пасти. Есть-то захочешь, а что с твоего опытного поля получишь?

— Подумай, папа. . . Люди говорят, и я. . .

— Ты что? Не проснулся еще, будешь мне тут пустую болтовню пересказывать! А ну, марш с коровой! Отца родного поучает!

— А что будет завтра, когда у тебя счета не сойдутся?

— Да какие такие счета, ты что, сдурел? Будешь учить меня, как мне вести счета. Ишь ты! Вот к чему приводят эти пионерские собрания! Отцов контролировать станете! — отчитал его отец и пошел на работу.

А Дилко остался расстроенный. Что ему делать? Как остановить расхищение кооперативного зерна? Он вошел в дом, постоял у окна, поглядел, как хозяйничает мать, вдохнул теплый запах дома, и ему стало еще тяжелее.

— Мама, — начал он грустным голосом, — ведь мы не получали еще зерна из кооператива. Откуда же папа возьмет зерно, чтобы дать дяде?

— Это дело отца! Ты ведь знаешь, он не любит, когда вмешиваются в его дела. Поешь и выгоняй корову, сынок, слышишь, как она жалобно мычит.

Дилко перекинул через плечо торбочку и вышел, задумавшись. Даже мать не поняла его. Да и как ей понять? Может ли она, всегда такая покорная, помешать отцу? Никто не может остановить отца. Он связался с бандой воров и разбойников. Разве только. . . Дилко стегнул корову и повернул к дому учителя. Тодоров и Чернева только недавно вернулись из свадебного путешествия.

— Выйдите! — помахал Дилко Тодорову. Чернева пригласила его войти, но он отказался.

— Подойдите сюда, я хочу вам кое-что сказать.

— Говори, Дилко! — Тодоров оперся загорелыми руками о калитку.

— Мне стыдно.

— В чем дело, скажи!

— Папа. . . — заплакал мальчик.

— Что, не заболел ли?

— Нет, хуже.

— Да что случилось?

— Папа замешан в тех делах, что творятся в кооперативе.

— Каких делах? — недоумевал Тодоров.

— С зерном. Папа расхищает кооперативное зерно. Тодоров молчал, потрясенный.

— Я ночью слышал. . . — и Дилко рассказал ему все. — А вечером дядя придет брать зерно. Надо помешать им!

— Хорошо, Дилко, очень хорошо, что ты меня предупредил. Успокойся! Мы им помешаем!

Дилко весь день был словно больной. Едва дождался вечера. Он вернулся домой в надежде, что, подумав, отец отказался. Может быть, и мать, хоть и робко, помогла этому. Но когда он загнал корову в хлев и повернул голову к амбару, то увидел поставленные в ряд мешки, полные зерна. Эти мешки стояли, как привязанные к столбам смертники, трупы расстрелянных доблестных борцов. Дилко огляделся вокруг. В доме хлопотала по хозяйству только мать. Ему хотелось пойти к амбару и самому перетаскать тяжелые мешки. Один за другим он перенесет их туда, откуда они появились, в кооперативные склады. Он даже схватился за один и попытался его поднять, но не смог его сдвинуть с места. И Дилко понял, что у него одного не хватит сил помешать преступлению. Почему он не собрал своих товарищей? Почему не предупредил их? Может быть, учитель Тодоров подумал: «Несерьезное дело! Разве сын пойдет против отца? Если это правда, всякий сын будет стараться покрыть отца!» — «Да, — возражал ему мысленно Дилко. — Но спросите себя, какой сын и какой отец?»

На улице послышался топот. Дилко быстро вошел в дом. И оттуда увидел, что во двор въехала телега, с которой слез дядя, и они вдвоем с отцом вошли в амбар.

«Грузят уже! — замер Дилко. — Почему задерживаются эти люди из сельсовета? Предпринял ли что-нибудь Тодоров? А если он никого не предупредил?»

Но только Дилко собрался кинуться в сельсовет, как кто-то прокашлял у ворот, вошел и сурово крикнул осипшим от пьянства голосом:

— А что это за зерно, Лако?

Дилко увидел худую пошатывающуюся фигуру сторожа Ветрило, того самого, который напился летом во время пожара на ниве. Дилко понял, что он послан сельсоветом для проверки. И вот сторож застал воров в момент преступления, как раз, когда грузили зерно. Дилко ожидал, что сторож закричит: «Стой! Поезжайте вперед вместе с зерном!». Но тот подошел к отцу, и вид у него стал самым миролюбивым.

— Да вот, даю брату в долг на посев, ведь наше-то зерно лучше, — говорил ему по-приятельски отец Дилко, и сторож все больше смягчался.

— Это хорошо, свои люди. . . Хорошо, что помогаете друг другу. А откуда же у тебя так много зерна, что ты раздаешь в долг?

— Ну, ты что, Ветрило. Как будто ты государственный контроль, — весело пошутил Лако. — Пойдем лучше угостимся.

— А у меня есть сведения, что это зерно подозрительное! — ухмыльнулся Ветрило.

— Пошли, пошли, хлебом маленько сливовицы! Дилко! — позвал его отец, увидев, что он вертится около мешков. — Скажи матери, чтобы она принесла бутылочку свежего первача. Сейчас вынесет, погоди.

Ветрило моментально ушел из амбара. Догадливая и послушная Дилкина мать, услышав крик мужа, уже встречала сторожа с полной бутылкой.

Ветрило облизнулся и отпил.

— Уф, — он вытер губы и, погладив себя по животу, снова поднял бутылку. Глаза его заблестели, и он неохотно отдал бутылку хозяину. Обернулся раз-другой назад, к мешкам, а потом пошел за бутылкой, как кот за салом, и уселся в комнате рядом с белым котелком, в котором словно дымилась ракия. И больше он ничего не видел и не слышал. Телега с мешками уехала, и Дил-

ко прямо-таки передернуло от гнева. Он снова побежал к учителю и сказал ему:

— Напоили Ветрило и увезли зерно!

— Ты будь начеку, а им сбежать некуда.

Что ему нужно делать, Дилко не знал. От него ждали, чтобы он караулил, и он был, как на посту.

Через несколько дней дядя пришел снова. Дилко опять притворился спящим.

— Вот тебе деньги! Платят и переплачивают люди! — прорычал дядя.

Дилко услышал, что отец пересчитывает деньги. Он представил себе, как их много, целая пачка. Владин рассказывал, что поджигатель передал огромную кучу денег тайному врагу! Дилко оцепенел. Потом поднялся и увидел своего дядю в такой же накидке, в какой был тот, кто получил деньги от поджигателя.

— Но люди ожидают услуг, — рычал дядя. — Дашь еще зерна.

— Ладно. Завтра вечером, но не здесь, — прошептал отец, кивнул брату, и они вдвоем вышли.

Глава 23

ЗЕРНЫШКИ

Каждое утро, еще до рассвета, из клеток кооперативного птичника вылетали стаями, словно белые облака, цыплята и куры. Они разлетались по поляне, и, казалось, возвращалась весна и покрывала луга цветами. Но что их так соблазнило в это утро, почему они разбрелись вплоть до оврага под овчарней бая Лако? Радостное «ко-ко» нескольких смелых петухов привлекло скоро целые стаи, которые раскудахтались и раскукарекали в густом овраге. Некоторые поскакали по дороге к селу, квохча и ссорясь, пока каждая не нашла свою долю, и тогда они успокаивались.

Был обед, когда на дороге, идущей от села, появилась группа мальчиков и девочек. Впереди торопливо

шел Владин, размахивая руками, а за ним семенил бай Кото, председатель сельсовета.

— Вот, снова зернышко! — Владин пробежал немного вперед, наклонялся, словно видел цветок, который искал, срывал его и снова вглядывался в заросшую травой проселочную дорогу. Ребята возбужденно шумели. Бай Кото трусил, переваливаясь, останавливался, запыхавшись, и вытирал платком лицо, вспотевшее не столько от усталости, сколько от гнева.

— Поймать-то мы их, конечно, поймаем, но себе я никогда не прощу, что из-под носа убежали.

— Я тебе говорил, бай Кото, а ты все не доверял нам, — кинул ему Владин.

— Пока живет человек, все время учится, даже у самых маленьких! — отвечал бай Кото и торопился добраться до овчарни бая Лако, куда вели зернышки.

Но когда они подошли к полянке перед овчарней, зернышки пропали.

— Ну а теперь что? — остановились все и взглянули на Владина.

— Владин, по-твоему, этот тайник здесь должен быть, да?

Владин смущенно оглядывался вокруг. Кто же мог так забстливо собрать каждое зернышко, чтобы уничтожить следы воровства?

— Снова упустили их! — вскрикнула в отчаянии Рилка.

— До нас здесь прошел человек! — сказал в раздумье Владин. — Только человеческая рука могла подобрать зерна.

— И может, он еще здесь, где-нибудь в овраге, — указал на Хайдукский овраг Видул.

— Давайте прочедем овраг, товарищ председатель, — предложил распаленный Гечо.

«Легкомысленное предложение, — нахмурился бай Кото и задумался, — но если пустить их одних, кто знает, может, наткнутся на какого-нибудь типа, и чего доброго, застрелит он ребенка!»

— Бросьте! Это не наше дело. Я сам распоряжусь,

что предпринять дальше! — сказал он, но Владин уже увлек вслед за собой свою группу.

И председатель поневоле пошел за ними.

— Вот он. . . Стой! — закричали девочки и погнались за кем-то.

Бай Кото схватился за кобуру. Тревожные крики усилились.

— Стой! — крикнул бай Кото и выхватил пистолет.

Он кинулся в кусты и в два прыжка оказался рядом с Владином.

Но Владин стискивал за горло не диверсанта, а молодого яркоперого петуха. Владин был весь исцарапан, видно, пришлось крепко сражаться, пока ему не удалось его схватить.

— Вот кто, эти проклятые птицы подобрали зерна, — кричал Владин, и ему хотелось удушить петуха, зоб которого надулся, как мяч.

— Пошупайте, товарищ председатель, почувствуете, что это зерно. Вот, можно пересчитать зернышки! — показывал Видул зоб старой курицы, и председатель пошупал, сгорая от стыда.

«Ну вот, от своих пострадали, это обиднее всего!» — думал он.

— Ах, глупые куры! — кричала Рилка, схватив яркую, пеструю, как куропатка, наседку. — Ну скажи, пожалуйста, где тайник? Ах, тупое ты существо, скажи же!

Рилка слегка шлепала пеструшку, но та только тарасила испуганно глаза, кудахтала и била крылом, пытаясь вырваться.

Шло настоящее сражение. Овраг гудел от криков и куриного кудахтанья. Перья летали в воздухе, и на ветвях деревьев белели кое-где пуховые снежинки.

— Ну ладно, хватит! — крикнул бай Кото, и только тогда сражение поутихло. Из кустов выскочили Гечо и Видул, исцарапанные, с кровавыми полосами на лице.

Ребята окружили председателя, готовые к новым действиям.

— Все-таки то, что все эти куры собрались здесь, доказывает: тайник где-то рядом.

— Если б ты, бай Кото, не медлил с проверкой, мы

еще до кур сумели б обнаружить тайник, — упрекнул его Владин, и тот виновато улыбнулся.

— Вопрос теперь в том, чтобы не упустить воров и в третий раз! Будем караулить овраг! Они придут снова. Ну, идите по домам, а то можем себя выдать.

— А ты предупреди птичника, чтобы она сюда не пускала кур, — попросил председателя Владин.

— Ладно! — кивнул им председатель и зашагал к птичнику.

Владин засунул пальцы в рот, пронзительно свистнул, и ребята пошли в село.

Глава 24

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Дилко не спал и в эту ночь. Два раза выскользнуло награбленное зерно из его рук. Дважды оставался он посрамленным в глазах учителя, а учитель в глазах представителей власти. И им обоим уже не верили. Этого нельзя было вытерпеть. Дилко сообщил о новой попытке, и учитель сказал ему: «Хорошо, пойдй за ними, а мы вслед за тобой». И когда отец тихонько вылез из постели, Дилко тоже поднялся. Постоял, пока шаги отца не затихли, быстро оделся и вышел. На улице никого не было. Село спало. То тут, то там начинала лаять собака и умолкала. Пропели первые петухи. Дилко не видел, куда пошел отец. Но он знал место, где тот мог быть. В овраге, перед овчарней, туда спешат сейчас и отец, и дядя. Туда затопился и он. Время от времени он оборачивался. Никто не шел за ним. Где же те люди, которых обещал послать учитель? Как бы все снова не провалилось.

«На этот раз не выпустим их из рук! — думал Дилко. — Буду кричать, пока голоса хватит, чтобы аж на небе услышали. Поблизости от оврага птичник, а чуть повыше овчарня кооператива! Буду так орать, что кто-нибудь да услышит!»

Он шел босиком, взъерошенный, холодный ветерок

надувал его рубашку. Месяц в эту ночь как назло долго не показывался. Небо было мрачно, страшно темнели кусты, одинокие деревья казались Дилко похожими на людей. Он шел напрямик к овчарне. «Скорее, скорее! — подгонял он себя. — Может, эти поганые крысы уже растащили зерно!»

Овчарня возникла перед его глазами. Он тихонько обошел ее, осторожно оглядывая все вокруг. Никого не было видно. Прижался к дверям. И внизу, и на чердаке царила полная тишина.

«Где же они? — у Дилко было такое чувство, словно его провели. — Я хорошо слышал: не дома, а у овчарни! Папин голос сказал, что здесь!»

Дилко повернулся, отошел от овчарни и почувствовал, как потянуло прохладой из оврага. Ему захотелось пить. Он решил сойти вниз к колодцу и напиться. Вдруг где-то поблизости послышался шум. «Это они!» Дилко забыл, что он один и его некому защитить. Кинулся вниз, как в пропасть. Запах жита притягивал его. Через секунду он наткнулся на мелькающих в чаще людей.

— Стой, ни с места! — крикнул он и сам испугался и оцепенел.

Перед ним зияла, как могила, глубокая яма, наполненная зерном. Склонившиеся над ней фигуры выпрямились. Дилко ясно увидел Шарко, своего дядю в накидке с черной вышивкой и отца.

— Кто это? — резко повернулся к нему отец и вытащил откуда-то из-под одежды нож.

— Ни с места! — повторил Дилко и растерялся, не зная, что делать дальше.

Не узнав его, отец поднял нож и кинулся к нему. Уже замахнувшись, озверевший и ослепший от ярости, он неожиданно услышал крики, которые раздались вдруг, как выстрелы:

— Руки вверх!

Только теперь бай Лако пришел в себя и увидел, что против него стоит родной сын, самый верный, самый честный сторож народного имущества, которое он грабил.

— Папа! — воскликнул Дилко сквозь слезы.

И узы, связывавшие отца и сына, были перерезаны

этой ночью взмахом отцовского ножа. Мальчик плакал, потеряв самое дорогое на свете — отца.

— Как ты мог? Что будет теперь с нами? — трясся он от рыданий, а отец, дядя и Шарко трусливо прятались друг за друга.

Они попытались скрыться в темной чаще, но увидев ножи и ружья, отступили и стали пятиться шаг за шагом к яме, которую сами вырыли.

Месяц взошел и озарил бледное, застывшее лицо молодого героя.

Вместо радости он ощущал страшную скорбь, непосильно большую для его детского сердца. Ноги подкашивались, его охватило отчаяние, которое по своей глубине не могло сравниться ни с каким горем взрослых. То чистое отчаяние, к которому не примешивались никакие посторонние соображения. Еще не сознавая этого, он был сломлен тем, что его отец — преступник, и ему, сыну, выпало на долю раскрыть его и выдать властям.

Глава 25

ТЫ НАМ НЕ СЫН

До того как был пойман отец, Дилко не представлял себе, что за этим может последовать. Он был охвачен одним только желанием, чтобы раскрылось предательство, чтобы победило доброе начало, которое всегда побеждало во всех героических рассказах. То, что он прочел до сих пор, воспламеняло и увлекало его, и ему тоже хотелось совершить что-нибудь героическое. Смысл своей жизни он видел в том, чтобы служить народу, чтобы отказываться от личных желаний в пользу высоких человеколюбивых идей, чтобы быть готовым к самопожертвованию во имя своих идеалов. Левский погиб на виселице. Ботев — от пули врага. Дилко знал, что народные борцы оставляли свои дома и семьи во имя долга по отношению к народу, он видел самоотвер-

женных героев труда, борющихся пионеров и комсомольцев — и все это так воодушевило его, что он решил действовать немедленно, не ограничиваясь больше крылатыми мечтами.

Дилко совсем не задумывался, что станет с его отцом, с ним самим, как они будут жить завтра. Он чувствовал только непреодолимое желание раскрыть злодеяние, иначе его возмущенное сердце разорвалось бы. Он был так поглощен стремлением к правде, что своим чистым детским сердцем допускал только одно: отец опомнится, раскается и обнимет сына. И с этого дня никто не посмеет больше красть. Пусть даже амбары будут стоять незапертые, не пропадет ни зернышка. И только когда отец пошел под дулами ружей, Дилко понял, что случилось непоправимое. И отец его не попытался рассказать, и никто не хотел его раскаяния. Все было гораздо более грубо, сурово и лишено того сияния восторжествовавшей правды, какое он себе представлял.

Дилко даже захотелось кинуться остановить тех, кого он сам привел, и крикнуть:

— Подождите! Куда вы ведете его вместе с этими преступниками! Он совсем не такой, как они! Его обманули! Спасите его, и он вам скажет, пообещает, что больше никогда не будет!..

Но никто не спрашивал ни о чем ни отца, ни Дилко. Отца торжествующе повели. Он шел еле-еле, как будто стал уже ненужным, поняв, что будет, и ужасаясь этому.

Отца отвели в сельсовет, и Дилко больше не видел его. Он долго крутился около подвала, куда заперли отца, но сделанного не воротишь. Когда он вернулся домой, мать накинулась на него, словно обезумев.

— Дилко, что ты сделал!

На мгновение сердце Дилко дрогнуло от ее слез. Но она оттолкнула его от себя, как мать, узнавшая, что обнимала по ошибке чужого ребенка.

— Предать своего отца! У-у-у, какой же ты сын!

Дилко остался на пороге теплой комнаты, где радостно пылала печь. Холодная стена выросла и отделила его от всего того, что называют отчим домом.

— Мама! — крикнул он, но голос его прозвучал холодно, как чужой, и мать не откликнулась из комнаты.

Дилко снова попытался войти в комнату, чтобы выплакать свое горе там, у очага, возле которого он вырос.

— Никогда не смей переступать этот порог! Вон! — крикнула мать и словно пронзила его сердце вытянутой рукой.

— Выслушай меня, мама! — простонал растерянный, беспомощный Дилко.

— Я тебе не мать! Чтобы я не слышала этого слова от тебя!

Дилко заплакал, мука его прорвалась, и он протянул руки за прощением.

— Ты нам не сын! — мать захлопнула перед ним дверь, и он рухнул у порога.

Он долго рыдал, но некому было открыть дверь и приютить его. Даже если бы собака скулила так жалобно холодной ночью, хозяин сжалился бы и пустил ее погреться. Но раненое материнское сердце не трогали его стоны.

— Куда мне теперь деться, мама? — Дилко поднялся, сломленный, убитый, потерявший не только отца и мать, но и родной дом. Походил по двору — ему все тут было так мило. Как расстаться с этим? Но еще перед восходом солнца он вышел, как изгнанник, из села, чтобы никто его не видел и чтобы он не видел никого. Он убежал далеко к овчарням и не вернулся в село. Стыд и угрызения совести подкашивали ноги, когда он пытался спуститься к дороге. Его товарищи узнали, где он находится, и навещали его. Они приносили ему каждый день еду и не оставляли его одного, делали все, чтобы облегчить его горе.

— Мы не бросим тебя никогда! — уверяли его и Катка, и Гечо.

Но этих забот было мало, чтобы уничтожить отчаяние, которое делало Дилко загадочно молчаливым, ушедшим в опасные размышления.

«Ты нам не сын», — звучало у него в ушах, и только теперь он со страданием понимал, что значат эти слова. Товарищи не оставили его, но разве могли они быть для него всем в жизни? Можно ли жить без отца

и без матери? Разве достаточно дружбы, чтобы заменить тех, которые родили и вырастили его? Может ли пионерская дружина заменить родной дом? Дилко не думал об этом в тот день и тот час, когда поднялся тайком посреди ночи, вышел незаметно, как вор, из дома и направился к дому учителя, чтобы постучать в его дверь. Та минута, самая роковая в его короткой жизни, когда он со слезами на глазах, дрожащий, вне себя от боли сказал: «Папа крадет зерно», перевернула всю его жизнь и раздавила ее, как жернов зернышко пшеницы. Как у зернышка нет сил одолеть жернов, так и он стонал и изнывал при мысли, что сам захлопнул дверь своего родного дома, сам уничтожил самое дорогое — дом и родителей. Можно ли жить без дома и без отца с матерью? Он повторял это до одурения, не мог спать, ночью сверчки трещали ему об этом. Ветер разносил все ту же страшную правду по полям и по селу. Что ему осталось? Какой он жизнью будет жить? Его не смягчали заботы товарищей. Ему казалось, что товарищеская любовь не может цвести без сыновней. Сердце должно быть наполнено любовью к матери и отцу, и тогда в нем может вырасти и любовь к друзьям.

Ему казалось, что без дома нет для него и родины. Кто посягнул на дом, в котором родился, посягнул и на свою родину. Если ты мог предать сегодня своих отца и мать, завтра предашь и свой народ. Он считал себя предателем и думал, что ему не место в этом селе, на этой земле, которую он осквернил.

Но куда он пойдет? С пригорка, на котором была овчарня, он целыми днями смотрел сквозь осеннее море туда, где возвышались фиолетовые холмы, между которыми проходила граница. Она недалеко. Один день пути пешком. Никто его не заметит, когда он будет пробираться сквозь кусты. Кто заподозрит какого-то мальчишку? Но вдруг он увидел себя там, на чужой земле и вздрогнул. Как он попал туда? Что это за язык, который он слышит, что это за люди, которых он видит вокруг себя, кто они? И ужаснулся. Им он не может сказать «товарищи», не к кому будет обратиться с обычными словами: «мама, папа». Кому он нужен там и что с ним сделают? Тронут ли их его слезы? Отпустят ли его снова на

родину? Дилко вскрикнул и вскочил, словно на самом деле перешел границу и хотел вернуться. Но его преследовали теперь другие, те, кто подпалил свинарник, кто обманул отца и бросил его в тюрьму, кто на всю жизнь выжег и на его чистом лбу клеймо. Как можно остаться среди них, стоять рядом с поджигателями и убийцами вроде Иванчо! Ему стало стыдно этой мысли, и он больше уже не думал о бегстве в другую страну.

В его годы некоторые мальчики убегают из дома. Одни ищут незнакомые места и приключения, другие затем, чтобы найти работу, потому что не хотят учиться и не могут вынести укоры своих родителей. Почему бы и ему не убежать куда-нибудь в другую часть страны, где его никто не знает? Он будет там работать, пока все не забудется. Так он и решил и стал готовиться пойти по незнакомым дорогам. Существует столькостроек, он придет и скажет: «Товарищи, я уже комсомолец, хочу работать и учиться». Но сразу стушевался: куда бы он ни пошел, его сразу спросят: «Откуда ты, кто твой отец?». И он вынужден будет признаться, что его отец в тюрьме. Иначе они могут сами проверить по телефону. Он должен будет сказать правду, что отец сидит в тюрьме за воровство кооперативного зерна. «А, так? — скажут. — Нет среди нас места для сына врага». И так от села к селу, от стройки к стройке понесет он позор своего отца, и отовсюду его будут прогонять, словно Дилко был его соучастником. Дилко думал и о том, чтобы сразу сказать на стройке, что это он выдал отца, но краснел от одной этой мысли. Ему казалось, что люди не оправдают его, а еще решительнее оттолкнут: «Если ты мог предать своего отца, какая гарантия, что ты не устроишь чего-нибудь на наши головы!».

Дилко не решался убежать, но и оставаться здесь, на овчарне, больше не мог. Ему казалось, что овчарня превратилась в место сожаления и скорби, в какую-то больницу, где он умрет. Он не хотел видеть ни своих товарищей, ни людей вообще. Прятался. Плакал от боли. Напрасно ребята вертелись около овчарни, искали его везде, кричали: «Дилко, Дилко-о-о-о!». Он не отвечал.

Часто с высокого дерева, на котором он ночевал, или с чердака овчарни Дилко видел блестящие рельсы, по

которым громыхал поезд. И как раньше его манили далекие и чудесные путешествия, так влекли его теперь зловещие мысли. Ночью он вздрагивал от грохота поезда и смотрел неподвижным взглядом на его фары, от которых рельсы начинали блестеть, как ножи. Несколько раз он спускался в Милчев луг, по которому проходила железнодорожная линия. Доходил до линии, прикладывал ухо к земле, чтобы услышать, идет ли поезд. И только когда рельсы начинали греметь, словно смерть ударяла по ним и говорила ему: «Идет! Идет! Лежи спокойно и не шевелись. Вот сейчас придет», он вскакивал и убегал на луг. Так, в зарослях травы, он оставался, испуганный, оцепеневший от своих мыслей, от грохота и гула земли, пока поезд не исчезал за холмом и не оставался после него только один ядовитый дым.

Несколько раз Дилко встречался со смертью и не решался. В последнее мгновение что-то хватало его, как невидимая рука, и отбрасывало в сторону. Однажды он стоял, стиснув зубы, совсем близко у насыпи, так что поезд, проходя, осыпал его своими гневными искрами, но опять не решился положить голову на рельсы. В другой раз он подошел еще ближе, и паровоз обдал его паром, но все-таки что-то сохранилось в его сердце от жизни, какое-то неискоренимое, глубоко скрытое побуждение задержало его. И всегда после того, как эта жажда жизни отталкивала его, хотя и мученически, от дороги смерти, Дилко спрашивал себя: зачем он спасся? Обрадуются ли мать и отец этой второй жизни? Товарищи много раз ходили к ним домой, просили и увещевали мать, чтобы она приняла, простила его, но она прогоняла и проклинала и их. Зачем ему жить этой проклятой, собачьей жизнью? И он, наконец, не выдержал. Ночью ему было страшно лечь на рельсы. Громыхание поезда становилось гораздо громче, словно заснувшая земля звенела от гнева из-за того, что ей не дают отдохнуть. И огненные глаза поезда были ужасны! Хотя Дилко и стиснет веки, но все-таки почувствует издали, что фары режут его на куски. Он не мог вынести смерть в темноте. Колеса превращались в огромные железные шары, к которым он не решался приблизиться. А днем поезд не был таким страшным. Он выглядел таким, каким он и был,

и Дилко однажды пошел к нему. Он не оставил никакой записки. Когда найдут его, поймут.

Солнце сияло всюду, и он быстро шел к насыпи. Сейчас он ляжет, как ягненок под нож, и не шевельнется. . .

Был полдень. Катка увидела, как Дилко бежит, озираясь, и кинулась вслед за ним. Он перебегал от куста к кусту, чтобы никто его не видел. Спустился в Милчев луг, она за ним. «Может быть, он решил, как Владин, сбежать в МТС?» — думала Катка. Но Дилко не пошел по дороге, которая спускалась вниз и вела к вокзалу, рядом с которым находилась машинно-тракторная станция, а остановился у рельсов и огляделся. Катка вздрогнула и подошла ближе. Дилко снова обернулся, и она увидела его обезумевшее лицо. Катка зашевелилась в кустах, он встрепенулся, но она притаилась, и тогда он сгорбился и решительно шагнул вперед. «Может быть, он хочет послушать, идет ли поезд?» — подумала Катка, но ужасная тревога не позволяла ей усидеть на месте и толкала ее вперед. Те, кто выходил слушать, идет ли поезд, не поступали так, как Дилко. Когда поезд начинал греметь и давать гудки, они сразу срывались и отбегали подальше, а Дилко лежал на рельсах спокойно, как на лужайке. Поезд вышел из-за поворота, и земля задрожала. Гудки его разрывали сердце девочки, она выскочила из кустов и кинулась к Дилко.

— Ты что задумал? — она тянула его, но Дилко лежал неподвижно. — Вставай, а то поезд. . .

— Не могу. . . Не могу жить так.

— Встань, или я тоже!

Что заставило его поднять голову: гудок поезда или горячее дыхание девочки? Она обхватила его так, что действительно либо их обоих должен был раздавить поезд, либо они вдвоем отскочат от рельсов. Поезд, словно обрадованный, катил на них железной громадой, рельсы, словно магнитные, держали их. Земля тоже притягивала их, как магнит, все в это мгновение приковывало их к месту, а поезд — вот он, какой он огромный, когда видишь его почти над собой и он летит прямо на тебя. Между жизнью и смертью находились Дилко и Катка, но в последнюю секунду, сцепившись друг в друга, скатились в ка-

навку. Поезд зловеще изогнулся, как будто сожалея, что упустил их, и промчался мимо с грохотом, от которого волосы вставали дыбом. Словно в гневе, он выплюнул сноп искр и подпалил высохший бурьян.

Они сидели в кустах, как в хижине из листьев, еще вздрагивая, вне себя от ужаса. Дилко плакал и не мог проронить ни слова. Смерть не взяла его, но словно отняла у него разум и речь. Катка не знала, как остановить его слезы. Щеки ее горели. Катке казалось, что они еще цепляются друг за друга. В то смертельное мгновение она составляла с Дилко одно целое и теперь не ощущала себя порознь от него.

— Кооператив решил взять на себя твое содержание, — говорила она словно во сне и дрожала. — Папа сказал, что если хочешь, тебя пошлют учиться. . .

Щеки ее горели. Она погладила его умный, смысленный лоб, потрогала мягкие волосы, стиснула ладонями его бледное, усталое, со следами слез лицо, губы ее коснулись его щеки, и она вдруг испуганно отшатнулась.

— Что я наделала? — воскликнула она и закрыла ладонью рот. Ей показалось, что из высокой травы на нее взглянул кто-то. Как раз тогда, когда она его целовала в щеку. Катка огляделась, робко съежилась, и светлые пятнышки, которые солнце кидало сквозь листву, показались ей глазами. Это были как будто глаза учительницы, ее видел не кто иной, как Чернева. «Как ты могла себе это позволить, Катка? Разве ты ребенок? — строго ругала ее Чернева. — Знаешь, что значит поскользнуться сейчас, у порога в комсомол?»

Не листва шелестела вокруг, а ребята из школы, пионеры, ее подружки переговаривались: «Катка целовалась с Дилко». Ее вызовут на бюро, и что будет? Как отец перенесет этот удар? . .

— Дилко, — она склонила голову ему на руки и расплакалась. — Что мы наделали? Что теперь будет?

Катка снова видела себя на рельсах, но уже не затем, чтобы спасти его, а чтобы положить свою голову. Кто простит ее поступок? Она считала себя опозоренной, опороченной, обесчещенной. Этот первый грех, который она совершила после того, как избавила от смерти и вернула к жизни своего любимого друга, жег ее

сердце. Ведь ей и в голову не приходило. . . Как все это случилось? Никто ее не учил! Она слышала об этом от взрослых, читала в книгах, которые брала из библиотеки, но почему это случилось теперь и с ней? Она должна была еще долго ждать, стать взрослой, окончить школу, тогда она выбрала бы себе друга, они решили бы не разлучаться никогда и тогда. . . А сейчас? Ведь она вот-вот должна вступить в комсомол. Как она войдет с этим пятном к своим чистым друзьям и подругам, как пойдет по светлому комсомольскому пути, как будет носить на груди сияющий значок, когда она уже опозорена? Как она взглянет в незапятнанные лица своих друзей? «Куда я сейчас денусь? — спрашивала она себя. — Как вернуться домой?»

Она представляла себе, что мать еще с порога все поймет. Девочка думала, что на ее губах остался отпечаток, который выдаст ее. «Вот, — будут показывать на нее пальцами пионеры, — еще не успела выйти из пионерского возраста, а. . . » Катка сначала огрызалась: «Я ничего не сделала, — говорила она возбужденно учительнице. — Да и кто вы такая, чтобы я давала вам отчет. Вы мне никто. . . » Но потом сама ужасалась дерзости своих мыслей. Потому что, если сказать честно, учительница заслуживала того, чтобы Катка открыла ей свою тайну. Девочка могла исповедаться ей во всем: в том, как, охваченная чувством жалости, тайком вышла из дома и одна пошла к Дилко, чтобы увидеть его, как выследила его и спасла. . . Но здесь ее исповедь прерывалась. Вдруг она спотыкалась и падала в бездну. И сколько она ни мучилась, не могла больше выдать из себя ни слова. Губы не в состоянии были произнести то, что она сделала. Это было запрещенное, страшное, ужасное, она невольно совершила это и не он, а она, она. Но кто поверит ей, что это невольно — от сострадания, от радости, что спасла его. Никто этого не поймет, а ужаснется.

— Боже мой, что я сделала, куда я теперь денусь? — плакала она и, обхватив Дилко за шею, смотрела на него испуганными глазами, полными готовности идти за ним хоть на край света.

В школе, в пионерской дружине, дома — везде их учили только этому — сохранять свое сердце чистым,

незапятнанным. Они скользили до сих пор, как по рельсам, путь их был устремлен только в одну сторону, им не разрешалось никакого отклонения. На них смотрели еще как на детей, каждый более вольный шаг был нарушением клятвы, изменой обещанию, и вот вдруг все правила, которых она придерживалась до сих пор, перепутались и разбились на куски от одного только поцелуя. Как будто рухнул красивый картонный дворец, и перед ее глазами выросла другая, еще красивее. Она собственной рукой разрушила свой храм радости и детской дружбы. И теперь не знала, куда деться.

— Сбежим, Дилко, — она прижала мальчика к своей груди, но сама не могла сказать, куда бежать. Только одно чувствовала она, что не может расстаться с ним, что хочет быть все время, всегда с ним вместе, всю жизнь...

Дилко, который раньше тоже хотел сбежать, теперь точно изменился. Ничего подобного он не ожидал от Катки, только почувствовал, что сердце и мысли его замерли на мгновение, словно в сладком изнеможении, и воскресли совсем другими. Катка перевернула все его существо. Отчаяние его исчезло, в душу проник свет, он забыл о себе. Подвиг девочки тронул его, наполнил мужеством, и он принялся утешать ту, которая пришла утешить и спасти его. Катке хотелось, чтобы Дилко стал жить у них. Как бы она заботилась о нем, ухаживала за ним! И отец ее, может быть, согласится, но мать. . . Она вздрогнула при мысли о том, как ее встретит мать: «Что, с сыном вора пришла?» Катка чувствовала, что теперь она гораздо больше привязана к Дилко, потому что у него нет дома и родителей. Ей казалось, что она в долгу перед ним, потому что когда-то избегала его, и поэтому должна теперь быть с ним, чтобы поддерживать в его душе веру в будущее. Она хотела, чтобы Дилко был спасен, чтобы он вернулся к своим товарищам.

— Не надо плакать, Катка! Я пойду и все скажу твоему отцу!

Девочка испуганно вздрогнула. Он прижал к себе ее голову. Его охватило чувство собственного достоинства, которого он не знал до сегодняшнего дня. Он стал мужественным, как взрослый.

— Я скажу ему, что ты поступила благородно, что

ты самая благородная девочка на свете и что я виноват в этом. . .

Лицо его было решительным, только нижняя губа вздрагивала, как листок. . .

— И если нужно, пусть он меня накажет. . .

Дилко с трудом выговаривал слова, словно они были наложены на слезах девочки и стали более тяжелыми, более весомыми и более важными. . .

— И поверь, как мужчины, мы пойдем друг друга.

Он сам испугался этих слов и умолк. Что они поймут? Кто он и кто отец Катки? Он ведь мальчишка, маленький, жалкий, а ее отец — секретарь партийной организации.

— А потом? — Катка неотрывно смотрела на него, словно ища какую-то опору в его глазах.

Дилко не мог ей ничего ответить.

— Он нас не поймет, когда узнает, что мы сделали.

— Поймет. Он понимает и взрослых, и детей. Он не обычный человек. Должен понимать и горе, и радость, помогать счастью и детей, и взрослых.

— А если не поймет? Если мама ему не позволит? . .

— Поедем на стройку. Мы уже не маленькие. Будем работать и учиться в вечерней школе.

Перед глазами обоих стали быстро мелькать картины: они вместе в доме Катки, он снова весел, она кружится вокруг него, как бабочка, все хочет сделать так, чтобы им было лучше. Но какая-то рука, как будто рука ее матери, меняет эту картину на другую: они где-то на стройке. Высоко на лесах, забрались до самого неба. Внизу дымит завод. Доносится грохот машин, звучат песни, но вдруг кто-то толкает их с лесов, и они падают вниз. Перед их глазами простирается море воды, оставленное бетонной стеной, и они идут к синеглазым строителям водохранилища. . .

— А если и туда придут наши и найдут меня? — спросила Катка. Дилко уже не знал, что ей ответить. Он прижал ее к себе и заплакал вместе с ней.

Птицы щебетали на деревьях, солнце пробивалось сквозь листву и обливало их. Бабочки перепархивали, касались их голов, сразу испуганно поднимались и улетали. Вдруг послышались голоса. Катка вскочила.

— Ой-ой-ой, заметят нас! — и первая побежала. Дилко кинулся вслед за ней.

— Жди меня в хижине! — крикнул он, но она не обернулась. Сейчас он один, может вернуться и лечь на рельсы, его некому спасти. Но он бежал от рельсов, подальше от их стальной пасти. И Катка тоже бежала отсюда, от своего первого греха. И она не оборачивалась туда, где видела смерть лицом к лицу. Потому что сердца обоих были полны тем, чего они не знали до сих пор, самым сильным врагом смерти — любовью.

— Катка, — догнал ее Дилко. — Ведь ты скавала, что мне собирались дать стипендию, а как теперь, забыли об этом?..

Спасение было найдено.

— Поеду учиться! Осталось только две недели.

Что может быть лучше этого? И как могли забыть о нем!

— Но ты будешь писать мне каждый день, ладно? — Она не стала выдергивать свою руку из его руки, потому что ей было так хорошо. Оттуда шло сладкое тепло, которое кружило ей голову. — Каждый день, слышишь?

Дилко кивнул. Он успокоился и зашагал, не выпуская ее руки. Они шли и не чувствовали, как трепещут их руки и как сами они покачиваются, охваченные новым чувством.

— Ты теперь подожди здесь немного, чтобы не догадались, что мы были вместе, — Катка вырвала руку и побежала к селу, спрятав глубоко в сердце свою первую тайну и набравшись мужества защищать ее. Она исчезла в селе, как одурманенная ласточка, а по дороге вслед за ней шел Дилко с зарубцевавшейся раной в сердце.

Глава 26

ПРОЩАЙ, ДЖЕКИ!

Стого дня, как Рилкина мать узнала, зачем дочь уехала в село, ей все время снились плохие сны: то какие-то черные существа вроде буйволов поднимают Рилку на рога,

то бешенные собаки кусают ее или же какой-нибудь негодяй завлекает в овраг и убивает ее. Тетя Рилки гадала на кофейной гуще, и там тоже выходило, что случилось что-то нехорошее. И едва возвращался отец, как мать начинала с ним ссору.

— Зачем ты отпустил ее? Какой ты отец! Как мог позволить! Подумай, а вдруг что-нибудь случится с ребенком!

— А ты, зачем ты ей позволила? Какая ты мать! Она девочка, и ты как мать должна была найти к ней подход, объяснить ей и уговорить ее, а ты только кричала! Это не современный метод воспитания.

— Я ей задам хороший метод, когда она вернется! Так ее побью, что всю жизнь помнить будет!

— Такие грубости дают как раз обратные результаты.

— А если она попадет под поезд, что я буду делать, куда денусь?

— Она не маленькая. Уж скоро пятнадцать стукнет. В Москву ездила, и там ничего с ней не случилось, так неужели же в каком-то селе?..

— Это село опаснее. Там есть такие типы... Как напьются, ничего им не стоит убить кого-нибудь.

— Ну как ты не можешь понять, что село теперь не такое, каким было в фашистское время.

— Да ведь она впуталась там в какую-то историю! Эх, какой же ты после этого отец!

— Партия бережет детей больше, чем отец и мать.

— Партия, партия, хватит с меня твоей партии! Узнай телефон, поговори с этим проклятым селом, чтоб ему пусто было! Выехала она или нет? Иначе я сама туда поеду.

Она ходила утром на вокзал, но Рилка не возвратилась, как обещала в письме.

— Ну ладно, я поговорю.

Но только он поднял трубку, чтобы заказать срочный разговор, в дверь позвонили. Мать побежала открывать, сердце ее стучало. Вот принесли телеграмму, что ее ребенок убит каким-то тайным врагом. Она даже мысленно прочитала текст: «Сообщаем вам, что с вашей дочерью по имени Рилка случилось несчастье...»

— Ах, — вскрикнула она, увидев Рилку, живую и здоровую, с чемоданом в руках.

Рилка поцеловала ее и сказала приготовленные заранее слова:

— Прости меня, мама! — потом выскользнула из ее объятий, вытерла слезы и пошла к отцу.

— Здесь как будто что-то изменилось! — оглядывалась она.

— Ну, расскажи же, как было в селе? Бодали ли тебя буйволы? Маме все время это снилось.

— Да мы ездили на них!

— Ка-а-к? — ужаснулась мать. — Ты на буйволе? Без седла?

— Да. С опытного поля до села мы постоянно добивались на буйволах. Очень приятно, словно на слоне едешь! Они кроткие, милые животные. . .

— Пожалуйста, не надо, а то мне делается плохо! Говори о чем-нибудь другом. Какие у тебя синяки под глазами, как ты похудела!

— Наоборот, — ответил отец. — Еще больше поправилась. Погляди, какой у нее загар на лице.

— К вашему сведению, я поправилась на килограмм. Достаточно вам?

— Что вы там ели? Чем тебя кормили?

— Перцем, супом из фасоли, пюре из фасоли, салатом из фасоли, всем. . . — смеялась Рилка.

— Догадались по крайней мере хоть раз зарезать для тебя цыпленка?

— Нет.

— Вот видишь, какие они, крестьяне! Я их знаю! Жадные: фасоль да фасоль.

— Да ведь там люди не умеют тушить мясо, а я и не хотела. Тетя Мика постоянно спрашивала меня, чего бы мне хотелось, но я так объелась в Москве, что в селе ела все больше мамалыгу. . .

— Что-о-о? Но у тебя и без того больной желудок!

— Все прошло. Особенно когда клали в мамалыгу маслины и брынзу, очень вкусно было.

— Здесь не ела, когда я тебе делала, а там. . .

— Там и горький перец не был для меня горьким, когда мы вечером стояли на посту!

— Ох, мне-то известно, какая язва откроется у тебя через месяц от этого горького перца. . .

— Я немного, так, только для аппетита. Съедала по два-три печеных стручочка с хлебом и брынзой. В пятницу пойду на базар и куплю его. И Владин перец очень любит. Особенно хорошо его есть на винограднике: если начинает жечь во рту, отрываешь по яголке прямо от кисти. Наелась же я там винограда, мама, прямо с лозы отщипывала, сколько хотела! А орехи, орехи. . . посмотри. . .

Она протянула коричневую от орехового сока руку, и мать в ужасе широко раскрыла глаза.

— Ой, во что превратились твои руки! Как можно было так обезобразить их? Как же ты теперь учиться пойдешь! Гимназистка! А руки, как у простой крестьянки! Ведь это же ничем не отмоешь. Целый месяц нужно будет ждать, чтобы кожа побелела. А до того времени? Придут к нам гости и сядешь ты играть, сразу они скажут: «Боже, какие руки!». Такими руками не смей прикасаться к пианино!

— Этими руками я и хлеб месила! Я привезла лепешку, она там, в торбе, я сама ее месила!

Отец вытащил из торбы лепешку и, жуя большой ломоть, отломил кусок и жене. . .

Мать оглядела кусок, словно хотела убедиться в том, что он не отравлен. Потом подула на него и откусила с краю своими накрашенными губами.

— Она из нашей пшеницы, которую мы жали на опытном поле. И кукуруза оттуда. На свой заработок ребята купили книги для библиотеки, а это моя доля. У тебя есть трудовни, сказали, возьми, чтобы увидели ваши, что ты работала, а не играла!

Ее торба была доверху наполнена орехами, пшеницей, мукой, подсолнечным маслом — всем, что родила земля. Когда мать начала, смилившись, вытаскивать одно за другим, Рилка повернулась на пятках и пошла в свою комнату. Остановилась перед туалетным столиком и принялась разглядывать себя.

— Что это? — нахмурила брови мать, увидев пятнышко у нее на шее. — Что это значит?

— Представляешь, мама, — трогала шею Рилка и

смеялась, — я тоже не знаю. Не заметила, когда оно появилось.

— Как же так? Тебя укусили, а ты не заметила?

— Но ведь я спала, а блохи. . . не рычат, когда кусают.

— Тебя всю искусали блохи, и ты молчишь!

— Ну а что можно сделать?

— Я их знаю, этих крестьян: все они грязнули. У них еще вши и блохи водятся.

— Нет! Катка и ее родители чистоплотные люди, но мы ходили к одним частникам, чтобы вычистить куриные гнезда и продезинфицировать их. Там на нас переползли куриные блохи. . . Они кусают, больно кусают.

— Да как они сумели допрыгнуть до твоей шеи?

— Они очень высоко прыгают, мама. Серьезно тебе говорю. На два метра скачки делают. Настоящие акробаты! Владин очень смеялся. Он придет, мама. Ведь он может жить у нас, пока не найдет квартиру?

— Кто?

— Во-лody-ка!

— Глаза бы мои не видели этого Володьку, а она все Володька, Володька!

— Если не завтра, так послезавтра надо будет привести в порядок комнату для него.

— Пускай найдет себе квартиру! Есть жилищные комиссии, пусть найдет и поговорит. Я не председатель жилищного совета!

— Мама, — взглянула на нее строго Рилка, — как можно быть такой эгоисткой! Ведь у нас есть место. Это же ненадолго. И папа согласен. . . Мой товарищеский долг помочь ему. Согласись, пожалуйста, я сама приготовлю комнату! В этой комнате будут решаться важные дела, мы здесь устроим встречу с героями. . .

— Какими героями?

— Я ведь не сказала вам самого важного, зачем я ездила. Мы раскрыли там целую банду врагов.

Мать испуганно всплеснула руками.

— Я их первая обнаружила, по одной примете. . . — Она с подробностями рассказала о своих героических поисках, и мать вышла, оставив ее приводить в поряд-

док комнату. Время от времени она заглядывала чтобы посмотреть, что делает Рилка. И уже не удивлялась, откуда у той взялись силы для такой уборки. Раньше постель не хотела убирать, а сейчас? Тащила одеяла и коврики к окну, вытряхивала их, ползала на коленях, наводя блеск на паркет, стирала пыль с мебели. . .

— Не утомляйся, — останавливала ее мать. — Вчера у меня была женщина и все вычистила.

— Нет. Я хочу сама, по моему вкусу. Извини, мама, но у меня теперь свой вкус.

Мать чувствовала, что Рилка уже не та избалованная девочка, которая покорно слушалась ее во всем. Что-то преобразило вчерашнего «ребенка», дало твердость отстаивать свое мнение. И прищурив глаза, мать вспомнила себя в Рилкины годы и совсем притихла. Какой она была тогда! Как птица в клетке! И она молча отступила и дала своей дочери право на самостоятельность. Когда вечером пришел Павлин вместе с секретарем комсомола — кудрявым студентом, чтобы отвести Рилку в клуб, где ее должны были принять в комсомол, мать в первый раз спокойно согласилась:

— Пусть идет!

Павлин, с которым Рилка училась еще с первого класса и часто играла, сказал матери с порога:

— Не беспокойтесь, если задержимся. После собрания потанцуем, и я провожу Рилку.

— Ну, она уже большая! В Москве была! — примиренно сказала мать, но не заснула, пока Рилка не вернулась со значком Димитровской организации молодежи на груди. Матери показалось, что и в румянце ее щек, и в блеске глаз, и в прическе что-то изменилось. Она спросила Рилку на этот раз внимательно.

— Ну как прошло собрание?

— Критиковали меня, — насупившись, ответила ей Рилка. — Чуть сквозь землю не провалилась от стыда из-за вас.

— Опять мы!

— Из-за папы, потому что он хлопотал, чтобы я поехала в Москву.

— Ну, что же. . . разве не может отец позаботиться о своем ребенке?

— Да, но так вышло нехорошо. Нужно решать по нашим заслугам. Если все отцы кинутся беспокоить видных товарищей, что выйдет?

— А ты что ответила?

— Я выступила с самокритикой, конечно.

— Замечательно, сама себя очернила!

— С такой речью выступила, что секретарь пожал мне руку. Сказал, что, может быть, и в газете ее опубликуют.

— Ну, только этого и не хватало. В газете напишут о твоём отце. Вся Болгария будет извещена!

— Признавать свои ошибки — это не постыдно, мама! Мне теперь легко и хорошо.

Мать легла спать в тревоге за новую жизнь, которая начиналась у ее дочери.

Утром она услышала, как Рилка грубо прогнала щенка, которого ей оставила тетя.

— Марш отсюда, Джеки!

К щенку, которого она так любила, Рилка неожиданно охладела. Он вертелся около нее, заигрывал с ней, ударял ее лапой, но она редко улыбалась и не гладила его. Только когда привела в порядок комнату, Рилка села в гостиной, взяла его на руки и обняла.

— Джеки, миленький, до свидания.

Она гладила щенка и вздыхала. Нужно было проститься с ним. Он скрашивал ей жизнь до сих пор, с ним она играла и забавлялась. Кормила его, огорчалась, когда он болел, водила его гулять по улицам, когда он был здоров. Он бежал за ней, пушистый, белый, и все заглядывались на них. Но теперь нужно было с ним расстаться.

— Куда, куда я тебя отдам, миленький? — спрашивала она его печально.

Мать удивилась.

— Почему слезы?

— Если тетя не может за ним смотреть, нужно отдать его кому-нибудь.

— Как?

— Да, мама, он не любит, когда собаки вертятся в доме.

— Кто это «он», который будет у меня распоряжаться?

— Володька! Он считает, что собака должна знать свое место. И он совершенно прав. Советские пионеры не играют со щенками. Не может же собака стать полноправным членом человеческого общества? Он безусловно прав.

— И ты согласишься ради своего Володьки расстаться с Джеки?

— Конечно, да. Как можно даже спрашивать об этом?

— Ясно, к чему все это ведет! Но этого я не допущу! С какой стати крестьянский мальчишка будет распрягаться в моем доме! Достаточно, что я позволила ему жить у нас, чтобы он не спал по чердакам, но прогнать собаку! И речи быть не может!

— Почему же? — вмешался отец. — Рилка права. Она уже взрослая. Зачем вредить себе в глазах своих товарищей из-за какой-то собаки? Видишь ли, иное дело, когда она была ребенком, но теперь. . . комсомолка со щенком. . . Смешно! Отцепись ты, ради бога, от этого щенка! Достаточно ему прислуживала!

— Что же, убить его, да?

— Верни тете. В конце концов она найдет ему место, — предложила очень спокойно Рилка.

— Давайте мне щенка! Иди, Джеки, иди, детка моя, — обняла его мать и зашептала ему: — Жестокие люди! Безбожники! Без сердца! Без жалости! — Она схватила щенка и понесла его. — Ох, ох. . . как все быстро изменилось!

— Прощай, Джеки, — погладила щенка Рилка и хотела поцеловать его в последний раз, но что-то вдруг остановило ее.

С фотографии перед Мавзолеем на нее смотрел Владин! Джеки должен был уйти без поцелуя!

Глава 27

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Подошло время учебы. Еще перед отъездом в Москву Владин послал свои документы в Софию. И теперь, получив сообщение, что он принят в техникум, шел по-

прощаться с Тодоровым и Черневой и услышать их последний совет. Он знал, что в доме молодоженов, несмотря на неприятности, которые он им причинял, его любят и обрадуются ему. Ему хотелось посмотреть, как его вчерашняя учительница хозяйничает в доме, потому что он привык видеть ее только в школе. «Ведь Тодорова она не может наказать, поставив к стене, — думал удовлетворенно Владин. — Скорее он сам накажет ее!»

С тех пор, как Владин внушил себе, что над Тодоровым висит угроза быть убитым из засады, как был убит советский учитель Васильев, он стал для Владина образцом мужчины, молчаливого, но преданного делу, скромного, строгого и сурового. Он даже приписывал ему качества, которых тот не имел, и если бы Тодоров узнал об этом, то смеялся бы от всей души.

Каково же было удивление Владина, когда на стук ему открыл вместо хозяйки сам Тодоров, подпоясанный ее кухонным фартуком. Руки у него до локтей были в тесте.

— А, здравствуй, Владин, входи! — он стал вытирать руки, но фартука не снял и даже совсем не смутился. Поздравил Владина, что тот принят в техникум и, продолжая месить тесто для лепешки, давал ему последние советы.

— Главное — труд! Если организуешь хорошо свою работу, успех обеспечен! .

Если бы Владин застал какого-нибудь другого молоджена за таким делом, он бы подумал о нем самое плохое, осмеял бы его беспощадно и с наслаждением в глаза и за глаза, по всему селу. Но для Тодорова, для своего героя, чья жизнь была в еще большей опасности после женитьбы, он сразу нашел оправдание.

«Способный человек. Все может и умеет!»

— А скажи, в Москве пекут лепешки? — пошутил Тодоров, погладив лепешку ладонью, и ловко кинул ее в печь.

— Да. . . Наверно. . . Но мы не видели.

Другим Владин рассказывал свободнее, но здесь стоял, как на экзамене. Отвечал кратко и сдержанно, стараясь быть похожим на своего учителя.

В то время, когда они разговаривали, вдруг запахло подгоревшим тестом, и учитель кинулся к печи.

— Ну, все ли там так хорошо? Не видал ли и там подгоревшего хлеба?

Владин засмеялся и тихо прошетал:

— Эти деревянные дома с соломенной крышей мне не понравились. Неужели у них нет кирпича и черепицы?

— Но ты забываешь о климатических условиях. . . — попытался восстановить Тодоров его охладевшее восхищение.

— Это верно, но наши дома красивее. И нет там нигде чешмы, как у нас, в которой по восемь кранов прозрачной воды прямо с гор. И всякие другие пустяки, но что о них говорить, когда там могут сделать из ничего все.

— А люди, как тебе показались люди?

— Хорошие люди, — радостно воскликнул Владин, — кавалеры.

Тодоров засмеялся.

— И женщины там кавалеры! — продолжал горячо Владин. — Мы видели одну, тетя Варя ее зовут. Сколько собрала она картофеля и многого другого! Большой кавалер! Носит на груди золотую звезду!

Тодорову хотелось громко рассмеяться, но он сдерживался, чтобы дослушать до конца рассуждения Владина.

— Но и наши женщины тоже кавалеры.

— Почему?

— Разве вы не видите, что они всегда на передней линии в кооперативе. Если б не они, пиши пропало хозяйству.

— У тебя совсем новое, классовое понимание кавалерства, Владин!

— Но и что?

— Ладно, пусть будет так. Но кавалерство не только в больших делах. Оно может быть и в мелочах, и по отношению к нежным, слабым существам, таким, как девочки. . .

Владин почувствовал неловкость. В это время послышались шаги, кто-то толкнул локтем приоткрытую дверь, и показалась Чернева, так нагруженная овощами, что Владин не сразу разглядел лицо учительницы.

Кочан капусты покатился, и, прежде чем Чернева успела наклониться, Владин поднял его.

Чернева ответила ему улыбкой, которая говорила и «добро пожаловать», и «спасибо».

— Вот это и называется кавалерство! — сказал ему Тодоров на прощание. — Только о нем нет брошюрок и докладов! Сердце само должно подсказывать, что нужно делать!

— Да ведь я поступал так и раньше! — пробормотал Владин.

— И дальше так поступай, это будет тебе только на пользу!

Владин попрощался молча и смущенно. Этот последний урок учителя пробудил в нем скрытые мысли и чувства: вместе с радостной тревогой, что он едет учиться в Софию, сердце его было полно другим тайным волнением. Он встретится там с Рилкой, она будет гимназисткой, он в форме студента техникума, и придется уже совсем по-другому держаться с ней, думать, как вести себя, и подыскивать слова.

Он обернулся назад и увидел, как Тодоров заторопился к дому.

— Да, сложная проблема! — Владин прищелкнул языком и ускорил шаг. — Мало того, что я комсомолец и нужно при каждом шаге думать, что позволено, а что нет, но я теперь и кавалер!..

Глава 28

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ

Мать Рилки долго смотрела в глазок, когда позвонили в дверь, и не могла узнать его. Ей казалось, что она уже видела это смуглое лицо — но где, не могла припомнить! Темная форма с золотыми пуговицами, фуражка, сдвинутая на лоб, делали его неузнаваемым. Она открыла дверь и вдруг вскрикнула:

— А!

И радостно пригласила Владаина войти. В форме он выглядел возмужавшим, красивым, милым. С ним были еще два мальчика, которых она не знала, но которые тоже были приятны ей рядом с Владином.

— Проходите, Рилка дома! Рилка, к тебе гости! — позвала она, но Рилка не прибежала сразу, как ожидал Владиин. Из глубины квартиры доносились звуки пианино.

— Проходите! — мать провела их через переднюю. — Она занимается! Готовится к концерту.

Владиин с беспокойством вошел в гостиную и остолбенел. Рилка играла на пианино, а какой-то гимназист, стоя к ним боком и наклонившись к Рилке, как клен, играл на срипке. Что-то пронзило Владаина.

«Я знал, что будет именно так, и вот. . . Даже не взглянула на меня! Им увлечена!» Но вдруг высокий гимназист обернулся. Владиин узнал Павлина и успокоился. А когда лицо Павлина просияло, Владаина словно схватила невидимая рука и бросила вперед.

— Володька! — вскочила с вертящегося стульчика Рилка. — Почему ты опоздал? Столько времени ждем тебя!

И не дождалась ответа, потому что в это мгновение увидела его товарищей, которые старательно вытирали ноги о половик и смущенно входили в большую гостиную.

— Видул! — тормозила она его, но будущий железнодорожник стоял непоколебимо. — Ишь ты какой! Лицо, как каменное! Да засмейся же! Во все горло, как в селе смеялся! — она ткнула пальцем в его щеку, но на лице Видула появилась только маленькая складочка, да поза его стала менее напряженной. Взгляд Рилки перебежал на третьего гостя, который о чем-то говорил с матерью в передней и вошел последним.

— Ну! Ведь это Гечо! Вы что, решили свести меня с ума? — кинулась она к Гечо. — А ты кем стал, Гечо? Что это за форма, как у пожарников?

— Пожалуйста, пожалуйста! Трудовые резервы! — выпятил грудь Гечо-Ятака. — Имей побольше уважения к будущему радиотехнику!

Рилка растерянно стояла среди своих друзей. Как

так вышло, что все, о чем говорили там, на опытном поле, вдруг сбылось?

— Ну, чего замолчали? Садитесь! Рассказывайте, как дела в Ломтеве. Что с Дилко?

Сельские мальчики переглянулись.

— Дилко живет, как нелегальный! — ответил Владин и начал рассказывать, что Дилко выгнали из дома и никто из родных не хотел видеть его.

— А вы? — воскликнула Рилка.

— Мы поддерживали его едой, сколько могли.

— Ах, почему меня там не было! — вскричала Рилка.

— Катка вела себя прямо-таки самоотверженно. Ни дня не оставляла Дилко без еды, пока партия не решила его вопрос. Сейчас дают ему стипендию. Он будет учиться в школе, где специализируются по иностранным языкам.

— Ох, я очень рада. Сбылась одна моя мечта! — вздохнула она.

Мальчики, потонув в глубоких креслах, прерывали Владина, спорили, дополняли. А Рилка вдруг вспомнила о чем-то, дернула тайком Владина и сделала ему знак пойти за ней. Он поколебался, но поднялся. Она повела его в комнату, которую приготовила для него, и сказала:

— Вот, я сама привела в порядок. . .

— Не нужно было. Я живу в общежитии техникума!

Но Рилка его не слушала. Подвела к столику, и он попятился. Под стеклом, в рамке стояла увеличенная фотография: они в Москве. Рилка встретила его улыбку и взволнованно прошептала ему:

— А в конце будущего месяца я приглашаю тебя на мой первый концерт. Придешь?

Владин кивнул.

— А ты придешь в техникум посмотреть, как мы разбираем на детали целый трактор и сами собираем его?

— Приду! — сказала Рилка, взяла его за руку и снова отвела к мальчикам.

Мать появилась в дверях с большой тарелкой, наполненной еще теплым курабье. Она остановилась на пороге, вслушалась в их веселые голоса и оглядела всех с любовью и нежностью. Ей стало грустно, что никогда

в своей молодости не жила она так полноценно и дружно, и в то же время глаза ее увлажнились от радости.

В это время вошел отец, веселый, мокрый от осеннего дождя. От радости он забыл, что у него есть зонтик и так и шел по улицам, не раскрывая его. Он показал забрызганную дождем газету:

— Смотрите, ребята! То, что собирался сделать я, сделали другие. Здесь описан ваш подвиг! Все вы здесь, в газете! Патриоты!

Мальчики повскакали с мест, раскричались, вырывая газету друг у друга, и принялись смеяться над своими фотографиями, которые были и похожи на них, и в то же время какие-то смешные.

— Ой, Видул здесь, как испуганный заяц!

И после того, как едва не разорвали газету, утомились и начали ее читать. На паркете были отпечатки их грязной обуви, но мать в первый раз не только не затерла их, но даже не заметила. Кротко прошла она вслед за мужем на кухню. И оба остановились молча у кухонного стола и задумались о своей отошедшей в прошлое молодости. Никогда не испытывали они такой дружной радости. Не жили такой веселой, осмысленной жизнью, наполненной беспокойством и даже опасностями. Не чувствовали себя такими полезными и зрелыми, готовыми к самопожертвованию и труду, как эти дети, о которых заботятся не только родители, но и вся страна.

Вот она, Болгария, вот они, новые люди, с чистыми и светлыми душами, с высокими помыслами и мечтами, не тронутые плесенью прошлого. Люди, которые не лгут, не обманывают, не клеветают и не поддаются эгоизму, алчности и властолюбию. Люди, о которых заботится вся страна, чтобы они росли, как деревца, не изъеденные червем сомнения. Они создадут ту счастливую жизнь, которую мы, может быть, увидим!

— Ну зачем плакать! — прошептал отец. — Ведь наши дети построят эту жизнь и будут в ней жить. А они все равно, что мы.

И родители, которые увидели свое счастье в счастье детей, после стольких тревог сблизили свои уже седеющие головы.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТОЯН ДАСКАЛОВ (Предисловие Георгия Веселинова)	5
---	---

Часть первая

Глава 1 Владин не хочет сидеть с девочкой	9
Глава 2 У тракториста Пешо	13
Глава 3 Сражение на улице	17
Глава 4 Наказание	25
Глава 5 По следам брата	37
Глава 6 Катка ищет Владина	47
Глава 7 Хочу стать трактористом	51
Глава 8 Решение не утвердили	57
Глава 9 Последняя встреча	61
Глава 10 На кулацкой мельнице	67
Глава 11 Владин перепахивает межи	83
Глава 12 Исполненное обещание	90
Глава 13 Змея на меже	93
Глава 14 Совещание под дикой грушей	101
Глава 15 Зачем читаешь чужие письма?	105
Глава 16 Освободитель человечества	111
Глава 17 Соревнование	115
Глава 18 Отвергнут	121
Глава 19 Личное письмо	135
Глава 20 Ответ	147

Часть вторая

Глава 1 В селе	159
Глава 2 Знакомство	166
Глава 3 На посту	171
Глава 4 В обеденный перерыв	180

Глава 5	Одни	185
Глава 6	По воду	191
Глава 7	Таинственный враг появляется	195
Глава 8	Записка	213
Глава 9	Кто написал записку?	219
Глава 10	Снова в лагере	223
Глава 11	Цветы	228
Глава 12	В походе	232
Глава 13	Спаситель	239
Глава 14	Как Влади́н стал «Володькой»	246

Часть третья

Глава 1	Счастливая весть	253
Глава 2	В дорогу	257
Глава 3	В доме Рилки	264
Глава 4	Беспокойная ночь	276
Глава 5	В самолете	283
Глава 6	Ночная прогулка по Москве	297
Глава 7	Верность	307
Глава 8	Записку написал я.	312
Глава 9	Юра и Рилка на репетиции	319
Глава 10	В зале дружбы	322
Глава 11	Хочу стать балериной	328
Глава 12	Владина нет	342
Глава 13	Картофель	349
Глава 14	На опытном поле советских пионеров	351
Глава 15	В Кремле	361
Глава 16	От всего сердца спасибо	370
Глава 17	Катка ищет второго	374
Глава 18	Возвращение	378
Глава 19	Верная клятве	386
Глава 20	Снова в селе	394
Глава 21	Утром	405
Глава 22	Сын против отца	412
Глава 23	Зернышки	417
Глава 24	Последняя ночь	420
Глава 25	Ты нам не сын	423
Глава 26	Прощай, Джеки!	434
Глава 27	Последний урок	441
Глава 28	Встреча с героями	445

Д Р У Ж Б А

Редактор *Ал. Атанасова*
Художественный редактор *Дим. Карталев*
Техн. редактор *Тр. Янчева*
Корректоры: *Е. Димитрова* и *Л. Вылчева*

•

Формат бумаги 84×108/82. Печ. л. 28·25.

•

Государственный полиграфический комбинат
им. *Димитра Благоева* — София

